

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (143) • 2021

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Урал-Пресс»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 27.12.2021 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 950 экз. Заказ 8.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Нырков	кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 6 (143) • 2021

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of Sciences should be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication September 28, 2018. ПИ № ФС77-73750.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2021

EDITORIAL BOARD

V.V. Nyrkov	candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **С.Н. Туманов**
Информационные гарантии реализации внешних функций российского государства и инструменты стратегического влияния на международную безопасность
- 22 **В.В. Нырков, А.С. Тюлякова**
К вопросу о трансформации института процессуальной ответственности и мер защиты при применении цифровых технологий в сфере правосудия
- 32 **Ю.В. Павлова**
Методологические предпосылки правового исследования судебного акта в качестве юридического факта

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- 39 **И.В. Шугурова, М.В. Шугуров**
Авторско-правовой режим охраны компьютерных программ в законодательстве государств — членов ЕАЭС: вопросы гармонизации в условиях цифровых трансформаций
- 57 **Д.В. Красиков**
Влияние пандемии COVID-19 на политико-правовое восприятие принципа суверенитета в киберпространстве

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 64 **Т.В. Заметина**
Совершенствование территориальной организации Российской Федерации: проблемы и перспективы
- 71 **Н.В. Тупиков**
Правосознание и собственность в системе конституционно-правового регулирования современной России

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 80 **С.Б. Аникин, Ю.Н. Мильшин**
Некоторые аспекты публично-правовой организации функционирования местного самоуправления в России
- 85 **С.А. Белоусов, В.Е. Николаев**
Использование открытых данных в системе государственной научной аттестации
- 93 **С.А. Белоусов, Н.И. Сухова**
Факторы противодействия реализации прав граждан-инвалидов в сфере оказания транспортных услуг и обеспечения доступности транспортной инфраструктуры
- 100 **А.Ю. Соколов, Н.В. Богатырева**
Перспективы сосуществования традиционного, органического и биотехнологического земледелия в России

- 108 А.В. Колесников**
Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями
- 120 С.М. Рукавишников**
Механизм административно-правового регулирования в сфере высшего образования
- 126 О.В. Щербакова, Ю.Н. Боярская, Е.В. Комбарова, Н.В. Спесивов, А.Е. Шкрябина**
Порядок заполнения, учета и выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях) в условиях цифровой трансформации и интеграции образовательного пространства: правовое регулирование и основные направления совершенствования
- 136 М.И. Увайдов**
К вопросу о содержании административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 142 О.В. Исаенкова, И.Э. Мартыненко, С.А. Белоусов**
Урегулирование и разрешение семейно-правовых споров в порядке гражданского судопроизводства Российской Федерации и Республики Беларусь
- 152 Т.В. Соловьева**
Гласность судебного разбирательства в условиях пандемии
- 157 О.А. Бахарева**
Отдельные аспекты исследования и оценки электронных документов
- 162 Г.И. Вершинина**
К вопросу о правовом регулировании производства по гражданским делам в суде апелляционной инстанции
- 167 Н.Н. Ткачева**
Классификация гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 175 Е.В. Благов**
О понятии оконченного преступления
- 183 А.Г. Блинов, А.М. Герасимов**
Уровень общественной опасности злоупотреблений в сфере проведения геномных исследований и пределы ответственности за них
- 192 М.М. Лапунин**
Актуальные векторы совершенствования законодательства в сфере правового регулирования геномных исследований
- 200 Н.И. Насиров**
Функция уголовно-исполнительного права России и ее содержание

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 205 А.В. Копылов**
Проблемы назначения наказания лицам, систематически совершающим преступления имущественного характера в отношении одного потерпевшего
- 209 А.Ю. Чурикова**
Проблемы цифровизации российского уголовного процесса

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР. КРИМИНАЛИСТИКА

- 217 Л.Г. Шапиро, И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова**
Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, как эффективное средство их предупреждения
- 224 Л.Г. Шапиро**
Основные направления развития криминалистической методики в условиях цифровизации и глобализации преступности
- 230 И.С. Ильин**
Факторы протестных движений в контексте рассмотрения детерминант демонстративно-протестной преступности
- 242 И.В. Усанов**
Русские «шерлоки холмсы» и переход от инквизиционного процесса к научным методам раскрытия и расследования преступлений (1856–1913 гг.)
- 247 А.В. Двумичанский**
Криминологические особенности личности преступника-террориста
- 253 А.З. Шерпеева**
О некоторых мерах предупреждения дорожно-транспортных преступлений

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 261 М.Н. Садчиков**
К вопросу о регулировании налоговых отношений с участием роботов
- 268 П.С. Шараев**
Правовая сущность цифрового рубля

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 277 Н.Н. Ковалева, П.В. Ересько, В.Ф. Изотова**
Правовые основы интеграции электронного документооборота в цифровую среду вуза
- 285 О.К. Абросимова, Т.А. Ермолаева**
Взаимодействие норм семейного, гражданского и международного частного права в регулировании семейно-брачных отношений

ПЕРСОНАЛИИ

- 293 К юбилею Константина Григорьевича Пандакова**

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 16 S.N. Tumanov**
Information Guarantees For the Implementation of the External Functions of the Russian State and Instruments of Strategic Influence on International Security
- 23 V.V. Nyrkov, A.S. Tyulyakova**
On the Issue of Transformation of the Institution of Procedural Responsibility and Protection Measures in the Application of Digital Technologies in the Field of Law
- 32 Yu.V. Pavlova**
Methodological Prerequisites for of a Judicial Act as a Legal Fact

INTERNATIONAL LAW

- 40 I.V. Shugurova, M.B. Shugurov**
Copyright Protection Regime of Computer Programs in the Legislation of the EAEU Member States: Issues of Harmonization in the Context of Digital Transformations
- 58 D.V. Krasikov**
Impact of the COVID-19 Pandemic on Political and Legal Perception of the Principle of Sovereignty in Cyberspace

CONSTITUTIONAL LAW

- 65 T.V. Zametina**
Improving the Territorial Organization of the Russian Federation: Problems and Prospects
- 71 N.V. Tupikov**
Legal Awareness and Property in the System of Constitutional and Legal Regulation of Modern Russia

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 81 S.B. Anikin, Yu.N. Milshin**
Some Aspects of the Public-Legal Organization of the Functioning of Local Self-Government in Russia
- 86 S.A. Belousov, V.E. Nikolaev**
The Use of Open Data in the System of State Scientific Certification
- 93 S.A. Belousov, N.I. Sukhova**
Factors that Impede the Realization of the Rights of Citizens with Disabilities in the Provision of Transportation Services and Accessibility of Transport Infrastructure
- 100 A.Yu. Sokolov, N.V. Bogatyreva**
Coexistence prospects for conventional, organic and biotechnological agriculture in Russia

- 108 A.V. Kolesnikov**
Features of the Organization of Local Self-Government in Special Territories with Economic Preferences
- 120 S.M. Rukavishnikov**
The Mechanism of Administrative Legal Regulation in the Sphere of Higher Education
- 127 O.V. Shcherbakova, Yu.N. Boyarskaya, E.V. Kombarova, N.V. Spesivov, A.E. Shkryabina**
The Procedure for Filling In, Recording and Issuing Documents on Education and Qualification (Qualifications) in the Context of Digital Transformation and Integration of the Educational Space: Legal Regulation and the Main Directions of Improvement
- 136 M.I. Uvaidov**
On the Content of Administrative and Legal Regulation in the Agro-Industrial Complex

CIVIL PROCEEDINGS

- 143 O.V. Isaenkova, I.E. Martynenko, S.A. Belousov**
Settlement and Resolution of Family Legal Disputes in the Civil Proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus
- 152 T.V. Solovieva**
Publicity of the Trial in the Context of a Pandemic
- 157 O.A. Bakhareva**
Selected Aspects of Research and Evaluation of Electronic Documents
- 162 G.I. Vershinina**
On the Issue of Legal Regulation of Civil Proceedings in the Court of Appeal
- 167 N.N. Tkacheva**
Classification of Guarantees of Rights and Interests Protection in the Claim Proceedings

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 175 E.V. Blagov**
On the Concept of a Completed Crime
- 184 A.G. Blinov, A.M. Gerasimov**
The Level of Public Danger of Abuse in the Field of Genomic Research and the Limits of Responsibility for Them
- 192 M.M. Lapunin**
Current Vectors of Improving Legislation in the Field of Legal Regulation of Genomic Research
- 200 N.I. Nasirov**
The Function of Russian Penal Enforcement Law and Its Content

CRIMINAL PROCEEDINGS

- 205 A.V. Kopylov**
Problems of Sentencing Persons Who Systematically Commit Crimes of a Property Nature in Relation to One Victim
- 209 A.Y. Churikova**
Problems Digitalization of the Russian Criminal Procedure

PROSECUTOR'S SUPERVISION. CRIMINALISTICS

- 218 L.G. Shapiro, I.S. Gvozdeva, A.L. Yuzhaninova**
Establishing the circumstances that contributed to the commission of crimes under Articles 110, 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as an effective means of preventing them
- 225 L.G. Shapiro**
The Main Directions of Criminalistics Methodology Development in the Conditions of Digitalization and Globalization of Crime
- 230 I.S. Ilyin**
Factors of Protest Movements in the Context of Considering the Determinants of Demonstrative-Protest Crime
- 242 I.V. Usanov**
Russian “Sherlock-Holmeses” and the Transition from the Inquisition Process to Scientific Methods of Solving and Investigating Crimes (1856–1913)
- 247 A.V. Dvulichansky**
Criminological Features of the Criminal Terrorist Personality
- 254 A.Z. Shepeeva**
On Some Measures to Prevent Road Traffic Crimes

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 262 M.N. Sadchikov**
On the Issue of Regulating Tax Relations Involving Robots
- 268 P.S. Sharaev**
The Legal Essence of the Digital Ruble

OTHER BRANCHES OF LAW

- 278 N.N. Kovaleva, P.V. Eresko, V.F. Izotova**
Legal Bases of Integration of EDI into the Digital Environment of the University
- 286 O.K. Abrosimova, T.A. Ermolaeva**
Interaction of the Norms of Family, Civil and International Private Law in the Regulation of Family and Marriage Relations

PERSONALITIES

- 293** To the anniversary of Konstantin Grigoryevich Pandakov

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-15-21

УДК 340, 342.5

С.Н. Туманов

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ФУНКЦИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Введение: дается обоснование актуальности исследования современного состояния комплекса информационных гарантий осуществления внешних функций отечественного государства. Обозначается проблемный характер общетеоретического познания средств стратегического влияния России на международную безопасность в качестве составной части механизма реализации внешних функций государства.

Цель: формирование общетеоретической модели информационных гарантий осуществления внешних функций отечественного государства и их соотношения с инструментами стратегического влияния государства на международную безопасность. **Методологическая основа:** доминирующими методологическими средствами исследования выступают системный и функциональный подходы, благодаря которым информационные гарантии реализации внешних функций отечественного государства раскрываются в системном единстве с иными составными частями механизма осуществления внешних функций государства. **Результаты:** предложено авторское понимание соотношения и взаимосвязи информационных гарантий реализации внешних функций государства и средств стратегического влияния на международную безопасность. **Выводы:** информационные ресурсы в современном Российском государстве выступают дополнительной гарантией обеспечения надлежащего его функционирования на международной арене, одновременно способствуя реализации всех основных внешних функций.

Ключевые слова: государство, внешние функции государства, гарантии реализации функций государства, информационные ресурсы, международная безопасность.

S.N. Tumanov

INFORMATION GUARANTEES FOR THE IMPLEMENTATION OF THE EXTERNAL FUNCTIONS OF THE RUSSIAN STATE AND INSTRUMENTS OF STRATEGIC INFLUENCE ON INTERNATIONAL SECURITY

Background: the substantiation of the relevance of the study of the current state of the complex of information guarantees for the implementation of external functions of the domestic state is given. The problematic nature of the general theoretical knowledge of the means of Russia's strategic influence on international security as an integral part of the mechanism of the implementation of the external functions of the state is indicated. **Objective:** to form a general theoretical model of information guarantees for the implementation of the external functions of the domestic state and their correlation with the instruments of the strategic influence of the state on international security. **Methodology:** the dominant metrological means of research are systemic and functional approaches, thanks to which information guarantees for the implementation of external functions of the domestic state are revealed in systemic unity with other components of the mechanism for the implementation of external functions of the state. **Results:** the author's understanding of the correlation and interrelation of information guarantees for the implementation of external functions of the state and means of strategic influence on international security is proposed. **Conclusions:** information resources in the modern Russian state act as an additional guarantee of ensuring its proper functioning in the international arena, while simultaneously contributing to the implementation of all its main external functions.

Key-words: state, external functions of the state, guarantees of the implementation of state functions, information resources, international security.

В отечественной юридической науке проблематика государства и его функционирования периодически становится объектом исследования и теоретического осмысления. Достаточно обстоятельно рассматриваются на страницах печати вопросы понятия и сущности государства, его механизма, внутреннего содержания и структуры. Отдельный предмет исследования составляют функции государства и формы их реализации. Однако проблемы гарантий реализации основных внешних функций отечественного государства привлекают существенно меньшее внимание правоведов, что делает подобные явления по многим параметрам неизученными, не раскрытыми должным образом в понятийном аппарате юриспруденции, не учтенными в описываемых теорией закономерностях функционирования государства.

В целях восполнения обозначенного исследовательского пробела в науке общей теории государства и права полагаем возможным и перспективным обращение к такой междисциплинарной проблеме как информационные гарантии реализации внешних функций Российского государства. Именно информационные ресурсы становятся в последние годы одним из основных средств продвижения национальных интересов России на международной арене.

Нарастающая тенденция развития сетевых технологий и электронно-цифровых форм коммуникаций существенным образом трансформирует формы реализации основных функций Российского государства, что требует от юридической

науки своевременного анализа и теоретического моделирования соответствующих изменений в практике государственного управления.

Информационно-технологические новации играют двоякую роль в механизме реализации внешних функций государства. С одной стороны они предоставляют новые технологические решения для осуществления таких внешних функций государства, как оборона страны, межгосударственное сотрудничество в сфере обеспечения мирового порядка и международной безопасности, экономического взаимодействия и др. Внедрение электронно-информационных инструментов в структуру механизма реализации внешних функций государства технологий позволяет обеспечить ряд новых возможностей в получении и обработке государственно-значимой информации, ускоряет процессы межгосударственной и внутринациональной коммуникации, повышает прозрачность процессов межгосударственного сотрудничества. С другой стороны новые технологические решения в информационно-коммуникационной сфере выступают факторами, порождающими угрозы для информационной и национальной безопасности в целом, что актуализирует проблему информационной защиты государства, его суверенитета и национальных интересов на международной арене. Кроме того, информационные технологии могут использоваться государствами и в целях нанесения ущерба военно-политическому потенциалу, экономическому положению другой страны, что порой, как показывает современная практика межгосударственного взаимодействия, реализуется «западными партнерами» в отношении Российской Федерации.

Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в качестве одной из важнейших информационных угроз обосновано называются возможности трансграничного оборота информации, которые «все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности»¹.

Установление информационных гарантий и информационное сопровождение реализации внешних функций отечественного государства возложены на такой специализированный орган государственной власти как Министерство иностранных дел Российской Федерации, в системе которого сформировано и функционирует профильное подразделение Департамента информации и печати. Доминирующей функцией указанного подразделения выступает формирование внешнеполитического обзора иностранных средств массовой информации (далее — СМИ). Ранее нами уже проводилось достаточно детальное рассмотрение отдельных проблемных вопросов информационных гарантий реализации внешних функций государства на примере Российского государства. В частности, было обращено внимание на существенную роль в информационно-технологическом сопровождении процесса реализации государства внешних функций, которую играют информационные агентства ИТАР-ТАСС, телеканалу «Russia Today», «Интерфакс», «РИА Новости» и радиовещательный канал «Голос России» [1, с. 435–438].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

Раскрывая информационные гарантии реализации внешних функций государства, нельзя не упомянуть и об ускоренном развитии «цифровой дипломатии», которая одновременно используется и в качестве инструмента продвижения национальных интересов России на международной арене. Практика межгосударственного сотрудничества в настоящее время подтверждает достаточно высокую эффективность воздействия отмеченного инструментария на сознание и мнение целого ряда государств, тесно взаимодействующих с Россией по целому ряду ведущих направлений. Создаваемый эффект «цифровой дипломатией» обеспечивает прочный фундамент для дальнейшего доверительного международного сотрудничества в таких областях, как экономика, политика, культура, экология, борьба с международным терроризмом и др.

Значение информационных гарантий в механизме реализации внешних функций существенно возрастает год от года, что ставит их в один ряд с политическими, правовыми, экономическими и военными гарантиями. Однако простое внедрение информационно-технологических гарантий не дает автоматически повышение качества внешнеполитической деятельности. Отдельной проблемой остается задача получения качественной информации в рассматриваемой сфере, а также выработка надлежащих алгоритмов обработки получаемой информации для принятия соответствующих решений государством на международном уровне. Следует подчеркнуть ту закономерность, согласно которой, чем больше объема высококачественной системной информации о событиях в мире получает к обработке государство и чем выше уровень информационно-технологической его оснащенности государства, тем существеннее и плодотворнее реализуется процесс отстаивания национальных интересов на международной арене, а значит и эффективнее действует весь механизм реализации внешних функций государства.

Существенным обеспечительным потенциалом уже долгое время продолжают обладать учрежденные государством СМИ, призванные освещать деятельность органов государственной власти, имеющую внешнеполитическую направленность. Посредством данного инструмента государство реализует информационную поддержку предпринимаемым им действиям на международной арене, формирует положительный имидж, создает благоприятный информационный фон. Следует подчеркнуть, что государственные СМИ призваны обеспечивать в ходе осуществления государством внешних функций не только объективное отражение международных процессов и роли России в них, но и формировать информационную реальность с учетом задач и национальных интересов, обозначенных в ранее упомянутой Доктрине информационной безопасности РФ. Как справедливо отмечается в литературе, формируя положительный имидж государства и создавая благоприятный фон для реализации его внешнеполитической деятельности, СМИ освещают те или иные события и процессы под «правильным» углом и в соответствующем политике государства идеологическом ракурсе» [2, с. 212].

Таким образом, можно констатировать, что четко выверенная и научно-практически проработанная стратегия в сфере информационной безопасности служит для государства гарантией, обеспечивающей должный статус и положительный образ на международной арене. Информационно-технологическая обеспеченность подобной стратегии по ряду параметров предопределяет эффективность

реализации Российским государством его внешних функций в основных сферах международного сотрудничества.

Информационный PR-механизм внешнеполитической деятельности современной России выполняет функции своеобразного «щита» от недружественного освещения в СМИ иностранных государств предпринимаемых шагов отечественным государством в рамках международного сотрудничества, а также выступает инструментом разрушения стереотипов, навязываемых Российской Федерации «коллективным» Западом.

В этой связи заслуживает поддержки тезис, согласно которому информация предстает в качестве важнейшего инструмента противостояния современных государств на глобальном уровне и используется как «оружие» доминирования на международной арене [3, с. 77]. Фактически информационно-технологические новации представляют возможность вести информационные и информационно-психологические «войны», воздействуя тем самым (в негативном ключе) на экономику, политику, военную инфраструктуру того или иного государства.

Так, целый ряд стран «западного мира» с помощью иностранных СМИ осуществляет своеобразное информационно-психологическое давление на российское государство и общество, стремясь тем самым реализовать исключительно собственные интересы в ущерб безопасности отечественного государства и стабильности мирового порядка. Неприемлемость подобной политики со стороны зарубежных партнеров особенно подчеркивает в своей статье С. Лавров: «Наращивая санкции и прочие меры незаконного давления на суверенные правительства, Запад насаждает тоталитаризм в мировых делах, занимает имперскую, неокOLONиальную позицию по отношению к другим странам: у себя дома внедряйте нужную мне модель демократии, а во внешних делах о демократии не беспокойтесь, мы всё решаем сами, ведите себя смиренно, а то накажем»¹.

Результаты информационных атак способны поставить под угрозу осуществление внешних функций по различным направлениям международного сотрудничества. Так, информационная война против российских спортсменов направлена, в том числе, против имиджа России в геополитике, в целях ослабления ее международного статуса и сотрудничества по всем направлениям внешней политики. Отсутствие представителей российского спорта в международных федерациях ведет к ослаблению влияния государства на развитие отношений не только в области спорта, но и в области отношений культуры и экономики.

Еще одним примером применения информационных атак на ослабление международных связей России с иными государствами выступает деятельность CNN и BBC, активно распространяющие информацию о преступном нарушении суверенитета Украины в связи с присоединением Крыма, о виновности Российской Федерации в крушении малазийского авиалайнера в районе боевых действий на Юго-Востоке Украины в июле 2014 г. Результатом их применения, в совокупности с другими средствами, выступили экономические санкции против России, увеличение оттока иностранных инвестиций, снижение уровня ВВП.

Анализируя основные положения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что гарантии информационной безопасности призваны обеспечить установление устойчивой системы

¹ Лавров С. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. Июль-Август. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 21.11.2021).

неконфликтных межгосударственных взаимоотношений в общемировом информационном пространстве, а также равноправное стратегическое партнерство¹.

Учитывая прямо противоположные тенденции в виде регионализации и глобализации в мире, все в большей степени подтверждается невозможность отдельно взятого государства самостоятельно разрешить проблемы борьбы с терроризмом, распространением ядерного оружия, эпидемиями, экологическими катастрофами. Интеграционные процессы в различных сферах общественного развития увеличивают взаимозависимость государств. Однако не все и не всегда политики лидирующих держав проявляют должную активность в организации условий плодотворного сотрудничества, несмотря на масштабность и остроту проблем [4, с. 4], особенно, если это касается вопросов укрепления мира и безопасности, борьбы с актами международного терроризма. Последние политические события все с большей очевидностью свидетельствуют о снижении эффективности ООН и Совета Безопасности в понуждении государств к соблюдению принципов международного права, к отказу от вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран.

В этих объективно непростых условиях девальвации международных инструментов сохранения и обеспечения справедливого и устойчивого миропорядка Российская Федерация вынуждена решать задачу повышения качества и совершенствования инструментария влияния на международные события с тем, чтобы обеспечить осуществление своих внешних функций и национальных интересов. Под инструментами влияния понимаются дипломатические, информационные, силовые, технологические и иные ресурсы, способные оказать давление на другие государства, их международную политику, на миропорядок в целом.

В недалеком прошлом Россия занимала седьмое место по качеству потенциала такого влияния после США, Китая, Германии и других государств с учетом ее военного, экономического положения и роли в Совете Безопасности ООН [5]. Сегодняшние позиции России более прочные благодаря внутренней экономической и политической стабильности. Интеграция в мировую экономику обеспечила нашему государству статус энергетической сверхдержавы. Это позволяет многим политическим конкурентам воспринимать Россию как источник цивилизационной угрозы (США, Япония, Германия, Италия, Франция и другие)².

Значительное влияние социальной направленности Российская Федерация оказывает на политику латиноамериканских стран, государств-участников СНГ не только посредством экономических механизмов (поставка нефти, газа), но и различных средств в области борьбы с организованной преступностью, терроризмом.

Россия активно, но не рационально, по мнению некоторых исследователей, использует свой потенциал влияния на систему международной безопасности, хотя у государства имеются для этого необходимые военно-технологические и информационно-технические ресурсы. Нарастание иностранными государствами экономического, демографического, военно-технического ресурса требует

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

² См.: Резчиков А. Из Нигерии с любовью // Взгляд. Деловая Россия. URL: <http://www.vz.ru/politics/> (дата обращения: 19.10.2021).

от России усиливать свои преимущества в «нематериальных» сферах¹, для того чтобы компенсировать недостаточный материальный ресурс внешней политики.

Качественный и разнообразный инструментарий влияния позволяет не только результативно осуществлять свою внешнеполитическую деятельность, но и прогнозировать и отслеживать, а иногда и контролировать политику других государств, направлять ее по пути, отвечающему национальным интересам, безопасному развитию участников международных отношений, отчасти делая и ее гарантиями осуществления своих внешних функций.

Таким образом, проведенный анализ факторов, оказывающих влияние на формирование благоприятных условий осуществления внешних функций государства и играющих тем самым обеспечительную роль в этом процессе, приводит к возможности предложить один из вариантов группировки гарантий осуществления основных направлений деятельности государства на международной арене. Их можно сгруппировать, применив два основных критерия: а) сфера формирования гарантирующих условий (внутренние и внешние гарантии); б) характер и объем детерминирующего влияния на процесс осуществления внешних функций государства (общие и специальные). Еще раз подчеркнем, что сложный процесс осуществления внешних направлений деятельности обеспечивается целой совокупностью условий, действующих неразрывно, а потому грани между выделенными нами гарантирующими условиями весьма зыбки.

Библиографический список

1. *Туманов С.Н.* Механизм реализации внешних функций российского государства: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 501 с.
2. *Филимонов Г.Ю.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.
3. *Ерофеева Н.В.* Современные информационные войны и их влияние на политическую стабильность государства // *Politbuk*. 2015. № 2. С. 74–83.
4. *Закария Ф.* Постамериканский мир. М.: Европа, 2009. 280 с.
5. *Мельвилль А.* Россия в мировых рейтингах: перегрузка // *Эксперт*. 2006. № 43 (539). С. 24–44.

References

1. *Tumanov S.N.* Mechanism of realization of external functions of the Russian state: questions of theory and practice: dis. ... Dr. jurid. sciences'. Saratov, 2017. 501 p.
2. *Filimonov G.Yu.* "Soft power" of cultural diplomacy of the USA. Moscow: RUDN, 2010. 212 p.
3. *Erofeeva N.V.* Modern information wars and their impact on the political stability of the state // *Politbuk*. 2015. No. 2. P. 74–83.
4. *Zakaria F.* Post-American world. Moscow: Europe, 2009. 280 p.
5. *Melville A.* Russia in the world rankings: reboot // *Expert*. 2006. No. 43 (539). P. 24–44.

¹ См.: *Иванов И. С.* Какая дипломатия нужна России в XXI веке? Эпоха, когда идеи важнее материальных ресурсов // Россия в глобальной политике. 2011. 14 дек. URL: <http://www.globalaffairs.ru/Kakaya-diplomatia-nuzhna-Rossii-v-XXI-veke-15392> (дата обращения: 06.11.2021).

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-22-31

УДК 34.037, 347.9, 340.13

В.В. Нырков, А.С. Тюлякова

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕР ЗАЩИТЫ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ*

Введение: общетеоретическое исследование проблем трансформации процессуальной ответственности и мер защиты процессуальных прав актуально ввиду интенсификации процесса внедрения электронно-цифровых технологий в сферу осуществления правосудия. В практическом плане изучение закономерностей изменения и развития охранительных институтов процессуального права позволит в перспективе повысить гарантированность реализации права на судебную защиту. **Цель:** дополнение и развитие основ доктринального понимания специфики мер юридического реагирования на дефектность технической формы процессуальных актов и иных процессуальных юридических фактов. **Методологическая основа:** ведущим общенаучным методом исследования выступает системно-структурный подход, благодаря которому институт процессуальной ответственности и мер защиты процессуальных прав рассматриваются как единый системный комплекс не только норм процессуального права, но и нормативных технических требований подзаконного характера в сфере электронного правосудия. В числе частноправовых методов также используются формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** предложено авторское понимание соотношения и взаимосвязи технических и процессуальных норм, пределов подзаконной нормативной регламентации вопросов организации и осуществления электронного правосудия, специфических черт средств юридического реагирования на дефектность процессуальных фактов, имеющих электронно-цифровую форму выражения. **Выводы:** обоснована необходимость дополнения действующего процессуального законодательства нормами о последствиях нарушения технических требований к процессуальным актам и иным юридическим фактам, имеющим электронно-цифровую форму, в целях обеспечения надлежащих гарантий реализации права на судебную защиту в ходе использования информационно-цифровых технологий. Уточнены доктринальные положения по вопросам разграничения предметов регулирования между процессуальными законами и подзаконными регламентами (порядками), содержащими технические нормы в сфере «электронного правосудия».

Ключевые слова: ответственность и меры защиты в процессуальном праве, технические нормы, электронное правосудие, дефектность юридических фактов.

© Нырков Владимир Владимирович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Тюлякова Анна Сергеевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева); e-mail: anja-rodionowa@yandex.ru

© Nyrkov Vladimir Vladimirovich, 2021

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Tyulyakova Anna Sergeevna, 2021

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law (I.S. Turgenev Oryol State University)

V.V. Nyrkov, A.S. Tyulyakova

ON THE ISSUE OF TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION
OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY AND PROTECTION
MEASURES IN THE APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES
IN THE FIELD OF LAW

Background: a general theoretical study of the problems of transformation of procedural responsibility and measures to protect procedural rights is relevant due to the intensification of the process of introducing electronic and digital technologies into the sphere of justice. In practical terms, the study of the patterns of change and development of protective institutions of procedural law will in the future increase the guarantee of the realization of the right to judicial protection. **Objective:** to supplement and develop the foundations of a doctoral understanding of the specifics of legal response measures to the defect of the technical form of procedural acts and other procedural legal facts. **Methodology:** the leading general scientific method of research is a system-structural approach, thanks to which the institution of procedural responsibility and measures to protect procedural rights are considered as a single system complex not only of procedural law norms, but also regulatory technical requirements of a subordinate nature in the field of electronic justice. Among the private-legal methods, formal-legal and comparative-legal are also used. **Results:** the author's understanding of the correlation and interrelation of technical and procedural norms, the limits of the legal regulatory regulation of the organization and implementation of electronic justice, the specific features of the means of legal response to the defect of procedural facts having an electronic digital form of expression is proposed. **Conclusions:** the necessity of supplementing the current procedural legislation with norms on the consequences of violation of technical requirements for procedural acts and other legal facts having an electronic digital form is substantiated in order to provide appropriate guarantees for the realization of the right to judicial protection during the use of information and digital technologies. The article clarifies the doctoral provisions on the issues of distinguishing the subjects of regulation between procedural laws and subordinate regulations (procedures) containing technical standards in the field of "electronic justice".

Key-words: responsibility and protection measures in procedural law, technical standards, electronic justice, defectiveness of legal facts.

Российское государство наряду с уже принятыми программными стратегическими документами в области цифровизации экономики и развития технологий искусственного интеллекта нуждается одновременно и в формировании концепции правовой политики по внедрению цифровых технологий в юридическое пространство в целом. В рамках отмеченной доктринальной концепции важно раскрыть общие начала нормативно-правового обеспечения процессов перевода ряда основополагающих видов юридической деятельности в цифровую форму. При этом особое значение имеет внедрение цифровых технологий в деятельность судов различных инстанций, поскольку именно судебная практика напрямую и в наибольшей степени соприкасается с конфликтными ситуациями, возникающими в обществе в связи с развитием цифровой экономики и внедрением технологий искусственного интеллекта в социальную среду.

Одновременно следует обратить внимание на тот факт, что указанные электронно-технологические новации непосредственным образом влияют на транс-

формацию института юридической ответственности и меры защиты права, что в свою очередь обуславливает необходимость пересмотра и (или) дополнения отдельных доктринальных воззрений на институт юридической ответственности в целом.

В частности, электронно-технологический способ коммуникации при отправлении правосудия детерминирует потребность в следующих содержательных и структурных изменениях охранительной подсистемы процессуального и отчасти материального права:

1) установления в законодательстве для участников процессуальных правоотношений дополнительных правовых гарантий по защите персональных данных, по обеспечению тайны личной и семейной жизни, по предоставлению равного доступа к значимой для субъектов процессуального права информации о деятельности судов, а также обеспечения должного уровня доступности судебной защите посредством обращения за ней через электронные ресурсы;

2) закрепления в праве средств предотвращения информационных угроз для функционирования информационно-электронных систем, используемых в рамках так называемого «электронного правосудия», включая меры государственно-правового реагирования на их возможные значимые негативные последствия;

3) формирования системы запретов и ограничений в материальном и процессуальном законодательстве, направленных на охрану от неправомерных действий в виде подделки электронных форм процессуальных документов, в виде подмены или иного искажения доказательств, имеющих электронно-цифровую форму, а также в виде противоправного изменения электронно-цифровых образов различного рода судебных актов;

4) законодательного определения условий и критериев юридической защиты процессуальной информации, имеющей режим ограниченного доступа;

5) введения в административное и уголовное законодательство норм, предусматривающих ответственность за несанкционированный доступ к государственным электронно-информационным ресурсам (например, «взлом» и иные противоправные действия в отношении системы ГАС «Правосудие»);

6) установления ряда требований в процессуальном законе в отношении обязательного размещения в электронно-цифровой форме юридически значимой процессуальной информации, а также процессуальных документов судом и участниками судопроизводства.

В рамках первого из указанных направлений развития российского законодательства, по нашему мнению, отдельного внимания заслуживает проблема нормативного правового регулирования рисков, возникающих при использовании информационных технологий в сфере электронного правосудия и электронном документообороте, сопровождающей деятельность судов, а также средств правового реагирования на них в целях предотвращения или нивелирования их возможных негативных последствий. Данная проблематика оправданно становится предметом рассмотрения ряда публикаций в юридической литературе.

Наиболее системно изложенной следует признать позицию по данной проблематике, опубликованную в виде научной статьи Д.Х. Валеевым и А.Г. Нуриевым, которые выступают за необходимость теоретической и практической проработки своеобразного классификатора рисков, продуцируемых использованием электронно-информационных средств в судопроизводстве. В частности, авторы приходят к следующему обоснованному утверждению: «Рассматривая

«электронное правосудие» и «электронный документооборот в сфере правосудия» как деятельность уполномоченных органов, сопряженную с использованием передовых информационно-телекоммуникационных инструментов, зададимся вопросом о том, насколько деятельность властных (публичных) органов зависит от организационных, технических параметров и могут ли цифровые технологии повлиять на характер процессуальной деятельности. В связи с этим актуальным становится построение классификатора рисков, обусловленных задачами цифровой экономики, определяющими, что ключевым фактором развития становятся данные в цифровой форме, в исследуемом контексте влияющие на отправление правосудия и доступ к правосудию» [1, с. 479].

Далее авторы в своем рассуждении приходят к справедливому умозаключению о том, что подобный теоретико-методологический подход позволяет обнаружить пробелы и коллизии в нормативной правовой регламентации использования цифровых технологий в сфере правосудия, выявить правоприменительные ошибки и не вполне продуманные технологические решения в электронном документообороте, обеспечивающем судопроизводственную деятельность, которые могут иметь для участников процессуальных правоотношений неблагоприятные юридические последствия, а также могут влечь за собой общее снижение уровня гарантий реализации права на судебную защиту [1, с. 480]. Риск возникновения неблагоприятных последствий применения электронных средств в сфере отправления правосудия требует не только простого выявления, но и закрепления в процессуальном законодательстве механизмов по нейтрализации его возможных негативных последствий. Важная роль в подобных механизмах должна отводиться именно мерам ответственности и средствам защиты права.

Одним из значимых факторов дальнейшей трансформации целого ряда институтов процессуального права, включая меры ответственности и защиты, становится процесс внедрения все большего числа технических норм и требований к электронному документообороту в сфере отправления правосудия. С одной стороны, цифровые новации облегчают и ускоряют процесс подачи искового заявления, ходатайства или иного обращения в судебные инстанции, а с другой, — техническая регламентация электронных форм процессуальных документов несет в себе потенциальные риски нарушения прав участников процессуальных отношений. Данные обстоятельства актуализируют исследования проблем соотношения и взаимосвязи технических и процессуальных норм, пределов подзаконного регулирования технологических новаций в сфере отправления правосудия и обеспечения электронного документооборота, ответственности участников процессуальных правоотношений в случае нарушения ими технических требований в ходе использования цифровых технологий.

Можно констатировать появление устойчивой тенденции по увеличению числа и значения технических норм в механизме процессуально-правового регулирования, что требует от юридической науки обстоятельного осмысления специфики ответственности и необходимых мер защиты права для случаев их виновного или объективно противоправного нарушения. В настоящий момент риски нарушения технических предписаний, обеспечивающих электронно-цифровую форму взаимодействия судов, сторон и иных лиц, участвующих в судебном процессе, затрагивают и право на обращение в суд, и право на исправление дефектного процессуального факта (например, подача иска в электронной форме с нарушением технических требований), и право на исправление ошибки в судебном акте (на-

пример, решение суда в электронной форме может иметь как содержательные, так и технические погрешности, имеющие юридическое значение и требующие исправления или отмены подобного акта), и право на исполнение судебного акта.

Вполне резонно обращают внимание Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев на необходимость учета технической дефектности процессуальных фактов в силу установления в отношении их электронно-цифровой формы специальных технических требований. Нарушения же требований к технической форме препятствуют на практике реализации права на судебную защиту, а процессуальные юридические факты с дефектом в их электронно-цифровой форме не влекут за собой тех значимых для участников процессуальных правоотношений последствий, на которые они изначально рассчитывали. С учетом данных обстоятельств, верной следует признать позицию Д.Х. Валеева и А.Г. Нуриева о необходимости определения не только субъектов (или центра) ответственности за нарушения технических требований к электронно-цифровой форме на всех трех этапах реализации права на защиту (от подачи иска до исполнения судебного акта), но и разработки процессуальных средств управления рисками возникновения упомянутых нарушений технических регламентов в целях нивелирования, устранения или предупреждения возможных их негативных последствий в сфере отправления «электронного правосудия» [1, с. 481].

Соглашаясь с приведенным суждением в целом, позволим себе уточнить природу средств реагирования на дефектность процессуальных фактов в плане их электронно-цифровой формы. С одной стороны в литературе зачастую многие меры, применяемые в ответ на нарушение предписаний правовых или технических норм, именуют юридической ответственностью. С другой стороны нарушения предписаний права и технического регулирования могут иметь как виновный, так и невиновный, объективно противоправный характер, что не всегда учитывается в теоретических исследованиях и в юридической практике. На наш взгляд, невиновное нарушение технических требований к электронной форме процессуальных актов и процессуальных юридических фактов в целом требует применения средств защиты в виде восстановления нарушенного права, приостановления процессуального действия в целях предоставления субъектов времени для исправления допущенного дефекта, а в случае неисправимости дефекта электронно-цифровой формы прекращения или отмены процессуального акта. Таким образом, лишь виновное нарушение процессуальных норм права и технических норм, их обеспечивающих, может, на наш взгляд, требовать установления соответствующих мер юридической ответственности. Однако специфика внедрения электронно-цифровых новаций в процесс отправления правосудия и в деятельность, обеспечивающую его, выражается, в первую очередь, в существенных рисках невиновного нарушения разнообразных технических требований, что и выводит на первый план меры защиты процессуальных прав в сфере осуществления «электронного правосудия», а не собственно меры юридической ответственности. В целом следует признать, что и до широкого применения электронно-цифровых технологий в процессуальном законодательстве преобладали в его охранительной подсистеме средства защиты над мерами процессуальной ответственности, что обусловлено природой процессуального права и составляет одну из специфических черт метода процессуально-правового регулирования.

Одновременно представляется небезынтересным фокусирование внимания на проблеме следующего характера: в каком типе источников следует устанавливать меры защиты и ответственности в отношении потенциально возможных нарушений технических требований к форме процессуальных актов и иных юридически значимых фактов для процессуально-правового регулирования. Складывающаяся юридическая практика идет по пути преимущественно подзаконной правовой регламентации технических требований к процессуальным актам и документам (например, технические нормы закреплены в Регламенте Конституционного Суда РФ¹, в утвержденном Порядке приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ²), облакаемым в электронно-цифровую форму, что, на наш взгляд, имеет свои положительные и отрицательные стороны, а также создает дополнительные риски для беспрепятственной реализации права на судебную защиту.

К положительным моментам подзаконного установления технических норм, обеспечивающих функционирование «электронного правосудия», можно отнести оперативность принятия, упрощенную процедуру их изменения и отмены, использование практического опыта судопроизводственной деятельности, поскольку субъектами правотворческой деятельности фактически выступают судебные органы или обеспечивающий их работу Судебный департамент при Верховном Суде РФ. В качестве же возможных негативных аспектов подобного решения полагаем возможным указать на то обстоятельство, что формируемые технические нормы непосредственно самим судебным сообществом им же и применяются на основе соответствующего истолкования, что в свою очередь чревато злоупотреблением судебским усмотрением и понижением правовых гарантий реализации права на судебную защиту.

Отмеченный фактор риска усиливается ввиду отсутствия в процессуальных законах четкого указания на последствия несоблюдения технических требований к электронно-цифровой форме процессуальных юридических фактов, включая исковые заявления и прилагаемые к ним (в электронной форме) документы. Представляется, что меры реагирования на несоблюдение технических требований и предписаний в сфере электронного правосудия и обеспечивающего его электронного документооборота должны предусматриваться (специально оговариваться) в процессуальных кодексах, что обеспечит соответствующий уровень гарантий права на судебную защиту и ряд иных прав, сопряженных с его реализацией. Следовательно, меры защиты и ответственности в качестве инструментов нейтрализации негативных последствий рисков нарушения технических требований в отношении электронной формы осуществления правосудия и иной вспомогательной деятельности необходимо юридически закрепить именно в форме процессуального закона, а не оставлять в условиях сложившейся прак-

¹ См.: Регламент Конституционного Суда РФ (с изменениями от 8 июля 2014 г., 2 июля 2015 г., 19 июля 2016 г., 10 ноября 2016 г., 10 октября 2017 г., 25 октября 2018 г., 12 ноября 2020 г., 17 декабря 2020 г., 28 января 2021 г.). Размещен на официальном интернет-портале Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Reglament/Documents/Reglament.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 дек. 2016 г. № 251 (в ред. от 27 августа 2019 г. № 187; от 5 ноября 2019 г. № 255) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Размещен на официальном интернет-портале Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/documents/vedomstvennye_akt/251_ot_27_12_2016_pril.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

тики в поле усмотрения судей. Тем более полагаем нецелесообразным вариант закрепления последствий невыполнения предписаний технических регламентов в области «электронного правосудия» в форме подзаконного нормативного акта. Кроме того, в целях профилактики возможных коллизий между процессуальным законом и регламентами технического характера, исходящими от высших судебных инстанций или Судебного департамента при Верховном Суде РФ, можно предложить прописать в процессуальных кодексах соответствующее положение о пределах подзаконной регламентации отношений возникающих в связи с отправлением «электронного правосудия», четко указав предметы правового, а возможно отчасти и технического регулирования, подлежащие исключительному разрешению на уровне процессуального закона.

Сложившаяся к настоящему моменту практика «законодательного умолчания» в отношении последствий несоблюдения технических требований в области «электронного правосудия» корректируется во многом правоинтерпретационной практикой высших судебных инстанций, что создает условия для совпадения в одном лице и субъекта правотворчества, и судьи «в собственном деле», и правоприменителя. Формируя нормативную основу технического регулирования в сфере правосудия, судебная власть сама же и применяет ее, и дает ей итоговую правоинтерпретационную оценку, что создает риск для возникновения ситуации в виде подмены законодателя со стороны высших судебных инстанций. Техническое подзаконное нормативное регулирование применения электронно-цифровых технологий в области правосудия должно обрести, на наш взгляд, четкие пределы, очерченные процессуальным законом в самое ближайшее время.

Одним из значимых критериев разграничения предметов регулирования между техническими регламентами и процессуальным законом должно выступить, по нашему мнению, требование о недопустимости подзаконного нормативного регулирования таких вопросов, которые могут напрямую или косвенно затрагивать процессуальные права и обязанности сторон, их ответственность за несоблюдение технической формы в отношении искового заявления, ходатайства, прилагаемых к ним документов и иных фактов, имеющих процессуальное правовое значение. Любые юридически значимые последствия несоблюдения технических по своему содержанию и подзаконных по форме требований регламентов в области правосудия, включая не только меры ответственности, но и меры защиты в виде приостановления движения по делу, отклонения искового заявления, поданного в электронной форме, в виде права на исправление допущенного технического нарушения в оформлении процессуального акта и иные следует рассматривать исключительно в качестве предмета правового регулирования процессуальных кодексов. При этом важнейшим инструментом реагирования на дефектность процессуального факта, облаченного в электронно-цифровую форму, следует признать именно санкцию приостановления, предоставляющую возможность заинтересованным лицам исправить дефект технической формы.

Инструменты процессуальной ответственности за допущенные технические нарушения должны выступать крайней мерой и лишь в случаях наличия вины субъекта, допустившего подобное нарушение в злонамеренных целях, а не в целях достижения законно допустимого результата. К примеру, меры процессуальной ответственности представляются целесообразными и допустимыми в случаях умышленного искажения электронно-цифрового образа документа, внесения в него несоответствующих действительности сведений, подмены части

его содержания или иного искажения, содержащейся в нем информации. Подача же иска в электронно-цифровой форме с нарушением технических требований должна расцениваться как исправимый дефектный процессуальный факт, требующий временного приостановления его действия в целях исправления соответствующим субъектом по аналогии с ситуацией подачи иска, например, без оплаты государственной пошлины. Если же законодательно не предусмотреть право истца на исправление допущенного нарушения в технической форме заявления, то это может повлечь за собой существенное нарушение его права на беспрепятственную судебную защиту.

Думается, что опасения в отношении преобладания подзаконного характера технической регламентации процессуальных отношений, сопряженных с использованием электронно-цифровых технологий не беспочвенны. В этой связи следует согласиться со следующим выводом, изложенном в уже нами неоднократно упомянутой работе Д.Х. Валеева и А.Г. Нуриева: «...несоблюдение технических параметров влечет отклонение в принятии к рассмотрению обращения, поданного в электронном виде, а это, в свою очередь, может привести в цепочке юридических фактов к срыву срока исковой давности либо процессуальных сроков, что подразумевает правовые последствия, имеющие процессуальные последствия для заявителя. В основе будет лежать факт, например, изготовления текста обращения в формате, не предусмотренном Порядком, что, разумеется, означает, что в данном случае заявителем не соблюдено правило поведения, установленное подзаконным нормативным правовым актом, которое, исходя из материалов правоприменительной практики, в качестве судебной процедуры не рассматривается» [1, с. 484]. Как видим, все же подзаконные технические регламенты в сфере правосудия могут благодаря содержащимся в них требованиям оказывать воздействие на ход реализации процессуальных прав, и не всегда это будет иметь положительный эффект на практике в отношении гарантированности реализации права на судебную защиту.

Наряду с отмеченными проблемными моментами в отношении возможных направлений дальнейшей трансформации института ответственности и защиты в процессуальном праве следует отдельно упомянуть вопрос об ответственности судов, судебных департаментов и иных органов государственной власти за техническую организацию и функционирование «электронного правосудия». В юридической литературе, к сожалению, не так часто обращаются исследователи к данной тематике. Было бы неправильным усматривать в качестве субъектов ответственности за технические сбои, ошибки и иные отклонения от установленных требований в сфере осуществления правосудия исключительно граждан и предпринимателей. Напротив, часть рисков нарушения в технической составляющей отправления правосудия и обеспечивающего его электронного документооборота возможно и целесообразно переложить на государство в лице его соответствующих органов и должностных лиц.

В данном вопросе небезынтересно предложение о закреплении за Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статуса ответственного субъекта-оператора электронно-информационной системы, обеспечивающей функционирование судопроизводственной и иной сопряженной с ней деятельностью, включая электронный документооборот. Особенно важно, что данное положение предлагается к закреплению на законодательном уровне [1, с. 485]. Однако нам представляется целесообразным не только возложение на Судебный департамент

при Верховном Суде РФ обязанностей оператора электронно-информационной системы (возможен выбор и иного органа государственной власти, к примеру, в случае реализации возможности обращения в электронной форме за судебной защитой через портал «Государственные услуги» на Правительство РФ), но и распределение части рисков с возложением бремени ответственности на данный или иной орган государственной власти по восстановлению нарушенных прав техническими сбоями, неполадками и ошибками, возникающими в ходе реализации технологий «электронного правосудия». Подобные отклонения в функционировании системы «ГАС Правосудие» или другого электронно-информационного ресурса, обеспечивающего отправление правосудия (например, вынужденные технические задержки в регистрации подаваемого искового заявления, ходатайства или иного обращения в суд) могут влиять на процесс течения процессуального срока, на возможность (или невозможность) реализации права на судебную защиту в целом.

Таким образом, считаем возможным и целесообразным дополнить действующее процессуальное законодательство для обеспечения надлежащих гарантий права на судебную защиту посредством использования информационно-цифровых технологий соответствующими нормами о последствиях нарушения технических требований к процессуальным актам и иным юридическим фактам, имеющим электронно-цифровую форму. Дальнейшей проработки требуют как доктринальные, так и законодательные положения по вопросам разграничения предметов регулирования между процессуальными законами и подзаконными регламентами (порядками), содержащими технические нормы в сфере «электронного правосудия» и обеспечивающими его работу посредством организации электронного документооборота. В уточнении и развитии также нуждаются как общетеоретические, так и отраслевые юридические знания в отношении дефектных юридических фактов, особенно в отношении такого их подвида, как дефектные факты с нарушением технических требований к их формальной составляющей. Назревшим следует признать и пересмотр ряда доктринальных положений о соотношении понятийных пар «риск — меры защиты права» и «вина — ответственность» ввиду нарастающей тенденции достаточно масштабного проникновения электронно-цифровых технологий непосредственно в сам механизм процессуального правового регулирования. Одновременно дополнительный анализ должен проводиться в области соотношения и взаимосвязи технических норм и норм права, в особенности предписаний процессуального законодательства.

В этой связи по-прежнему актуально звучат следующие слова Ю.А. Тихомирова: «Целесообразно изменить взгляд на природу технического регулирования, которое опосредовано правом, признать его специальной разновидностью правового регулирования, а технико-юридические нормы — одним из источников права. Нужны исследования в данной области, которые позволят установить типичные черты технико-юридических норм. Это подчиненность нормам закона в качестве средства их специализированного юридического обеспечения, хотя эта линия не выявлена еще в полной мере» [2, с. 298–299]. Системное решение обозначенных проблемных вопросов позволит, по нашему мнению, не только в правовой доктрине, но и на практике определить оптимальные пути трансформации института ответственности и мер защиты от неблагоприятных последствий нарушения технических и нормативных процессуальных предписаний права в сфере реализации «электронного правосудия».

Библиографический список

1. *Валеев Д.Х., Нуриев А.Г.* Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 467–489.
2. *Тихомиров Ю.А.* Техничко-юридическое регулирование // Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.

References

1. *Valeev D.H., Nuriev A.G.* Electronic document management in the field of justice in the digital economy // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2019. Issue 45. P. 467–489.
2. *Tikhomirov Yu.A.* Technical and legal regulation // Legal regulation: theory and practice. M.: Formula of Law, 2010. 400 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-32-38

УДК 340.115

Ю.В. Павлова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОГО АКТА В КАЧЕСТВЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА

Введение: проблема судебного акта как юридического факта, позиционируемого в доктрине и законодательстве в качестве одного из оснований возникновения субъективных прав и обязанностей, требует определения теоретического алгоритма, оптимального для ее исследования. **Цель:** должны быть установлены уровни возможного научного познания проблемы. **Методологическая основа:** общий методологический подход и частнонаучные методы исследования, позитивистский подход. **Результаты:** удалось выяснить, что к наиболее продуктивным методам следует отнести: историко-правовой метод, метод сравнительного правоведения, специально-юридический и межотраслевой методы. В работе рассмотрены основные методологические подходы к исследованию судебных актов в системе юридических фактов. На основе отраслевого анализа определена совокупность средств, приемов и способов исследования заявленного предмета. **Выводы:** автором выделены и обоснованы возможности использования при исследовании судебных актов в системе юридических фактов историко-правового метода, метода сравнительного правоведения, специально-юридического и межотраслевого метода.

Ключевые слова: юридический факт, судебный акт, методологические основы, система методов, судебное решение.

Yu. V. Pavlova

METHODOLOGICAL PREREQUISITES FOR OF A JUDICIAL ACT AS A LEGAL FACT

Background: the problem of a judicial act as a legal fact, positioned in the doctrine and legislation as one of the grounds for the emergence of subjective rights and obligations, requires the definition of a theoretical algorithm optimal for its study. **Objective:** the levels of possible scientific knowledge of the problem should be established. **Methodology:** general methodological approach and private scientific research methods, positivist approach. **Results:** it was found out that the most productive should include the historical-legal method, the method of comparative jurisprudence, special-legal and intersectoral methods. The paper considers the main methodological approaches to the study of judicial acts in the system of legal facts. On the basis of industry analysis, the totality of means, techniques and methods of research of the claimed subject is determined. **Conclusions:** the author identifies and substantiates the possibilities of using the historical-legal method, the method of comparative jurisprudence, the special-legal and intersectoral method in the study of judicial acts in the system of legal facts.

Key-words: legal fact, judicial act, methodological foundations, system of methods, court decision.

© Павлова Юлия Валерьевна, 2021

Мировой судья судебного участка № 1 Фрунзенского района г. Саратова; e-mail: daenalita@mail.ru

© Pavlova Yuliya Valeryevna, 2021

Justice of the Peace of the judicial precinct No. 1, Frunzensky district of Saratov

Предметных трудов, которые были бы ориентированными на исследование методологической проблематики темы судебного акта как юридического факта немного [1, с. 16; 2, с. 202–207]. Думается, что это обстоятельство — основная причина того, что методологический аспект научного познания юридико-фактического потенциала судебных актов пока не стал частью большинства тематических исследований.

При исследовании судебных актов как юридических фактов мы считаем необходимым придерживаться позитивистского подхода, в рамках которого исследуется актуальное содержание правовых норм, правила их формулирования и применения, состав и существо закрепленных ими юридических институтов и конструкций. Именно в рамках этого подхода возможно получить ответы на основные проблемные вопросы.

Первый из них: представляет ли законодательное признание судебного акта юридическим фактом угрозу традиционной теории юридических фактов, чья «оправданная консервативность» не единожды отмечена в литературе? Второй: не вторгается ли тематическое исследование юридико-фактических свойств судебного акта конституирующего вида в процессуальную теорию, где давно и убедительно получили научное описание основные его признаки как акта судебной власти? Третий: способна ли теория права сформировать общие юридико-фактические признаки и свойства судебного акта, приемлемые для отраслевых правовых наук и для отраслевого законодательства?

Историко-правовой метод исследования обеспечивает познание правового явления и его научное описание в динамике, позволяющей обеспечить преемственность в создании нового научного знания по той или иной проблеме. В структуре этого метода есть многообразные способы, обусловленные целью конкретного исследования — хронологический, историко-генетический, конкретно-исторические, историко-сравнительный. Нас интересует историко-генетический прием, позволяющий выстроить процесс научного познания судебного акта в качестве одного из юридических фактов материального права без отрыва от его корней.

Юридико-фактическая проблематика судебных актов возникла и продолжает сохранять свою интенсивность прежде всего в цивилистической науке. Поэтому историко-правовому анализу должны быть подвергнуты преимущественно цивилистические источники.

Использование формально-догматического метода исследования при анализе формулировки подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ обуславливает вывод, что судебное решение, это не просто условие возникновения того или иного субъективного права или обязанности, а именно юридический факт, который служит основанием возникновения гражданских прав и обязанностей и тех последствий, которые они за собой влекут. Из нормы также следует, что под судебные решения, имеющие для гражданского законодательства юридико-фактическую значимость, попадают не все решения, а лишь те, которыми установлены гражданские права и обязанности [3, с. 47–70]. Это означает, что в качестве юридических фактов законодатель рассматривает лишь те решения, которые направлены не столько на достижение защитно-восстановительного, сколько регулятивного гражданско-правового результата.

Позиционные разногласия цивилистической доктрины по поводу решения, реализованного законодателем в связи с принятием подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ, с одной стороны, обрели большую конкретику, получив свое выражение в пробле-

ме «соотношение юридического факта и судебного решения», с другой, обрели многовариантность. Причин тому несколько.

В первую очередь они связаны с развитием самой цивилистической науки о теории юридических фактов в гражданском праве [4; 5]. Однако есть и другая, связанная с отсылкой к подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ в тексте актов правоприменения¹. В цивилистической доктрине появилось большое количество трудов, демонстрирующих работоспособность данной нормы на примере допустимости наделения судебного решения значением юридического факта по спорам о признании права собственности на самовольную постройку (ст. 222 ГК РФ) [6, с. 77–106; 7, с. 560–565]. В итоге, общетеоретическая дискуссия по поводу решения суда как юридического факта в гражданском праве обрела несколько направлений.

По мнению С. Хорунжего преобразовательное решение не приобретает значения юридического факта, поскольку «юридическим фактом являются конкретные жизненные обстоятельства, признаваемые законом (например, существенное нарушение условий договора, послужившее основанием для изменения или расторжения договора и наделяющее добросовестную сторону правом потребовать возмещения убытков, причиненных изменением или расторжением договора (ч. 5 ст. 453 ГК РФ)). Существование таких обстоятельств — основа для вынесения соответствующего решения суда о признании, но не наоборот» [8, с. 42]. Часть авторов соглашались с позицией законодателя, считая, что юридико-фактическая функция присуща судебному решению в силу его правовой сущности как публично-правового акта судебной (государственной) власти, определяющего его нормативность, что и подтверждает подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ [9, с. 49–58]. Другие, вслед за законодателем, ограничиваются констатацией того, что «не всякое судебное решение выполняет роль юридического факта, а лишь то, которое к числу таковых отнесено законом» [3, с. 7], и «имеет возможность воздействовать на процессуальные и материальные отношения» [10, с. 4].

Научная эффективность высказанных взглядов сомнения не вызывает, но их сопоставление существенно затруднено в силу неизвестности или разницы теоретико-методологических подходов и неясности специально-юридических методов исследования. На наш взгляд, именно поэтому продолжают сохраняться сложности интерпретации того, «что хотел сказать законодатель, вводя в ст. 8 подп. 3 п. 1» и попытки представлять сущность заявленной проблемы в виде борьбы высказанных научных взглядов, заменяя проблему гражданско-правовой значимости судебного решения как юридического факта в гражданском праве.

В условиях глобализации права и других государственных явлений метод сравнительного правоведения стал особенно распространенным. Важно обозначить степень заинтересованности науки и законодателя стран другой правовой системы к проблеме значимости судебных актов как оснований для движения правоотношений. Отметим тот факт, что нормы об основаниях возникновения гражданских прав и обязанностей, подобной ст. 8 ГК РФ, не замечено ни в одном другом европейском законодательстве. Аналогичная норма есть в действующих законодательствах некоторых стран бывшего СССР (ст. 7 ГК Республики Казахстан, ст. 9 ГК Республики Молдова, ст. 7 ГК Республики Беларусь, и др.), что вполне объяснимо тем фактом, что законодатели этих ближних стран были воспитаны на академических достижениях советской цивилистической и процессуальной науки.

¹ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2005 г. № КГ-А40-4597-05. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В европейских странах не только не стремились к факту закрепления судебного решения в числе юридических фактов или к исключению его из таковых, но и вообще не преследовали цели охвата всей совокупности юридических фактов и необходимости структурировать их законодательно.

Например, Р. Книпер пишет, что действительно «юридический факт был высшим системным понятием частного права XIX в., он не нашел отражения в Германском гражданском уложении ... институт юридических фактов является не нужным для того, чтобы придавать юридическую обязательность отношениям между лицами»¹. В правовой доктрине Франции проблематика юридических фактов присутствует, однако только в одном аспекте, связанном с проблемой возникновения обязательств, а теория права основывается на том, что французское право «не исходит из какой бы то ни было общей теории юридических фактов» [11, с. 70].

Не существует какой-либо развернутой теории юридических фактов и в доктрине общего права. Традиции этой системы, как известно, не принято связывать с абстрактными юридическими понятиями. По этой причине здесь ограничиваются упоминанием юридических фактов лишь в процессуальном смысле, имея в виду те обстоятельства, которые подлежат доказыванию и которые значимы для разрешения дела [12, с. 283].

Очевидно, что такой подход не приемлем для отечественного права, что связано и с традиционным развитием национальной юриспруденции и с внутренней пандектной структурой кодифицированных актов. Поэтому представителям российского правоведения необходимо вносить собственный вклад в общетеоретическое учение о юридических фактах и в ту его часть, которая связана с влиянием судебного акта на правовые отношения. Основу такой работы призван составить специально-юридический метод [13; 14, с. 6–77], суть которого состоит в приемах описания судебного акта для юридико-фактических целей в разных отраслях права, без обращения к философии и иным неюридическим наукам, употребляющим понятия «факт», «основание», «предпосылка», «условие» как многозначные.

Исследование проблемы присутствия судебного акта в системе юридических фактов — это специальная (внутренняя) проблема юриспруденции, занимающаяся исследованием юридических фактов в их общеправовом и отраслевом назначении. Оперирование специально-юридическим методом позволяет придать судебному акту то реальное правовое значение, которое отводит ему законодатель, используя понятия судебных актов в целом и его разновидностей в нормативно-правовом материале. Представляется, что только с помощью данного метода есть возможность «встроить» судебные акты в систему других юридических фактов и провести их сопоставление.

Изучение судебного акта как юридического факта невозможно без учета и применения межотраслевого подхода. Если с позиций гражданского права «достаточно восприятия существующего решения в качестве абстрактного юридического факта, как того факта, который рассматривается в отрыве от правоприменительной деятельности органа правоприменения» [15, с. 247], то для отраслей публичного права такой взгляд вряд ли приемлем. Систематиза-

¹ Книпер Р. Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32401565#pos=3 (дата обращения: 01.10.2021).

ция юридических фактов в публичных отраслях права началась сравнительно недавно — в конце прошлого — начале нынешнего века [16; 17; 18; 19]. Однако из уже имеющихся научных источников мы можем заключить, что судебным актам придается производная роль аккумулятора других юридических фактов (например, элементов состава правонарушения), и им фактически отказывается в статусе самостоятельного юридического факта, способного существовать не в качестве одного из элементов юридико-фактического состава. Следует отметить, что данный подход во многом обусловлен и существующим теоретико-правовым взглядом на место судебного акта в системе юридических фактов (производный, дополнительный, зависимый, несамостоятельный) [20, с. 72; 21].

Представляется, что методологически верным для исследования судебного акта и его юридико-фактического потенциала является его двухуровневое восприятие. С одной стороны, как правозащитного акта органа правосудия, с другой стороны, как необходимую предпосылку для возникновения таких субъективных прав и юридических обязанностей (и других правовых последствий), которые без судебного акта не возникают.

Библиографический список

1. *Коваленко Е.Н.* Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 154 с.
2. *Склизков М.Н.* О методологии исследования судебного решения в роли юридического факта гражданского права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2020. № 3. С. 202–207.
3. *Власенко В.А.* Судебное решение как основание установления гражданских прав и обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 221 с.
4. *Белов В.А.* Юридические факты в гражданском праве: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 450 с.
5. *Рожкова М.А.* Юридические факты гражданского и гражданского процессуального права: соглашение о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. 330 с.
6. *Останина Е.А.* Преобразовательные иски и приобретение вещного права // Иски и судебные решения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2009. С. 77–106.
7. *Меньшиков Д.Е., Кощеева Е.С.* Вещные преобразовательные иски в судебной практике // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 560–565.
8. *Хорунжий С.* Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Государство и право. 2008. № 7. С. 39–47.
9. *Ванеева Л.А., Склизков М.Л.* О гражданско-правовом судебном регулировании // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. Т. 14. № 3. С. 49–58.
10. *Тихонькова Н.В.* Проблемы судебного решения как юридического факта: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 155 с.
11. *Жюллио де ла Морандьер Л.* Гражданское право Франции. М.: Иностранная литература, 1958. 742 с.
12. Общая теория государства и права: академический курс в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2: Теория права. 640 с.
13. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
14. *Белов В.А.* Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соот-

ношение понятий // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6–77.

15. Голубцов В.Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 240–262.

16. Бабанова Ю.В. Юридические факты в налоговом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

17. Карпунина Н.А. Юридические факты в пенсионном обеспечении Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.

18. Кутюхин И.В. Юридический факт в механизме уголовно-процессуального регулирования. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 156 с.

19. Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 25 с.

20. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 1998. 621 с.

21. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.

References

1. Kovalenko E.H. Judgment: Theoretical and Methodological and Technical and Legal Aspects: dis. ... cand. of law. Rostov n/A, 2009. 154 p.

2. Sklizkov M.N. On the Methodology of Judicial Decision Research in the Role of a Legal Fact of Civil Law // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser.: Economics and Law. 2020. No. 3. P. 202–207.

3. Vlasenko V.A. Judicial Decision as a Basis for Establishing Civil Rights and Obligations: dis. ... cand. of law. Rostov n/A, 2011. 221 p.

4. Belov V.A. Legal Facts in Civil Law: textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow: Yurayt, 2016. 450 p.

5. Rozhkova M.A. Legal Facts of Civil and Civil Procedural Law: Agreement on the Protection of Rights and Procedural Agreements. M.: Statute, 2009. 330 p.

6. Ostanina E.A. Transformative Lawsuits and the Acquisition of Real Law // Lawsuits and Court Decisions: a collection of articles / ed. by M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2009. P. 77–106.

7. Menshikov D.E., Koscheeva E.S. Real Transformative Lawsuits in Judicial Practice // Issues of Russian Justice. 2020. No. 8. P. 560–565.

8. Khorunzhyi S. Court Decision in the Theory of Legal Facts as the Basis for the Emergence, Modification and Termination of Civil Rights and Obligations // State and law. 2008. No. 7. P. 39–47.

9. Vaneeva L.A., Sklizkov M.L. On Civil Law Judicial Regulation // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2012. Vol. 14. No. 3. P. 49–58.

10. Tikhonkova N.V. Problems of Judicial Decision as a Legal Fact: dis. ... cand. of law. Saratov, 2000. 155 p.

11. Jullio de la Morandiere L. The Civil Law of France. M.: Foreign literature, 1958. 742 p.

12. General Theory of State and Law. Academic course in 2 volumes / edited by M.N. Marchenko. M.: Zertsalo, 1998. Vol. 2. Theory of Law. 640 p.

13. Syrykh V.M. History and Methodology of Legal Science: textbook M.: Norm: INFRA-M, 2012. 464 p.

14. Belov V.A. The Object of Subjective Civil Law, the Object of Civil Legal Relations and the Object of Civil Turnover: the Content and Correlation of Concepts // Objects of Civil Turnover: collection of articles / ed. by M.A. Rozhkova. M., 2007. P. 6–77.

15. *Golubtsov V.G.* Judicial Decision as a Legal Fact in Civil Law: Doctrinal Discourse and the Problem of Legal Forms // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. Issue 52. P. 240–262.
16. *Babanova Yu.V.* Legal Facts in Tax Law: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 2012. 26 p.
17. *Karpunina N.A.* Legal facts in pension provision of the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2010. 29 p.
18. *Kutyukhin I.V.* Legal Fact in the Mechanism of Criminal Procedural Regulation. Vladivostok: Publishing House of the Far East. Univer., 2010. 156 p.
19. *Leonov S.G.* Procedural Decisions as Legal Facts in the Pre-Trial Proceedings of the Russian Criminal Process: extended abstract dis. ... of cand. of law. Krasnodar, 2011. 25 p.
20. *Vengerov A.B.* Theory of State and Law. M.: Novy Yurist, 1998. 621 p.
21. *Isakov V.B.* Legal Facts in Soviet Law. Moscow: Legal literature, 1984. 144 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-39-56
УДК 341.116

И.В. Шугурова, М.В. Шугуров

АВТОРСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ЕАЭС: ВОПРОСЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Введение: развитие правового режима охраны компьютерных программ осуществляется в рамках общей модернизации авторского права в направлении его адаптации к цифровой среде. **Цель:** установление степени гармонизации положений национальных законодательств государств — членов ЕАЭС и направлений ее повышения с учетом глобальных тенденций развития авторско-правового режима охраны компьютерных программ. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, догматическо-правовой). **Результаты:** выявлены расхождения, а также совпадения в национальных авторско-правовых режимах охраны компьютерных программ государств — членов ЕАЭС. **Выводы:** повышение уровня гармонизации авторско-правового режима охраны в рамках ЕАЭС будет содействовать развитию рынка программного обеспечения и прав на него и одновременно придаст импульс для развития IT-компаний как условия успешного развития цифровой экономики. Для создания общего рынка программного обеспечения в ЕАЭС требуется проведение согласованной политики по модернизации положений действующего законодательства. За основу могут быть приняты российские законопроектные новеллы, хотя возможны и иные проектные шаги. Продолжением гармонизации авторско-правового режима компьютерных программ в рамках ЕАЭС должно стать совершенствование мер защиты, что особенно важно в условиях развития цифровой среды.

Ключевые слова: право ЕАЭС, компьютерные программы, авторское право, исключительные права, цифровая экономика, гармонизация национальных законодательств.

© Шугурова Ирина Викторовна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivshugurova@mail.ru

© Шугуров Марк Владимирович, 2021
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shugurovs@mail.ru

© Shugurova Irina Viktorovna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)

© Shugurov Mark Vladimirovich, 2021
Doctor of philosophical sciences, Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00805 («Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

I.V. Shugurova, M.B. Shugurov

COPYRIGHT PROTECTION REGIME OF COMPUTER PROGRAMS
IN THE LEGISLATION OF THE EAEU MEMBER STATES:
ISSUES OF HARMONIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL
TRANSFORMATIONS

Background: the development of the legal regime for the protection of computer programs is carried out within the framework of the general modernization of copyright in the direction of its adaptation to the digital environment. **Objective:** establishing the degree of harmonization of the provisions of the national legislations of the EAEU member states and the directions of its improvement, taking into account global trends in the development of the copyright regime for the protection of computer programs. **Methodology:** general scientific methods (systemic, structural and functional), private scientific methods (comparative legal, dogmatic legal). **Results:** discrepancies, as well as coincidences in the national copyright regimes of computer programs protection of the EAEU' member states have been revealed. **Conclusions:** increasing the level of harmonization of the copyright protection regime within the EAEU will contribute to the development of the software market and rights to it and at the same time will give impetus to the development of IT companies as a condition for the successful development of the digital economy. In order to create a common software market in the EAEU, a coordinated policy is required to modernize the provisions of the current legislation. Russian draft laws can be adopted as a basis, although other project steps are also possible. The continuation of the harmonization of the copyright regime of computer programs within the EAEU should be the improvement of protection measures, which is especially important in the context of the development of the digital environment.

Key-words: EAEU law, computer programs, copyright, exclusive rights, digital economy, harmonization of national legislation.

В условиях динамично развивающихся процессов цифровой трансформации разнообразных сторон жизни общества важное значение приобретает поощрение создания современного программного обеспечения и одновременно решение задачи по обеспечению его надлежащей охраны, а также повышение эффективности защиты исключительных прав на компьютерные программы. Использование собственного программного обеспечения следует отнести к важнейшему элементу цифрового суверенитета современных государств и их кибербезопасности. Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобрела в связи с расширением роли цифровых технологий, так как у истоков их создания и дальнейшего использования находится программное обеспечение. Развитие правового режима программ для ЭВМ осуществляется ныне в рамках общей модернизации авторского права в направлении его адаптации к цифровой среде с учетом обеспечения гибкого баланса интересов между их создателями и правообладателями — с одной стороны, и пользователями — с другой.

Особую значимость совершенствование режима охраны исключительных прав на компьютерные программы имеет для государств — членов ЕАЭС. Это определяется тем, что в них взят курс на реализацию национальных цифровых повесток в формате реализации общей цифровой повестки Союза. Компьютерные программы как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности важны для цифровой трансформации экономики и общества. Поэтому цель

настоящей статьи заключается в установлении степени гармонизации положений национальных законодательств и направлений ее повышения с учетом тенденций развития авторско-правового режима охраны компьютерных программ в государствах — членах ЕАЭС. В результате будет сформирована основа для практических рекомендаций по выработке согласованной, а далее единой политики государств — членов ЕАЭС в сфере защиты исключительных прав на компьютерные программы как фактора формирования общего рынка ПО.

Компьютерные программы и цифровая повестка. Вопросы всестороннего совершенствования правового режима компьютерных программ являются чрезвычайно важными в свете реализации Цифровой повестки ЕАЭС. В основных направлениях реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. подчеркивается необходимость сотрудничества государств-членов по развитию индустрии данных, что позволит в том числе не только создать новые сегменты цифровой экономики, но и обеспечить реализацию всех направлений Цифровой повестки Союза¹. В условиях цифровых трансформаций развитие сектора программного обеспечения (далее — ПО) не только получает новый импульс, но и становится двигателем цифровых трансформаций экономики и ее устойчивого роста. Дело в том, что, как отмечается в литературе, к областям использования программных продуктов относятся сферы управления, производства и бизнеса. Поэтому «такая направленность порождает коммерческий характер отношений по их созданию и распространению...» [1, с. 6]. В свою очередь развитие авторско-правового режима компьютерных программ следует рассматривать как важное условие для ИКТ-отрасли. Этому вопросу повышенное внимание придается, во-первых, на уровне ЕАЭС в целом, и, во-вторых, на уровне его государств-членов в частности.

О том, что ИКТ-отрасль стала предметом общей заинтересованности государств — членов ЕАЭС свидетельствует учреждение «Евразийской суперкомпьютерной технологической платформы». Ее цель — содействие развитию суперкомпьютерной техники, что должно стать импульсом для развития науки и технологий². Платформа предусматривает развитие производственных кооперационных связей и расширение научно-производственной кооперации по совместной разработке оборудования (техники), которая охраняется в рамках права промышленной собственности. Но, как представляется, это должно быть дополнено кооперацией в сфере ПО. В п. 3 «Задачи» акцентируется внимание на координации усилий государств-членов по развитию совместного аппаратного обеспечения и прикладного программного обеспечения. Вполне понятно, что одним свободным программным обеспечением дело не обойдется. Определенная часть программного обеспечения будет являться охраняемым результатом интеллектуальной деятельности.

Сектор ИКТ является одним из интеграционных научно-производственных направлений, одновременно определяющим важное тематическое направление интеграционной политики в сфере права интеллектуальной собственности.

¹ См.: Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. (утверждены Решением Высшего евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12). С. 17. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158> (дата обращения: 20.08.2021).

² См.: Паспорт евразийской технологической платформы «Евразийская суперкомпьютерная технологическая платформа» // Распоряжение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ» (с изм. на 8 августа 2019 г.). Приложение № 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456047406> (дата обращения: 02.08.2021).

К данному направлению следует отнести совершенствование авторско-правовой охраны компьютерных программ в направлении гармонизации национальных законодательств с прицелом на формирование современного рынка ПО в рамках ЕАЭС. А это предполагает их надежную правовую защиту. Однако вопросы развития правового режима компьютерных программ еще не вошли в общее пространство интеграционного сотрудничества в рамках ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности. В это же время в ЕС стратегический подход к развитию рынка программного обеспечения самым тесным образом интегрирован в реализацию Цифровой повестки. Как отмечается в разделе 4 «Максимальное использование потенциала роста цифровой экономики» Стратегии Единого цифрового рынка, в ближайшее время существенная часть экономической деятельности будет зависеть от цифровых экосистем, программного обеспечения, приложений и данных¹. В новом Плане действий ЕС в сфере интеллектуальной собственности, программное обеспечение, среди прочего, характеризуется как краеугольный камень современной экономики². Высокая степень гармонизированности законодательств государств — членов ЕС в сфере правовой охраны компьютерных программ стала результатом имплементации Директивы 2009/24/ЕС о правовой охране компьютерных программ³.

Как отмечается в литературе, «...Директива является примером настоящей гармонизации, т.к. из-за своих точных инструкций она предоставляет государствам — членам небольшую свободу отступления от ее положений. По всем вопросам, затронутым в Директиве, в государствах ЕС были приняты достаточно единообразные правовые нормы» [2, р. 91]. Сегодня политика данного интеграционного объединения характеризуется направленностью на решение задачи по сбалансированной реализации мер по повышению уровня охраны, а также эффективности защиты исключительных прав, с одной стороны, и содействия более широкой доступности программного обеспечения, в том числе из открытых источников — с другой. В последнем случае заметным явлением стало принятие обновленной Стратегии развития программного обеспечения с открытым исходным кодом⁴.

Несмотря на то, что национальные законодательства государств — членов ЕС в сфере регулирования охраны компьютерных программ в значительной степени гармонизированы, здесь все же возникают вопросы повышения его соответствия потребностям цифровой экономики. Поэтому в условиях крупномасштабных цифровых преобразований государства, а также их интеграционных объединений должна решаться задача на совместной основе по согласованному развитию

¹ See: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Digital Single Market Strategy for Europe” // COM(2015) 192 final (Brussels, 6.05.2015). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192> (дата обращения: 09.08.2021).

² See: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Making the most of the ET’s innovative potential. An intellectual property action plan to support the U’s recovery and resilience” // COM(2020) 760 final (Brussels, 25.11.2020). P. 2. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/43845> (дата обращения: 10.08.2021).

³ See: Directive 2009/24/EC of the European parliament and of the Council of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs // Official Journal of the European Union L 111. 5.5.2009. P. 16–22.

⁴ See: Communication to the Commission “Open Source Software Strategy 2020 – 2023. Think Open” // C(2020) 7149 final 9Brussels, 21.10.2020). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/en_ec_open_source_strategy_2020-2023.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

ИКТ-отрасли, составной частью экосистемы которой выступает современный и эффективный правовой режим компьютерных программ. В отношении государств — членов ЕАЭС данный правовой режим, безусловно, нуждается в модернизации, но она должна иметь согласованный характер, иначе может возникнуть перспектива утраты уже имеющейся степени гармонизированности. В данном случае весьма аксиоматичен тезис, высказанный в п. 4 преамбулы Директивы 2009/24/ЕС о том, что определенные различия в правовой охране компьютерных программ, которые имеют место на уровне национальных законодательных актов, способны оказать негативное влияние на внутренний рынок программного обеспечения. В рамках ЕАЭС такие расхождения (которые вполне возможны в будущем) могут вызвать негативный эффект, во-первых, в сфере сотрудничества по разработке и внедрению отечественного программного обеспечения, а во-вторых, применительно к развитию рынка компьютерных программ и исключительных прав на них.

Авторско-правовой режим охраны компьютерных программ в законодательстве государств — членов ЕАЭС: сравнительный анализ. Важнейшей компонентой интеграционных процессов на региональном уровне выступает сотрудничество государств в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. В процессе перехода к цифровой экономике роль нематериальных активов, представляющих собой охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, многократно возрастает. Базовой основой для сотрудничества государств — членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности является Раздел XXIII Договора о ЕАЭС «Интеллектуальная собственность»¹. Его положения дополнены положениями специальных международно-правовых договоров, образующими право интеллектуальной собственности Союза. Интеграционное взаимодействие в сфере интеллектуальной собственности предполагает гармонизацию национальных законодательств государств-членов. Цель гармонизации состоит в устранении таких различий материальных норм, которые препятствуют формированию и функционированию общего рынка результатов интеллектуальной деятельности и прав на них. Согласно п. 1 ст. 89 «Общие положения» Раздела XXIII Договора о ЕАЭС сотрудничество государств-членов осуществляется для решения, помимо прочего, задачи по гармонизации законодательства государств-членов в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. В случае с компьютерными программами сотрудничество, на наш взгляд, должно осуществляться по основным направлениям, предусмотренным в п. 2 ст. 89. К ним относится поддержка научного и инновационного развития, совершенствование механизмов коммерциализации и использования объектов интеллектуальной собственности, предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов.

Как показывает опыт ЕС, в основе разработки и принятия положений наднационального права интеллектуальной собственности, имплементация которых на национальном уровне приводит к состоянию определенной гармонизированности законодательства на региональном уровне, находится проведение серьезной аналитической работы. В ЕАЭС данного рода работа осуществляется

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (в ред. от 1 октября 2019 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 18.08.2021).

на уровне Консультационного комитета по интеллектуальной собственности. Однако стоит признать, что выявление сходств и различий в правовых режимах компьютерных программ в государствах — членах ЕАЭС, а также определение направлений и перспектив гармонизации еще не стало предметом его работы. В этих условиях повышается значение доктринального сравнительно-правового анализа, который с недавнего времени стал проводиться в юридической науке. В одной из немногочисленных работ, выполненных именно в данном русле, подчеркивается, что «расхождения в правовом регулировании могут оказать негативное воздействие на оборот компьютерных программ. Разноплановое правовое регулирование этих отношений в праве государств — членов ЕАЭС предполагает неодинаковый правовой статус участников рынка программного обеспечения, что в свою очередь, может привести к несправедливой судебной защите прав на данные объекты интеллектуальной собственности» [3, с. 39].

Законодательства государств — членов ЕАЭС в сфере авторского права базируются на одном и том же подходе и содержат сходные положения, согласно которым компьютерные программы (в терминологии законодательств Армении и Беларуси) и программы для ЭВМ (в терминологии законодательств России, Казахстана и Киргизии) отнесены к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, причем результатам, охраняемым именно авторским правом.

В подп. 12 п. 1 ст. 7 Закона Казахстана об авторском праве и смежных правах¹ закреплено отнесение программ для ЭВМ к произведениям, охраняемым авторскими правами. Более того, в п. 2 ст. 7 содержится пояснение, согласно которому охрана программ для ЭВМ распространяется на все виды программ, в том числе на операционные системы, причем, уточняется, что все они могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код. Аналогичное положение содержится в Законе Киргизии об авторском праве и смежных правах².

В законе Армении об авторском праве и смежных правах³ содержится лаконичная формулировка о том, что компьютерные программы, наряду с литературными и научными произведениями, являются объектами авторского права (подп. а) п. 4 ст. 3)). Столь же лаконична и формулировка п. 2 ст. 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»⁴. Однако более развернутое определение содержится в ст. 1261, согласно которому авторские права на все компьютерные программы, включая операционные системы и программные комплексы, выраженные на любом языке и в любой форме, в том числе включая исходный текст и объектный код, охраняются в том порядке, что и авторские права на художественные произведения. И, наконец, в п. 5 ст. 6 «Объекты авторского права» закона Бела-

¹ См.: Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І Ж «Об авторском праве и смежных правах» (с изм. и доп. по состоянию на 6 мая 2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005798 (дата обращения: 29.07.2021).

² См.: Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. № 16 «Об авторском праве и смежных правах» (в ред. от 23 марта 2020 г.). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17?cl=ru-ru> (дата обращения: 14.07.2021).

³ См.: Закон Республики Армения об авторском праве и смежных правах ЗР-142 (04.07.2006) (в ред. от 30 сентября 2013 г.). URL: <https://www.aipa.am/ru/Copyrightlaw/> (дата обращения: 14.07.2021).

⁴ См.: Гражданский Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ч. 4. (в ред. от 11 июня 2021 г.). URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (дата обращения: 08.07.2021).

руси об авторском праве и смежных правах¹ компьютерные программы прямо отнесены к объектам авторского права. При этом в п. 1 ст. 13 «Авторское право на компьютерную программу» уточняется, что авторско-правовая охрана распространяется на все виды данного рода программ, включая операционные системы. При этом охраняемые программы могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код.

Единство подхода к правовой природе компьютерной программы (программы для ЭВМ) нашло свое подтверждение в Протоколе № 26 к Договору о ЕАЭС². В абз. 2 п. 4 Протокола закреплено, что программы ЭВМ (компьютерные программы), включая исходный текст и объектный код, охраняются как литературные произведения в соответствии с Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений³. Отмеченный подход вполне коррелирует подходу ЕС. Так, в п. 1 ст. 1 «Предмет охраны» Директивы 2009/24/ЕС закреплено, что компьютерные программы охраняются в рамках авторско-правового режима в соответствии со смыслом Бернской конвенции. Данное положение соответствует ст. 4 Договора ВОИС об авторском праве, согласно которой компьютерные программы охраняются как литературные произведения в смысле ст. 2 Бернской конвенции. Далее подчеркивается, что такая охрана распространяется на компьютерные программы независимо от способа или формы их выражения⁴.

Разумеется распространение авторско-правового режима на компьютерные программы, в том числе и на операционные системы и программные комплексы, позволяет решить задачу по их охране, обеспечить их защиту. Однако в настоящее время в полной мере специфика компьютерных программ со стороны авторского права не учитывается и не может быть учтена даже при всем желании. Поэтому такое разделение достаточно условно, потому что порождает ряд правовых неопределенностей. Например, охрана предоставляется объектному коду, но не функционалу программы и его результатам, а также исходному тексту и последовательности элементов и алгоритмов. Эти и другие дискуссионные вопросы нашли свое системное отражение в литературе [4; 5; 6].

В законодательстве государств — членов ЕАЭС содержится достаточно детальное определение содержания понятия программ для ЭВМ (компьютерных программ). Содержание понятия «программа для ЭВМ» (компьютерная программа) раскрывается в п. 40 ст. 2 Закона Казахстана: она определена как набор команд, который выражен в виде слов, схем или в любой иной форме выражения. Кроме этого, в содержание рассматриваемого понятия включены подготовительные материалы, результатом которых на более поздней стадии стала программа для ЭВМ. В свою очередь в ст. 4 Закона об авторском праве и смежных правах Кыргызской Республики содержится достаточно лаконичное определение программы в качестве совокупности инструкций или правил, предназначенных

¹ См.: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах». URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_avtorskom_prave_i_smeznyhpravah/6.htm (дата обращения: 11.07.2021).

² См.: Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 15.06.2021).

³ См.: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. от 28 сентября 1979 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900493> (дата обращения: 14.08.2021).

⁴ См.: Договор ВОИС по авторскому праву (принят 20 декабря 1996 г.). URL: <https://wipo.int/wipo.int/ru/text/295160> (дата обращения: 30.08.2021).

для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств, что позволяет достигнуть определенную цели и получить необходимый результат.

В ст. 4 «Основные термины» закона Беларуси «Об авторском праве и смежных правах» под компьютерной программой понимается совокупность команд и данных. Характерно, что в качестве части программы признаны документы, которые включены в нее и описывают функционирование программы, в том числе взаимодействие с пользователем и внешними компонентами. Однако здесь надо иметь в виду одно уточнение, содержащееся в абз. 2 п. 1 ст. 13 «Авторское право на компьютерную программу». Так, здесь указывается, что в том случае, если проектировочные материалы, которые были получены в процессе разработки данной программы, и в дальнейшем не стали ее частью, то они охраняются уже в качестве самостоятельных объектов авторского права. При этом должно соблюдаться одно условие — проектировочные материалы должны обладать признаками, которые указаны в п. 1 и 2 ст. 6.

В законодательствах других государств — членов ЕАЭС легальное определение содержания компьютерной программы закреплено в статьях, посвященных режимам их охраны. Весьма лаконичное определение имеет место в п. 1 ст. 35 «Компьютерная программа и авторское право на нее» Закона Армении. Здесь под компьютерной программой понимается выраженная в любой форме программа (включая необходимые подготовительные материалы) которые были необходимы для ее создания. Скажем прямо, в данном определении содержится большая степень тавтологичности. Но, с другой стороны, это можно объяснить стремлением законодателя к экономии терминологических средств, поскольку понятие компьютерной программы давно стало общераспространенным. В свою очередь в ст. 1261 «Программы для ЭВМ» ГК РФ¹, несмотря на то, что законодатель достаточно сжато раскрыл содержание понятия программы для ЭВМ, но при этом в отличие от определений, приводимых в законодательстве других государств — членов ЕАЭС, к ней отнесена не только совокупность данных и команд, но и подготовительные материалы, а также порождаемые ею аудиовизуальные изображения.

Следовательно, содержание понятия «программа для ЭВМ (компьютерная программа), используемое в законодательствах государств — членов ЕАЭС имеет черты сходств и различий. Различия касаются не только использования терминологии — программа для ЭВМ и компьютерная программа, но и вопросов включения подготовительных (проектировочных) материалов. В законах Казахстана, России, Армении они включены в состав программы. Киргизский закон не акцентирует внимание на этом вопросе, тогда как в законе Беларуси допускается возможность как их включения, так и не включения в состав программы. С нашей точки зрения, в случае легального определения содержания компьютерной программы следует констатировать исходную частичную гармонизированность.

Директива 2009/24/ЕС определяет компьютерную программу более лаконично. Ее определение содержится в п. 7 преамбулы. Здесь отмечается, что под ней понимают программы в любой форме, в том числе встроенные в оборудование. В это понятие также включаются подготовительные материалы (п. 1 ст. 1). Одно-

¹ См.: ГК РФ. Ч. 4: Судебная практика и законодательство. Ст. 1261. Программы для ЭВМ. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/razdel-vii/glava-70/statja-1261/> (дата обращения: 06.09.2021).

временно в п. 7 разъясняется, что речь идет о подготовительных проектных материалах, возникающих в процессе создания компьютерной программы. В качестве критериев, на основе которых подготовительные материалы включаются в программу, выдвигается необходимость соблюдения условия, что на основе этих материалов в дальнейшем возможна разработка самой компьютерной программы.

В ст. 2 «Авторство на компьютерные программы» автором признается не только физическое лицо, но и группа физических лиц. В последнем случае группа физических лиц становится обладателями исключительных прав. Одновременно подтверждается возможность, если это допускается законодательством государств-членов, признания юридического лица в качестве правообладателя. В законодательстве государств — членов ЕАЭС подобные положения отсутствуют.

Если переходить к характеристике другого элемента авторско-правового режима охраны компьютерных программ, а именно к содержанию исключительного права, то его детализация характерна для законодательств ряда государств — членов ЕАЭС, главным образом для Армении и Беларуси. Так, в п. 2 ст. 35 указанного закона Армении закрепляется исключительное право автора компьютерной программы на совершение или разрешение совершения следующих действий: постоянное или временное воспроизведение компьютерной программы любыми средствами и в любой форме, частично или полностью. Сюда также относятся действия по переводу, обработке, адаптации, а также любые другие изменения компьютерной программы. И, наконец, это распространение оригинала или экземпляров программы в любой форме, например, сдача в прокат и (или) наем.

Раскрытию содержания исключительного права посвящена ст. 13 «Авторское право на компьютерную программу» указанного закона Беларуси. В п. 2 устанавливается, что автор или правообладатель компьютерной программы обладает рядом исключительных прав, например, осуществлять самому или разрешать другим лицам ее установку на компьютер или иное устройство, осуществлять или разрешать запуск и работу с ней, что означает использование функциональных возможностей, которые в ней заложены. Перечень действий, составляющих исключительное право, белорусский законодатель оставляет открытым, отсылая к иным действиям, которые закреплены в ст. 16, но за исключением случаев, предусмотренных в гл. 4.

Если в качестве сравнения обратиться к Директиве 2009/24/ЕС, то в ст. 4 «Действия, совершаемые с согласия правообладателя» четко систематизированы исключительные права правообладателя на совершение или разрешение совершения целого ряда действий в формате их исчерпывающего перечня. Сюда отнесено постоянное или кратковременное воспроизведение компьютерной программы любыми средствами и в любой форме, частично или в полном объеме; совершение или разрешение совершения действий по переводу, адаптации, настройки и любых других изменений программы и воспроизведение полученного результата; распространение в любой форме среди публики, включая прокат оригинальной компьютерной программы или ее экземпляра (подп. с) п. 1 ст. 4)).

Несмотря на недостатки законодательств государств — членов ЕАЭС применительно к закреплению содержания исключительного права, в качестве достоинства законодательного регулирования авторско-правового режима компьютерных программ в государствах — членах ЕАЭС следует отнести всесторонне детализированный режим их свободного использования. По сути,

это режим исключений, хотя сам этот термин не используется. Согласно подп. 1 п. 1 ст. 24 «Свободное воспроизведение для ЭВМ и баз данных. Декомпилирование программ для ЭВМ» закона Казахстана, лицо, которое правомерно владеет экземпляром программы для ЭВМ или базы данных, обладает правом на использование без получения разрешения автора или иного правообладателя без выплаты дополнительного вознаграждения. Данное лицо вправе вносить изменения в программу, что необходимо для ее функционирования; записывать ее и хранить в памяти ЭВМ, а также исправлять явные ошибки. Согласно подп. 3 п. 1 ст. 24 условием действий по копированию выступает цель архивирования, а также замена правомерно приобретенного оригинального экземпляра, если он утрачен, уничтожен или непригоден для использования. Отметим, что в случае, когда владение экземпляром этой программы становится неправомерным, то изготовленный экземпляра должен быть уничтожен. Это ограничение является следствием простоты подобного копирования с технической точки зрения и закрепляет материальные интересы создателей ПО. Сформулированные нами выводы полностью применимы к положениям действующего законодательства других стран ЕАЭС.

В законе Киргизии установлен специальный режим исключения в отношении воспроизведения программ для ЭВМ. Согласно п. 1 ст. 25 «Свободное воспроизведение программ для ЭВМ и баз данных. Декомпилирование программ для ЭВМ» лицо, правомерно владеющее экземпляром программы, обладает правом осуществлять без получения разрешения автора или иного правообладателя и, соответственно, без выплаты дополнительного вознаграждения, ряд действий: внесение изменений. Обращает на себя внимание то, что подп. 1 ст. 25 полностью идентичен содержанию подп. 1 п. 1 ст. 24 «Свободное воспроизведение для ЭВМ и баз данных. Декомпилирование программ для ЭВМ» закона Казахстана. Полное совпадение имеет место и в отношении положения подп. 1 п. 1 ст. 24 «Свободное воспроизведение для ЭВМ и баз данных. Декомпилирование программ для ЭВМ» закона Казахстана об изготовлении копии в архивных целях.

Закон Армении об авторском праве включает ст. 36 «Свободное воспроизведение компьютерных программ. Декомпилирование компьютерных программ». В сущности, в п. 1 данной статьи содержатся аналогичные положения о допустимости действий по внесению изменений, в том числе с целью исправления ошибок. Однако в подп. а п. 1 ст. 36 в отношении воспроизведения программы отсутствует формулировка относительно ее изготовления в архивных целях.

Переходя к характеристике правового режима свободного использования компьютерной программы в российском законодательстве следует отметить, что в ст. 1280 «Право пользователя программы для ЭВМ и базы данных», отличающейся по своему названию от названий указанных статей законов других государств — членов ЕАЭС, в ней предусмотрены случаи свободного использования. В их состав входит совершение действий, необходимых для функционирования программы, включая запись и хранение в памяти ЭВМ (одной ЭВМ или одного пользователя сети), а также внесение в нее изменений в целях устранения ошибок (п. 1); изготовление копии правомерно приобретенного экземпляра в архивных целях или целях замены экземпляра (п. 2), декомпилирование программы (п. 4). В свою очередь, в ст. 39 «Свободное использование компьютерных программ и баз данных» закона Беларуси «Об авторском праве и смежных правах» налицо иная последовательность: вначале идут положения об изготовлении копии в

архивных целях или же в целях замены утраченного экземпляра программы (п. 1), а затем в п. 2 положения о свободно совершаемых действиях по настройке программы без внесения изменений в ее исходный код, запись и хранение в памяти компьютера. Также предусматривается внесение в нее изменений и право на переработку, но в том случае, если иное не предусмотрено договором с автором или правообладателем.

И, наконец, обратимся к правовому регулированию такого действия как декомпилирование. Так, в законе Казахстана об авторском праве закреплено содержание целого ряда понятий, связанных с преобразованием компьютерных программ. Во-первых, это декомпилирование программы. (Под ним понимается технический прием, который включает преобразование объектного кода в исходный текст в целях изучения структуры и кодирования программы для ЭВМ (п. 41 ст. 2)). Во-вторых, это адаптация программы для ЭВМ, равно как и адаптации базы данных, т.е. внесение изменений в программы для ЭВМ или базы данных, которое осуществляется исключительно в целях обеспечения функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя (п. 42 ст. 2). В-третьих, это модификация (переработка) программы для ЭВМ или базы данных, под которой понимаются такие изменения, которые не являются адаптацией (п. 43 ст. 2).

Если перейти к анализу российского закона, то согласно п. 3 ст. 1280 ГК РФ лицо, которое правомерно владеет экземпляром программы для ЭВМ, наделяется правом на осуществление действия — без согласия автора или иного обладателя исключительных прав и без выплаты дополнительного вознаграждения — по воспроизведению и преобразованию объектного кода в исходный текст, т.е. правом декомпилировать программу для ЭВМ при соблюдении условий, которые предусматриваются в данной же статье.

Отметим, что имеет место также полное совпадение положений п. 2 ст. 25 закона Киргизии, п. 2 ст. 24 закона Казахстана, п. 3 ст. 1280 ГК РФ, п. 3 ст. 36 закона Армении, в которых регулируются вопросы о декомпилировании компьютерных программ. Обратим внимание на то, что в ст. 39 закона Белоруссии специальное положение о действиях по декомпилированию программы отсутствует, хотя некоторые «следы» данных действий косвенным образом просматриваются в запрете использования указанных действий в целях создания других компьютерных программ, которые аналогичны адаптируемой.

В целом законодательства государств — членов ЕАЭС в подавляющем числе случаев включают пространные и детальные положения о свободном характере действий по декомпилированию, которые коррелируют в содержательном плане со ст. 6 «Декомпилирование» Директивы 2009/24/ЕС. При этом свободное воспроизведение кода и его преобразование ограничивается требованием выполнения исключительно в целях получения информации, которая необходима в целях обеспечения способности к взаимодействию компьютерной программы с иными программами. Между тем в п. 1 ст. 6 Директивы содержится уточнение, отсутствующее в законодательстве государств — членов ЕАЭС, а именно указание на такое условие, как осуществление таких действий лицензиатом или иным лицом, которое имеет право на использование экземпляра программы. О том, что исключение, закрепленное в ст. 6 Директивы, имеет обязательный характер, свидетельствует то, что оно не может и не должно отменяться положе-

нием договоров. Об этом прямо указывается в п. 16 преамбулы Директивы. Здесь будет уместной формулировка о том, что признаются недействительными любые договорные условия, которые противоречат положениям настоящей Директивы о декомпилировании, а равным образом установленные в ней ограничения, которые касаются изготовления резервной копии или изучения, исследования и испытания функционирующей программы. Включение государствами — членами ЕАЭС подобных положений может стать предметом специальных обсуждений и переговоров.

Тенденции модернизации правового режима компьютерных программ в ЕАЭС. Итак, можно видеть, что в настоящее время законодательство государств — членов ЕАЭС в сфере авторского права применительно к регулированию компьютерных программ характеризуется достаточной степенью гармонизированности. Это стало результатом развития авторского права государств-членов еще до их вступления в ЕАЭС. В самой ближайшей перспективе данная согласованность может быть нарушена в связи с модернизацией авторского права применительно к потребностям цифровой среды. Мы имеем в виду возможные изменения в национальном законодательстве, которые могут предприниматься по расширению объема предоставляемой охраны, вне и помимо взаимного согласования данных шагов. С другой стороны, в ситуации отсутствия права ЕАЭС в сфере компьютерных программ нет факторов, которые сдерживали бы инициативы тех или их государств-членов. По мере формирования повестки по гармонизации норм авторского права данные инициативы могут стать предметом совместных обсуждений, а также источником выработки общего подхода.

В национальной программе «Цифровая Россия» в целях реализации пунктов 01.01.004.001. и 01.01.004.010 Плана мероприятий Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» Министерство науки и высшего образования разработало проект Федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — законопроект)¹. В ней указывается на то, что законопроект направлен на устранение существующих ограничений в развитии правового регулирования оборота исключительных прав на компьютерные программы в условиях цифровой экономики. Все это одновременно предполагает повышение уровня охраны соответствующих прав авторов и правообладателей².

Первое, на что следует обратить внимание, это существенная модификация ст. 1261 «Программы для ЭВМ», в том числе изменение ее названия. Предлагается назвать ее «Программы для ЭВМ. Базы данных». Это вызвано стремлением к системному урегулированию вопросов, относящихся как компьютерным программам, так и к базам данных, что во многом позволило бы избежать дублирования норм.

В структурном плане данная статья имеет четыре пункта. Наиболее заметным стало изменение в терминологии. Термины «ЭВМ» и «программа для ЭВМ» дополняется терминами «компьютер» и «компьютерная программа». Это создает

¹ См.: Министерство науки и высшего образования РФ. Проект федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=91762> (дата обращения: 15.08.2021).

² См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://rucybersecurity.ru/t/proekt-04-13-05-19-00091762-o-vnesenii-izmenenij-v-chast-chetvertuyu-grazhdanskogo-kodeksa-rossijskoj-federaczii/766> (дата обращения: 15.08.2021).

условия для формирования правовой основы использования терминов «компьютер» и «компьютерное устройство» в законодательстве, но при этом не влечет за собой крупномасштабных изменений в действующем законодательстве, так как позволяет рассматривать термины «программа для ЭВМ» и «компьютерная программа» как взаимозаменяемые. Судя по содержанию п. 1 проекта ст. 1261, содержательная часть определения компьютерной программы осталась прежней. Одновременно был дополнен перечень объектов авторских прав. В их число, помимо операционных систем и программных комплексов, были включены программы, входящие в состав техники, а также мобильные приложения.

Проектной новеллой стало включение в п. 1 ст. 1261 положения о том, что распоряжение правами на компьютерные программы осуществляется в соответствии с правилами о распоряжении, предусмотренном для объектов авторского права, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. С нашей точки зрения, это слишком общее правило, имеющее бланкетный характер. Напомним, что в законе Армении этот момент прописан более тщательно. Тем не менее это важный шаг в развитии правового режима регулирования специфической сферы общественных отношений, связанных с созданием и оборотом компьютерных программ, возникновением исключительных прав на указанные объекты и распоряжением этими правами.

В состав абз. 2 п. 1 проекта ст. 1261 включено определение таких понятий, как исходный текст компьютерной программы, объектный код компьютерной программы, аудиовизуальное отображение, порождаемое компьютерной программой. Конечно, их было бы более логично расположить в статье «Основные понятия». Но так как подобного рода статья отсутствует в разделе 4 ГК РФ в отличие от законов об авторском праве государств — членов ЕАЭС, то включение в п. 1 норм-дефиниций является вполне оправданным. Таким образом, налицо уточнение терминологии, ее приведение в соответствие с современными представлениями и уровнем технологического развития.

Достаточно интересной выступает законопроектная новелла о версии компьютерной программы, содержащейся в п. 3 проекта ст. 1261. Под ней в абз. 1 п. 3 проекта ст. 1261 понимается модифицированный вариант, в отношении которого автор или иной правообладатель использует уникальное символическое обозначение. Одновременно авторские права действуют в отношении всех версий соответствующей компьютерной программы. В результате возникают все условия для расширения контроля со стороны правообладателей за степенью и глубиной их последующей переработки (модификации). Во многом, как нам представляется, это сбалансировано с интересами пользователей. Это можно обосновать тем, что в абз. 2 п. 1 проекта ст. 1261 закрепляется, что при предоставлении прав на использование компьютерной программы или базы данных по лицензионному договору, лицензиат приобретает право на использование версии компьютерной программы, указанной в договоре, а также версий, полученных в результате обновления такой компьютерной программы и предоставленной автором или иным правообладателем, либо иным лицом по соглашению с правообладателем (п. 3.1 ст. 1280 настоящего Кодекса). При этом предусматривается закрепление за автором или иным правообладателем права на самостоятельное определение момента, до наступления которого лицензиату предоставляются версии компьютерной программы или базы данных в рамках соответствующего лицензионного договора при условии, что если иное не предусмотрено лицен-

зионным или иным договором, который был заключен с пользователем данной компьютерной программы.

В содержательной и логической связи с данными положениями находится предложение по включению в ст. 1280 пункта следующего содержания: «3.1. В случае если лицу, правомерно владеющему экземпляром компьютерной программы или базы данных (пользователю), автором или иным правообладателем, либо иным лицом по соглашению с правообладателем, предоставляются версии такой программы или базы данных, пользователь получает право на использование таких версий на условиях простой (неисключительной) лицензии».

Перспективное положение содержится в п. 4 проекта ст. 1261. Здесь устанавливается, что при заключении договора в отношении компьютерной программы или базы данных, в котором предусматривается предоставление права на использование компьютерной программы или базы данных в форме переработки (модификации), стороны вправе указать степень и характеристики таких изменений, при которых результатом модификации компьютерной программы или базы данных станет новый самостоятельный объект авторского права. Таким образом, предлагается закрепить в договоре не только степень и характеристики изменений, при которых модифицированный объект становится независимым, но и сам момент появления характера независимости у модифицированной программы. Разумеется к правовым последствиям появления независимого объекта следует отнести возникновение необходимости охраны прав третьих лиц, которые получили либо экземпляры независимой программы, либо право их использования, после прекращения договора.

Таким образом, если в договоре было однажды уже дано согласие, предусматривающее возможность использования модифицированного объекта, распоряжения им и его защиты, то в дальнейшем получение подобного рода согласия правообладателя исходной программы или базы данных уже не требуется. Все это отнесено к существенным условиям подобного рода договора. Как итог, появление реальных перспектив устранения контроля правообладателя над дальнейшим использованием и распоряжением модифицированной программой.

Как уже отмечалось ранее, в ГК РФ достаточно объемное внимание уделено регламентации вопросов регистрации компьютерных программ. Рассматриваемый законопроект дополняет сложившееся здесь правовое регулирование. Предлагается ввести в п. 2 ст. 1262 шестой абзац следующего содержания: «По желанию правообладателя в заявку на регистрацию могут быть включены аудиовизуальные отображения компьютерной программы и базы данных, а также описание программы, содержащее особенности ее функционирования». В сущности, данное положение называть новеллой вряд ли целесообразно, так как во многом оно представляет собой не что иное, как закрепление практики Роспатента, которая установлена ведомственным административным регламентом¹. В случае принятия нового проекта ст. 1262 такая практика будет закреплена на уровне федерального законодательства. Помимо сказанного, в судебной практике

¹ См.: Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных (утвержден Приказом Минэкономразвития России от 10 июня 2016 г. № 371). URL: https://rospatent.gov.ru/docs/regulations/pr_minek_371/adm_reg_371.pdf (дата обращения: 19.08.2021).

в сфере разрешения споров о защите прав на компьютерные программы сформировался подход, согласно которому во многих случаях требуется предоставление таких сведений.

В законопроекте предусматривается уточнение описания объектов, которые не являются изобретениями. Напомним, что в п. 5 ст. 1350 «Условия патентоспособности изобретения» перечислены результаты интеллектуальной деятельности, не являющиеся изобретениями (открытия, научные теории и математические методы, программы для ЭВМ). Далее абз. 2 подп. 6 п. 5 содержит норму об исключении возможности отнесения данных объектов к изобретениям только в случаях, если заявка на выдачу патента на изобретение касается этих объектов как таковых. В свою очередь проект ст. 1350 предусматривает дополнение данного абзаца предложением следующего содержания: «изобретением может являться решение технической проблемы или достижение технического результата путем выполнения последовательности действий, осуществляемых с помощью вычислительной техники, включающей компьютерную программу». Представляется, что такое дополнение позволит расширить возможности для патентования объектов, которые включают компьютерные программы, которые сами по себе изобретениями не являются.

Как отмечает О.В. Ревинский, «...прямая охрана компьютерных программ (в виде текста) патентами невозможна (неправомерна), т.к. давала бы избыточную охрану (монополию) на такие программы» [7, с. 425]. В сущности с таким подходом коррелирует доктринальное положение о том, что «структура, последовательность и организация программы для ЭВМ не должны охраняться нормами авторского права, но могут подлежать охране нормами патентного права как изобретение в том случае, если такая программа представляет собой техническое решение, способ и связана с техническим устройством» [8, с. 101].

Рассматриваемый проект закона не предполагает перспективы использования патентной охраны компьютерных программ как таковых. Заметим, что в Директиве 2009/24/ЕС заложен достаточно гибкий подход. Так, в п. 16 преамбулы говорится о том, что в соответствующих случаях охрана компьютерных программ авторским правом не должна препятствовать применению иных форм охраны. Но, как представляется, на сегодняшний день речь не идет о предоставлении другого типа охраны, нежели авторско-правовая, а о все той же возможности патентования изобретений, включающих ПО, которое в свою очередь позволяет решить техническую задачу. Поэтому объектом изобретения или полезной модели может быть использование программы, а не сама программа. Положения рассматриваемого нами российского законопроекта вполне соответствуют мировой практике. Но одновременно с этим в мировой практике присутствует заинтересованность высокотехнологичных компаний в том, чтобы охранять свое ПО именно в качестве изобретения. Дело в том, что охрана компьютерной программы в виде литературного произведения в ряде случаев недостаточно эффективна.

По мнению В.А. Миронова, «фирме-конкуренту не составляет особого труда переписать исходный код защищенной в рамках авторского права компьютерной программы в несколько измененном виде, чтобы обойти защиту» [9, с. 35]. Но поскольку компьютерные программы продолжают оставаться объектом авторского права можно видеть, что, как показывает анализ деятельности патентного ведомства США и Европейского патентного ведомства, произошло увеличение доли патентов на изобретения в сфере приборостроения, связанных с программным

обеспечением [10, р. 61]. Так, в Сингапуре, США, Японии прямой законодательный запрет на патентование компьютерных программ отсутствует, а судебная практика идет по пути допущения их патентоспособности [11, с. 46–47].

И все же вопрос о возможности патентования компьютерных программ остается открытым [12, с. 183; 13, с. 32–45]. Это можно обосновать тем, что авторско-правовая охрана не учитывает и не может учитывать в полной мере всех особенностей технологической и функциональной природы компьютерной программы как охраняемого результата интеллектуальной деятельности. В конечном итоге, это приводит к проблемам ее защиты. Если имеют место нарушения исключительных прав на компьютерную программу, то возникает необходимость идентифицировать две сходные программы на основе декомпиляции. Но в его результате не происходит восстановление полного текста оригинальной программы. «Таким образом, достоверно установить факт нарушения авторского права с помощью экспертного заключение невозможно, что также свидетельствует о предпочтительности патентно-правовых механизмов защиты программного обеспечения» [14, с. 24]. В этом контексте достаточно расплывчатая формулировка Директивы 2009/24/ЕС, о которой мы уже упоминали, дает основание думать именно в этом духе. Поэтому возникает вопрос о возможности патентования не компьютерной программы в целом, а например, интерфейсов. Государства — члены ЕАЭС придерживаются сложившейся концепции охраны компьютерной программы. Поэтому даже в том случае, если в государствах-членах и осуществляется внесение изменений в авторское право, то оно не затрагивает регулирование правового режима компьютерных программ. Например, изменения, предусмотренные в белорусском законодательстве¹, не затронули ст. 13 «Авторское право на компьютерную программу».

В силу высокой экономической ценности компьютерных программ в эпоху цифровой экономики, актуализируется вопрос о специальных мерах их защиты. Как можно было видеть, в законодательстве государств — членов ЕАЭС положения о специальных мерах защиты отсутствуют. Поэтому весьма важным является обращение к законодательному регулированию данного вопроса в праве ЕС. В частности, ст. 7 Директивы 2009/24/ЕС непосредственно посвящена специальным мерам защиты. В ней предлагает введение в законодательство государств — членов ЕС средств защиты от лиц, которые совершают следующие действия: выпуск в обращение контрафактного экземпляра компьютерной программы; владение в коммерческих целях контрафактным экземпляром компьютерной программы; содействие неразрешенному удалению или обходу технических средств, которые применялись для защиты компьютерной программы. Вместе с тем условия конфискации контрафактных экземпляров компьютерной программы определяются законодательством государств-членов. Одновременно с этим в п. 3 данной статьи предусматривается конфискация — в соответствии с национальными правилами — тех средств, которые упомянуты в под с) п. 1 ст. 7.

Подводя итоги проведенного анализа, перейдем к формулировке выводов. Во-первых, гармонизация авторско-правового режима охраны компьютерных программ в рамках ЕАЭС будет содействовать развитию рынка программного обеспечения и прав на него и одновременно придаст импульс для развития ИТ-

¹ См.: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2019 г. № 216-З «Об изменении Закона Республики Беларусь „Об авторском праве и смежных правах”» (принят Палатой представителей 13 июня 2019 г. Одобрен Советом Республики 27 июня 2019 г.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Н11900216&p1=1> (дата обращения: 03.09.2021).

компаний как условия успешного развития цифровой экономики. Одновременно для создания общего рынка программного обеспечения в ЕАЭС требуется проведение согласованной политики по модернизации положений действующего законодательства. За основу могут быть приняты российские законопроектные новеллы, хотя возможны и иные проектные шаги. Во-вторых, исследование определения содержания компьютерной программы в законодательстве об авторском праве государств — членов ЕАЭС свидетельствует о его частичной гармонизированности. Представляется, что гармонизация законодательного определения содержания термина «компьютерная программа» и дальнейший переход к его унифицированному использованию станет основой для гармонизации правового регулирования всех элементов авторско-правового режима компьютерных программ в рамках ЕАЭС. В-третьих, предстоит работа по гармонизации содержания исключительного права, предоставляемого соответствующим правообладателям, к которым могут быть отнесены не только физические, но и юридические лица. Все это можно осуществить в рамках реализации дорожной карты по гармонизации, а также на основе возможного международного договора о компьютерных программах, входящего в право ЕАЭС. В обоих случаях это предполагает проведение специальных консультаций и переговоров как составной части приложения совместных усилий, в том числе с использованием опыта ЕС. В-четвертых, особенностью российского законодательства по сравнению с законодательством других государств-членов является детальное регулирование регистрации программ для ЭВМ (ст. 1262 ГК РФ). Включение аналогичных положений в законодательство других государств — членов ЕАЭС, а также в текст возможного международного договора об охране и защите компьютерных программ будет содействовать устранению барьеров на пути оборота ПО и прав на него в рамках ЕАЭС. И, наконец, в-пятых, составной части совершенствования и гармонизации авторско-правового режима охраны компьютерных программ должно стать совершенствование мер защиты, что особенно важно в условиях развития цифровой среды.

Библиографический список

1. *Азизян В.Г.* К вопросу о правовой охране компьютерных программ и баз данных // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 5–10.
2. *Janssens M-Ch.* The software Directive // EU copyright law: a commentary / ed. by I. Stamatoudi and P. Torremans. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2014. P. 89–148.
3. *Василенко А., Гончар Т.* Правовая охрана компьютерных программ в ЕАЭС // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2021. № 1. С. 34–41.
4. *Болтуева М.* К вопросу о правовой категории «компьютерная программа» // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук. 2018. № 2. С. 113–120.
5. *Кондратьева Е.А.* Программа для ЭВМ как особый объект авторского права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 146–151.
6. *Щербачева Л.В.* Проблемы формирования норм права на результаты интеллектуальной деятельности в ЭВМ // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 104–106.
7. *Ревинский О.В.* Право промышленной собственности: курс лекций. М.: Юрсервитум, 2017. 425 с.
8. *Чурилов А.Ю.* Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1. С. 94–101.

9. *Миронов В.А.* Особенности патентования в цифровой экономике // Цифровая экономика. 2019. № 3. С. 34–38.
10. *Martinez C.* Expanding patents in the digital world: the examples of patents in software // Intellectual property and digital trade in the age of the artificial intelligence and big data / ed. by X. Scuba, Ch. Geiger and J. P. nin. Geneva: CEIPI-ICISD, 2018. P. 55–65.
11. *Шугурова И.В.* Охрана промышленной собственности в ЕС и ЕАЭС: тенденции гармонизации и унификации правового регулирования. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. 187 с.
12. *Карина К.Р.* Международный опыт патентования компьютерных программ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 182–183.
13. *Боровская Е.А., Кудашев В.И.* и др. Правовая охрана компьютерных программ и баз данных. Минск: Республиканский центр трансфера технологий, 2018. 158 с.
14. *Егорова М.А.* «Нетрадиционные» объекты авторского права: критерии охраноспособности, механизмы защиты // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2014. № 1. С. 21–28.

References

1. *Azizyan V.G.* On the Issue of Legal Protection of Computer Programs and Databases // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. P. 5–10.
2. *Janssens M-Ch.* The Software Directive // EU Copyright Law: a Commentary / ed. by I. Stamatoudi and P. Torremans. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2014. P. 89–148.
3. *Vasilenko A., Gonchar T.* Legal Protection of Computer Programs in the EAEU // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2021. No. 1. P. 34–41.
4. *Boltueva M.* On the Question of the Legal Category “Computer Program” // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Humanities Series. 2018. No. 2. P. 113–120.
5. *Kondratyeva E.A.* Computer Program as a Special Object of Copyright // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2015. No. 1. P. 146–151.
6. *Shcherbacheva L.V.* Problems of the Formation of Legal Norms for the Results of Intellectual Activity in Computers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 6. P. 104–106.
7. *Revinsky O.V.* Industrial Property Law. Lecture course. M. Publishing House “Yurservitum”, 2017. 425 p.
8. *Churilov A.Yu.* Problems of Protection of Computer Programs // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 1. P. 94–101.
9. *Mironov V.A.* Features of Patenting in the Digital Economy // Digital Economy. 2019. No. 3. P. 34–38.
10. *Martinez C.* Expanding Patents in the Digital World: the Examples of Patents in Software // Intellectual Property and Digital Trade in the Age of the Artificial Intelligence and Big Data / ed. by X. Scuba, Ch. Geiger and J. Pénin. Geneva: CEIPI-ICISD, 2018. P. 55–65.
11. *Shugurova I.* Industrial Property Protection in the EU and the EAEU: Trends in Harmonization and Unification of Legal Regulation. Saratov: “Science”, 2020. 187 p.
12. *Karina K.R.* International Experience of Patenting Computer Programs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. P. 182–183.
13. *Borovskaya E.A., Kudashev V.I.* and others. Legal Protection of Computer Programs and Databases. Minsk: Republican Center for Technology Transfer, 2018. 158 p.
14. *Egorova M.A.* “Non-Traditional” Objects of Copyright: Criteria for Protection, Protection Mechanisms // Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series “Law”, 2014. No. 1. P. 21–28.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-57-63

УДК 341.1/8

Д.В. Красиков

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРИНЦИПА СУВЕРЕНИТЕТА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ*

Введение: активное развитие общественных отношений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, вернуло в международный и внутригосударственный политико-правовой дискурс принцип государственного суверенитета: широко обсуждается содержание данного принципа, особенности его применения в киберпространстве, конкретизируются вытекающие из него обязательства, провозглашаются новые его измерения. **Цель:** рассмотреть вопрос о том, как распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и его последствия повлияли на политико-правовое восприятие и использование концепции суверенитета применительно к общественным отношениям в киберпространстве в международно-правовом контексте. **Методологическая основа:** в основу исследования положены методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** рассмотрены изменения в развитии дискуссии о международно-правовой квалификации кибератак в контексте принципа суверенитета; кратко рассмотрена получившая широкое распространение в науке конкретизация концепции обязательства надлежащей распорядительности в связи с противодействием распространению COVID-19; на примере Европейского Союза показано усиление концепции суверенитета за счет развития его цифрового/технологического измерения. **Выводы:** распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и последствия этого актуализируют обращение к концепции суверенитета в связи с обсуждением международно-правовой квалификации кибератак и способствуют дальнейшему развитию вытекающей из принципа суверенитета концепции обязательства надлежащей распорядительности в отношении медицинских учреждений и разработки вакцины от COVID-19; кроме того, пандемия COVID-19 послужила катализатором дальнейшего развития концепции цифрового/технологического суверенитета Европейского Союза.

Ключевые слова: принцип суверенитета, кибероперации, COVID-19, пандемия, цифровой суверенитет ЕС.

© Красиков Дмитрий Владимирович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: krasikovdv@list.ru

© Krasikov Dmitry Vladimirovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Head of the Department of International Law (Saratov State Law Academy)

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00806 «Теоретико-практическая модель утверждения территориального суверенитета и делимитации юрисдикций государств в киберпространстве».

D.V. Krasikov

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON POLITICAL AND LEGAL PERCEPTION OF THE PRINCIPLE OF SOVEREIGNTY IN CYBERSPACE

Background: the dynamic development of public relations involving the use of information and communication technologies has returned the principle of state sovereignty to the international and domestic political and legal discourse; the content of this principle, the features of its application in cyberspace, the obligations arising from it are actively discussed, and new dimensions are proclaimed. **Objective:** to consider how the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) and its consequences have affected the political and legal perception and use of the concept of sovereignty in regard to public relations in cyberspace in an international legal context. **Methodology:** the research is based on methods of analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods. **Results:** the changes in the development of the discussion on the international legal qualification of cyber attacks in the context of the principle of sovereignty are considered; the concretization of the concept of the obligation of due diligence in connection with countering the spread of COVID-19, which has become widespread in science, is briefly considered; the strengthening of the concept of sovereignty through the development of its digital/technological dimension is shown on the example of the European Union. **Conclusions:** the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) and its consequences update the appeal to the concept of sovereignty in connection with the discussion of the international legal qualification of cyber attacks and contribute to the further development of the concept of the obligation of due diligence arising from the principle of sovereignty in relation to medical institutions and the development of a vaccine against COVID-19; in addition, the COVID-19 pandemic has served as a catalyst for the further development of the concept of digital/technological sovereignty of the European Union.

Key-words: principle of sovereignty, cyber operations, COVID-19, pandemic, EU digital sovereignty.

Стремительное развитие общественных отношений связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, вернуло в международный и внутригосударственный политико-правовой дискурс принцип государственного суверенитета, хотя еще сравнительно недавно акцент на этой традиционной правовой концепции мог вызвать если не критическое, то во всяком случае несколько скептическое отношение со стороны некоторых исследователей. Так, в науке широко обсуждаются разногласия между западноевропейским и иными политическими подходами к определению значения принципа суверенного равенства и других принципов международного права в современных международных отношениях¹. Вместе с тем, развитие отношений в киберпространстве и расширение спектра соответствующих угроз поколебали основания для распространения представлений о том, что закрепленные в Уставе ООН 1945 г. такие принципы, как: суверенное равенство государств или недопустимость вмешательства во внутренние дела других государств, устарели и что центральную

¹See: *Mälksoo L.* Russia and China Challenge the Western Hegemony in the Interpretation of International Law. URL: <https://www.ejiltalk.org/russia-and-china-challenge-the-western-hegemony-in-the-interpretation-of-international-law> (дата обращения: 01.08.2021).

нормативную роль в глобальном управлении играют (или должны играть) иные концепции, более цивилизованные и «продвинутое».

С одной стороны, отсутствие в киберпространстве государственных границ в традиционном их понимании может вызвать сомнения в применимости принципа суверенитета, имеющего неразрывную связь с территорией государства¹, с другой, как показывает практика, государства не только проявляют значительную готовность к подчинению этой новой сферы общественных отношений устоявшимся подходам, основанным на принципе суверенитета, но и начали более активно обращаться к самой концепции суверенитета, расширяя спектр ее измерений и стремясь утвердить близкое им понимание ее содержания. Во-первых, понятие «суверенитет» вернулось в политико-правовую дискуссию в связи с обсуждением проблем международно-правовой квалификации кибератак [1; 2]. Во-вторых, концепция суверенитета получила новые измерения: появились и плотно вошли в политическую повестку многих государств такие понятия, как «технологический суверенитет», «информационный суверенитет», «киберсуверенитет».

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о том, как распространение новой коронавирусной инфекции (*COVID-19*) и его последствия повлияли на политико-правовое восприятие и использование концепции суверенитета. Для этой цели, во-первых, рассмотрены соответствующие изменения в развитии дискуссии о международно-правовой квалификации кибератак в контексте принципа суверенитета; во-вторых, кратко рассмотрена получившая широкое распространение в науке конкретизация концепции обязательства надлежащей распорядительности в связи с противодействием распространению *COVID-19*; и, в-третьих, на примере Европейского Союза (далее — ЕС) показано усиление концепции суверенитета за счет развития его цифрового/технологического измерения.

Последствия распространения *COVID-19* привели к актуализации научной и практической дискуссии об оценке кибератак в контексте принципа суверенитета и, соответственно, о правовой природе данного принципа. Так, обсуждается, представляет ли собой данный принцип конкретное юридически обязательное правило поведения, может ли он быть нарушен как таковой и при каких условиях [3; 4].

Эксперты-разработчики Таллинского руководства 2.0 о международном праве, применимом к кибероперациям, 2017 года (далее — Таллинское руководство 2.0) заняли позицию, согласно которой принцип суверенитета применим в киберпространстве и государства не должны проводить кибероперации, нарушающие суверенитет других государств [5, р. 11, 17]. Согласно комментариям к Таллинскому руководству 2.0, нарушающими суверенитет государства являются присваиваемые другому государству кибероперации при условии, что имеет место либо достигающее определенного порога нарушение территориальной целостности потерпевшего государства, либо вмешательство в осуществление неотъемлемых правительственных функций данного государства или их узурпация [5, р. 20]. Другие специалисты высказывают сомнения в справедливости такого подхода и утверждают, что нельзя считать, что сформировалась достаточная практика и

¹See: *Barlow J.P.* A Declaration of the independence of cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 26.08.2021).

opinio juris относительно такого понимания принципа суверенитета [4, р. 208]. При этом разнятся и позиции, высказываемые от имени государств по данному вопросу [6, р. 252–253].

В контексте пандемии *COVID-19* аргументы сторонников автономного нормативного характера принципа суверенитета не только приобрели большую конкретику, но и морально усилились за счет актуальности и общественной важности проблем противодействия распространению новой коронавирусной инфекции. С одной стороны, это связано с ростом киберпреступности, спровоцированным перемещением в киберпространство значительного объема общественных отношений¹, с другой — особой важностью цифровых технологий для борьбы с пандемией². Так, утверждается, что потенциальная возможность квалификации кибероперации в качестве нарушения суверенитета другого государства значительно облегчает противодействие злонамеренной киберактивности, в т.ч. в условиях пандемии [6, р. 253]. Применяя изложенные в комментарии к Таллинскому руководству 2.0 абстрактные критерии нарушения суверенитета к обстоятельствам, связанным с пандемией, исследователи вырабатывают условия квалификации киберопераций в качестве нарушения принципа суверенитета. В первую очередь такое нарушение имеет место, если кибероперация напрямую или опосредованно вызывает негативные последствия на территории «атакованного» государства (включая приведение медицинского оборудования в состояние неработоспособности, смерть каких-либо лиц или неблагоприятные последствия для их здоровья, временное блокирование работы сайтов, предоставляющих информацию о результатах тестирования на наличие *COVID-19*, если это привело к росту числа заболевших, и т.д.) [6, р. 253–254]. Альтернативным условием является вмешательство в осуществление государственных функций (даже при отсутствии негативных последствий), к числу которых относится кризисное управление во время эпидемии или пандемии; и любая присваиваемая государству кибероперация, которая нарушает планирование и осуществление антикризисного управления другим государством во время пандемии на любом уровне власти, квалифицируется как нарушение суверенитета, независимо от того, подвергает ли кибероперация опасности здоровье или жизнь людей (примерами служат создание препятствий распространению информации о *COVID-19*, нарушение координации правительством процесса приобретения и распределения медицинского оборудования и материалов в наиболее нуждающихся районах страны) [6, р. 255].

Кроме того, в ходе общественной дискуссии получила дальнейшее развитие вытекающая из принципа суверенитета концепция обязательства надлежащей распорядительности, согласно которой государства не должны позволять использовать свои территории, а также территории или киберинфраструктуру, находящиеся под их контролем, для киберопераций, которые затрагивают права других государств и приводят к серьезным неблагоприятным для них последствиям [5, р. 30]. Так, в двух совместных заявлениях, сделанных группой авторитетных специалистов в области международного права в рамках Оксфордского процесса,

¹ See: *Mihailović A., Rašović N.* Cybersecurity in the New Reality: Systematic Review in the Context of COVID-19 // *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. 2020. Vol. 5. Issue 12. P. 1089–1090.

² See: *Wang L., Alexander Ch.A.* Cyber security during the COVID-19 pandemic // *AIMS Electronics and Electrical Engineering*. 2021. Vol. 5. Issue 2. P. 147.

посвященного международно-правовым средствам защиты в киберпространстве¹, данное обязательство было конкретизировано в контексте пандемии *COVID-19* в отношении медицинских учреждений и разработки вакцины. В заявлении, посвященном международно-правовой защите от киберопераций, направленных на сектор здравоохранения, отмечается, что когда государству известно или должно быть известно о кибероперации, исходящей с его территории или инфраструктуры, находящейся под его юрисдикцией или контролем, и которая может вызвать неблагоприятные последствия для медицинских учреждений за рубежом, государство должно принять все возможные меры для предотвращения или прекращения такой операции, а также для смягчения любого вреда, который может возникнуть или причинен соответствующей операцией². В заявлении о защите исследований в области вакцин подчеркивается, что государства должны принимать все возможные меры для предотвращения, прекращения и сдерживания злонамеренных киберопераций, направленных против данных или технологий, используемых для исследования, испытания, производства или распространения вакцины против *COVID-19*, о которых им известно или должно быть известно, что они происходят с их территории или в пределах их юрисдикции³.

Пандемия *COVID-19*, с одной стороны, показала взаимозависимость государств и их уязвимость в случае недобросовестного поведения друг друга, с другой — продемонстрировала, что в условиях чрезвычайной ситуации именно национальные власти несут главную ответственность за защиту общественных интересов. Ключевая роль национальных правительств в борьбе с пандемией поколебала широко распространяющиеся с 1990-х гг. представления о глобализационных процессах, приводящих к снижению влияния внутригосударственных властей [7, с. 10]. Обладание суверенитетом не только возлагает на государства позитивную ответственность, но и дает необходимые инструменты для ее реализации: государства в ходе борьбы с пандемией выбирают различные средства исходя из индивидуальных обстоятельств, вплоть до радикальных мер, таких как, закрытие границ и введение локдаунов.

Этим объясняется возвращение концепции суверенитета в центр общественных и политических дискуссий, в определенной степени влекущих своего рода ее «перерождение». Наглядной иллюстрацией этому служит ее восприятие в политико-правовом дискурсе о цифровом/технологическом суверенитете ЕС, который хотя и возник до пандемии *COVID-19*, но значительным образом актуализировался в связи с ней.

Ранее избегавшие обращения к концепции суверенитета институты ЕС сегодня активно используют ее, развивая направление цифрового/технологического суверенитета в общеевропейской повестке. Пандемия *COVID-19* усилила значимость и регулятивного, и стратегического измерений данного направления:

¹ See: The Oxford Process on International Law Protections in Cyberspace. URL: <https://elac.web.ox.ac.uk/the-oxford-process-on-international-law-protections-in-cyberspace#/> (дата обращения: 01.08.2021).

² See: The Oxford Statement on the International Law Protections Against Cyber Operations Targeting the Health Care Sector. URL: <https://elac.web.ox.ac.uk/the-oxford-statement-on-the-international-law-protections-against-cyber-operations-targeting-the-hea#/> (дата обращения: 01.08.2021).

³ See: The Second Oxford Statement on International Law Protections of the Healthcare Sector During Covid-19: Safeguarding Vaccine Research. URL: <https://elac.web.ox.ac.uk/article/the-second-oxford-statement#/> (дата обращения: 01.08.2021).

повысилась актуальность проблем защиты личных данных граждан ЕС, информации медицинского характера, а также проблем зависимости ЕС и европейских пользователей от частных иностранных компаний, в т.ч. связанных с услугами в сфере здравоохранения¹. В этих обстоятельствах в ЕС возлагаются большие надежды на усиления по достижению цифрового/технологического суверенитета, которые призваны обеспечить защиту прав и интересов граждан, а также лидерство и стратегическую автономию ЕС в цифровой сфере².

В заключение, констатируя значительное повышение научно-исследовательского и политического внимания к концепции суверенитета в контексте пандемии *COVID-19*, нельзя не обратить внимание и на риски, порождаемые укреплением «суверенистских» тенденций в современном мире. Требуемое от государств тщательное балансирование частных и общественных интересов всегда сопряжено с рисками неправомерного вмешательства в права человека, в особенности если речь идет о чрезвычайных обстоятельствах, в которых государства обладают большей свободой усмотрения при реализации международных обязательств в сфере прав человека [8, с. 117; 9, с. 109]. Борьба с пандемией может использоваться государствами как предлог для такого вмешательства: меры по противодействию «инфодемии» могут осуществляться в политических целях; сбор данных о состоянии здоровья людей, их местонахождении, контактах помимо провозглашаемых целей, связанных с обеспечением эпидемиологического благополучия людей, может, по существу, превратиться во внедрение государствами систем тотальной слежки. Необходимо понимать, что укрепление и развитие принципа суверенитета государств не должно умалять значения иных принципов международного права и в первую очередь принципа всеобщего уважения основных прав и свобод человека.

Библиографический список

1. Липкина Н.Н. Принцип суверенитета государства в киберпространстве: проблемы определения содержания в современном международном праве // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 275–280.
2. Липкина Н.Н. Принцип суверенитета государства в киберпространстве: подходы к определению правовой природы в современном международном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 108–113.
3. Schmitt M.N., Vihul L. Sovereignty in cyberspace: lex lata vel non? // American journal of international law unbound. 2017. Vol. 111. P. 213–218.
4. Corn G.P., Taylor R. Sovereignty in the age of cyber // American journal of international law unbound. 2017. Vol. 111. P. 207–212.
5. Tallinn manual 2.0 on international law applicable to cyber operations / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge university press, 2017. 638 p.
6. Milanovic M., Schmitt M.N. Cyber Attacks and Cyber (Mis)information Operations During a Pandemic // Journal of National Security Law & Policy. 2020. Vol. 11. P. 247–284.
7. Stückelberger Ch. Post-Corona World: Balancing International Cooperation and National Sovereignty // Право и управление. XXI век. 2020. № 2(55). P. 10–17.

¹See: *Obendiek A.S.* Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe. Hertie School Jacques Delors Centre Policy Paper. URL: <https://www.delorscentre.eu/en/publications/detail/publication/take-back-control-digital-sovereignty-and-a-vision-for-europe> (дата обращения: 01.08.2021).

²See: Digital sovereignty for Europe. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (дата обращения: 01.08.2021).

8. *Липкина Н.Н.* Международно-правовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы // Журнал российского права. 2014. № 4(208). С. 112–118.

9. *Липкина Н.Н.* Правовые основания применения концепции «свободы усмотрения» в практике Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2008. № 9(141). С. 106–117.

References

1. *Lipkina N.N.* The Principle of State Sovereignty in Cyberspace: Problems of Content Definition in Modern International Law // Business. Education. law. 2020. No. 4 (53). P. 275–280.

2. *Lipkina N.N.* The Principle of State Sovereignty in Cyberspace: Approaches to the Definition of Legal Nature in Modern International Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 5 (136). P. 108–113.

3. *Schmitt M.N., Vihul L.* Sovereignty in Cyberspace: Lex Lata Vel Non? // American journal of international law unbound. 2017. Vol. 111. P. 213–218.

4. *Corn G.P., Taylor R.* Sovereignty in the Age of Cyber // American journal of international law unbound. 2017. Vol. 111. P. 207–212.

5. Tallinn manual 2.0 On International Law Applicable to Cyber Operations / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge university press, 2017. 638 p.

6. *Milanovic M., Schmitt M.N.* Cyber Attacks and Cyber (Mis)information Operations During a Pandemic // Journal of National Security Law & Policy. 2020. Vol. 11. P. 247–284.

7. *Stückerberger Ch.* Post-Corona World: Balancing International Cooperation and National Sovereignty // Право и управление. XXI век. 2020. № 2(55). P. 10–17.

8. *Lipkina N.N.* The International Legal Obligation to Respect Human Rights: the Main Elements of the Content and Limits // Journal of Russian Law. 2014. No. 4(208). P. 112–118.

9. *Lipkina N.N.* Legal Grounds for Applying the Concept of “Freedom of Discretion” in the Practice of the European Court of Human Rights // Journal of Russian Law. 2008. No. 9 (141). P. 106–117.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-64-70
УДК 342.24

Т.В. Заметина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: актуальность проблематики территориальной организации государства связана с вопросами структурирования государственной власти, разграничением компетенции между Федерацией и субъектами и обусловлена проведенной конституционной реформой 2020 г., придавшей дополнительный импульс реформе федеративных отношений. **Цель:** поиск адекватного подхода к вопросам совершенствования территориальной организации государства и законодательного регулирования этого процесса. **Методологическая основа:** анализ категорий «территориальная организация», «территориальное развитие», «федеративное развитие», совокупность диалектического и системного методов исследования, а также формально-юридического метода в выявлении особенностей правового регулирования анализируемых явлений правовой действительности. **Результаты:** анализ теоретических источников, практики Конституционного Суда РФ, действующих стратегических документов, российского законодательства — свидетельствует о существовании различных подходов в понимании принципов и сущности территориальной организации государства, это приводит к использованию различных формулировок в текстах нормативно-правовых актов. Аргументирована авторская позиция относительно нетождественности понятий «территориальное развитие», «пространственное развитие», «федеративное развитие». **Выводы:** существует необходимость концептуального определения на государственном уровне стратегических установок в сфере развития федеративных отношений.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, территориальная организация государства, Конституционная реформа 2020 года, стратегия, пространственное развитие, федеральные территории, федеративные отношения.

T.V. Zametina

IMPROVING THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Background: the relevance of the problems of the state territorial organization is related to the issues of structuring state power, the division of competence between the Federation and the subjects and is due to the constitutional reform carried out in 2020, which gave an additional impetus to the reform of federal relations. **Objective:** to find the most adequate approach to the issues of improving the territorial organization of the state and legislative regulation of this process. **Methodology:** analysis of the categories “territorial organization”, “territorial development”, “federal development”, a set of dialectical and systematic research methods, as well as a formal legal method in identifying the features of legal regulation of the analyzed phenomena of legal reality. **Results:** the analysis of theoretical sources, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the current strategic documents and Russian legislation indicates the existence of different approaches to understanding the principles and essence of the territorial organization of the state, which leads to the use of different formulations in the texts of normative legal acts, the author’s position on the non-identity of the concepts of “territorial development”, “spatial development”, “federal development” is argued. **Conclusions:** there is a need for a conceptual definition at the state level of the strategic attitudes of the state in the sphere of the development of federal relations in the country.

Key-words: Constitution of the Russian Federation, territorial organization of the state, constitutional reform of 2020, strategy, spatial development, federal territories, federal relations.

Вопросы территориальной организации государства актуальны в юридической науке, поскольку тесно связаны с структурированием государственной власти, определением оптимальной модели разграничения предметов ведения и полномочий в условиях федерации, поиском эффективных форм управленческой деятельности, а также обеспечением демократических институтов, прав и свобод граждан на всей территории страны.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что авторы используют различные понятия, для определения территориальной основы государства такие как: «территориальная организация государства» [1, с. 5], «территориальное устройство» [2, с. 12], «государственная территориальная организация страны» [3, с. 7], «государственно-территориальная организация публичной власти»¹, «политико-территориальная структура государства» [4, с. 14], «политико-территориальное устройство государства» [5, с. 4], «публично-территориальная организация» [6, с. 66], «территориальная организация власти» [7] и др.

Очевидна неравнозначность терминов «государственное устройство» и «территориальное устройство», которые соотносятся как целое и часть, при этом территориальная (или политико-территориальная) организации государства

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта „а” пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

выступает необходимой составляющей института государственного устройства. При этом если термины «территориальное устройство», «территориальная структура» и «территориальная организация» можно рассматривать как синонимичные, то такие понятия как «территориальная организация государства» и «территориальная организация власти в государстве» синонимами не являются. В первом случае речь идет о формах территориальной организации государства как публично-правового образования, взаимоотношениях Федерации (целое) с ее субъектами (составными частями), во втором — об особенностях формирования и функционирования системы государственных органов публичной власти в рамках территории государства. Орган конституционного контроля в своих решениях оперирует в основном понятиями «территориальное устройство государства» (постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П, от 22 января 2002 г. № 2-П и др.)¹ и «государственно-территориальная организация публичной власти» (Постановление от 10 июня 1998 г. № 17-П).

Действующее законодательство и стратегические документы в сфере федерализма, региональной политики и совершенствования территориальной организации экономики (например, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.) демонстрируют различные подходы к вопросам совершенствования территориальной организации Российской Федерации. Например, Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (в ред. от 31 октября 2005 г.)² закрепляет юридическую процедуру «укрупнения» субъектов Федерации, поскольку «образование в составе Российской Федерации нового субъекта может быть осуществлено в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 5 ФКЗ). Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.³ ориентирована на создание крупных и крупнейших городских агломераций как территориальной основы организации экономики, и процедуры их формирования отличны от обозначенных в Федеральном конституционном законе.

Утвержденная Постановлением Правительства РФ от 18 мая 2016 г. № 445 Государственная программа Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» (в ред. от 31 декабря 2020 г.)⁴ направлена на повышение качества управления государственными финансами субъектов Российской Федерации и муниципальными финансами.

Обеспечение пространственного развития экономики, совершенствования механизмов регулирования миграции обозначены в качестве целей государственной политики регионального развития⁵, вопросы совершенствования собственно территориальной организации субъектов Федерации здесь не рассматриваются.

¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 1997; 2002. №3.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4916.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 7, ч. II, ст. 702.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 22, ст. 3224; 2021. № 2, ч. II, ст. 469.

⁵ См.: Указ Президента РФ от 16 января 2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 4, ст. 637.

Поправки в Конституцию РФ 1993 г., внесенные в 2020 г., касались, в т.ч. гл. 3 Основного Закона — «Федеративное устройство». Указанными положениями были расширены гарантии территориальной целостности России и обеспечение ее государственного суверенитета, внесены новеллы в конституционную модель разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, предусмотрено создание федеральных территорий, а также подверглись совершенствованию институциональные основы федерализма (статус Совета Федерации, Государственного Совета).

К моменту принятия в 2020 г. поправок к Конституции стало очевидно, что развитие конкретизирующего ее законодательства, за прошедший, после вступления в силу Основного Закона, период, еще не завершено. Например, согласно ч. 5 ст. 66 Конституции РФ 1993 г. «Статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом», указанный закон до сих пор не принят. Таким образом, фактически сохраняется мораторий на трансформацию статуса субъектов в рамках Российской Федерации.

Поправки в Конституцию до конца не урегулировали ряд вопросов в сфере территориальной организации государства. Вопросы государственного суверенитета России, пределы его распространения всегда имели особую значимость, и поправки 2020 г. это подтвердили, но он приобретает особую актуальность и в связи с возможностью появления новых территорий России. В отличие от норм международного права, до сих пор нет внутригосударственного акта, закона (федерального конституционного закона или федерального закона) посвященных этому вопросу.

Вопросы создания искусственных островов регламентируются рядом федеральных законов, среди которых «О континентальном шельфе Российской Федерации» 1995 г.¹, «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» 1998 г.² и др. Статья 1 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (в ред. от 31 октября 2005 г.) устанавливает, что «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта — процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части», и указанный федеральный конституционный закон подробно определяет эту процедуру. А какова она должна быть, если речь идет о присоединении не территории государства или его части, а просто территории? Так, например, в 2015 г. территория России за счет открытия девяти новых островов и островков в Арктике выросла на площадь до 10 кв. км., а площадь континентального шельфа 370 кв. км.³

Поправки в Конституцию от 2020 г. ввели новое понятие «федеральные территории». Согласно ч. 1 ст. 67 Конституции «на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные террито-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 49, ст. 4694.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3833.

³ URL: https://www.korabel.ru/news/comments/blagodarya_arktickeskoj_ekspedicii_v_rossii_stalo_na_devyat_ostrovov_bolshe.html (дата обращения: 30.08.2021).

рии». 22 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 437-ФЗ, посвященный территории «Сириус»¹. В условиях отсутствия базового закона о федеральных территориях, законодатель вероятно пойдет по пути принятия специальных федеральных законов, посвященных отдельным федеральным территориям. В частности, обсуждается вопрос о создании федеральных территорий в Арктике, в районе озера Байкал, Кавказских Минеральных Вод, особо охраняемых природных территорий и т.д.

Однако помимо указанного Федерального закона о федеральной территории Сириус, в российском правовом поле есть и иные нормативные акты, касающиеся особенностей экономической организации территорий. Например, образованы и функционируют территории опережающего социально-экономического развития², зоны территориального развития³, особые экономические зоны⁴.

Территории опережающего развития определяются как часть территории субъекта Российской Федерации (в том числе ЗАТО, и (или) акватории водных объектов) в пределах которой устанавливается особый правовой режим предпринимательской, инвестиционной и иной деятельности в целях обеспечения социально-экономического развития субъекта (например, постановления Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 1908 «О создании территории опережающего социально-экономического развития „Кувшиново“», от 23 ноября 2020 г. № 1901 «О создании территории опережающего социально-экономического развития „Инза“»⁵).

Согласно Федеральному закону от 3 декабря 2011 г., зона территориального развития в Российской Федерации — часть территории субъекта Российской Федерации, на которой «в целях ускорения социально-экономического развития субъекта Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику резидентам зоны территориального развития предоставляются меры государственной поддержки». Постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2019 г. № 1770 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития»⁶ утвержден перечень субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития. Он охватывает 20 субъектов Федерации, входящих в различные федеральные округа. Регионы были включены в перечень на основании экономических показателей, их бюджетной обеспеченности и качества жизни населения на протяжении 10 лет. Статья 13 указанного Федерального закона предусматривает предоставление мер государственной поддержки юридическим лицам или

¹ См.: Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (в ред. от 20 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 52, ч. I, ст. 8583.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 26.

³ См.: Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 5, ст. 7070.

⁴ См.: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. II, ст. 3127.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 48, ст. 7758; 2020. № 48, ст. 7754.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 52, ч. II, ст. 8001.

индивидуальным предпринимателям, включенным в реестр резидентов зоны территориального развития.

Особая экономическая зона — часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может быть внедрена процедура свободной таможенной зоны. То есть основной целью их создания является привлечение прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности. В России функционирует 39 ОЭЗ (20 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые), где зарегистрировано более 900 резидентов, общий объем инвестиций составил более 1,17 трлн руб.¹

Анализ перечисленных Федеральных законов, посвященных экономическим аспектам организации отдельных территорий свидетельствует о том, что если территория опережающего развития и зоны территориального развития определяются как часть территории субъекта Российской Федерации, то особая экономическая зона в законе обозначена как часть территории Российской Федерации, хотя также, как правило, это часть территории региона. Подобная терминологическая дифференциация препятствует адекватному пониманию принципиальных отличий правового режима указанных территорий.

Данный подход — создание экономических условий, «точек роста» на отдельных территориях страны, реализуется в духе Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., направленной на достижение устойчивого социально-экономического развития субъектов РФ. Фронтальная стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. разрабатываемая Правительством РФ также сфокусирована на реализации национальных целей государственного развития, поддержке регионов, приоритетных отраслей экономики. В XXI в. наше государство отказалось от политики поддержки отдельных субъектов Федерации, ориентировалось на создание экономических условий развития отдельных территорий и пространств в пределах одного (нескольких) субъектов Федерации. Очевидна неравнозначность терминов «территориальное развитие», «пространственное развитие», «федеративное развитие». Пространственное развитие касается, в первую очередь, совершенствования системы расселения и территориальной организации экономики, и никак не связано с модернизацией существующей территориальной организации государства. Составной частью федеративного развития может являться территориальное развитие, но оно не сводится только к нему, поскольку круг федеративных отношений гораздо шире вопросов укрупнения субъектов Федерации и иных территориальных преобразований внутри нее.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г. не уделяют внимание вопросам совершенствования существующей территориальной организации России, созданию гарантий реализации конституционных принципов Российского Федерализма. Процессы укрупнения, интеграции субъектов замещаются процессами создания агломера-

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/?sa=X&ved=2ahUKewi9ofu5KToAhUMg5IKHd7ABz8Q9QF6BAgCEAI#:~:text=В%20России%20функционирует%2038%20ОЭЗ,иностранного%20капитала%20из%2041%20страны (дата обращения: 30.08.2021).

ций. Какая-либо официально утвержденная Концепция развития Российского федерализма, основанная на средне- и долгосрочных прогнозах функционирования федеративных отношений отсутствует. В то же время помимо упрочения социально-экономических основ федерализма, большое значение приобретает создание его организационных основ, внедрение конституционных принципов федерализма при условиях сохранения самостоятельности субъектов Федерации в пределах, обозначенных Конституцией РФ 1993 г., а также сохранения культурного, языкового и национального многообразия народов, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Некрасов С.И. Территориальная организация государства в отечественном государствоведении: вопросы преемственности и новаций // Российское право онлайн. 2020. № 2. С. 5–14.
2. Грачев Н.И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. 46 с.
3. Сысоева Е.А. Категория «территория» в правовой теории и практике законодательного регулирования федеративного устройства современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2006. 22 с.
4. Конев Ф.Ф. Федерализм: теоретико-правовые аспекты и опыт России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 18 с.
5. Замышляев Д.В. Национальный фактор в государственном устройстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 25 с.
6. Ливеровский А.А. Исторические и правовые особенности субъектного состава Российской Федерации // Правоведение. 2001. № 1. С. 63–86.
7. Прохоров А.В. Федерализм как форма территориальной организации власти в правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

References

1. Nekrasov S.I. Territorial Organization of the State in Domestic State Studies: Issues of Continuity and Innovations // Russian Law online. 2020. No. 2. P. 5–14.
2. Grachev N.I. State Structure and Sovereignty in the Modern World: Questions of Theory and Practice. Extended abstract dis ... Doc. of law. Volgograd, 2009. 46 p.
3. Sysoeva E.A. The Category “Territory” in the Legal Theory and Practice of Legislative Regulation of the Federal Structure of Modern Russia. Extended abstract dis ... cand. of law. Rostov-on-Don, 2006. 22 p.
4. Konev F.F. Federalism: Theoretical and Legal Aspects and the Experience of Russia. Extended abstract dis ... cand. of law. M., 2004. 18 p.
5. Zamyshlyayev D.V. The National Factor in the State Structure of the Russian Federation. Extended abstract dis ... cand. of law. Nizhny Novgorod, 2004. 25 p.
6. Liverovsky A.A. Historical and Legal Features of the Subject Composition of the Russian Federation // Pravovedenie. 2001. No. 1. P. 63–86.
8. Prokhorov A.V. Federalism as a Form of Territorial Organization of Power in a State Governed by the Rule of Law. Extended abstract dis ... cand. of law. M., 2008. 28 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-71-79

УДК 342.734

Н.В. Тупиков

ПРАВОСОЗНАНИЕ И СОБСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение: статья посвящена вопросам экономических отношений — их конституционно-правовому регулированию, воздействию при этом на правосознание человека. **Цель:** выявить взаимосвязь правосознания и собственности в системе конституционного регулирования современной России; закономерности и направления развития данной сферы отношений. **Методологическая основа:** диалектический метод, эмпирические и теоретические методы научного исследования, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** конституционное регулирование собственности, с учетом присущего ему механизма, воздействует на правосознание человека, формируя у него определенную совокупность душевных процессов и явлений (правовых идей, эмоций, чувств, памяти о них и т.п.) при осуществлении производства и потреблении благ. В системе конституционного регулирования современной России имеются особенности такого воздействия, рассмотренные в статье. **Выводы:** представляется необходимым рассмотреть в дальнейшем углубленно вопросы правосознания применительно к отдельным элементам структуры экономического отношения, возвращаясь при этом к доктринальным вопросам.

Ключевые слова: правосознание, собственность, конституционализм, конституция, конституционное право, конституционный строй, конституционные ценности, конституционная культура.

N.V. Tupikov

LEGAL AWARENESS AND PROPERTY IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF MODERN RUSSIA

Background: the article is devoted to the issues of economic relations: their constitutional and legal regulation, the impact on the legal consciousness of a person. **Objective:** to identify the relationship between legal consciousness and property in the system of constitutional regulation of modern Russia; patterns and directions of development of this sphere of relations. **Methodology:** dialectic method, empirical and theoretical methods of scientific research, formally legalistic method. **Results:** constitutional regulation of property, taking into account its inherent mechanism, affects the legal consciousness of a person, forming a certain set of mental processes and phenomena (legal ideas, emotions, feelings, memories of them, etc.) in the implementation of production and consumption of goods. In the system of constitutional regulation of

© Тупиков Николай Владимирович, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. профессора И.Е. Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия), адвокат (Адвокатская палата Саратовской области)
© Tupikov Nikolai Vladimirovich, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Constitutional law department named after Professor I.E. Faber (Saratov State, Law Academy), Advocate (Saratov Chamber of Advocates)

modern Russia, there are features of such an impact, discussed in the article. Conclusions: it seems necessary to consider further in more depth the issues of legal awareness in relation to individual elements of the structure of economic relations, while returning to doctrinal issues.

Key-words: *legal consciousness, property, constitutionalism, constitution, constitutional law, constitutional order, constitutional values, constitutional culture.*

В современной российской юридической литературе достаточно редко можно найти исследования, посвященные вопросу экономических отношений и тому, как их конституционно-правовое регулирование воздействуют на правосознание человека. Несмотря на то, что к настоящему времени имеется значительное количество работ, освящающих феномен правосознания (только по данным интернет-ресурса elibrary.ru таких работ насчитывается более 11000), но среди них нет исследований, в которых правосознание рассматривается в указанном контексте. Синергетический характер правосознания отражает связь между всеми сферами человеческой жизни, которые регулируются правом. Среди них, производство и потребление благ, что есть — собственность (в широком смысле этого слова), неизбежно сопутствует существованию каждого человека. Сложный индивидуальный и одновременно общественный характер экономических отношений, взаимообусловленный необходимостью их правового регулирования, формирования определенного правосознания человека, актуализирует целый ряд вопросов к современному праву и, главным образом, конституционному, что обусловлено его специфическими предметом и методами.

Характерный для эпохи Просвещения антропоцентризм сделал возможными буржуазные революции в конце XVIII в., возникновение первых конституций, последовавшие за этим в Новое время материалистические идеи, поставившие остро вопрос о категориях общественного сознания и экономических отношений классовой теорией К. Маркса, что стало основой идеологического противостояния материализма либеральным взглядам как в научной дискуссии, так и в практике реализации. Известно, что данное противостояние привело к социалистическим революциям XX в.; становлению биполярного мира после Второй мировой войны (распад СССР снял остроту с названной проблемы). А принятие конституций в республиках бывшего СССР в конце XX в., провозгласивших главным образом либеральные ценности; стремительная трансформация конституционного строя данных государств, без сомнения, оставили неизгладимый отпечаток в правосознании почти каждого человека. Особенно актуальна рассматриваемая проблема для конституционного права России — государства, принявшего права и обязанности СССР.

Опишем суть и предпосылки проблемы. С возникновением оригинальной школы российского государственного (конституционного) права, концепция правосознания получила к началу XX в. развитие в работах ученых-государствоведов, в частности, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича, в них выдвигались предположения о правосознании как о форме общественного сознания и, вместе с тем, при обосновании этого вопроса ученым того времени предпочтительнее казалась идея индивидуальности сознания человека в понимании европейских мыслителей, которое было положено в основу первых конституций.

Впервые в советское время категория «правосознание» получила развитие в работах профессора И.Е. Фарбера, в частности, в монографии «Правосознание как форма общественного сознания», изданной в 1963 г. [1]; также на данную тему И.Е. Фарбером была защищена докторская диссертация. Эта тема привлекла внимание видных ученых того времени, что стало основой широкой научной дискуссии. Этим И.Е. Фарбер внес существенный вклад в науку о праве, что отмечается современными учеными [2]. Многие его выводы актуальны. Он впервые в советской юридической литературе рассмотрел вопрос о сложной структуре правосознания, им выделены его функции; он охарактеризовал новые теории правосознания понятия.

Правосознание им понималось как сумма правовых идей, знание правовых явлений, сознательное к ним отношение: оценка законов государства, прав и обязанностей членов общества и других правовых реальностей с позиций определенных классов, отражающее не только государственно-правовые явления, но и такие, которые к ним не относятся, в частности, семейные или бытовые отношения [1, с. 40–41]. Различая индивидуальное и общественное сознание, в связи с вопросами правосознания, в структуре последнего И.Е. Фарбер выделял сферы правовой психологии и правовой идеологии; правовые эмоции и правовые чувства в психологии человека.

Безусловно, догматизм марксизма вынуждал ученых советского времени придерживаться исключительно классовых позиций, выступая с критикой либеральных идей, однако, в этом, в свою очередь, проявлялась диалектика разных правовых реальностей, что ценно для науки.

Профессор В.А. Рыбаков утверждает, что теория правосознания создана, однако в ней содержатся много противоречивых суждений, в частности, это касается понятия и структуры правосознания. В понятие он включает: знание, отражение, отношение, восприятие, представления о праве, формируемые у служащих государственного аппарата. Он пишет, что правосознание включает в себя несколько основных структурных частей, главными из которых являются: отражение правовой действительности, познание и отношение к ней, в которые непосредственно включаются процессы мышления и эмоций. Эти структуры сознания обеспечивают формирование правовых знаний и предметно-практическую деятельность человека по удовлетворению его многообразных потребностей [3].

Едва ли есть основания считать, что правосознание есть лишь индивидуальное сознание. Современные работы в сфере социальных наук свидетельствуют о наличии активной дискуссии в поиске компромиссов между крайностями ранее противостоявших идей, что заключается в обосновании таких правовых понятий, как: «интересы надындивидуальных общностей»; «общественные интересы»; «публичные интересы» и тому подобных, что, например, в науке начала XX в. имело совершенно иное значение. В практике реализации подобные компромиссы особенно симптоматичны для конституционного развития стран Западной Европы в период после Второй мировой войны, что отразилось, в частности, в признании в Конституциях данных государств принципа социального государства и социальных прав человека. Вместе с этим видимо не следует и преувеличивать значимости общественной стороны в правосознании индивида, которая обусловлена личными эмоциями и чувствами, опытом, интуицией,

иными факторами, определяющими индивидуальность сознания и мышления человека.

Иной взгляд приводит к утопичной механизированности картины мира, в которой такая индивидуальность не имеет никакого значения. К такому выводу можно прийти, ознакомившись с современным обобщением естественной науки, проведенном, в частности, в работе С. Хокинга и Л. Млодинова. В ней предпринята попытка объяснения феномена свободы воли с точки зрения законов физики, понимая под ними законы природы, в рамках которых он утрачивает всякий смысл в виду абсолютной их предсказуемости и им подчиненности. Делается предположение, что человек — это «биомеханизм». Вместе с этим, в возможность предсказания его поведения не верится, ведь «если считать, будто поведение людей действительно подчиняется законам природы, то ... результат определяется столь сложно и со столь многими вариациями, что делать какие-либо прогнозы практически невозможно» [4, с. 37–38].

Индивидуальность сознания человека это и есть сфера его свободы воли, для чего право представляет собой одну из форм выражения свободы. Природа правового воздействия на общественные отношения такова, что ему подвержена вся совокупность индивидов, связанных правовыми связями с государством, признающих его юрисдикцию. Можно представить некоего человека, вовсе отделенного от общества и отсутствующего в сфере правового регулирования, однако и в этом случае право будет иметь определенный смысл в его сознании. Правовое воздействие на поведение человека становится возможным благодаря специфической форме выражения такого воздействия в виде нормы права, обладающей характером: определенности; общеизвестности; общеобязательности, обеспечиваемым государством.

Особая роль в механизме правового воздействия принадлежит конституционно-правовому регулированию, специфика которого состоит, прежде всего, в конституционном характере воздействия норм права на общественные отношения и поведение их участников. Конституционно-правовое регулирование больше, чем другие виды юридической регламентации, насыщено политическим содержанием [5, с. 3–4]. Конституционное регулирование общественных отношений вносит единство в нормы всех отраслей права. Это достигается тем, что конституционные нормы определяют всю организацию правотворчества и основные принципы каждой отрасли права. В этом состоит комплексный характер конституционного регулирования [5, с. 5].

И.Е. Фарбер справедливо указывал, что собственность попадает в сферу конституционного регулирования под углом рассмотрения взаимоотношений между политической властью и собственностью. Власть определяется типом собственности. Какой тип собственности государство защищает, обеспечивает, охраняет, а какой тип собственности подавляет и запрещает, должно быть сказано только конституционным языком. Ни гражданское, ни административное законодательство не решает задач определения принципиального отношения политической власти к собственности, поскольку это задача конституционного права [6, с. 6–7].

Прежде всего, данная специфика кроется в природе собственности как общественного отношения. Данный вопрос был нами более подробно рассмотрен ранее [7, с. 12–28]. В этой связи остановимся только на некоторых ключевых моментах. Философское обоснование естественно-правовой природы собствен-

ности в исследованиях как правило относят к трудам Г.В.Ф. Гегеля. «Лишь в собственности лицо выступает как разум»; «Личность должна иметь наличное бытие в собственности»; «В том, что лицо помещает свою волю в вещь, состоит понятие собственности, все остальное — лишь его реализация» — писал он [8, с. 101–128]. В теории К. Маркса собственность — это не отношение индивида к вещи, а отношения между индивидами по поводу вещей. Под собственностью как основой производственных отношений, понимается место собственности в системе экономических отношений, в производстве. Собственность как общественную форму присвоения средств и продуктов производства следует рассматривать как результат производственного процесса, присвоения вещей либо процесса производства и распределения, т.е. активного использования полезного свойства вещи [9, с. 6–8; 10, с. 770–773]. Что есть собственность сегодня: выражение воли индивида через собственность и обоснование этим необходимости частной собственности? Или это отношения индивидов по поводу вещи? Вряд ли на данном этапе в науке имеется однозначный и окончательный ответ на эти вопросы.

Как конституционное правоотношение, собственность представляет собой специальную форму социального взаимодействия субъектов права в целях обеспечения взаимных конституционных интересов при производстве, присвоении и потреблении материальных благ. Специфика конституционных правоотношений собственности проявляется в нескольких аспектах: 1) они являются юридической формой индивидуальной свободы и политических отношений; 2) в особенностях структурной организации: субъектов, объектов и содержания [7, с. 27].

Конституционное регулирование собственности — это форма воздействия на социально-экономические отношения при помощи системы конституционных норм с целью их упорядочения, охраны и развития. Его специфика состоит главным образом в том, что для воздействия на структурные элементы собственности необходимы различные по своему содержанию правовые средства. Как само конституционное регулирование, так и комплексное регулирование собственности, основывается прежде всего, на закреплении правового статуса субъектов, правового режима объектов, содержания собственности и детализации их в действующем законодательстве [7, с. 9].

Механизм конституционного регулирования собственности образует закрепленная в обществе система правовых средств осуществления публичной власти, а также экономической власти субъектов собственности над материальными благами. В первом случае — это система полномочий, принадлежащих народу, как единственному носителю суверенитета; во втором — система экономических прав и обязанностей [7, с. 10].

Таким образом можно заключить, что конституционное регулирование собственности, с учетом присущего ему механизма, воздействует на правосознание человека, формируя у него определенную совокупность душевных процессов и явлений (правовых идей, эмоций, чувств; памяти о них и т.п.) при осуществлении производства и потреблении благ. Особенность такого воздействия заключается в его конституционном, властном характере закрепления в обществе определенного баланса дозволения, обязывания и запрещения в экономических отношениях, в форме конституционных норм, прав и обязанностей. Властный характер подразумевает принуждение человека к определенному типу отношений, где нормы права играют роль регулятора и ограничения всевластия должностных лиц. Важное место в этом принадлежит культуре в обществе вообще, полити-

ческой и конституционной, в частности. Профессор В.Т. Кабышев в этой связи указывает, что в контексте реализации конституционных отношений власть, культура и психология самым тесным образом взаимосвязаны: они находят свое воплощение в конституционном регулировании (социально-психологический срез), в конституционализме, конституционном мировоззрении, конституционной идеологии. Именно в конституционных отношениях, где, с одной стороны, обязательно выступает власть в лице государства, его органов, а с другой — народ, классы, нации, рождается конституционный строй [11].

Стремительная трансформация социалистического строя в современный конституционный строй России была связана с доктринальным отрицанием в российском обществе социалистической модели обеспечения свободы человека и переходом к либеральной модели конституционализма (подробнее об этом [12, с. 85–93]). Более 27 лет после принятия Конституции РФ в 1993 г. человек, общество и государство формируют отношения на ее основе, что предусматривает реализацию в обществе таких конституционных ценностей, как признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, правовое государство, народовластие, социальное государство, свобода экономической деятельности, разделение властей, местное самоуправление, иных, при которых высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Вместе с этим необходимо согласиться с В.Т. Кабышевым в том, что определенная часть общества еще не в полной мере осознала, что в какой-то мере мы все — продукт системы социально-психологических отношений, сформированных еще советской системой. По-прежнему актуально его высказывание: «Можно ли быстро избавиться от авторитарных методов властвования как на федеральном, так и на региональном уровнях, достаточны ли конституционные средства и механизмы, чтобы избежать подобного? Ответ может быть только один — нет. Необходимы время, воспитание конституционной культуры и конституционной ответственности, прежде всего у носителей властных полномочий, и, безусловно, неуклонная реализация абсолютно всех норм, принципов Конституции России» [11, с. 130–134]. В этом отражена сущность сложившегося правосознания человека в современных российских реалиях, в котором имеется существенное противоречие, впитавшееся в сознание масс, связанное с оставшейся доктринальной неопределенностью относительно наиболее справедливых типов законности, обеспечивающих в числе прочего производство и потребление благ, чему сопутствует достаточно низкий уровень конституционной культуры.

Проведенная в России в 2020 г. Конституционная реформа в определенной мере отвечает потребности общества в изменениях. Необходимо отметить, что этой реформе предшествовали назревшие в российском обществе проблемы, что отмечалось в официальных актах, обсуждалось в работах ученых-государствоведов. Если обобщить, то это: ряд проблем теоретико-методологического характера; проблемы в реализации разделения властей и федерализма, вопросы социальной справедливости; проблемы конституционного обеспечения свободы человека в России. Актуальным в этой связи было и обсуждение форм изменения Конституции РФ [13].

Положения принятого в рамках проводимой реформы Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. (далее — Закон о поправке)¹ не изменяют сущности экономических основ конституционного строя, однако в некоторой мере дестабилизирует сложившийся гражданский оборот, что оправдано направленностью этого Закона на суверенизацию и социальную ориентацию российской экономики, которых можно ожидать в качестве долгосрочной перспективы. С точки зрения воздействия Закона о поправке на экономику вопрос проведенной реформы более подробно рассматривался нами ранее [14]. Однако этот процесс с точки зрения воздействия на правосознание человека также имеет специфические формы: переживания в категориях правосознания, испытываемые различными субъектами экономических отношений в связи с неопределенностью, вызванной переходным периодом закрепления новых конституционных норм Закона о поправке.

Эта неопределенность возникает в связи с корректировкой законодателем отдельных элементов механизма конституционного регулирования собственности. Так, нововведения относительно механизма реализации народовластия и разделения властей (в частности, в ст. 77, 78, 80, 81, 83, 95, 97, 102, 103, 110, 111, 112, 113, 114, 131, 132, 133 Конституции РФ); распределения компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (в п. «г», «е», «и», «м», «р», «т» ст. 71; в п. «д», «ж», «ж¹» ст. 72 Конституции РФ) повлияли на правовой статус субъектов, главным образом, публичной собственности. Изменились порядок формирования и компетенция публичных субъектов экономических отношений: федеральных органов власти (в частности, Президента РФ, Правительства РФ, Федерального Собрания РФ), органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления. Для частных субъектов гражданского оборота это трансформировало основные формы гарантий, которыми выступали сложившиеся нормы отношений. Подвергнут корректировке механизм конституционного контроля, выступающий ключевой гарантией социально-экономических прав человека (ч. 1, ч. 4, ч. 5¹ ст. 125, ч. 1 ст. 128 Конституции РФ). В содержании экономических отношений Законом о поправке был детализирован принцип социального государства — ч. 4 ст. 67.1; п. «е» ст. 71; пункты «ж» и «ж¹» ст. 72, ч. 5–7 ст. 75 Конституции РФ [14, с.67]. Данные и иные изменения, по-разному воспринимаемые в российском обществе², в совокупности с нерешенностью указанных выше фундаментальных вопросов, вне всяких сомнений, находят отражение в социально-психологическом срезе конституционного регулирования, в конституционном мировоззрении, что актуализирует практическую значимость проведенного исследования.

Полагаем, что этим оправдано выделение в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г.³ в числе главных основ развития общественных отношений: духовно-нравственных ценностей; обеспечения социальных гарантий, рыночных механизмов регулирования; суверенитета в

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта.

² См.: ВЦИОМ: больше половины россиян заметили перемены в жизни после изменения конституции URL: <https://tass.ru/obschestvo/10231825> (дата обращения: 15.11.2021).

³ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. «Послание Президента Федеральному Собранию». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 04.06.2021).

российском государстве, что можно считать основными сферами, на которых будет сконцентрировано публично-правовое воздействие в будущем.

Профессор В.Д. Мазаев справедливо обозначает проблему «нравственного государства», для которого значимость экономических результатов деятельности публичной власти неразрывно связана с философским, нравственным выбором общества [15]. В рассматриваемом контексте представляется нужным рассмотреть в дальнейшем категории правосознания применительно к отдельным аспектам конституционно-правового воздействия на статус субъектов экономических отношений. Это позволит аналитически подойти к вопросам о том, как названные в указанном Послании Президента РФ меры могут быть реализованы в отношении конкретных разновидностей субъектов частной и публичной собственности? Какая при этом конституционная культура должна сложиться в отношениях между ними для создания условий устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, как того требует положение ст. 75.1 Конституции РФ? Это может позволить не только получить в науке новые знания в вопросах конституционного регулирования экономических отношений и воздействия при этом на правосознание человека, но и предусмотреть конкретные правовые средства, способствующие названным целям.

Библиографический список

1. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. 206 с.
2. Лучин В.О., Пряхина Т.М. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 132–139.
3. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского ун-та. Сер.: Право. 2015. № 3 (44). С. 23–28.
4. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел / пер. с англ. М. Кононова; под ред. Г. Бурбы. М.: АСТ, 2018. 208 с.
5. Фарбер И.Е. Конституционное регулирование в советском обществе // Проблемы конституционного права. Саратов: Изд-во Саратовского государственного ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 1974. Вып. 1 (2). С. 3–14.
6. Фарбер И.Е. Конституционное регулирование собственности в советском обществе // Проблемы конституционного права. 1969. Вып. 1. С. 3–18.
7. Тупиков Н.В. Собственность в системе конституционного строя современной России / под ред. В.Т. Кабышева; предисл. В.Т. Кабышева. М.: Юрлитинформ, 2018. 144 с.
8. Гегель Г.В. Философия права. М.: Академия наук СССР. Институт философии. 1990. 524 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. 771 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 907 с.
11. Кабышев В.Т. Власть, культура и психология в системе конституционных отношений России: конституционное измерение // Ученые записки юридического факультета. 2009. Вып. 16 (26). С. 130–134.
12. Тупиков Н.В. Свобода человека и современный российский конституционализм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 85–93.

13. 25 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 380 с.

14. Тупиков Н.В. Конституционно-правовое воздействие на экономику России (в контексте Закона о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / под ред. Т.В. Заметиной. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. Вып. 20. С. 65–71.

15. Мазаев В.Д. Нравственное государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И.М. Рагимовым в связи с книгой С.Н. Бабурина «Нравственное государство») // Государство и право. 2021. № 7. С. 94–105.

References

1. Farber I.E. The Legal Consciousness as a Form of Social Consciousness. М.: publ. by «Uridicheskaya literatura», 1963. 206 p.

2. Luchin V.O., Pryachina T.M. The Social-Psychology Factors of Russian Constitution Implementation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 4 (93). P. 132–139.

3. Rybakov V.A. The Legal Consciousness: to the Question of Definition // Bulletin of Omsk University. Ser.: Law. 2015. No. 3 (44). P. 23–28.

4. Hawking S., Mlodinov L. The Grand Design / transl. by M. Kononov; ed. by Burba G. М.: AST, 2018. 208 p.

5. Farber I.E. The Constitutional Law Regulation in Soviet Society // The Problems of Constitutional Law. 1974. Issue 1 (2). P. 3–14.

6. Farber I.E. The Constitutional Law Regulation of Property in Soviet Society // The Problems of Constitutional Law. 1969. P. 3–18.

7. Тупиков Н.В. The Property in a System of Constitutional Order of Modern Russia: monograph / ed. by doctor of law, prof. V.T. Kabyshev, preface of V.T. Kabyshev. М.: Urlitinform, 2018. 144 p.

8. Hegel H.W. The Philosophy of Law. М.: Academy of sciences USSR. Institute of philosophy. 1990. 524 p.

9. Marx K., Engels F. Compositions. 2nd edition. М.: State publishing house of political literature, 1959. Vol. 13. 771 p.

10. Marx K., Engels F. Compositions. 2nd edition. М.: State publishing house of political literature, 1960. Vol. 23. 907 p.

11. Kabyshev V.T. The Power, the Culture and the Psychology in a System of Constitutional Relations of Russia: Constitutional Measuring // Research notes of law faculty. Issue number 16 (26). Sant-Petersburg: publ. by Sankt-Petersburg State University of economy and finances, 2009. P. 130–134.

12. Тупиков Н.В. The Human Freedom and the Modern Russian Constitutionalism // Vestnik of Saratov State Law Academy. 2020. No. 3 (134). P. 85–93.

13. 25th Anniversary of Russian Constitution: the Constitutional Dialogue / ed. by V.T. Kabyshev. Saratov: publ. by the Saratov State Law Academy. 2019. 380 p.

14. Тупиков Н.В. The Constitutional Governing of Russian Economy (in the Context of Act of 14.03.2020 No. 1-FKL on an Amendment of Russian Constitution) // Constitutional Development of Russia, 2021. Issue 20. P. 65–70.

15. Mazaev V.D. Moral State Through the Constitutional Aspects of the Economy (as part of the discussion about the problem of the moral state and its Russian features proposed by I.M. Rahimov in connection with the book «Moral State» by S.N. Baburin) // State and Law. Institute of state and law of RAS, Russian Academy of Sciences, 2021. No. 7. P. 94–105.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-80-84
УДК 342.951

С.Б. Аникин, Ю.Н. Мильшин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Введение: статья 132 Конституции Российской Федерации закрепила положение, в соответствии с которым органы местного самоуправления вместе с федеральными и региональными органами государственной власти образуют единую систему публичной власти. Данные изменения позволили сохранить самостоятельность прав органов местного самоуправления и направлены на повышение взаимодействия с органами государственной власти при реализации государственных задач. **Цель:** совершенствовать вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, законодательное закрепление механизмов обеспечения гарантий местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы познания, позволяющие раскрыть некоторые проблемы публично-правовой организации и функционирования местного самоуправления в Российской Федерации. **Результаты:** отсутствие законодательно закрепленной правовой конструкции системы органов публичной власти не создает условий для дальнейшего полноценного развития законодательства в области местного самоуправления. Органы государственной власти и органы местного самоуправления являются неединственными элементами образования системы органов публичной власти. Кроме этих двух элементов в данную систему должна входить и власть общественная, без которой невозможно в современный период действительно и эффективно защищать публичные интересы. **Выводы:** публичная власть не должна сводиться только к государственной власти, поскольку объем полномочий у нее гораздо шире и ее деятельность направлена на защиту именно публичных интересов.

© Аникин Сергей Борисович, 2021

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_ap@ssla.ru

© Мильшин Юрий Николаевич, 2021

Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: milshin_yri@mail.ru

© Anikin Sergey Borisovich, 2021

Doctor of law, Associate Professor, Professor, Department of Administrative and municipal law (Saratov State Law Academy)

© Milshin Yuri Nikolaevich, 2021

Candidate of law, Professor, Professor, Department of Information law and digital technologies (Saratov State Law Academy)

Необходимо конституционное закрепление полномочий федеральных и региональных государственных органов представительной и исполнительной власти по решению вопросов на всех уровнях государственного регулирования.

Ключевые слова: система органов публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, взаимодействие, публичный интерес, полномочия.

S.B. Anikin, Yu.N. Milshin

SOME ASPECTS OF THE PUBLIC-LEGAL ORGANIZATION OF THE FUNCTIONING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Background: article 132 of the Constitution of the Russian Federation establishes the provision according to which local self-government bodies together with federal and regional state authorities form a unified system of public power. These changes made it possible to preserve the independence of the rights of local self-government bodies and are aimed at increasing their interaction with state authorities in the implementation of state tasks. **Objective:** to improve the issues of interaction between state authorities and local self-government bodies, legislative consolidation of mechanisms for ensuring guarantees of local self-government in the exercise of certain state powers. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, system-structural) and private scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition, allowing to reveal some problems of public-legal organization and functioning of local self-government in the Russian Federation. **Results:** the absence of a legally fixed legal structure of the system of public authorities does not create conditions for further full-fledged development of legislation in the field of local self-government. Public authorities and local self-government bodies are not the only elements of the formation of the system of public authorities. In addition to these two elements, this system should also include public power, without which it is impossible to efficiently and effectively protect public interests in the modern period. **Conclusions:** public power should not be reduced only to the state power, since the scope of its powers is much broader and its activities are aimed at protecting public interests.

It is necessary to constitutionally consolidate the powers of federal and regional state bodies of representative and executive power to address issues at all levels of state regulation.

Key-words: system of public authorities, public authorities, local self-government bodies, interaction, public interest, powers.

Согласно ст. 12 Конституции РФ¹ в России признается и гарантируется местное самоуправление, которое является самостоятельным в пределах своих полномочий. Признание местного самоуправления одной из фундаментальных основ российской системы народовластия определяется его возрастающей ролью как способа жизнедеятельности местного сообщества, связанного с формированием определенного политического сознания и удовлетворением публично-правовых интересов. Органы местного самоуправления (далее — ОМСУ) не являются государственными органами и не входят в систему органов государственной власти.

¹См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ст. 4398.

Однако п. 3 ст. 132 Конституции закрепляет положение в соответствии с которым ОМСУ вместе с федеральными и региональными органами государственной власти образуют единую систему публичной власти¹. Следует отметить, что понятие единой системы публичной власти и ее элементов Конституцией не определено. Однако исходя из системной организации правового регулирования деятельностью ОМСУ, центральным звеном единой публичной власти, с которым взаимодействуют ОМСУ в процессе своей управленческой деятельности, являются органы исполнительной власти в лице уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации

По мнению Д.А. Керимова, важным свойством любой системы является ее интегративность, которая образует качество системы и соединяет ее элементы в организованную структуру [1, с. 256].

Следует отметить, что единая система публичной власти вовсе не означает субординационных отношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления [2, с. 11]. Публичная власть характеризуется совокупностью закрепленных в законе полномочий, предоставленных для управления общественными делами и обеспечения общего блага общества, и реализуется при принятии и исполнении решений официального характера [3, с. 35–41].

На протяжении длительного времени вопросами местного значения занимались органы государственной власти в лице городских и районных исполнительных комитетов. Введение местного самоуправления как формы народовластия направлено на то, что бы «приблизить» власть к населению и дать ей возможность оперативно решать насущные проблемы на местном уровне. Ведь для населения не имеет значения, какой уровень власти будет решать вопросы местного значения и из какого бюджета поступят средства на реализацию задач.

Важным законом диалектики является единство и борьба противоположностей, что, по сути является отражением любого общества. Причем ни общество, ни система публичной власти не могут полноценно развиваться без внутреннего единства и взаимодействия ее элементов.

Публичная власть не может сводиться только к государственной власти, поскольку объем полномочий у нее гораздо шире и ее деятельность направлена на защиту именно публичных интересов.

Действующее законодательство не раскрывает понятие публичный интерес. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает на то, что под публичными интересами следует понимать интересы неопределенного круга лиц². Полагаем, что субъекты публичной власти, осуществляющие управленческую деятельность, должны правильно понимать содержание публичного интереса и уметь сбалансировать потребности всех слоев населения [4, с. 43–45].

Следует отметить, что в настоящее время органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, но не являются исключительными элементами образования этой системы.

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50, ч. III, ст. 8039.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Существует еще и власть гражданского общества, без которой невозможно в современный период действенно и эффективно защищать публичные интересы.

Вызывает сомнение, что нормативное закрепление единства системы публичной власти в положениях Конституции может серьезно повлиять на уровень взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. Разве до 2020 года органы местного самоуправления не относились к системе органов публичной власти? Такая система де-факто существовала и до внесения изменений в Конституцию.

Прошло почти тридцать лет как действующая Конституция закрепила основы местного самоуправления. Однако, к сожалению, ожидаемых результатов не произошло. Каковы же причины?

Во-первых, Европейская Хартия местного самоуправления закрепляет, что органы местного самоуправления должны иметь реальную способность регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими¹. Указанный признак реальной способности (самодостаточности) не нашел своего отражения в действующем законодательстве о местном самоуправлении. Многие муниципалитеты не в состоянии решать большую часть публичных вопросов ввиду отсутствия должных демографических и экономических основ.

Во-вторых, система конституционных гарантий прав местного самоуправления не имеет четкого механизма их реализации. Так, согласно ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями. Часть 5 ст. 19 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляет положение о том, что финансирование государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, осуществляется за счет субвенций, переданных из федерального или регионального бюджета. Причем допускается для реализации вышеуказанных полномочий использовать собственные финансовые средства, если это будет закреплено в уставе муниципального образования.

Органы местного самоуправления могут отказаться от реализации отдельных государственных полномочий только после признания в судебном порядке несоответствия закона субъекта Российской Федерации, предусматривающего наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, установленным требованиям.

На практике часто складывается ситуация, когда происходит недофинансирование отдельных государственных полномочий и в отрезок до вступления в силу соответствующего закона и решения суда о его неправомерности реализацией этих полномочий занимаются органы местного самоуправления за счет собственных средств. В результате такого положения не в полном объеме решаются вопросы местного значения. Поэтому необходимо законодательно закрепить возможность органов местного самоуправления требовать получения компенсации финансовых средств, которые были вложены на реализацию государственных полномочий. Возрастает число полномочий, несвойственных природе местного самоуправления, имеющих, по сути, государственный характер (профилактика терроризма и экстремизма, гражданская оборона, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, мобилизационная подготовка).

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 36, ст. 4466.

В-третьих, объем полномочий ОМСУ не соответствует материально-финансовым ресурсам, имеющимся в их распоряжении. Экономическая и финансовая база практически всех муниципальных образований (особенно сельских) недостаточна для решения вопросов местного значения. Это приводит к невозможности осуществления значительной части полномочий ОМСУ в полном объеме. Недостаточность доходных источников местных бюджетов при постоянном увеличении вопросов местного значения, ограничивает возможности планирования социально-экономического развития муниципальных образований в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В-четвертых, наличие расплывчатых формулировок в перечне вопросов местного значения, установленном Федеральным законом № 131-ФЗ, таких, к примеру, как «создание условий», «участие в осуществлении», «содействие развитию», «обеспечение условий» и т.п., не способствует точному определению объемов полномочий ОМСУ в соответствующих сферах, что ведет к расширенному толкованию компетенции данных органов.

Полагаем, что в современный период необходимо конституционное закрепление полномочий федеральных и региональных государственных органов представительной и исполнительной власти по решению вопросов на всех уровнях государственного регулирования. Это упростит задачу формирования собственных полномочий ОМСУ и определения порядка делегирования ОМСУ государственных полномочий. Для разрешения данной проблемы следует разграничить полномочия законодательных и исполнительных органов власти на федеральном и региональном уровнях, а также оформить и конституционно закрепить собственные полномочия ОМСУ с последующей формализацией порядка делегирования ОМСУ отдельных государственных полномочий федерального и регионального уровней.

Библиографический список

1. *Зеленцов А.Б.* Административная власть как правовая категория // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 35–41.
2. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии и права). М.: Изд-во СГУ, 2011. 520 с.
3. *Малый А.Ф.* О правовом содержании понятия «публичная власть» // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 11.
4. *Мильшин Ю.Н.* Административное усмотрение как элемент государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 43–45.

References

1. *Zelentsov A.B.* Administrative Power as a Legal Category. Administrative Law and Process. 2019. No. 12. P. 35–41.
2. *Kerimov D.A.* Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy and Law). M.: SSU Publishing House, 2011. 520 p.
3. *Maly A.F.* On the Legal Content of the Concept of “Public Power”. State Power and Local Self-Government. 2020. No. 7. P. 11.
4. *Milshin Yu.N.* Administrative Discretion as an Element of Public Administration. Administrative Law and Process. 2019. No. 12. P. 43–45.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-85-92

УДК 342

С.А. Белоусов, В.Е. Николаев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ*

Введение: реализация принципа открытости в работе органов государственной власти предполагает раскрытие ими информации о своей деятельности в различных форматах, в том числе в формате открытых данных. Эта работа ведется с разной степенью успешности различными ведомствами. В некоторых областях, в частности в системе государственной научной аттестации, необходимо принятие первоочередных мер, направленных на раскрытие информации, что позволит расширить возможности количественного и качественного анализа показателей эффективности в данной сфере. **Цель:** анализ нормативно-правовой базы, регуливающей вопросы размещения Министерством образования и науки РФ и Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России сведений в формате открытых данных, а также выработка рекомендаций по дальнейшему совершенствованию указанной процедуры применительно к деятельности, связанной с государственной системой научной аттестации. **Методологическая основа:** общенаучные методы (анализ и синтез), формально-юридический метод. **Результаты:** на основе анализа нормативно-правовой базы в области открытых данных, а также текущей ситуации с размещением таких данных на сайте Минобрнауки России и в Федеральной информационной системе государственной научной аттестации даны рекомендации по вопросам совершенствования процедуры раскрытия информации. **Выводы:** реализация принципа открытости данных о деятельности государственной системы научной аттестации в настоящий момент требует принятия первоочередных мер по размещению сведений, отражающих показатели ее результативности в формате открытых данных, для чего необходимо категорирование информации, размещаемой в Федеральной информационной системе государственной научной аттестации, и перевод ее в машиночитаемый формат. Необходимо также устранить дублирование части данных, которые могут быть переданы из других информационных систем.

© Белоусов Сергей Александрович, 2021

Доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Николаев Владимир Евгеньевич, 2021

Кандидат юридических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nivlev@list.ru

© Belousov Sergey Aleksandrovich, 2021

Doctor of law, Associate Professor, Head of the Theory of state and law department, Vice-rector for scientific work (Saratov State Law Academy)

© Nikolaev Vladimir Evgenievich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Information law and digital technologies (Saratov State Law Academy)

* Работа выполнена в рамках части II государственного задания Минобрнауки РФ № 075-00122-21-01 «Обоснование подходов к совершенствованию правовых норм, обеспечивающих условия доступности информации, накопление и автоматизированную передачу сведений о функционировании субъектов государственной системы научной аттестации, дистанционные формы работы с применением информационно-коммуникационных технологий».

Ключевые слова: открытые данные, Высшая аттестационная комиссия, Федеральная информационная система научной аттестации, информационные системы, открытость федеральных органов исполнительной власти, машиночитаемые форматы данных.

S.A. Belousov, V.E. Nikolaev

THE USE OF OPEN DATA IN THE SYSTEM OF STATE SCIENTIFIC CERTIFICATION

Background: the implementation of the principle of openness in the work of public authorities involves the disclosure of information about their activities in various formats, including in the format of open data. This work is being carried out with varying degrees of success by various departments. In some areas, in particular, in the system of state scientific certification it is necessary to take priority measures aimed at disclosing information. It will expand the possibilities of quantitative and qualitative analysis of efficiency in this area. **Objective:** analysis of the regulatory framework governing the placement of information in the open data format by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, as well as development of recommendations for further improvement of this procedure for further improvement of procedural activities related to the state system of scientific certification. **Methodology:** general scientific methods (analysis and synthesis), formal legal method. **Results:** based on the analysis of the regulatory framework in the field of open data, as well as the current situation with the placement of such data on the website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and in the Federal Information System of the State Scientific Certification, recommendations are given on improving the disclosure procedure. **Conclusions:** the implementation of the principle of openness of data on the activities of the state scientific attestation system currently requires the adoption of priority measures to place information reflecting its performance indicators in the open data format, for which it is necessary to categorize the information placed in the Federal Information System of the State Scientific Attestation and translate it into a machine-readable format. It is also necessary to eliminate duplication of part of the data that can be transmitted from other information systems.

Key-words: open data, the Higher Attestation Commission, the Federal Information System of State Scientific Certification, information systems, openness of federal executive authorities transparency of federal executive bodies, machine-readable data format.

Совершенствование процедуры оказания государственных услуг практически в любой сфере государственного управления на современном этапе предполагает создание качественно новых механизмов взаимодействия государственных органов, граждан и юридических лиц, новый уровень открытости информации о деятельности государственных органов.

Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (подпрограмма «Информационное государство») в качестве самостоятельных целей выделяет «создание национальной системы управления данными, обеспечение возможности использования данных в цифровых инфраструктурных платформах», а также «повышение открытости, эффективности и качества функционирования механизмов электронного взаимодействия органов

государственной власти и органов местного самоуправления, физических и юридических лиц»¹.

Важной составляющей при решении указанных выше задач является реализация принципа размещения в сети Интернет общедоступной информации о деятельности государственных органов в формате открытых данных, т.е. в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования (ч. 4 ст. 7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)².

Правительством России утверждена «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти» (далее — Концепция), ставшая основой системного подхода к повышению уровня открытости всей системы государственного управления. Одним из закрепленных в концепции принципов является принцип информационной открытости — правило своевременного предоставления информации о деятельности федеральных органов исполнительной власти, доступ к которой специально не ограничен нормативно-правовыми актами, которая является открытой, общедоступной и достоверной, в формате, удобном для ее поиска, обработки и дальнейшего использования, в том числе в форме открытых данных³. При этом особо оговаривается задача повышения качества публикуемых данных с точки зрения как формата такой публикации, так и интеграции данных из различных наборов. Кроме того, еще в 2014 г. законодателем было установлено требование о включении в техническое задание на разработку информационных систем (или доработку уже существующих) функции автоматической выгрузки на сайт информации в форматах открытых данных⁴.

Размещение открытых данных предусмотрено как на официальных сайтах органов власти, так и на специализированных порталах, а также порталах федеральных государственных информационных систем, за ведение которых отвечают указанные органы.

Федеральные органы исполнительной власти утверждают ведомственные планы реализации Концепции, принятые с учетом методических рекомендаций. В них должны содержаться не только меры по размещению в формате открытых данных сведений, для которых подобное размещение обязательно в силу закона, но и по определению иных категорий информации, которая также может быть размещена в этом в формате при условии ее востребованности потребителями. Именно такой подход предусмотрен п. 10–13 ведомственного плана по реализации Концепции Минобрнауки России на 2021 г.⁵

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (в ред. от 24 ноября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ст. 2159.

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

³ См.: Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 5, ст. 547.

⁴ См.: Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти (утверждена протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-ПЗ6-89пр). URL: <https://data.gov.ru/metodicheskie-rekomendacii-po-realizacii-principov-otkrytosti-v-federalnyh-organah-ispolnitelnoy> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ См.: Ведомственный план Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по реализации Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти на 2021 год (утвержден Минобрнауки России 28 июня 2021 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одновременно с этим следует отметить, что в общем плане деятельности Минобрнауки России на период до 2024 г. реализация положений Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, в том числе в части работы с открытыми данными, предусмотрена только через принятие публичной декларации целей и задач Минобрнауки России на очередной год¹. В размещенных на сайте министерства публичных декларациях за 2019–2021 гг. подобных сведений не содержится, равно как и в размещенном в открытом доступе отчете о реализации основных мероприятий публичной декларации за первое полугодие 2021 г.²

Существующий на официальном сайте Минобрнауки РФ перечень наборов открытых данных³ в настоящее время очень невелик для такого ведомства (всего двадцать наборов); нет их и на официальном Портале открытых данных Российской Федерации (<https://data.gov.ru>). Все это говорит о том, что работа по формированию востребованных пользователями наборов данных находится лишь в начальной стадии.

Между тем согласно методическим рекомендациям по обеспечению работы с открытыми данными наличие обязательных (т.е. определенных текущим законодательством) наборов открытых данных является лишь первым этапом в деятельности любого федерального органа исполнительной власти в этой сфере, и он, этот этап, давно уже завершен, а сам факт размещения соответствующей информации контролируется надзорными органами. На следующем этапе предусмотрены комплексные меры по доработке находящихся в управлении органа информационных систем с учетом требований к публикации открытых данных, верификация и уточнение информации, приведение данных к единым идентификаторам, связывание данных, а также организация взаимодействия с потребителями данных⁴, в том числе через формирование референтных групп⁵.

Обращаясь к сфере государственной научной аттестации — одному из направлений деятельности Минобрнауки России, следует зафиксировать, что среди размещенных наборов открытых данных генерируемые в процессе научной аттестации сведения не содержатся ни в одном из них.

¹ См.: План деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на период с 2019 по 2024 год (утвержден Минобрнауки России 8 февраля 2019 г.). URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/89c/89c614d6f941e2fcee7b8235f0a1e54.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

² См.: Минобрнауки России. Публичная декларация и отчеты о ее исполнении. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/open_ministry/public_declaration/declaration (дата обращения: 15.11.2021).

³ См.: Министерство образования и науки России. Открытые данные. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ См.: Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утверждены протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-ПЗ6-89пр). URL: <https://data.gov.ru/metodicheskie-rekomendacii-po-realizacii-principov-otkrytosti-v-federalnyh-organah-ispolnitelnoy> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ См. п. 12 Методических рекомендаций по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти с референтными группами (утверждены протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 28 июня 2016 г. № 5). URL: <https://fsvps.gov.ru/fsvps-docs/ru/public/foiv.pdf> (дата обращения: 15.11.2021); приложение 1 к Методике мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти (утверждено протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-ПЗ6-89пр). URL: <https://data.gov.ru/metodicheskie-rekomendacii-po-realizacii-principov-otkrytosti-v-federalnyh-organah-ispolnitelnoy> (дата обращения: 15.11.2021).

Показатели, отражающие деятельность государственных органов и учреждений, входящих в систему научной аттестации, не включены ни в перечень обязательной информации, подлежащей раскрытию в сети Интернет в формате открытых данных¹, ни в Федеральный план статистических работ², где среди официальной статистической информации хотя и значатся показатели деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, однако конкретный состав данных показателей, исходя из размещаемых Росстатом данных в разделе «Наука и инновации» сведений, не предполагает размещение интересующей нас информации³.

Результаты независимой оценки открытости федеральных органов исполнительной власти также подтверждают недостаточную активность работы с открытыми данными. Так, в исследовании «Открытость государства в России – 2020», проведенном Счетной палатой Российской Федерации совместно с АНО «Информационная культура» и Центром перспективных управленческих решений, специально отмечен факт необеспечения Минобрнауки России публикации данных, «несмотря на их значительные объемы в информационных системах этого органа власти. Это худший пример, поскольку Минобрнауки России не предприняло никаких мер даже по минимальному соответствию требованиям <...>, не говоря уже об использовании лучших практик»⁴.

Как отмечается в другом докладе «Оценка открытости государственных информационных систем в России», подготовленном на основе другого исследования теми же организациями, для большинства федеральных государственных информационных систем в целом характерна недостаточная функциональная открытость, т.е. качество собираемых и публикуемых данных, а также их низкая доступность⁵.

Следует отметить актуальность и другого вывода экспертов: назрела необходимость закрепить четкое определение термина «государственная информационная система», отделив это понятие от других видов информационных систем. Действительно, ни ст. 6.4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»⁶, регламентирующая создание и сопровождение Федеральной информационной системы государственной научной аттестации (далее — ФИС ГНА), ни соответствующие подзаконные акты не позволяют сделать однозначный вывод о том, является ли понятие «федеральная информационная система» равнозначным понятию «федеральная государственная информационная система».

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 1187-р «О Перечнях информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети «Интернет» в форме открытых данных (в ред. от 24 марта 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. II, ст. 4128.

² См.: Федеральный план статистических работ (утвержден распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 671-р, в ред. постановления Правительства РФ от 26 ноября 2021 г. № 2049). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/462> (дата обращения: 15.11.2021).

³ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Открытость государства в России–2020. Аналитический доклад. С. 41. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ См.: Оценка открытости государственных информационных систем в России. Аналитический доклад. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Оценка%20открытости%20ГИС%202020.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

⁶ См.: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137.

Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, отсутствие размещения Минобрнауки России открытых сведений, касающихся государственной научной аттестации, не находится в противоречии с положениями п. 2.1 ст. 7, ст. 13–14 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹, а также принятых в соответствии с ним подзаконных актов², с другой — положения, согласно которым необходимо выявление информации, востребованной потребителями, и ее размещение в формате открытых данных, не реализуются, хотя необходимость в наличии таких наборов в сфере государственной научной аттестации не вызывает сомнений. Интерес граждан и общественных объединений к рассматриваемым информационным наборам на настоящий момент не может быть удовлетворен ни теми данными, которые размещены на сайте Минобрнауки России, ни на сайте Высшей аттестационной комиссии. Размещаемые на сайте последней в открытом доступе сведения классифицируются как открытые данные не могут, поскольку не отвечают требованиям, установленным нормативными документами³.

Остается неясным и статус самого сайта Высшей аттестационной комиссии, поскольку этот ресурс не является официальным представительством министерства, а потому вопрос о распространении в отношении него соответствующих обязательных требований остается спорным. Между тем результаты работы Высшей аттестационной комиссии оформляются, как правило, приказами Минобрнауки России, через сайт комиссии осуществляется доступ к Федеральной информационной системе государственной научной аттестации⁴, а организационно-техническое обеспечение деятельности последней осуществляют профильные департаменты министерства⁵.

¹ См.: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.

² См.: Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2009 г. № 953 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 20 апреля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 48, ст. 5832; Постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет” в форме открытых данных» (в ред. от 20 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. II, ст. 4107; Приказ Минобрнауки России от 21 января 2020 г. № 116 «Об официальном сайте Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет”» (в ред. от 13 апреля 2020 г.). URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2020/07/116.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).

³ См.: Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления, а также технические требования к публикации открытых данных. Версия 3.0 (утверждены протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого Правительства от 29 мая 2014 г. № 4). URL: https://data.gov.ru/sites/default/files/documents/metodicheskie_rekomendacii_po_publicacii_otkrytyh_dannyh_versiya_3.0_0.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ См.: Информационное письмо Минобрнауки России от 23 июля 2019 г. № МН 06.6/3926 «О доступе к информационным ресурсам федеральной информационной системы государственной научной аттестации». URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=24&name=3407716001&f=3702> (дата обращения: 15.11.2021).

⁵ См. п. 21 Постановления Правительства РФ от 26 марта 2016 г. № 237 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 14, ст. 1996.

Представляется, что значительная часть информации, которая могла бы быть размещена в формате открытых данных, уже имеется в ФИС ГНА и могла бы быть представлена в открытых машиночитаемых форматах после проведения соответствующих технических работ, а также после категорирования и выделения из общего массива той, что не относится к информации ограниченного доступа. В этой связи нельзя не отметить, что требование о включении в техническое задание на разработку информационных систем (или доработку уже существующих) функции автоматической выгрузки на сайт информации в форматах открытых данных было установлено еще в 2014 г.¹

Предполагаемую к размещению в формате открытых данных информацию можно разделить на следующие группы:

сведения, непосредственно формируемые в ходе процедур государственной научной аттестации (присуждение ученых степеней, присвоение званий доцента и профессора, показатели деятельности диссертационных советов и т.д.). Указанная информация может быть размещена в формате открытых данных после перехода на реестровую модель оказания государственных услуг и придания данным, находящимся в ФИС ГНА официального статуса;

сведения, используемые при проведении процедур государственной научной аттестации, которые могут быть заимствованы из других информационных систем, а не собираться вручную (показатели научной деятельности членов диссертационных советов, экспертных советов Высшей аттестационной комиссии, показатели результативности научной деятельности организаций, на базе которых действуют диссертационные советы).

Последняя категория информации, с одной стороны, также нуждается в переводе в формат открытых данных, однако целесообразно делать это не в рамках ФИС ГНА, а в других информационных системах, в рамках функционала которых осуществляется сбор показателей (например, базы данных, содержащей сведения об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения)². Одним из наиболее рациональных вариантов следует признать создание информационной системы, агрегирующей научные данные различной направленности, с последующим их заимствованием в ФИС ГНА.

Размещение информации должно проводиться с учетом законодательства о государственной тайне, законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации, конфиденциальной информации и законодательства о персональных данных, а также с учетом положений о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения³. Тех-

¹ См.: Методика мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти (утверждена протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 декабря 2013 г. № АМ-ПЗ6-89пр). URL: <https://data.gov.ru/metodicheskie-rekomendacii-po-realizacii-principov-otkrytosti-v-federalnyh-organah-ispolnitelnoy> (дата обращения: 15.11.2021).

² URL: <https://sciencemon.ru> (дата обращения: 15.11.2021).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» (в ред. от 6 августа 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. II, ст. 3165.

нические условия к размещаемой на официальных сайтах информации также должны соответствовать установленным требованиям¹.

Таким образом, повышение качества процедур научной аттестации следует признать невозможным без полноценной реализации принципа открытости данных о такой деятельности. Реализация данного принципа требует принятия первоочередных мер, в т.ч. по размещению сведений, отражающих показатели результативности системы государственной научной аттестации в формате открытых данных, для чего необходимо категорирование информации, размещаемой в ФИС ГНА, и перевод ее в машиночитаемый формат. Необходимо также устранить дублирование той части данных, которые могут быть переданы из других информационных систем.

¹ См.: Приказ Минэкономразвития России от 16 ноября 2009 г. № 470 «О Требованиях к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // Российская газета. 2010. 27 янв.; Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления, а также технические требования к публикации открытых данных. Версия 3.0 (утверждены протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого Правительства от 29 мая 2014 г. № 4). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-93-99
УДК 340.132

С.А. Белоусов, Н.И. Сухова

ФАКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН-ИНВАЛИДОВ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Введение: объемное нормативное опосредование общественных отношений, участниками которых выступают лица с ограниченными возможностями, к сожалению, не исключает вакуумных проявлений в правовом регулировании указанных отношений, противоречивости и неопределенности их регламентации. **Цель:** определение возможных вариантов и способов изменения ситуации в реализации прав лиц с ограниченными возможностями здоровья в сфере транспортного обслуживания. **Методологическая основа:** метод анализа, формально-юридический метод, статистический подход. **Результаты:** предложенные авторами рекомендации по повышению качества регулирования отношений в сфере оказания транспортных услуг и обеспечения доступности транспортной инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями. **Выводы:** наличие организационных, и правовых недочетов в сфере правотворчества и правоприменения выступает фактором противодействия реализации гражданами-инвалидами прав при получении услуг на транспорте.

Ключевые слова: закон, подзаконный акт, противодействие закону, права граждан-инвалидов, транспортная услуга, правовая неопределенность, реализация права.

S.A. Belousov, N.I. Sukhova

FACTORS THAT IMPEDE THE REALIZATION OF THE RIGHTS OF CITIZENS WITH DISABILITIES IN THE PROVISION OF TRANSPORTATION SERVICES AND ACCESSIBILITY OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Background: voluminous normative mediation of social relations, participants of which are persons with disabilities, unfortunately, does not exclude vacuum manifestations in the legal regulation of these relations, inconsistency and uncertainty of regulation.

© Белоусов Сергей Александрович, 2021

Доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pnr@ssla.ru

© Сухова Надежда Ивановна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), Уполномоченный по правам человека в Саратовской области; e-mail: sukhova777@yandex.ru

© Belousov Sergey Aleksandrovich, 2021

Doctor of law, Associate Professor, Head of the Theory of state and law department, Vice-rector for scientific work, Head of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Sukhova Nadezhda Ivanovna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Theory of state and law (Saratov State Law Academy), Ombudsman for Human Rights in the Saratov region

Objective: is to identify possible options and ways to change the situation in the realization of the rights of persons with disabilities in the field of transport services. **Methodology:** the tools of the method of analysis, formal-legal, statistical approach. **Results:** recommendations proposed by the author to improve the quality of regulation of relations in the provision of transportation services and accessibility of transport infrastructure for persons with disabilities. **Conclusions:** the presence of organizational and legal shortcomings in the sphere of lawmaking and law enforcement are factors that prevent citizens with disabilities from exercising their rights to receive transportation services.

Key-words: law, bylaw, opposition to the law, rights of citizens with disabilities, transport service, legal uncertainty, realization of the right.

Российская Федерация более четверти века назад, переживая нелегкие времена после распада Советского Союза, взяла на себя обязательства проводить политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Особое внимание уделялось наиболее уязвимым и незащищенным группам населения, осуществлялась государственная поддержка детства, инвалидов и пожилых граждан, развивалась система социальных служб, устанавливались государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Между тем успешная реализация указанных конституционных положений зависит от ряда факторов, имеющих различную природу, характер и значение. Архиважной, конечно же, выступает классическая диалектическая связь цели и средств развития отношений, составляющих социальное направление деятельности государства. Цель должна быть достижимой и адекватной уровню общественного развития, а средства — пригодными для достижения поставленной цели. Неграмотная постановка цели и необдуманный выбор средств ее достижения неизменно приведет к фиаско.

Инструментальная составляющая социального развития и государственной социальной политики весьма разнородна. Основным ее «силовым агрегатом» выступает сплав экономического и юридического блоков — нормативной основы социальной государственной политики, системы социально обусловленного, качественного и сбалансированного законодательства. Отметим, что обеспечение социальной деятельности государства правовыми средствами вряд ли может быть охарактеризовано однозначно положительно. Несомненно, разработано и принято большое количество актов высшей силы в продолжение конституционных положений, просматривается ориентир на международные стандарты гарантий социальных прав человека и прав малообеспеченных групп населения, активно используется потенциал доктринально-правовых источников. Все это получает положительную оценку и не порождает сомнений в оправданности применения разнообразных юридических составляющих в области развития социальной сферы отношений и справедливости в ней. Однако наличие большого количества нормативного материала, частые его изменения, к сожалению, не исключают вакуумных проявлений в правовом регулировании указанных отношений, противоречивости и неопределенности регламентации, что дает возможность говорить о несистемности, несбалансированности и неэффективности правовых средств реализации идеи социального государства.

В правовом регулировании социальной сферы можно обнаружить несколько срезов, выделяемых по разным критериям: категории лиц, тематика отношений,

цели правового регулирования и др. Одним из этого множества регулятивных анклавов является система норм, направленных на упорядочение отношений в области оказания транспортных услуг и обеспечения доступности транспортной инфраструктуры для граждан-инвалидов.

Указанная видовая группа отношений — часть более широкой группы, объединяющей практические вопросы доступности социальной среды для инвалидов. Однако регламентация вида отношений не ограничивается применением нескольких норм или содержащих их актов, а требует сложной взаимосвязи частей системы, поэтому дефекты и нарушение функциональности в правовом регулировании не исключены.

Вопросы оказания транспортных услуг и доступности транспортной инфраструктуры для лиц, ограниченных по состоянию здоровья, стали предметом регулирования ряда нормативных правовых актов. В их числе: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.)¹, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.)², Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.)³, Постановление Правительства РФ от 10 февраля 2020 г. № 115 «О порядке распространения на граждан из числа инвалидов III группы норм части девятой статьи 15 Федерального закона „О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”»⁴, Приказ Минтранса России от 6 ноября 2015 г. № 329 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для пассажиров из числа инвалидов пассажирских вагонов, вокзалов, поездов дальнего следования и предоставляемых услуг на вокзалах и в поездах дальнего следования» — зарегистрирован в Минюсте России 10 февраля 2015 г. № 40063 (в ред. от 27 сентября 2017 г.)⁵, Приказ Минтранса России от 1 декабря 2015 г. № 347 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для пассажиров из числа инвалидов транспортных средств автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, автовокзалов, автостанций и предоставляемых услуг, а также оказания им при этом необходимой помощи»: зарегистрирован в Минюсте России 6 мая 2016 г. № 42032⁶, Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 16 октября 2020 г. № 30 «Об утверждении санитарных правил СП 2.5.3650-20 “Санитарно-эпидемиологические требования к отдельным видам транспорта и объектам транспортной инфраструктуры”»⁷.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4346; 2021. № 27, ч. I, ст. 5165.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 7007; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2021. № 27, ч. I, ст. 5114.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 7, ст. 842.

⁵ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 5; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2021).

⁶ См.: Российская газета. 2016. 6 июня.

⁷ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.10.2021).

Основными недочетами названных нормативных актов выступают правовая неопределенность, например в определении транспортных услуг и в отнесении (неотнесении) их к числу социальных услуг, отсутствие четких критериев дифференциации услуг на социальные и иные, минимизация ответственности за нарушение социально-технических норм в области обеспечения доступности транспортных услуг и транспортной инфраструктуры, отсутствие средств нормативной связанности актов, регламентирующих закупочные процедуры и др. Отмеченные недостатки правового среза развития социальной сферы и проведения государственной политики в ней не должны восприниматься абсолютно. Их констатация не должна приводить к формированию исключительно негативного оценочного отношения к системе законодательства и его претворения в жизнь — напротив, объективный взгляд на реальную ситуацию с юридической составляющей в деятельности по осуществлению социальной функции государства направлен на позитивные изменения, преодоление имеющихся проблем, так или иначе связанных с вопросами реализации прав граждан, в отношении которых рассчитаны меры государственной поддержки в сфере оказания транспортных услуг и доступности транспортной инфраструктуры.

Все имеющиеся затруднения реализации прав граждан-инвалидов в обозначенной сфере предлагаем условно разделить на три разновидности в соответствии со следующими факторами:

- состоянием правового регулирования;
- качеством оказываемой услуги;
- качеством и безопасностью транспортной инфраструктуры.

Проблемы, возникающие вследствие влияния первой группы факторов, можно наглядно продемонстрировать. Так, транспортная услуга для граждан-инвалидов не включена в перечень социальных услуг, оказываемых в рамках государственной поддержки указанной категории лиц. Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ социальной услугой признается действие (действия) в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой, срочной помощи гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей при самостоятельном обеспечении своих основных потребностей. Статьи 20 и 21 данного Федерального закона, а также изданное на его основе Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2014 г. № 1236 «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг» (в ред. от 14 декабря 2020 г.)¹ не относят транспортные услуги инвалидам к числу социальных, даже если они связаны с передвижением к месту лечения или с увеличением коммуникативного потенциала инвалида.

Этот мелкий недостаток законодательства порождает крупные организационные затруднения, которые выражаются, например, в невозможности некоммерческим организациям инвалидов, имеющим специализированные транспортные средства, войти в число поставщиков социальных услуг, оказывать их и получать соответствующие компенсации. Это также снижает возможности самих инвалидов воспользоваться транспортом таких организаций. Кроме того, описанная реальность затрудняет достижение цели трансформации порядка оказания социальных услуг — смену государственных поставщиков социальных услуг на негосударственные организации.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6872; 2020. № 51, ст. 8469.

Приведенный пример можно рассматривать как проявление противодействия осуществлению закона на законодательном уровне, возникшего вследствие отсутствия достаточной изученности вопроса о природе транспортной услуги и исключения ее из числа социальных услуг.

Отсутствие единой универсальной регламентации требований к транспортным средствам, используемым для перевозки пассажиров в межмуниципальном сообщении, ведет к снижению обязательных технических показателей приспособленности этих средств к перевозке пассажиров, относящихся к маломобильным группам населения, в том числе инвалидов. Так, постановлением главы Энгельсского муниципального района Саратовской области изменена шкала определения пригодности транспортного средства для перевозок. Показатель наличия в автобусах специального оборудования для безопасной посадки/высадки и перевозки пассажиров из числа инвалидов снижен вдвое, что ведет к увеличению на маршрутах транспортных средств, непригодных для перевозок инвалидов. Считаем, что принятие главой района такого постановления свидетельствует о противодействии реализации закона, выраженном в нормативном акте муниципального уровня. Одна из причин такого противодействия видится в реальной обстановке, складывающейся в муниципальном транспортном сообщении, обеспечиваемом не муниципальным, а частным перевозчиком. Для последнего оборудование микроавтобуса «Газель» местами для инвалидов означает потерю части прибыли, поэтому требования к пригодности транспортного средства для перевозки снижаются. Невысокое качество оказываемой услуги по перевозке также вызывает проблемы реализации прав граждан-инвалидов в сфере оказания транспортных услуг. Остановимся на некоторых из них.

Как было отмечено, показатели приспособленности единиц транспорта для использования инвалидами низкие. Так, Министерство транспорта и дорожного хозяйства Саратовской области оценивает уровень показателей доступности для инвалидов объектов и услуг на автобусах лишь на уровне 19,9%, то есть из 2100 транспортных средств лишь 417 единиц приспособлены для целей перевозки рассматриваемой категории граждан. Кроме того, специальные платформы, которыми оснащены городские автобусы для поднятия инвалида в салон, на практике не используются из-за особенностей организации движения по маршруту или из-за незнания водителем возможностей управляемого им транспортного средства.

Указанные выше недостатки проявляются чаще, получая менее сдержанные оценки, на территориях, присоединенных к г. Саратову и образующих соответствующую агломерацию.

Плачевная ситуация сложилась в сообщении внутрирегиональном, где основная нагрузка по перевозке пассажиров приходится на маршрутные такси — «Газели», салон которых не способен разместить, например, инвалида на коляске.

Следствием действия факторов третьей группы выступают проблемы, обусловленные низкой обеспеченностью доступности и безопасности объектов транспортной инфраструктуры, особенно объектов железнодорожного транспортного обеспечения. По данным Саратовской транспортной прокуратуры, наряду с принимаемыми Приволжской железной дорогой мерами сохраняются риски для жизни и здоровья граждан, в том числе и инвалидов: ряд пассажирских платформ, пешеходных мостов и переходов через железнодорожные пути остаются в ненадлежащем техническом состоянии и требуют приведения их в соответствие с регламентами и нормативами. Сохраняется опасность, вызванная

отсутствием безопасных подходов к объектам транспортной инфраструктуры, освещения и обустроенных тротуаров при железных дорогах и станциях.

Напряженность в описанной ситуации нарастает также в связи с тем, что обязанность по обустройству некоторых объектов транспортной инфраструктуры на железной дороге лежит на органах местного самоуправления, которые из-за недостаточного финансирования не могут выполнить ее своевременно и качественно. Все это усугубляется недостаточным взаимодействием руководства железной дороги и органов муниципальной власти.

Еще один пример трудностей в реализации прав инвалидов связан с несоблюдением технических требований к установке бордюров при ремонте тротуаров, на что обращает внимание Саратовская областная организация Всероссийского общества инвалидов. Основное нарекание заключается в нарушении требований по высоте бордюра в месте, предназначенном для заезда инвалидной коляски на 2 и более сантиметра, что затрудняет передвижение инвалида.

Приведенные ранее данные свидетельствуют о наличии факторов, вызывающих затруднения в реализации прав инвалидов в сфере оказания транспортных услуг и доступности объектов транспортной инфраструктуры, что перерастает в системные проблемы. Поэтому государственной власти и гражданскому обществу нельзя останавливаться на сделанном — нужно стремиться усиливать взаимодействие в решении обозначенных проблем. Только обоюдоответственные подходы к сложившейся ситуации способны обеспечить успех в направлении позитивных изменений ситуации.

Результаты обсуждения в рамках рабочего совещания с представителями профильных ведомств и организаций и анализ разных вопросов, касающихся доступности транспортных услуг и объектов транспортной инфраструктуры для инвалидов легли в основу представленных ниже рекомендаций:

на федеральном уровне провести исследование транспортной услуги на предмет возможности ее включения в число социальных услуг. При положительном решении вопроса внести изменения в действующее законодательство, а именно в Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ, в Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2014 г. № 1236;

на региональном уровне разработать программы для обеспечения последовательного повышения качества и доступности социальных услуг и создать условия для расширения участия социально ориентированных некоммерческих организаций в их реализации;

усилить или установить более тесное информационное взаимодействие Минздрава области и руководства Приволжской железной дороги; в рамках этого взаимодействия производить обмен информацией о количестве плановых выездов граждан-инвалидов в центры оказания медицинской помощи в другие города и страны;

продолжить работу по обеспечению дорожной доступности объектов социальной инфраструктуры и безопасных подходов к объектам транспортной инфраструктуры (имея в виду в т.ч. освещение, обустроенные тротуары, мосты и переходы);

на постоянной основе проводить инструктаж водителей и кондукторов общественного транспорта по вопросам предоставления транспортных услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья;

на муниципальном уровне обеспечить разработку и принятие таких нормативных критериев допуска транспортных средств к перевозкам пассажиров, которые учитывали бы права и интересы граждан-инвалидов.

Наконец, последняя рекомендация в числе представленных, но первая по значимости — помнить о человечности в человеке! Многие вопросы в рамках заявленной темы находятся за пределами правового регулирования и различного рода инструкций, поэтому решать их нужно, призвав на помощь гуманность и совесть.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-100-107

УДК 342.951

А.Ю. Соколов, Н.В. Богатырева

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
ТРАДИЦИОННОГО, ОРГАНИЧЕСКОГО
И БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
В РОССИИ***

Введение: применение генно-инженерных технологий в сельском хозяйстве может обеспечить быстрое получение сортов, подстраивающихся под изменение климатических условий. **Цель:** определение модели сосуществования, которая защитит биоразнообразие сельскохозяйственных угодий и экономические интересы производителей органической продукции, для которых недопустимо присутствие генно-инженерного материала в выращиваемых растениях вследствие случайного переопыления. **Методологическая основа:** совокупность сравнительно-правового метода, формально-правового метода и метода толкования права. **Результаты:** во многих зарубежных странах сформирована система сосуществования традиционного, биотехнологического и органического земледелия, которая защищает производителей органических и традиционных культур от экономических потерь из-за возможного попадания в урожай генетически модифицированного материала. **Выводы:** в России должна быть реализована модель сосуществования, признающая на государственном уровне важность и ценность каждого из трех видов сельского хозяйства и предусматривающая механизмы их поддержки и развития.

Ключевые слова: генетически модифицированный организм, растениеводство, административно-правовое регулирование, сосуществование, органическая продукция, геномные технологии.

A.Yu. Sokolov, N.V. Bogatyreva

**COEXISTENCE PROSPECTS FOR CONVENTIONAL, ORGANIC
AND BIOTECHNOLOGICAL AGRICULTURE IN RUSSIA**

Background: the use of genetic engineering technologies in agriculture can ensure the rapid production of varieties that adapt to changing climatic conditions. **Objective:** determination of a coexistence model that will protect the biodiversity

© Соколов Александр Юрьевич, 2021

Доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала (Институт государства и права Российской академии наук), заведующий кафедрой административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aysokolov@mail.ru

© Богатырева Наталия Владимировна, 2021

Соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nvbogatyreva@gmail.com

© Sokolov Aleksandr Yurevich, 2021

Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences), Head of the Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

© Bogatyreva Nataliya Vladimirovna, 2021

Applicant for the Administrative and Municipal Law Department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14048мк.

*of agricultural land and the economic interests of organic producers, for whom the presence of genetically engineered material in cultivated plants is unacceptable due to accidental cross-pollination. **Methodology:** the totality of the comparative legal method, the formal legal method and the method of interpretation of law. **Results:** in many foreign countries, a system of coexistence of traditional, biotechnological and organic farming has been formed, which protects producers of organic and traditional crops from economic losses due to the possible ingestion of genetically modified material in the crop. **Conclusions:** in Russia, a coexistence model should be implemented that recognizes the importance and value of each of the three types of agriculture at the state level and provides mechanisms for their support and development.*

Key-words: *genetically modified organisms, crop production, administrative legal regulation, coexistence, organic products, genome technologies.*

Использование современных методов биотехнологии на основе генной инженерии в сельском хозяйстве поможет решить актуальные социально-экономические проблемы Российской Федерации:

во-первых, внедрение новых сортов растений с улучшенными хозяйственно-ценными качествами поможет избежать сокращения урожая вследствие неблагоприятных климатических изменений;

во-вторых, увеличится прибыль хозяйств, использующих новые сорта, полученные с применением геномных технологий;

в-третьих, будет обеспечено дальнейшее развитие современных биотехнологических разработок российских ученых, повысится их конкурентоспособность на международном уровне и возможности коммерциализации.

В связи с вышеуказанным — поддержке геномных технологий на государственном уровне, уделяется особое внимание, в том числе и сельскому хозяйству. Президент РФ на совещании по вопросам развития генетических технологий предложил продлить действующую программу¹ до 2030 г., отметив, что новые открытия должны, в первую очередь, служить людям². Так, в 2021 г. Курчатковский институт в рамках данной программы разработал три новых линии пшеницы и одну линию ячменя с улучшенными характеристиками. Сейчас эти линии проходят полевые испытания, но их промышленное применение под вопросом из-за того, что в России действует устаревшее законодательство о генной инженерии³.

Таким образом, в России необходимо диверсифицировать стратегии развития агропромышленного комплекса, сочетая и защищая не только традиционное, органическое, но и биотехнологическое сельское хозяйство. Это может быть достигнуто путем разработки и внедрения в государственное регулирование модели сосуществования биотехнологического, органического и традиционного сельского хозяйства. Целью настоящего исследования является определение

¹ См.: Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 11, ст. 1106.

² См.: Совещание по вопросам развития генетических технологий. Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67119> (дата обращения: 22.11.2021).

³ См.: Там же.

перспектив сосуществования традиционного, органического и биотехнологического земледелия в России, предусматривающего ограничительные меры для предотвращения непреднамеренного переноса генно-инженерного материала при одновременном выращивании растений, полученных с помощью геномных технологий и без их применения. Для достижения этой цели также необходимо решить следующую задачу: наметить пути устранения основных юридических рисков, связанных с внедрением в российское сельское хозяйство растений, полученных с помощью методов геномного редактирования.

В исследовании применялись общенаучный и специально-юридический методы и приемы научного познания. Сравнительно-правовой метод использовался для изучения зарубежного законодательства о построении системы сосуществования в растениеводстве.

Получение новых сортов растений с искусственно измененными характеристиками интересно тем, что, в первую очередь, позволяет повысить урожайность сельскохозяйственных культур, их устойчивость к засушливому климату и другим неблагоприятным условиям. Это приобретает особую актуальность в контексте глобального изменения климата. Научные исследования подтверждают, что изменение климата в настоящее время затрагивает 98% суши Земли [1, р. 643–649]. Поэтому поиск новых способов получения растений с заданными характеристиками является актуальной задачей, решение которой позволит обществу быстро реагировать на изменение привычных климатических условий.

Один из способов решения этой проблемы — использование геномных технологий при производстве новых сортов растений. Практика внедрения современных биотехнологий (основанных на методах геной инженерии) в сельское хозяйство в странах, где это поддерживается, положительно влияет на экономику отдельных хозяйств и государства в целом. Эти преимущества особенно заметны в развивающихся странах, как показывает метаанализ проведенный в 2014 г. [2], в его рамках исследовано 147 генетически модифицированных (далее — «ГМ-») культур сои, кукурузы и хлопка на фермах по всему миру. Данные метаанализа демонстрируют, что внедрение ГМ-культур сократило использование химических пестицидов на 37%, повысило урожайность на 22% и увеличило прибыль фермеров в среднем на 68%.

Это же подтверждают исследования, проведенные в странах Европейского региона и др. областях. Так, обзор экономических и экологических последствий использования устойчивой к насекомым ГМ-кукурузы в Испании и Португалии 21 год показывает, что на каждый дополнительный евро, потраченный на семена модифицированных культур по сравнению с обычными семенами, фермеры получали дополнительный доход в размере 4,95 евро. Эти доходы обеспечили рост производительности на 11,5%. Кроме того, уменьшилось использование гербицидов, инсектицидов и топлива для сельскохозяйственных работ, что снизило негативное воздействие на окружающую среду [3, р. 90–101].

Обзор практики использования ГМ-культур в Колумбии с 2003 по 2020 гг. зафиксировал те же преимущества для фермеров. Показатели экономической эффективности в данном случае оценивались отдельно для ГМ-кукурузы и ГМ-риса. В первом случае средняя доходность инвестиций составила 5,25 доллара на каждый дополнительный доллар США, вложенный в ГМ-культуры, по сравнению с обычными семенами, во втором — 3,09 доллара [4, р. 140–153].

Экономическая выгода от использования растений, полученных с помощью геномной технологии, в сельском хозяйстве подтверждается текущими исследованиями, но во многих странах такие растения запрещены из-за обеспокоенности общественности биологической и экологической безопасностью таких культур.

Решением этой дилеммы может стать внедрение в сельскохозяйственную практику новых сортов растений, полученных методами геномного редактирования, а не геномной модификации. Использование таких организмов не сопряжено с рисками, сопутствующими использованию генетически модифицированных организмов. Генетически редактируемые организмы не содержат чужеродного генетического материала. Например, с помощью этой технологии получены соевые бобы с более здоровыми жирными кислотами, пшеница с меньшим содержанием клейковины, картофель с более длительным сроком хранения, рис, виноград и пшеница, устойчивые к бактериям, сорта какао, устойчивые к грибкам, и засухоустойчивые сорта кукурузы и пшеницы¹. Все эти сорта являются хозяйственно ценными и при этом не содержат генетический материал других живых организмов.

Однако правовой статус организмов, полученных с помощью методов геномного редактирования, в настоящее время неясен, поэтому для биотехнологического агробизнеса существуют значительные правовые риски, которые необходимо устранить на законодательном уровне путем принятия решений о дифференцированном правовом статусе между генетически модифицированными (ГМ-) и генетически редактируемыми (ГР-) организмами. Это наиболее актуально для стран, где запрещено выращивание генетически модифицированных организмов (далее — ГМО). Российская Федерация входит в число таких стран, как и большинство стран Европейского Союза (кроме Испании и Португалии). ГР-организмы не являются ГМО, несмотря на использование геномных технологий при их получении. Для их получения используются разные методы и поэтому для регулирования их получения и выращивания должны применяться другие методы [5, с. 89–101].

Несмотря на это, важно учитывать, что внедрение ГМО-растений в качестве вида биотехнологического земледелия в российский агробизнесе невозможно без защиты органических и традиционных культур от перекрестного опыления. Это необходимо для обеспечения интересов фермеров и сельскохозяйственных предпринимателей, работающих с традиционными растениями. Признание каждого из трех типов сельского хозяйства и их защита — важное направление диверсификации аграрной экономики России.

Система сосуществования традиционного, органического и биотехнологического растениеводства, является наиболее эффективным способом снижения рисков для экономики России, связанных с уменьшением влияния климатических изменений на урожай, потерей конкурентоспособности биотехнологических разработок российских ученых на международном уровне и экологической безопасностью растений, полученных с помощью геномных технологий. Для определения возможностей и вариантов ее выстраивания в России необходимо обратиться к регулятивной практике зарубежных стран, где уже сформирована система сосуществования традиционного, органического и биотехнологического

¹Towards a scientifically justified, differentiated regulation of genome edited plants in the EU: short version of the statement. 2019.

растениеводства. Среди полученных данных необходимо выделить те, которые могут быть полезны для развития российской системы сосуществования. Также важно обращать внимание на проблемы, с которыми сталкиваются другие страны, их последствия и решения, чтобы предотвратить негативные сценарии для России.

Проведенный сравнительно-правовой обзор различных систем государственного регулирования совместного выращивания традиционных, органических и биотехнологических культур показал, что наиболее распространенным способом совместного безопасного выращивания традиционных и биотехнологических культур является применение буферных (незасеянных) зон. Определять размеры буферных зон следует на региональном уровне, так как только так может быть учтено разнообразие природных и климатических условий, рельеф местности, специфика сельскохозяйственных культур и особенности применяемых методов ведения сельского хозяйства. Данная практика соответствует действующим рекомендациям Европейского союза¹.

Проведенные исследования показывают, что, к примеру, в условиях юго-востока России допустимым для исключения рисков переопыления кукурузы можно считать минимально изолирующее расстояние от 15 м при наличии буферных зон [6, с. 66–77]. Кроме буферных зон, влияние на величину присутствия генно-инженерного материала в растениях, растущих по соседству, оказывают сортовая чистота семян и методы хранения зерна [7, р. 777–784].

Наиболее развитая практика выстраивания системы сосуществования сложилась в США, где выращивание ГМО является разрешенным. Кроме широких буферных зон, протоколы безопасности могут предусматривать индивидуальное одобрение каждого ГМ-сорта, механизмы мониторинга и процедуры разрешения разногласий между соседствующими фермами [8, р. 258–261].

В странах Европейского союза в настоящее время введены строгие меры в отношении выращивания ГМО, при этом отдельные государства наделены правом запрещать такое выращивание на своей территории². В общих рамках наднационального регулирования отдельные страны вправе устанавливать собственное регулирование относительно системы сосуществования. Например, в некоторых странах фермеры должны получить официальное разрешение, перед тем, как начать выращивать ГМО [9, с. 66–70].

К 2021 г. только две страны Европейского союза реально выращивают ГМ-сорта (Португалия и Испания), в остальных странах выращивание ГМО либо так и не началось, либо прекратилось. Одна из причин — строгие правила, установленные на наднациональном уровне³. Еще в 2000-е годы ученые предостерегали, что органы Европейского Союза могут принять слишком строгие и жесткие правила сосуществования, в результате обеспечив не основу, а преграду для развития генно-инженерных технологий в растениеводстве [10, р. 353–358]. Например, введенная в Венгрии система настолько строга, что фактически запрещает

¹ Commission Recommendation of 13 July 2010 on guidelines for the development of national coexistence measures to avoid the unintended presence of GMOs in conventional and organic crops (EC 2010).

² Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC. OJ L 106. 17.4.2001. P. 1–39.

³ Commission Recommendation of 13 July 2010 on guidelines for the development of national coexistence measures to avoid the unintended presence of GMOs in conventional and organic crops (EC 2010).

биотехнологическое производство [11, с. 135–156]. Поэтому при выстраивании требований к сосуществованию следует учитывать опросы фермеров о том, какие меры они воспринимают более или менее обременительными [12, с. 42–53].

Интересен опыт Франции, в которой предлагалось наделить полномочиями по определению требований к буферным зонам муниципалитеты [13, р. 183–199], Чехии, показавшей, что простые и понятные правила сосуществования обеспечивают простую, надежную и полностью прозрачную работу с выращиванием ГМО [14, р. 617–623], и также других стран.

Целесообразным представляется изучение разработок Германии в сфере мониторинга выращивания ГМО на основе WebGIS — геоинформационной системы [15]. Технологию следует внедрять одновременно с созданием реестра и интерактивной карты посевов сортов биотехнологических, органических и традиционных культур — удобной для планирования и контроля за функционированием системы существования.

Далее следует заметить, что построение модели сосуществования в Российской Федерации невозможно без определения, что является биотехнологическим, органическим и традиционным земледелием. Актуальная проблема — определить, какие биотехнологические методы разрешены. В настоящее время определение ГМО и способы получения ГМО в российском законодательстве и международных правовых актах необходимо пересмотреть с учетом современного уровня развития науки. В действующее законодательство следует внести пункт о том, что ГР-растения не считаются ГМО. Внесение уточняющей поправки позволит преодолеть правовую неопределенность с правовым статусом ГР-растений и окажет положительное влияние на экономическое, научное и технологическое развитие стран, которые будут внедрять новые сорта, полученные с помощью методов геномного редактирования, в сельское хозяйство.

В то же время оценка безопасности продукции, полученной при выращивании ГР-растений, должна проводиться на основе сравнения с традиционными аналогами растений и продуктов — также, как и оценка безопасности любых новых продуктов, полученных с использованием современных методов биотехнологии. В перспективе должен произойти переход от модели регулирования, основанной на особенностях процессов получения новых продуктов, принятой в Европейском Союзе и частично — в Российской Федерации, к модели регулирования, основанной на особенностях самих продуктов, апробированной в США, Канаде и нескольких других странах, которые успешно применяют в сельском хозяйстве организмы, полученные с использованием новейших технологий.

Изложенное позволяет сделать вывод, что система сосуществования традиционного, биотехнологического и органического земледелия решит сразу две проблемы, связанные с развитием генно-инженерных технологий:

1) защитит производителей органических и традиционных культур от экономических потерь из-за попадания в их посевы генетически модифицированного материала;

2) обеспечит развитие биотехнологической отрасли растениеводства в России и позволит фермерам и сельскохозяйственным компаниям воспользоваться преимуществами генетически модифицированных сортов растений.

Важно, чтобы экономические затраты на выстраивание системы сосуществования не превышали доходы и потенциальную выгоду от выращивания органических и биотехнологических продуктов. Следовательно, система должна быть

гибкой, а предлагаемые меры — доступными. Чрезмерно ограничительные меры и жесткая система регулирования могут сделать инвестиции в биотехнологическое производство экономически и стратегически невыгодными.

Чтобы это обеспечить, современное правовое регулирование в отношении растений, полученных с использованием геномных технологий, должно основываться не на процесс-ориентированном, а на продукт-ориентированном подходе, что позволит исключить основные правовые риски, связанные с использованием геномно-редактируемых растений в агробизнесе, и сделать их использование экономически выгодным в странах, где выращивание ГМО запрещено также, как и в Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Neukom R., Steiger N., Gómez-Navarro J.J., et al.* Consistent multidecadal variability in global temperature reconstructions and simulations over the Common Era // *Nature Geoscience*. 2019. № 12. P. 643–649.
2. *Klümper W., Qaim M.* A Meta-Analysis of the Impacts of Genetically Modified Crops // *Plos ONE*. 2013. № 9 (11).
3. *Brookes G.* Twenty-one years of using insect resistant (GM) maize in Spain and Portugal: farm-level economic and environmental contributions // *GM Crops & Food*. 2019. № 10. P. 90–101.
4. *Brookes G.* Genetically modified (GM) crop use in Colombia: farm level economic and environmental contributions // *GM Crops & Food*. 2020. № 11:3. P. 140–153.
5. *Богатырева Н.В., Соколов А.Ю., Мусеева Е.М., Гусев Ю. С., Чумаков М.И.* Правовое положение растений, полученных с использованием технологии редактирования генома: перспективы для России // *Экологическая генетика*. 2021. Т. 19. № 1. С. 89–101.
6. *Гусев Ю.С., Гуторова О.В., Мусеева Е.М., Фадеев В.В., Зайцев С.А.* Оценка рисков переопыления кукурузы при совместном выращивании нескольких линий в условиях юго-востока европейской части России // *Сельскохозяйственная биология*. 2021. Т. 56. № 1. С. 66–77.
7. *Dolphin C.J., Mosher G.A., Ambrose R.P.K., Ryan S.J.* Meeting the Tolerance: How Successful is Coexistence in Commodity Corn Handling Systems? // *Applied Engineering in Agriculture*. № 36 (5). P. 777–784.
8. *Byrne P.F. and Fromherz S.* Can GM and non-GM crops coexist? Setting a precedent in Boulder County, Colorado, USA // *Food, Agriculture & Environment*. 2003. № I (2). P. 258–261.
9. *Пряжникова О.Н.* Политика ЕС в сфере производства генно-модифицированных сельскохозяйственных культур. (сводный реферат) // *Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2: Экономика: Реферативный журнал*. 2017. № 2. С. 66–70.
10. *Demont M., Devos Y.* Regulating coexistence of GM and non-GM crops without jeopardizing economic incentives // *Trends in Biotechnology*. 2008. № 26 (7). P. 353–358.
11. *Раджоньери М. П., Кьяраболли А.* Сосуществование производств генетически модифицированной, традиционной и органической сельскохозяйственной продукции: венгерская система // *Правоведение*. 2013. № 1 (306). С. 135–156.
12. *Редникова Т.В.* Сельскохозяйственное производство генетически модифицированной продукции как средство обеспечения продовольственной безопасности: европейский опыт правового регулирования // *Сельское хозяйство*. 2020. № 1. С. 42–53.
13. *Bodiguel L.* Chapter 7 — GM crops and conventional or organic agriculture coexistence in EU regulation // *Genetically Modified and Irradiated Food*. Academic Press, 2020. P. 183–194.

14. *Rakouský S., Doubková Z.* Czech Republic — GMO Regulations and Biodiversity: A Legal Perspective. In: Chaurasia A., Hawksworth D.L., Pessoa de Miranda M. (eds) *GMOs. Topics in Biodiversity and Conservation*, vol 19. Springer, Cham, 2020. С. 617–623.

15. *Kleppin L., Schmidt G., Schröder W.* Cultivation of GMO in Germany: support of monitoring and coexistence issues by WebGIS technology // *Environmental Sciences Europe*. 2011. № 23 (4).

References

1. *Neukom R., Steiger N., Gómez-Navarro J.J., et al.* Consistent multidecadal variability in global temperature reconstructions and simulations over the Common Era // *Nature Geoscience*. 2019. № 12. P. 643–649.

2. *Klümper W., Qaim M.* A Meta-Analysis of the Impacts of Genetically Modified Crops // *Plos ONE*. 2013. № 9 (11).

3. *Brookes G.* Twenty-one years of using insect resistant (GM) maize in Spain and Portugal: farm-level economic and environmental contributions // *GM Crops & Food*. 2019. № 10. P. 90–101.

4. *Brookes G.* Genetically modified (GM) crop use in Colombia: farm level economic and environmental contributions // *GM Crops & Food*. 2020. No. 11:3. P. 140–153.

5. *Bogatyreva N.V., Sokolov A.Yu., Moses E.M., Gusev J.S., Chumakov M.I.* Legal status of plants obtained with the use of technology for genome editing: prospects for Russia // *Ecological genetics*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 89–101.

6. *Gusev Yu.S., Gutorova O.V., Moiseeva E.M., Fadeev V.V., Zaitsev S.A.* Assessment of the risks of over-pollination of corn in the joint cultivation of several lines in the conditions of the south-east of the European part of Russia // *Agricultural biology*. 2021. Vol. 56. No. 1. P. 66–77.

7. *Dolphin C.J., Mosher G.A., Ambrose R.P.K., Ryan S.J.* Meeting the Tolerance: How Successful is Coherence in Commodity Corn Handling Systems? // *Applied Engineering in Agriculture*. № 36 (5). P. 777–784.

8. *Byrne P.F. and Fromherz S.* Can GM and non-GM crops coexist? Setting a precedent in Boulder County, Colorado, USA // *Food, Agriculture & Environment*. 2003. No. 1 (2). P. 258–261.

9. *Pryazhnikova O.N.* EU policy in the field of production of genetically modified crops. (summary abstract) // *Social and humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Ser. 2, Economics: Abstract Journal*. 2017. No. 2. P. 66–70.

10. *Demont M., Devos Y.* Regulating coexistence of GM and non-GM crops without jeopardizing economic incentives // *Trends in Biotechnology*. 2008. No. 26 (7). P. 353–358.

11. *Rajonieri M.P., Chiarabollini A.* Coexistence of production of genetically modified, traditional and organic agricultural products: Hungarian system // *Pravovedenie*. 2013. No. 1 (306). P. 135–156.

12. *Rednikova T.V.* Agricultural production of genetically modified products as a means of ensuring food security: European experience of legal regulation // *Rural farming*. 2020. No. 1. P. 42–53.

13. *Bodiguel L.* Chapter 7 - GM crops and conventional or organic agriculture coherence in EU regulation // *Genetically Modified and Irradiated Food*. Academic Press, 2020. P. 183–194.

14. *Rakouský S., Doubková Z.* Czech Republic — GMO Regulations and Biodiversity: A Legal Perspective. In: Chaurasia A., Hawksworth D.L., Pessoa de Miranda M. (eds) *GMOs. Topics in Biodiversity and Conservation*, vol 19. Springer, Cham, 2020. P. 617–623.

15. *Kleppin L., Schmidt G., Schröder W.* Cultivation of GMO in Germany: support of monitoring and coherence issues by WebGIS technology // *Environmental Sciences Europe*. 2011. № 23 (4).

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-108-119

УДК 342.55

А.В. Колесников

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОСОБЫХ ТЕРРИТОРИЯХ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕФЕРЕНЦИЯМИ

Введение: трудности России в экономике поставили перед государством цель создания инновационных кластеров с особыми экономическими преференциями, создающими условия экономического роста и привлечения инвестиций. Поиск эффективных форм и методов управления в границах таких территорий привел к дисбалансу системы управления. Акционерные общества, созданные Правительством РФ, будучи коммерческими организациями, наделяются внушительным количеством публичных полномочий. В результате органы местного самоуправления лишаются существенного объема компетенции. Это противоречит Конституции РФ. **Цель:** анализ эмпирического материала и выработка рекомендаций законодателю, способствующих гармонизации законодательства, системы управления и повышению экономической эффективности. **Методологическая основа:** изучение материала проводилось с помощью метанаучных средств, метода формальной логики, дедукции и специально-юридического исследования. **Результаты:** выработаны общие предложения логического объединения в правовых нормах существующих антиномий, выражающихся в противоборстве существующих экономических и правовых потребностей. **Выводы:** необходим возврат публичных полномочий органам местного самоуправления и изменение статуса управляющей компании. Нужна качественно новая модель взаимодействия управляющей компании с органами публичной власти. Будет лучше создать унифицированную систему законодательства, регулирующего порядок публичного управления на территориях с экономическими преференциями.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, управляющая компания, территории с особым правовым режимом, инвестирование, публичная власть.

A. V. Kolesnikov

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN SPECIAL TERRITORIES WITH ECONOMIC PREFERENCES

Background: Russia's economic difficulties have set the state the goal of creating innovation clusters with special economic preferences that create conditions for economic growth and attract investment. The search for effective forms and methods of management within the boundaries of such territories has led to an imbalance of the management system. Joint-stock companies established by the Government of the

© Колесников Андрей Владимирович, 2021
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права
(Саратовская государственная юридическая академия)

© Kolesnikov Andrey Vladimirovich, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of Administrative and municipal law
(Saratov State Law Academy)

Russian Federation, being commercial organizations, are endowed with an impressive amount of public powers. As a result, local self-government bodies are deprived of a great amount of competence. This is contrary to the Constitution of the Russian Federation. Objective: analysis of empirical material and development of recommendations to the legislator that contribute to the harmonization of legislation, management system and increase economic efficiency. Methodology: the study of the material was carried out using meta-scientific means, the method of formal logic, deduction and special legal research. Results: general proposals have been developed for the logical unification of existing antinomies in legal norms, expressed in the confrontation of existing economic and legal needs. Conclusions: it is necessary to return public powers to local governments and change the status of the management company. We need a qualitatively new model of interaction between the management company and public authorities. It is necessary to create a unified system of legislation regulating the order of public administration in territories with economic preferences.

Key-words: local self-government bodies, management company, territories with a special legal regime, investment, public power.

Наличие общих принципов местного самоуправления означает их обязательную унификацию на всей территории России. Нормы, регулирующие организационный аспект муниципального управления, могут иметь различия, в зависимости от усмотрения субъектов РФ или федерального законодателя, стремящегося решить задачи государственного значения при формировании модельных модификаций осуществления власти. Тактические направления достижения цели процветания государства и его граждан могут иметь различный характер: экономические преференции, создание условий для развития науки и техники, обороноспособность страны и защита ее суверенитета. Однако наличие права регулирования общественных отношений ограничена нормами Конституции РФ даже у Федерального законодателя. Нарушение прав на муниципальное управление может быть мотивировано исключительно конституционными положениями ст. 55. Конституция РФ и Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.)¹ (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) постоянно пополняются положениями, допускающими не только особенности, но и кардинально иные конструктивные формы организации публичного управления на отдельных территориях с особым правовым режимом организации власти. В настоящее время их насчитывается довольно большое количество. Особый интерес сейчас вызывают территории с особым правовым регулированием, установленным с целью развития территории, экономики государства и привлечения инвестиций. К ним, помимо наукограда (статус которого достаточно подробно изучен), Федеральный закон № 131-ФЗ относит: районы Крайнего Севера (ст. 82.1); территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) (ст. 82.3); территорию ИЦ «Сколково» (ст. 82.2); территории инновационных научно-технических центров (ИНТЦ) (ст. 82.4); территории свободного порта Владивосток (СВП) (ст. 82.5); территории муниципальных образований Арктической зоны РФ (ст. 82.6). Существуют также зоны территориального развития (ЗТР), особые экономические зоны (ОЭЗ).

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5117.

Организационные особенности местного самоуправления во множестве муниципальных образований из 25 субъектов, входящих в состав районов Крайнего севера¹ и приравненных к ним местностях Федеральным законом № 131-ФЗ не установлены. Статья 82.1 Федерального закона № 131-ФЗ определяет лишь особенности осуществления закупок топливно-энергетических ресурсов, продовольствия, товаров производственно-технического назначения. Закупкой этих товаров занимаются органы исполнительной власти Субъектов РФ. Закупка иной продукции — компетенция муниципалитетов. Многие муниципальные образования 9 субъектов РФ (в четырех регионах все муниципалитеты), входящих в число районов Крайнего севера, одновременно относятся к Арктической зоне РФ. Их перечень установлен в ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.)² (далее — Федеральный закон № 193-ФЗ). Данный закон, определяя в качестве инфраструктуры многие объекты, относящиеся обычно к муниципальному имуществу, не причисляет органы местного самоуправления к управляющим субъектам, выполняющим функции поддержки предпринимательской деятельности. Эти полномочия выполняют уполномоченные федеральные органы и управляющая компания (далее — УК), формируемая Правительством РФ в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.)³ (далее — Федеральный закон № 473-ФЗ).

«Значение Арктики обуславливают следующие факторы: во-первых, изменение климатических характеристик, позволяющие планировать (прогнозировать) стабильную хозяйственную деятельность в условиях Крайнего Севера, во-вторых, прогнозные данные о запасах углеводородов, полезных ископаемых в Арктической зоне в условиях общего истощения существующих запасов углеводородов в мире и прогноза о повышении спроса/потребления энергоресурсов в целом, в-третьих, возможность использования логистических возможностей Северного морского пути и богатейших биоресурсов Арктики, наконец, в-четвертых, военно-стратегическое значение Арктической зоны» [1, с. 115]. Этим как раз и определяется возможность, в рамках ст. 55 Конституции РФ, формировать ограничительные особенности прав на местное самоуправление. Вместе с тем умаление роли органов и должностных лиц в поддержке предпринимательства, на наш взгляд, не оправдано. Они могли бы содействовать Общественному совету Арктической зоны⁴ в мониторинге взаимодействия между малочисленными коренными народами и резидентами Арктической зоны (п. 1 ч. 2.1 Приказа № 131), а также принимать участие в разработке и реализации мероприятий по охране арктической природной среды (п. 2 ч. 2.1 Приказа № 131). Однако органы мест-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 23 мая 2000 г. № 402 «Об утверждении Перечня районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции)» (в ред. от 6 декабря 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 22, ст. 2316, № 23 (уточнение); 2016. № 50, ст. 7120.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 29, ст. 4503; 2021. № 27, ч. I, ст. 5178.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. I, ст. 26; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

⁴ См.: Приказ Минвостокразвития России от 2 сентября 2020 г. № 131 «Об утверждении Положения об Общественном совете Арктической зоны Российской Федерации». Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minvostokrazvitiya-rossii-ot-02092020-n-131-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 23.08.2021) (далее — Приказ № 131).

ного самоуправления, как ни странно, не только не включены в состав совета, но даже не входят в число субъектов, имеющих право быть приглашенными на заседание совета без права голоса. Участие органов местного самоуправления в развитии Арктической зоны обусловлено и программно-целевым принципом стратегического планирования (ч. 13 ст. 7 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹), требующим согласования стратегий социально-экономического развития всех уровней. Однако роль органов местного самоуправления в развитии экономики Арктики минимизирована. Примечательно, что с февраля 2021 г. даже земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности предоставляются в аренду резидентам Арктической зоны не органами местного самоуправления, а УК от имени органов местного самоуправления². Регулярное перераспределение компетенции муниципалитетов пользу УК и иных эмиссаров государства свидетельствует об обесценивании роли органов местного самоуправления в деле развития Арктической зоны.

Частичная или полная передача полномочий по управлению различными территориями управляющим компаниям стала обыденностью в российской системе публичного управления. Вместо того чтобы развивать местное самоуправление, государству гораздо выгоднее сформировать конгломерат управленцев, которые, вооружившись ценными указаниями «сверху» в режиме ручного управления будут выполнять публичные функции, присущие органам публичной власти. Это хороший способ обхода конституционных положений о формах осуществления власти. Достаточно объявить территорию «особой» и можно вводить ограничения. Правда ограничения зачастую обоснованы не обороноспособностью страны и другими основаниями, закрепленными в ст. 55 Конституции РФ, а различными надобностями в развитии инноваций, технологий, экономики территории. Возникают вполне логичные вопросы: почему развитие экономики требуется только на отдельных территориях? В связи чем развитием науки и технологий руководят управляющие компании, а не ученые и РАН?

В муниципальных образованиях, входящих в территорию свободного порта Владивосток (СПВ), с целью ускорения социального и экономического развития в границах порта, развития международной торговли и использования географических преимуществ территории, создания и развитие технологий, существует цель «обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, органов местного самоуправления, общественности, предпринимателей и инвесторов в целях развития свободного порта Владивосток»³. Однако вместо взаимодействия, также как и в Арктической зоне, создается УК на основе Федерального закона № 473-ФЗ. Она может осуществлять не только собственные полномочия, но и полномочия упол-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3378; 2020. № 31, ч. I, ст. 5023.

² См. подробнее: Постановление Правительства РФ от 1 февраля 2021 г. № 91 «Об утверждении Правил предоставления управляющей компанией Арктической зоны Российской Федерации земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 6, ст. 989.

³ См. ч. 2, ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. I, ст. 4338; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188 (далее — Федеральный закон № 212-ФЗ).

номоченного органа федеральной власти, переданные им на основе соглашения. В отличие от Арктической зоны на территории СПВ создается наблюдательный совет, имеющий обширную компетенцию, в том числе по координации взаимодействия между органами государственного и муниципального управления. В состав наблюдательного совета входят, помимо представителей органов исполнительной власти (начиная с Заместителя Председателя Правительства РФ), главы муниципальных образований, представители ассоциаций профсоюзов и территориальных объединений работодателей. В ЗТР такие же нормы о наблюдательном совете. Единственное отличие заключается в том, что в него входят не главы муниципалитетов, а представители исполнительно-распорядительного органа. Аналогичным образом создается УК, в которой может передаваться компетенция уполномоченного федерального органа¹. В особых экономических зонах органы местного самоуправления хоть каким-то образом участвуют в организации развития территории. Однако их реальная работа и контрольные полномочия в отношении резидентов свободного порта и УК сильно ограничены. Органы, уполномоченные проводить проверки в рамках муниципального контроля в Арктической зоне, ТОСЭР и муниципалитетах СПВ в соответствии с ч. 4.1 ст. 1 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (в ред. от 11 июня 2021 г.)² (далее — Федеральный закон № 294-ФЗ), проводят их только в соответствии с законодательством об этих территориях. Во всех этих законах существуют отсылки на особый порядок, устанавливаемый Правительством РФ. Например, в СПВ органы муниципального контроля не имеют прав на самостоятельные проверки. Все проверки в рамках муниципального контроля проводятся совместно с органами, уполномоченными на проведение государственного контроля³. В случае, если муниципальный контроль в отношении резидентов СПВ проводится в рамках внеплановой проверки в соответствии с Федеральным законом № 294-ФЗ, то решение о ее проведении согласовывается с Минвостокразвития России, которое может его не согласовать⁴. Аналогичный порядок осуществления муниципального контроля предусмотрен в Арктической зоне и ТОСЭР (ч. 4.1 ст. 1 Федерального закона № 294-ФЗ). Такие нормы оказывают

¹ См. ч. 4, 5 ст. 7, ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 5, ст. 7070; 2020. № 17, ст. 2725 (далее — Федеральный закон № 392-ФЗ).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

³ См. подробнее: Постановление Правительства РФ от 30 июля 2016 г. № 729 «О совместных плановых проверках, проводимых в отношении резидентов свободного порта Владивосток органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (вместе с «Правилами проведения совместных плановых проверок резидентов свободного порта Владивосток органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), муниципального контроля») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 32, ст. 5111.

⁴ См. подробнее: Приказ Минвостокразвития России от 1 сентября 2015 г. № 167 «Об установлении Порядка согласования внеплановых проверок, а также заявленных органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля оснований для их проведения в отношении резидентов свободного порта Владивосток» (в ред. от 7 июля 2017 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 18 января 2016 г. № 40603). Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minvostokrazvitiya-rossii-ot-01092015-n-167/> (дата обращения: 25.08.2021).

сильное ограничение на проверку резидентов. «Контроль над деятельностью УК не предусмотрен вообще, вероятно, авторы полагают, что в данном аспекте будут применяться соответствующие положения корпоративного законодательства РФ со всеми вытекающими последствиями» [2, с. 1212]. Примечательно, что развитие СПВ представляет собой публичный интерес, но его реализация осуществляется резидентами, представляющими частные интересы. Некоторые ученые считают, что в этом узле заинтересованностей может скрываться коррупциогенный фактор под названием «реализация негосударственных интересов» [2, с. 1213] и предлагают его включение в «Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹. Под содержанием этого фактора предлагается понимать «осуществление интересов, планов, использование служебного положения в целях личной выгоды, содействия физическим и юридическим лицам извлечению ненадлежащей выгоды на основе неэффективного использования бюджетных средств в ущерб государственным интересам» [3, с. 77]. Ограничениям подвергается и компетенция органов муниципального управления в некоторых сферах, таких как медицинское обслуживание населения, образование и др.

Цели создания территорий, в результате которых происходит ограничение на местное самоуправление, несколько разнятся. В Арктической зоне это экономическое развитие региона; «стимулирование и активизация инвестиционной и предпринимательской деятельности; создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни»². В ИНТЦ ограничения осуществляются «в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации, повышения инвестиционной привлекательности сферы исследований и разработок, коммерциализации их результатов, расширения доступа граждан и юридических лиц к участию в перспективных, коммерчески привлекательных научных и научно-технических проектах»³. В ТОСЭР «в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»⁴. «Особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции»⁵. В ЗТР резидентам предоставляют государственную поддержку «в целях ускорения социально-экономического развития

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») (в ред. от 10 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10, ст. 1084; 2017. № 29, ст. 4374.

² См. ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 193-ФЗ.

³ См. ст. 1 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. I, ст. 4765; 2021. № 27, ч. I, ст. 5179 (далее — Федеральный закон № 216-ФЗ).

⁴ См. п. 3 ст. 2 Федерального закона № 473-ФЗ.

⁵ См. ст. 3 Федерального закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 11 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. II, ст. 3127; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188 (далее — Федеральный закон № 116-ФЗ).

субъекта РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику»¹. Целью создания инновационного центра «Сколково» является «развитие исследовательской деятельности и коммерциализации ее результатов»². Из этого (якобы разнообразия) вытекает, что далеко не все эти зоны с особым режимом нацелены на развитие территории. Основными установками являются:

- 1) повышение инвестиционной привлекательности;
- 2) научные разработки и коммерциализация их результатов.

Такие цели стоят перед тысячами муниципальных образований, бизнесменов и научных организаций, но льготные условия осуществления деятельности создаются не везде. Надо отметить, что ни одна из этих целей не соответствует условиям ст. 55 Конституции РФ и не может стать основанием ограничения прав на местное самоуправление.

«Обобщая вышесказанное, можно заметить, что в процессе экономических реформ государство постепенно из регулятора общественных отношений все больше превращалось в предпринимателя-монополиста. У российского законодателя, в отличие от советского, во многих случаях прослеживается желание перестроить публичные правоотношения в понятные предпринимателю гражданско-правовые. Система законодательства превращается в систему договоров. Как в нашем случае: ты мне инвестиции, а я тебе налоговые льготы. Понятие „государственные функции” уже давно пытаются заменить понятием „государственные услуги”. Осталось только огласить весь прейскурант» [4, с. 6].

Особенности организации местного самоуправления на этих территориях проявляются двояко.

Во-первых, в систему публичной власти дополнительно включается УК и наблюдательный совет.

Во-вторых, наличие УК, обладающей публичными полномочиями, логически требует наполнения компетенционного блока их правового статуса полномочиями за счет органов государственной и муниципальной власти. Реализация компетенции УК ИЦ «Сколково» и другими УК сопровождается принятием нормативных правовых актов. При этом УК не просто осуществляет полномочия по вопросам местного значения, она их реализует с определенными оговорками. Например, УК в ИЦ «Сколково» в соответствии со ст. 5 Федерального закона создает или организует создание частных образовательных организаций для организации получения от дошкольного до среднего общего образования (п. 17 ч. 1 ст. 5), а также с помощью частной системы здравоохранения организует оказание жителям медицинской помощи (п. 20 ч. 1 ст. 5). По мнению экспертов «данные положения свидетельствуют, что лица, находящиеся на территории Центра, не будут обеспечиваться бесплатной медицинской помощью, а также бесплатным дошкольным, основным общим и средним профессиональным образованием» [5, с. 11]. УК обладают ограничительными полномочиями для проживающего на территории населения. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 17.1 Федерального закона № 244-ФЗ УК может принимать решение об оборудовании дорог устройствами, ограничивающими проезд транспорта неограниченного

¹ См. п. 1 ст. 2 Федерального закон № 392-ФЗ.

² См. ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 40, ст. 4970; 2021. № 27, ч. I, ст. 5160 (далее — Федеральный закон № 244-ФЗ).

круга лиц. Тем самым она не только решает вопрос транспортной безопасности на территории «Сколково», но и вторгается (не имея на то оснований) в категорию особой компетенции органов публичной власти, по ограничению конституционных прав граждан на свободу передвижения. Отсутствие на территории ИЦ «Сколково» органов местного самоуправления делает невозможным обращение в них, ограничивая конституционное право населения. На территории ТОСЭР также «управляющая компания выполняет функции органов местного самоуправления и, соответственно, решать основные вопросы местного значения в интересах населения должна именно она, и это влечет фактическое устранение муниципальной власти от публичного управления в довольно существенной его части. Возникает закономерный вопрос: если население не будет удовлетворено решением данных вопросов, то к кому оно должно обращаться? К органам местного самоуправления, которые юридически лишены данных полномочий, или к управляющей компании, которая юридически не несет ответственности перед населением за ненадлежащее решение данных вопросов?» [6, с. 56]. Это ставит под сомнение законность системы управления в «Сколково». Конституционный Суд РФ (КС РФ) в своем Постановлении от 19 мая 1998 г. № 15-П отметил, что Конституция РФ «не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти... такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам»¹.

В качестве особенности всех УК «выступает распространение управленческих функций по территориальному признаку, что еще больше роднит компании с органами государственной власти» [7, с. 35]. Е.В. Гриценко, констатируя факт придания УК и фондам статуса юридических лиц публичного права, пишет: «Это обстоятельство никак не может отменить необходимость соблюдения конституционных принципов передачи публично-властных полномочий, публичных функций и задач иным субъектам независимо от правовой формы их организации. Возникают проблемы с реализацией не только конституционных основ демократического государства, но и принципов самостоятельности местного самоуправления, защиты конкуренции, федеративного устройства, правового государства» [8, с. 115]. Это справедливо. По мнению Т.К. Ковалевой «необходимость любого вторжения в создание исключительного режима для конкретного кластера должна быть тщательно продумана и обоснована, в том числе и в сфере правового регулирования институтов публичной власти. В этой связи представляется спорным подход, при котором создается особый правовой режим регулирования институтов публичной власти на территории кластера и/или его части, и функции институтов публичной власти передаются от органов местного самоуправления к любому другому контрагенту... Создание управляющих компаний в качестве инструмента управления на территории кластера или инновационного центра может не только усилить административную нагрузку и привести к управленческим проблемам, но и поставить под сомнение

¹ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2491.

существование самой кластерной структуры и ее инновационного элемента, и, наконец, привычных начал местного самоуправления» [9, с. 203].

Ученые также констатируют, «что при наличии практики реального делегирования отдельных властных полномочий субъектам частного права у российского законодателя отсутствует общая концепция, определяющая общие условия и правила такого перераспределения компетенции» [7, с. 41]. Полномочный представитель Правительства РФ в СФ ФС РФ В.А. Живулин, рассуждая о многообразии правового регулирования в зонах с особыми экономическими преференциями, отметил: «многообразие инструментов поддержки инвесторов, которые формировались несколько лет, привело к тому, что была порождена путаница в преференциальных режимах, которые работают на 500 площадках, и мало кто знает, чем они отличаются друг от друга»¹.

По мнению И.В. Бабичева «такая обширность перечня территорий с теми или иными особенностями осуществления местного самоуправления начинает наводить на мысль, что общие принципы организации местного самоуправления, установленные Федеральным законом № 131-ФЗ, просто мешают жить и инновационно творить, и на территориях, где надо наладить жизнь, их надо видоизменять. Странноватый подход. Наверное, пора уже серьезно проанализировать, что дают особенности устройства местной власти на таких территориях, действительно ли они приводят к достижению тех целей, во имя которых были устроены, не повышают ли риски коррупции, злоупотребления властью, ущемления интересов жителей таких территорий, снижения защищенности их прав и гарантий» [10, с. 55].

Не исключено, что постоянный рост количества особых территорий приведет к тому, что они станут обычными, а стандартные муниципальные образования станут исключением. Во всех этих кластерах с особым режимом проявляется общая тенденция ограничения власти субъекта РФ и органов местного самоуправления вопреки всем конституционным, законодательным положениям и постановлениям КС РФ о запрете ограничения прав на местное самоуправление. И здесь напрашивается один из трех выводов. Либо существующие формы публичного управления показали свою несостоятельность в решении государственных и муниципальных, в том числе экономических, задач. Либо федеральная власть «отодвигает» органы публичного управления других уровней, ответственные за развитие территории перед населением, от части публичных функций, которые могут принести экономическую выгоду и передают их управляющим компаниям, которые сами же и формируют из аффилированных лиц. Третий вывод представляет собой суммирование первых двух.

Мы считаем, что развитие экономики, сопровождаемое ростом благосостояния населения, должно являться основной стратегией современной России. Однако решение задач, направленных на достижение цели не должно осуществляться базарными способами, преследующими адресную выгоду для конкретных субъектов.

Для достижения прогресса в управлении, сопровождаемого экономическим эффектом необходимо одновременно и рационально сбалансировать два логически-правовых противоречия:

¹ См.: «Перезагрузка» инструментов развития территорий. Российский инвестиционный форум — 2020. URL: <https://rusinvestforum.org/news/«perezagruzka»-instrumentov-razvitija-territij> (дата обращения: 15.03.2020).

слишком точечное и объемное правовое регулирование экономических отношений не сможет служить повышению оперативности принятия важных и быстрых решений, влияющих на развитие экономики и инвестиционный климат, но большое видовое, климатическое и целевое разнообразие территорий с особым правовым регулированием требует индивидуального правового подхода;

существует конституционная система осуществления публичной власти, включающая федеральные органы, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Другие органы не предусмотрены. Огульная передача большого количества публичных полномочий негосударственным (и даже коммерческим) организациям незаконна и нарушает права граждан, тогда как государство призвано, в первую очередь, оберегать и защищать их. Однако цель экономического развития и эффективного инвестирования требует профессионального подхода и привлечения к управлению специалистов, объединенных в одной организационной структуре (той же УК).

На наш взгляд, решение этих сложных антиномий возможно с применением следующих алгоритмов:

с помощью мониторинга существующих территорий с особым правовым регулированием необходимо классифицировать их по целевому предназначению (развитие экономики территории и инвестирование в нее; инвестирование в экономику государства с использованием преимуществ территории; оборона; развитие инноваций, науки и техники; образование, выявление, обучение и воспитание талантов и т.д.);

сформулировать и принять унифицированное законодательство (с учетом широкого профессионального и общественного обсуждения) об общих принципах управления каждым видом территории. Особенности отдельно взятых территорий должны регулироваться нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальных образований. Правовые акты управляющей компании должны регламентировать только деятельность резидентов особой территории;

управляющая компания конкретной территории, имеющая статус акционерного общества должна создаваться не только Правительством РФ. В ее формировании должны принимать долевое участие субъекты РФ и муниципальные образования. Число представителей каждого уровня власти должно быть равным. Порядок их формирования должен быть прозрачным. Состоять они должны из специалистов (в том числе ученых) в области экономики, права и отраслей развития с учетом вида территории;

компетенция УК не должна содержать большого количества публичных полномочий. Небольшая часть полномочий, переданных ей органами публичной власти, должна быть направлена исключительно на реализацию целей формирования особой территории и организацию деятельности резидентов. Она не должна включать в себя хозяйственные функции и компетенцию по управлению муниципальным имуществом, не должна решать вопросы транспортного обслуживания, строительства, газо-, водо-, электроснабжения и другие вопросы местного значения, поскольку не подотчетна и не ответственна перед населением как органы местного самоуправления. Вместе с тем, УК должна иметь эксклюзивные права на взаимодействие с органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам, связанным с деятельностью резидентов на особой территории. Их обращения должны оперативно решаться в кратчайшие сроки, предусмотренные принятым законом. УК должна представлять собой систему

«одного окна» как МФЦ. В свою очередь, органы публичной власти должны оказывать незамедлительное, но профессиональное и законное содействие УК в целях реализации поставленных задач. Законом должно быть предусмотрено применения регуляторной песочницы. «В Российской Федерации регуляторные «песочницы» возможны в нескольких сферах. В их числе: медицина, транспорт, сельское хозяйство, финансовая деятельность, торговля, строительство, предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, промышленность, связь и иные направления»¹. УК должна обладать преференциями и первоочередными правами при решении земельных и иных имущественных и инфраструктурных вопросов в целях содействия работе резидентов, но не должны решать эти вопросы сами. Органы местного самоуправления и органы государственной власти должны будут согласовывать свои стратегии экономического развития, планы по приватизации и иные инфраструктурные и имущественные долгосрочные (годовые и более) планы с УК территории. В этом случае отпадет необходимость в наблюдательных советах. Такая система будет способствовать сохранению прав граждан и развитию публичной власти.

Библиографический список

1. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.В. Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования природопользования в Арктике // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 7. С. 114–124.
2. Горян Э.В. Теоретические и практические проблемы антикоррупционной экспертизы законодательства (на примере Федерального закона от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток») // *Административное и муниципальное право*. 2015. № 12. С. 1208–1214.
3. Бырдин Е.Н., Воронина Ю.И. Коррупциогенные нормы, выявляемые в результате антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // *Академический вестник*. 2015. № 1(31). С. 71–79.
4. Цыганков Э. Закон под кластер // *ЭЖ-Юрист*. 2016. № 3 (906). С. 1, 4, 6.
5. Еременко В.И. Об инновационном развитии экономики Российской Федерации // *Законодательство и экономика*. 2010. № 12. С. 10–19.
6. Усманова Р.М. Создание территорий опережающего социально-экономического развития как мера государственной поддержки муниципальных образований // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 6. С. 54–57.
7. Романовская О.В. Конституционные основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права (на примере управляющих компаний) // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 2. С. 32–41.
8. Гриценко Е.В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // *Закон*. 2013. № 2. С. 113–128.
9. Ковалева Т.К. Кластеры и инновационные центры: нужны ли особенности местного самоуправления // *Вестник университета*. Москва. 2016. № 1. С. 202–204.
10. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 2. С. 51–57.

¹См.: Экспериментальные правовые режимы. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/ (дата обращения: 27.08.2021).

References

1. *Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B.* Modern Trends in Legal Support of Strategic Planning of Nature Use in the Arctic // *Lex russica (Russian law)*. 2018. No. 7. P. 114–124.
2. *Goryan E.V.* Theoretical and Practical Problems of Anti-Corruption Expertise of Legislation (on the example of Federal Law No. 212-FL of 13.07.2015 “On the Free Port of Vladivostok”) // *Administrative and municipal law*. 2015. No. 12. P. 1208–1214.
3. *Byrdin E.N., Voronina Yu.I.* Corruption-Related Norms Identified as a Result of Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts // *Academic Bulletin*. Tyumen. 2015. No. 1 (31). P. 71–79.
4. *Tsygankov E.* The Law Under the Cluster // *EL-lawyer*. 2016. No 3 (906). P. 1, 4, 6.
5. *Eremenko V.I.* On Innovative Development of the Economy of the Russian Federation // *Legislation and Economics*. 2010. No. 12. P. 10–19.
6. *Usmanova R.M.* Creation of Territories of Advanced Socio-Economic Development as a Measure of State Support for Municipalities // *Constitutional and municipal law*. 2017. No. 6. P. 54–57.
7. *Romanovskaya O.V.* Constitutional Bases of Delegation of State-Governmental Powers to Subjects of Private Law (on the example of management companies) // *Lex russica (Russian law)*. 2017. No. 2. P. 32–41.
8. *Gritsenko E.V.* Constitutional Foundations and Legal Forms of Attracting Private Entities to Solving Municipal Problems in Russia in a Comparative Perspective // *Law*. 2013. No. 2. P. 113–128.
9. *Kovaleva T.K.* Clusters and Innovation Centers: Do We Need the Features of Local Self-Government // *Bulletin of the University*. Moscow. 2016. No. 1. P. 202–204.
10. *Babichev I.V.* Constitutional Novelties for Local Self-Government: Some Analysis // *Constitutional and municipal law*. 2021. No. 2. P. 51–57.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-120-125

УДК 342.922

С.М. Рукавишников

МЕХАНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: эффективное развитие системы высшего образования требует осмысления основных правовых средств воздействия, среди которых отдельное внимание необходимо уделить механизму административно-правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений. **Цель:** определение понятийного аппарата, регулирующего деятельность административно-правовых средств воздействия на сферу высшего образования, а также выявление наиболее значимых признаков такой совокупности в названных условиях. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ положений действующего российского законодательства, основанный на исследовании теоретических разработок в области теории общего административного права и проводимой образовательной политики. **Результаты:** предложено авторское определение механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования, а также раскрыта специфика и содержание такого механизма. **Выводы:** механизм административно-правового регулирования в сфере высшего образования применяется при упорядочивании одного из наиболее сложных и ответственных направлений государственной политики, находя свое проявление как в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, так и в деятельности образовательных учреждений высшего образования.

Ключевые слова: механизм административно-правового регулирования, сфера высшего образования, образовательная политика, образовательные учреждения, право на образование.

S.M. Rukavishnikov

THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

Background: the effective development of the higher education system requires an understanding of the main legal means of influence, among which special attention should be paid to the mechanism of administrative and legal regulation in the relevant sphere of public relations. **Objective:** definition of the conceptual apparatus regulating the activity of administrative and legal means of influencing the sphere of higher education, as well as identification of the most significant features of such a set in the above conditions. **Methodology:** formal and legal analysis of the conditions of the current Russian legislation, based on the review of theoretical advances in the field of theory of general administrative law and current policy in education. **Results:** the author's definition of

© Рукавишников Сергей Михайлович, 2021

Кандидат юридических наук, докторант кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: privet085@gmail.com

© Rukavishnikov Sergey Mikhailovich, 2021

Candidate of law, Doctoral student of the Department of Administrative and municipal law (Saratov State Law Academy)

the mechanism of administrative and legal regulation in the field of higher education is proposed, as well as the specifics and content of such a mechanism are disclosed. Conclusions: the mechanism of administrative and legal regulation in the field of higher education is used to streamline one of the most complex and responsible areas of state policy, finding its manifestation both in the activities of state authorities and local self-government, and in the activities of educational institutions of higher education.

Key-words: *mechanism of administrative legal regulation, sphere of higher education, education policy, educational institutions, right to education.*

В настоящее время высшее образование выступает одной из ключевых ценностей любого развитого государства. Широкое многообразие специалистов различных направленностей нуждается в профессиональной подготовке для эффективного выполнения своих обязанностей. В свою очередь, построение эффективной системы высшего образования, являющейся залогом развития государства в самом широком смысле слова, нуждается в выверенной системе правовых средств организации такой системы.

Понимая под сферой высшего образования те общественные отношения, которые возникают в данной сфере в связи с реализацией права на высшее образование, которое обеспечивается государством и создается условия для реализации данного права, возникает вопрос о правовом регулировании, обеспечивающим гармоничное и эффективное развитие данной отрасли. Представляется, что принимая во внимание специфику высшего образования и возникающих вокруг него общественных отношений, особую роль здесь играют управленческие отношения и основанный на них механизм административно-правового регулирования.

Механизм административно-правового регулирования представляет собой систему административно-правовых средств, обеспечивающих воздействие на государственно-управленческие отношения, дабы организовать их в соответствии с целями, задачами и принципами государственного управления и устранить препятствия. Способность оказать специально-юридическое воздействие на соответствующую группу общественных отношений, выступает основным критерием эффективности такой системы и тесно связано с ее характерными чертами, в частности, в сфере высшего образования.

Одним из таких признаков (наиболее сложных с точки зрения оценки эффективности управленческих решений в сфере высшего образования) является, первое, временная продолжительность образовательного процесса, второе — необходимое время для интеграции выпускников, получивших образование соответствующего профиля, в ту или иную сферу практической деятельности. Иначе говоря, жизнеспособность тех или иных реформ законодательства о высшем образовании невозможно подтвердить либо опровергнуть сиюминутно, тогда как его эффективность сложно переоценить. Это обстоятельство требует крайне осторожного, но и всестороннего подхода к образовательной системе как в части развития устоявшихся традиций, так и в части использования лучших мировых решений и исследования их необходимости в условиях сложившейся в современной России правоприменительной практики.

Данная черта связана с важной функцией механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования в виде прогноза и расстановки приоритетов деятельности по выработке и реализации соответствующего направ-

ления государственной политики. Важную роль в реализации такой функции играют составление и последующие воплощение программных документов, среди которых особое место занимает национальный проект «Образование», включающий в себя множество программ, соответствующих различным отраслевым направлениям¹.

Таким образом, актуальным вопросом является реализация алгоритма реализации положений программных документов, а также степень их влияния на деятельность образовательных учреждений. И тут нельзя не вспомнить о такой категории, как модель управления системой высшего образования, которая, прежде всего, зависит от исторически сложившихся в том или ином государстве традиций.

Исследователями обычно рассматриваются такие модели управления высшим образованием как централизованная (в качестве примера можно привести Францию) и децентрализованная (США, Великобритания) [1, с. 101–106; 2, с. 2–6].

Ключевыми признаками первой являются: бесплатный доступ к образованию; четкий контроль государства за наполнением и фактической реализацией образовательных программ; государственная же система присвоения ученых степеней и званий.

Децентрализованная система выстроена иначе и базируется, прежде всего, на широкой автономии образовательных учреждений, которые оказывая платные образовательные услуги остро конкурируют в борьбе за абитуриентов; финансируются студентами, выпускниками, спонсорами; имеют широкие полномочия в наполнении образовательных программ, наряду с автономией присвоения ученых степеней и званий.

Российскую образовательную систему логично и обоснованно отнести ближе к централизованной системе, несмотря на явную тенденцию к автономизации вузов, которая, в частности, нашла свое выражение в присвоении ряду образовательных учреждений права на самостоятельное присвоение ученых степеней². Представляется, что в российских реалиях переход к децентрализованной модели представляется сомнительным и малоэффективным, принимая во внимание совокупность географических, социокультурных и иных факторов.

Фактически выстроенная вертикаль власти, направленная на управление системой высшего образования, находит свое логичное продолжение в деятельности образовательных учреждений, реализующих образовательную, научную, социальную, молодежную политику. Федеральные государственные образовательные учреждения высшего образования, учредителями которых являются Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и ряд иных ведомств, прежде всего, осуществляют подготовку профессиональных кадров, наиболее востребованных на рынке труда. В то же время, принимая во внимание специфику образования как комплексного процесса воспитания и обучения, развития культурных и духовных ценностей, естественным будет закономерным всестороннее воздействие образовательного процесса на личность, но не

¹ См.: Паспорт национального проекта «Образование» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Дневное пленарное заседание Госдумы 15 декабря. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/11626/> (дата обращения: 28.08.2021).

на уровне программных стратегических документов, принимаемых на самом высоком уровне власти, а в непосредственном контакте с обучающимися — получателями образовательных услуг. В этой связи выглядит оправданным подход некоторых исследователей к государственным образовательным учреждениям как к своего рода органам государства, которые, не отвечая всем соответствующим признакам, охватывают в своей деятельности ряд существенных функций таких органов [3, с. 206–210]. Вместе с тем такой подход ставит резонный вопрос об отношении государственных образовательных учреждений к механизму административно-правового регулирования в соответствующей сфере. Несмотря на традиционный подход к такому механизму как к совокупности правовых средств, реализуемых прежде всего органами исполнительной власти и местного самоуправления, специфика образовательной системы, позволяет утверждать, что государственные образовательные учреждения, используют такой механизм в своей деятельности, осуществляя непосредственное регулирование соответствующей сферы общественных отношений, что находит свое выражение как в реализации нормативно-правовых актов в области образования, так и в локальном нормировании и индивидуальном правоприменении.

Предлагаемое трехкомпонентное понимание сферы высшего образования включает три направления соответствующих общественных отношений:

- 1) реализация права на высшее образование;
- 2) обеспечение государственных гарантий прав и свобод человека в сфере высшего образования;
- 3) создание условий для реализации права на высшее образование.

Данные направления тесно взаимосвязаны, однако, не случайно разделены нами.

Реализация права на высшее образование является одной из целей правового регулирования отношений в сфере образования, на что указывает федеральное законодательство¹. Реализация, как активная деятельность физических лиц, воплощающих в жизнь свое право на образование, не случайно стоит во главе обозначенной триады, базируясь на двух остальных направлениях, фактически выступающих в качестве ее условий. Иначе говоря, успешная реализация права на высшее образование являет собой необходимый продукт, результат деятельности образовательной системы, также соответствующей части государственного аппарата, использующей механизм административно-правового регулирования в данной сфере.

Фундаментом деятельности по достижению обозначенной цели выступает точное и неуклонное следование нормам, устанавливающим государственные гарантии прав и свобод человека в сфере высшего образования. Системообразующее значение здесь имеет ряд прав человека и гражданина, установленных Конституцией Российской Федерации и наиболее тесно связанных с реализацией права на образование. Прежде всего, это нормы-принципы, закрепляющие право на:

образование;

равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного по-

¹ См. ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2017. № 29, ст. 4437.

ложения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

достоинство личности;

неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени;

безопасность информации о частной жизни;

свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними;

свобода мысли и слова;

объединение;

социальное обеспечение.

Задачей механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования является обеспечение всех перечисленных гарантий, на что направлена деятельность образовательных учреждений и уполномоченных органов государственной власти.

Создание условий для реализации права на высшее образование представляет собой наиболее обширное, с точки зрения административного права, направление деятельности, так как непосредственно подразумевает фактическую реализацию норм-гарантий и норм-принципов, обозначенных выше.

Прежде всего речь здесь идет о создании необходимых социально-экономических условий для получения высшего образования, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различных уровня и направленности в течение всей жизни. В частности, создание таких условий происходит посредством следующего:

предоставления качественного образования лицам с ограниченными возможностями здоровья, создание условий для коррекции нарушений развития и социальной адаптации при недопущении любых форм дискриминации;

оказания содействия обучающимся, показавшим выдающиеся способности и высокий уровень интеллектуального развития и творческих способностей в определенной сфере деятельности;

полного либо частичного финансового обеспечения нуждающихся лиц, получающих образование с целью социальной поддержки.

В широком смысле создание условий для получения высшего образования включает в себя создание необходимой материально-технической базы, формирование образовательных программ и подготовка профессорско-преподавательского состава, обеспечивающего освоение обучающимися содержания данных программ. Все эти виды деятельности представляют собой предмет творчески организующей и контрольно-надзорной деятельности государства. Первое из названных направлений имеет особенность — в ходе процедуры аккредитации¹ государство подтверждает соответствие вуза установленным требованиям, гарантируя обучающимся качество образования. Таким образом, безусловно творческая по своей природе преподавательская и научно-исследовательская деятельность, оказываются в формальных рамках, очерченных совокупностью

¹ См. ст. 92 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2017. № 29, ст. 4437.

формальных требований к вузу, что в той или иной мере характерно для любой из рассмотренных ранее моделей управления системой высшего образования.

Таким образом, механизм административно-правового регулирования в сфере высшего образования следует понимать как систему административно-правовых средств, обеспечивающих воздействие на сферу высшего образования, с тем чтобы организовать ее в соответствии с целью наиболее эффективной реализации права человека и гражданина на качественное и доступное образование, а также обеспечения непрерывного процесса подготовки высококвалифицированных специалистов. Существенной особенностью такого механизма является неразрывная связь образовательных учреждений высшего образования (прежде всего — государственных учреждений) с государственным аппаратом, что обусловлено комплексной сущностью образовательного процесса, а также необходимостью применения нормативных актов федерального, регионального, местного и локального уровней к индивидуальным субъектам — обучающимся.

Библиографический список

1. *Винник А.Е.* Оценка эффективности управления системой высшего образования // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2020. № 1. С. 101–106.
2. *Вахабов А.В., Захидова Ш.* Мировые модели системы образования // Экономика и финансы (Узбекистан). 2013. № 5. С. 2–6.
3. *Плетников В.С., Плетникова М.С.* Государственные учреждения в механизме (аппарате) современного Российского государства: вопросы теории и практики // Вестник Владимирского юридического института. № 2 (55). 2020. С. 206–210.

References

1. *Vinnik A.E.* Evaluation of the Effectiveness of Management of the Higher Education System // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Ser.: Economics. 2020. No. 1. P. 101–106.
2. *Vakhabov A.V., Zahidova Sh.* World Models of the Education System // Economics and Finance (Uzbekistan). 2013. No. 5. P. 2–6.
3. *Plotnikov V.S., Plotnikova M.S.* State Institutions in the Mechanism (Apparatus) of the Modern Russian State: Issues of Theory and Practice // Bulletin of the Vladimir Law Institute. No. 2 (55). 2020. P. 206–210.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-126-135

УДК 342.7

**О.В. Щербакова, Ю.Н. Боярская, Е.В. Комбарова,
Н.В. Спесивов, А.Е. Шкрябина**

**ПОРЯДОК ЗАПОЛНЕНИЯ, УЧЕТА И ВЫДАЧИ
ДОКУМЕНТОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ
И КВАЛИФИКАЦИИ (КВАЛИФИКАЦИЯХ)
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
И ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ***

***Введение:** на современном этапе политика всего мирового сообщества и отдельных стран в сфере высшего образования направлена на интернационализацию, глобализацию, цифровизацию, снижение административной нагрузки и повышение автономии образовательных организаций при сохранении высокого качества образования. **Цель:** анализ нормативно-правовых актов в части правового регулирования порядка заполнения, учета и выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях), с последующим выявлением направлений совершенствования,*

© Щербакова Ольга Васильевна, 2021

Кандидат педагогических наук, проректор по учебной работе (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: osherbakova@ssla.ru

© Боярская Юлия Николаевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: y.boyerskaya15@mail.ru

© Комбарова Елена Валерьевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kombarova_ev@mail.ru

© Спесивов Никита Владимирович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

© Шкрябина Анна Евгеньевна, 2021

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: annjenni@mail.ru

© Shcherbakova Olga Vasilevna, 2021

Candidate of pedagogical sciences, Vice-Rector for Academic Affairs (Saratov State Law Academy)

© Boyarskaya Yulia Nikolaevna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Civil law (Saratov State Law Academy)

© Kombarova Elena Valerievna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Constitutional law named after Professor I.E. Farber (Saratov State Law Academy)

© Spesivov Nikita Vladimirovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal procedure (Saratov State Law Academy)

© Shkryabina Anna Yevgenievna, 2021

Candidate of economic sciences, Associate Professor, Department of Economics (Saratov State Law Academy); e-mail: annjenni@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Анализ практики применения нормативных правовых актов в сфере высшего образования и выработка предложений по их совершенствованию с учетом трансформации образовательного процесса и роли университетов в условиях социально-экономических и технологических изменений» в рамках государственного задания № 075-00122-21-01.

соответствующих требованиям и реалиям современного общества. **Методологическая основа:** в качестве основного применялся системный подход, предполагающий тщательный и всесторонний анализ правового регулирования порядка заполнения, учета и выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях) при одновременном использовании нормативного и системного подходов ввиду моделирования новых механизмов регулирования правового поля в условиях динамичного развития общества и всестороннего внедрения цифровых технологий. **Результаты:** выделены тенденции развития высшего образования (повышение академической мобильности обучающихся и профессорско-преподавательского состава; интеграция и цифровизация образовательного процесса, снижение административной нагрузки, требующие трансформации правового регулирования порядка заполнения, учета и выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях)), в целях практической реализации современных трендов развития высшего образования: программы двух дипломов, получения нескольких квалификаций в рамках одного диплома, предоставления цифровых документов об образовании и квалификации (квалификациях). **Выводы:** сформулированы рекомендации по практической реализации освоения нескольких квалификаций в рамках одного диплома, а также обоснована необходимость предоставления документов об образовании и квалификации в цифровой форме.

Ключевые слова: документ об образовании и квалификации (квалификациях), сетевая форма, академическая мобильность, программа двух дипломов.

**O.V. Shcherbakova, Yu.N. Boyarskaya, E.V. Kombarova,
N.V. Spesivov, A.E. Shkryabina**

**THE PROCEDURE FOR FILLING IN, RECORDING
AND ISSUING DOCUMENTS ON EDUCATION
AND QUALIFICATION (QUALIFICATIONS) IN THE CONTEXT
OF DIGITAL TRANSFORMATION AND INTEGRATION
OF THE EDUCATIONAL SPACE: LEGAL REGULATION
AND THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT**

Background: at the present stage, the policy of the entire world community and individual countries in the field of higher education is aimed at internationalization, globalization, digitalization, reducing the administrative burden and increasing the autonomy of educational organizations while maintaining high quality education. **Objective:** analysis of normative legal acts regarding the legal regulation of the procedure for filling in, accounting and issuing documents on education and qualifications (qualifications), followed by the identification of areas of improvement that meet the requirements and realities of modern society. **Methodology:** as the main one, a systematic approach was used, involving a thorough and comprehensive analysis of the legal regulation of the procedure for filling in, accounting and issuing documents on education and qualifications (qualifications), while using regulatory and systemic approaches in view of modeling new mechanisms for regulating the legal field in the conditions of dynamic development of society and the comprehensive introduction of digital technologies. **Results:** the trends in the development of higher education are highlighted, such as increasing the academic mobility of students and teaching staff, integration and digitalization of the educational process, reducing the administrative burden, requiring the transformation of the legal regulation of the procedure for filling in, recording and issuing documents on education and qualifications (qualifications), aimed at the practical implementation of modern trends in the development of higher

*education: two-degree programs, obtaining several qualifications within one diploma, provision of digital documents on education and qualification (qualifications). **Conclusions:** recommendations on the practical implementation of the development of several qualifications within the framework of one diploma have been formulated, and the need for providing documents on education and qualifications in digital form has been substantiated.*

Key words: *document on education and qualifications (qualifications), network form, academic mobility, double degree program.*

В настоящее время высшее образование претерпевает существенные изменения. Основная политика государства в данной сфере направлена на интернационализацию и глобализацию образовательного пространства, а также на снижение административной нагрузки, повышение автономии образовательных организаций при сохранении высокого качества образования. Данные процессы имеют тенденции к повышению академической мобильности обучающихся и профессорско-преподавательского состава, интеграции образования, формированию сетевой формы обучения и международных образовательных программ, цифровизации образовательного процесса в целях снижения административной нагрузки и развития индивидуальной образовательной траектории обучения.

Повышение академической мобильности обучающихся и профессорско-преподавательского состава может быть реализовано посредством участия в совместных с иностранными вузами образовательных программах, в т.ч. и в рамках программы двух дипломов. В числе преимуществ такой программы являются не только большая академическая мобильность обучающихся, но и использование зарубежных методик обучения, знакомство с зарубежными реалиями, традициями, углубленное изучение иностранного языка, а также получение диплома, признаваемого на международном уровне. Вместе с тем, реализация данной программы способствует и интеграции образовательной организации в мировое образовательное пространство.

Так, в большинстве случаев программа двух дипломов представляет собой программу высшего образования, реализуемую по сетевой форме, с выдачей двух дипломов: российской образовательной организации и иностранного вуза-партнера. Сетевая форма освоения образовательной программы в соответствии с п. 2 Приказа Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ от 5 августа 2020 г. № 882/391 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» обеспечивает возможность освоения обучающимися образовательной программы и (или) отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практик, иных компонентов, предусмотренных образовательными программами (в т.ч. различных вида, уровня и (или) направленности), с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные, а также, при необходимости, с использованием ресурсов иных организаций. Однако некоторые образовательные организации задолго до Приказа № 882/391 успешно реализовывали программу двух дипломов [1, с. 115–1118].

Вместе с тем при всех преимуществах программы двух дипломов при ее реализации возникают сложности. Прежде всего необходимо отметить проблемы,

связанные с финансированием данной программы. Увеличение затрат может быть вызвано использованием информационных технологий, платформ для дистанционного и смешанного формата обучения, специальной цифровой техники, оплатой труда иностранных преподавателей, проживания обучающихся за рубежом. Кроме того, усложнение процедуры участия в конкурсах и проектах по различным направлениям в рамках программы Erasmus+ (2021–2027), направленной на повышение академической мобильности и качества образования в Европе, и имеющей целью предоставление грантов или стипендий для обучения или прохождения стажировки в иностранном государстве — вузе-партнере из Европейского Союза или других стран мира преподавателям и студентам, также привело к сокращению источников финансирования программы двух дипломов. Вдобавок практическая реализация программы двух дипломов затруднена несущественным количеством обучающихся, которые принимают участие в программе, ввиду недостаточного уровня владения иностранным языком.

Следующий блок проблем вызван возможностью несовпадения сроков обучения по уровням высшего образования, предусмотренного в рамках Болонского процесса. В образовательных организациях на территории РФ срок обучения по программе бакалавриата составляет четыре года, магистратуры — два года. В других странах срок обучения может варьироваться — например, во Франции он составляет три и один год соответственно [2, с. 191–195], что приводит к дополнительным сложностям сопоставления образовательных программ разного уровня между собой, а также разработки и реализации совместных международных проектов. Следует отметить и то, что в соответствии с российскими федеральными государственными образовательными стандартами увеличение количества зачетных единиц, осваиваемых в течение учебного года, ограничено, что влечет затруднение сотрудничества с зарубежными вузами [1, с. 115–118].

Еще одна проблема вызвана сложностью соотнесения результатов освоения учебных дисциплин в европейских и российских образовательных организациях, поскольку не все из числа последних применяют балльно-рейтинговую систему при оценивании результатов учебной деятельности, как это принято в других странах Европейского континента, из-за сложившихся особенностей организации учебного процесса в РФ. Использование балльно-рейтинговой системы позволяет быстро осуществлять перевод результатов учебной деятельности обучающегося в кредиты, которые используются иностранными образовательными организациями. Изучение дисциплины завершается письменным итоговым тестированием, оцениваемым по стобалльной шкале. В то время, как в российских образовательных организациях в качестве итоговых форм контроля используется экзамен или зачет, оцениваемые по пятибалльной шкале и в формате «зачтено/не зачтено», что существенно затрудняет соотношение систем оценивания. В ряде Европейских образовательных организаций предусмотрена европейская система перевода и накопления баллов — European Credit Transfer and Accumulation System (ECTS)¹, которая призвана решать проблемы структуризации учебных

¹Общеввропейская система учета учебной работы студентов при освоении образовательной программы или курса. На практике система ECTS используется при переходе студентов из одного учебного заведения в другое на всей территории Европейского союза и других принявших эту систему европейских стран. Один учебный год соответствует 60 ECTS-баллам, что составляет около 1500–1800 учебных часов. Для получения степени бакалавра нужно набрать от 180 до 240 ECTS-баллов, а для достижения степени магистра добрать недостающие до 300 (то есть еще от 60 до 120 ECTS-баллов).

планов с целью совместимости образовательных процессов вузов разных стран и расширить возможности мобильности обучающихся, благодаря чему для обучающегося стало возможным поступить в одно учебное заведение, а завершить обучение в другом, на территории единого образовательного пространства [3, с. 61–71].

Однако, несмотря на многие сложности, возникающие при реализации данной программы, она используется многими ведущими вузами РФ, например МГУ, РУДН, МГИМО, МГЮА, СГЮА и др. В частности, более 10 000 иностранных студентов, аспирантов, стажеров из 90 стран мира ежегодно посещают Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова с целью освоения дисциплин, стажировок и повышения квалификации. Университетом заключено более 700 соглашений о научном и образовательном сотрудничестве с правительственными и международными организациями, зарубежными университетами и научными центрами, а также налажено активное взаимодействие с образовательными организациями Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Африки¹. Осознавая важность и стратегическое значение программы двух дипломов, РФ стала участником Конвенции о признании документов об образовании стран Европы, в соответствии с которой предусмотрена свободная номенклатура нормативных локальных актов для реализации совместных образовательных программ.

В настоящее время внесены существенные изменения в нормативно-правовое регулирование документов об образовании и квалификации (квалификациях). В частности, норма п. 6 ч. 1 ст. 34 ФЗ «Об образовании в РФ» предусматривает одновременное освоение нескольких основных профессиональных образовательных программ и соответственно получение одной или нескольких квалификаций в рамках одной или нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Так, образовательные программы высшего образования в части профессиональных компетенций разрабатываются организациями, осуществляющими образовательную деятельность, на основе профессиональных стандартов (при наличии) и могут включать в себя компетенции, отнесенные к одной или нескольким специальностям и направлениям подготовки по соответствующим уровням профессионального образования или к укрупненным группам специальностей и направлений подготовки, а также к области (областям) и виду (видам) профессиональной деятельности, в том числе с учетом возможности одновременного получения обучающимися нескольких квалификаций (п. 8.1 ст. 12 ФЗ «Об образовании в РФ»). Статья 60 ФЗ «Об образовании в РФ» также предусматривает подтверждение получения профессионального образования следующих уровня и квалификации (квалификаций): высшее образование — бакалавриат (подтверждается дипломом бакалавра); высшее образование — специалитет (подтверждается дипломом специалиста); высшее образование — магистратура (подтверждается дипломом магистра); высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ ординатуры, ассистентуры-стажировки (подтверждается дипломом об окончании соответственно ординатуры, ассистентуры-стажировки). Таким образом, для обучающихся стало возможным получение двух квалификаций в рамках одного документа об образовании и квалификации (квалификациях), в связи с чем возникает множество сложностей и вопросов.

¹ URL: <https://www.msu.ru/int> (дата обращения: 15.10.2021).

В соответствии с ФГОС 3++ объем программы бакалавриата составляет 240 зачетных единиц, а программы специалитета — 300 зачетных единиц вне зависимости от формы обучения, применяемых образовательных технологий, реализации программы бакалавриата (специалитета) с использованием сетевой формы, реализации программы бакалавриата (специалитета) по индивидуальному учебному плану. Объем программ, реализуемый за один учебный год, составляет не более 70 зачетных единиц вне зависимости от формы обучения, применяемых образовательных технологий, реализации программы бакалавриата (специалитета) с использованием сетевой формы, реализации программы бакалавриата (специалитета) по индивидуальному учебному плану (за исключением ускоренного обучения), а при ускоренном обучении — не более 80 зачетных единиц. Таким образом, объем программы по направлению подготовки или специальности предусматривает не более 70 зачетных единиц за один учебный год. В этой связи для успешного освоения нескольких направлений подготовки или специальностей необходимо увеличить максимальный объем зачетных единиц, осваиваемых в течение учебного года (как минимум до 80 ед.). В противном случае станет проблематичным освоение дополнительной квалификации.

Возникает вопрос: в каком соотношении будут распределяться зачетные единицы между основной и дополнительной квалификациями? В качестве одного из вариантов может выступать реализация второй квалификации за счет элективных дисциплин. В этой связи вызывает опасение качество освоения первой квалификации, особенно по программам бакалавриата. Закономерно возникают сомнения в достаточной степени освоения обеих квалификаций и получении качественного образования. Для решения данной проблемы считаем целесообразным предоставить обучающемуся возможность выбора второй (дополнительной) квалификации не ранее второго курса обучения, когда у студента будут сформированы начальные фундаментальные знания по основной квалификации.

В соответствии с Приказом Минобрнауки России от 6 апреля 2021 г. № 245 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», вступающим в силу с 1 сентября 2022 г., получение нескольких квалификаций регламентируется локальными нормативными актами. Так, при реализации образовательных программ организация обеспечивает обучающимся возможность освоения факультативных (необязательных для изучения при освоении образовательной программы) и элективных (избираемых в обязательном порядке) дисциплин (модулей), а также одновременного получения нескольких квалификаций в порядке, установленном локальным нормативным актом организации. Вместе с тем правовое регулирование получения нескольких квалификаций в рамках одного диплома требует более детальной методической проработки.

И вновь возникают вопросы. Какие специальности будут реализовываться в рамках двух квалификаций? Будут ли они в рамках одной или нескольких укрупненных групп специальностей и направлений или в рамках одной или нескольких областей образования? В докладе ЮНЕСКО Global Education Monitoring Report, посвященном устойчивому развитию образования в 2015–2030 гг., в качестве глобальной цели выделены обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении

всей жизни для всех¹. Таким образом, в условиях глобализации и интернационализации образования качественная подготовка специалистов, отвечающих современным реалиям, играет важную роль. В этой связи сложно представить возможность подготовки, например, юриста-инженера, а также его востребованность и конкурентоспособность на рынке труда.

В соответствии с Общероссийским классификатором специальностей по образованию [4] под укрупненной группой понимается совокупность родственных профессий, специальностей и направлений подготовки. В случае необходимости обобщения укрупненные группы могут быть объединены в области образования. Наиболее удачным вариантом представляется освоение нескольких классификаций в рамках областей образования. Например, область образования «Науки об обществе» включает следующие укрупненные группы специальностей и направления подготовки:

- 37.00.00 Психологические науки;
- 38.00.00 Экономика и управление;
- 39.00.00 Социология и социальная работа;
- 40.00.00 Юриспруденция;
- 41.00.00 Политические науки и регионоведение;
- 42.00.00 Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело;
- 43.00.00 Сервис и туризм.

В случае реализации образовательной программы по УГСН Юриспруденция и получения образования по основной квалификации, дополнительная квалификация может быть получена в области психологии, экономики, политологии и т.д. Такая комбинация позволит повысить востребованность выпускника на рынке труда, составить набор профессиональных компетенций под постоянно меняющиеся запросы работодателей. Таким образом, предложенный вариант реализации будет способствовать получению основного фундаментального юридического образования, а также освоению необходимых компетенций в рамках второй квалификации.

Однако на этом риски, возникающие при освоении нескольких квалификаций, не заканчиваются. Остается открытым вопрос относительно вступительных испытаний: предметы для поступления на какие из двух направлений подготовки или специальностей необходимо будет сдавать абитуриенту? Очевидно, что для успешного освоения второй квалификации потребуется прохождение дополнительных тестирований, что, в свою очередь, повлечет увеличение нагрузки на поступающих.

Кроме того, реализация двух квалификаций может привести и к снижению конкурентоспособности моновузов, реализующих образовательные программы в рамках только одной укрупненной группы специальностей и направлений. Риски у такой образовательной организации намного выше в сравнении с вузами, которые объединяют в своем составе несколько факультетов, на которых реализуется образовательная программа по различным укрупненным группам специальностей или направлениям подготовки.

Решением данной проблемы в современных условиях цифровизации экономики и интернационализации учебного процесса могут стать сопряжение направ-

¹See: Global Education Monitoring Report. UNESCO. URL: <https://ru.unesco.org/gem-report/node/1346> (дата обращения: 03.10.2021).

лений подготовки и специальностей, которые может одновременно осваивать обучающийся с целью получения двух и более квалификаций, а также в сетевой форме реализации образовательных программ, направленной на объединение образовательных организаций, осуществляющих подготовку обучающихся в смежных областях. В результате тесного сотрудничества образовательных организаций возможно внедрение и реализация консорциума образовательных и научно-исследовательских проектов, а также создание единой системы управления ими [4; 5].

Также необходимо отметить, что потенциальная возможность получения двух квалификаций в рамках одного диплома ставит под сомнение существование второго высшего и дополнительного профессионального образования, в рамках которого обучающийся может овладеть определенными компетенциями (повысить свою квалификацию) или получить дополнительную (вторую) квалификацию (профессиональная переподготовка) с учетом современных, быстро меняющихся реалий.

Ведущей тенденцией развития высшего образования, наряду с интернационализацией и глобализацией, является цифровизация. Учитывая повсеместное внедрение электронного документооборота, увеличение количества услуг, предоставляемых посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», представляется возможным формировать документы об образовании и квалификации в цифровой форме и одновременно размещать их в федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении», что в перспективе позволит повысить прозрачность процесса выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях), снизить затраты на изготовление и защиту бланков. Кроме того, предоставление цифровых документов исключает необходимость предоставления дубликатов в случае утери оригиналов. В этой связи могут представлять интерес результаты проведения эксперимента по формированию цифровых документов об образовании посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»¹.

Таким образом, развивающаяся образовательная организация должна соответствовать мировым требованиям к организации учебного процесса и отвечать современным вызовам, диктуемым процессами цифровизации, интернационализации и глобализации. В настоящее время необходимо поддержать процесс интеграции системы российского образования в единое образовательное пространство высшей школы, включиться в международное сотрудничество на высоком уровне, а также обеспечить подготовку необходимого количества квалифицированных выпускников, отвечающих запросам экономики страны и мирового сообщества, что может быть реализовано посредством участия в совместных образовательных программах с иностранными вузами, в том числе

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 2 октября 2021 г. № 1678 «О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 41, ст. 6987.

и в рамках программы двух дипломов, реализации сетевой формы освоения образовательных программ.

В качестве актуальных направлений совершенствования на современном этапе развития высшего образования в России выступают вопросы практической реализации получения двух и более квалификаций в рамках освоения одной образовательной программы и получаемого одного документа об образовании и квалификации (квалификациях), а также возможности предоставления документов об образовании и квалификации (квалификациях) в цифровой форме с одновременным размещением их в федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении», а также в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», что в перспективе позволит повысить прозрачность процесса выдачи документов об образовании и квалификации (квалификациях).

Правовая регламентация получения двух и более квалификаций в рамках одной образовательной программы требует ряда изменений в нормативных правовых актах. Например, реализации второй квалификации за счет увеличения максимального объема зачетных единиц, изучаемых в течение учебного года, освоения элективных дисциплин или увеличения нормативного срока обучения; возможности выбора второй квалификации не ранее второго курса обучения в целях формирования начальных фундаментальных знаний по основной квалификации; ограничение возможности выбора квалификаций рамками одной области образования, объединяющей несколько укрупненных групп специальностей и направлений подготовки. Предлагаемые изменения позволят обучающимся успешно осваивать несколько квалификаций в рамках одного диплома, что будет способствовать получению основного фундаментального образования, а также освоению необходимых компетенций в рамках второй квалификации, и в итоге приведет к повышению востребованности выпускника на рынке труда.

Библиографический список

1. *Гриневич Ю.А., Виноградова А.В.* Развитие программ двойных дипломов и сетевых образовательных программ в развитии вуза // Векторы развития магистратуры будущего в условиях глобальных вызовов: сборник статей участников Международной конференции «Магистратура 2025 — содружество стейк-холдеров. Работа вместе, строим будущее» (15–31 октября 2020 г.) / науч. ред. С.Д. Макарова, М.В. Прохорова, отв. ред. С.В. Напалков. Н. Новгород: Нижегородский государственный ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 115–118.
2. *Гриневич Ю.А.* Развитие программ двойных дипломов: преимущества и проблемы реализации // *Инновационная экономика: регулирование и конкуренция.* 2017. С. 191–195.
3. *Аршамова А.В.* Базовые направления деятельности российских вузов по вхождению в европейское пространство высшего образования // *Педагогика и психология образования.* 2020. № 4. С. 61–71.
4. ОК 009-2016. Общероссийский классификатор специальностей по образованию (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 г. № 2007-ст). М.: Стандартинформ, 2016. 64 с.
5. *Семенко И.Е.* Социально-экономические проблемы и перспективы развития высшего образования в условиях цифровизации экономики // *Московский экономический журнал.* 2020. № 12. С. 783–788.

6. Джойс Э.А., Симаков А.А. Тенденции развития высшего образования в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 213–216.

References

1. *Grinevich Yu.A., Vinogradova A.V.* Development of Double Degree Programs and Network Educational Programs in the Development of the University // Vectors of the Development of the Magistracy of the Future in the Context of Global Challenges: a collection of articles by participants of the International conference “Magistracy 2025 — Co-Friendship of Stake Holders. Working Together, We Build the Future” (October 15–31, 2020) / scientific ed. S.D. Makarova, M.V. Prokhorova, ed. S.V. Napalkov. Electron. dan. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2020. P. 115–118.
2. *Grinevich Yu.A.* Development of Double Degree Programs: Advantages and Problems of Implementation // Innovative Economy: Regulation and Competition. 2017. P. 191–195.
3. *Arshamova A.V.* Basic Activities of Russian Universities to Enter the European Higher Education Space // Pedagogy and psychology of education. 2020. No. 4. P. 61–71.
4. ОК 009-2016. The All-Russian Classifier of Specialties in Education (adopted and put into effect by Order of Rosstandart No. 2007-st dated December 8, 2016). Moscow: Standartinform, 2016. 64 p.
5. *Semenko I.E.* Socio-Economic Problems and Prospects for the Development of Higher Education in the Conditions of Digitalization of the Economy // Moscow Economic Journal. 2020. No. 12. P. 783–788.
6. *Joyce E.A., Simakov A.A.* Trends in the Development of Higher Education in Russia // Education. The science. Scientific personnel. 2020. No. 2. P. 213–216.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-136-141

УДК 342.951:351.823.1

М.И. Увайдов

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Введение: актуальность статьи связана с тем, что вопросы административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе занимают важное место среди проблем обеспечения поступательного экономического развития Российской Федерации, организуемого органами государственного управления. **Цель:** выявление и анализ подходов к содержанию административно-правового регулирования для определения его содержания в агропромышленном комплексе, что может в перспективе быть использовано для совершенствования законодательства, регулирующего государственно-управленческие отношения в отраслях сельскохозяйственного производства. **Методологическая основа:** использовались общенаучные методы (анализ, синтез, диалектический метод) и формально-юридический метод. **Результаты и выводы:** автор пришел к выводу о содержании административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе, которое состоит в целенаправленном воздействии федеральных и региональных органов государственной власти, осуществляющих нормотворческую и правоприменительную деятельность в агропромышленном комплексе, на состояние социальных связей в нем, посредством установления и реализации системы побудительно-стимулирующих средств управленческого воздействия, административно-правовых средств обеспечения законности и государственной дисциплины для обеспечения реализации целей и приоритетов административно-правовой политики в аграрной сфере.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, агропромышленный комплекс, стимулирование экономической деятельности, контрольно-надзорная деятельность, административно-правовая политика.

M.I. Uvaidov

ON THE CONTENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Background: relevance of the article is connected with the fact that the issues of administrative and legal regulation in the agro-industrial complex occupy an important place among the problems of ensuring progressive economic development of the Russian Federation, organized by public administration. **Objective:** identification and analysis of approaches to the content of administrative and legal regulation to determine its content in the agro-industrial complex, which can be used in the future to co-improve the legislation governing the state-management relations in the sectors of agricultural production. **Methodology:** general scientific methods (analysis, synthesis, dialectical

© Увайдов Максим Иосифович, 2021

Соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Uvaidov Maksim Iosifovich, 2021

Graduate student of Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

method) and formal legal method were used. Results and conclusions: the author came to the conclusion about the content of administrative and legal regulation in the agro-industrial complex, which consists in the purposeful impact of federal and regional state authorities carrying out normative and law enforcement activities in the agro-industrial complex on the state of social relations in it through the establishment and implementation of a system of incentive-stimulating means of managerial influence, administrative and legal means of ensuring legality and state discipline to ensure the implementation of the goals and priorities of administrative and legal policy in the agricultural sector.

Key-words: *administrative and legal regulation, agro-industrial complex, stimulation of economic activity, control and supervisory activities, administrative and legal policy.*

Термин «административно-правовое регулирование» является широко распространенным в юридической литературе: практически каждая работа по административному праву так или иначе оперирует данным понятием. В то же время разброс мнений относительно его содержания является довольно объемным, с точки зрения как дефинитивной конструкции, так и наполнения производных от него понятий «система административно-правового регулирования» и «механизм административно-правового регулирования».

Соответствующие теоретические моменты имеют важное значение для исследования вопросов правовой организации государственного управления в различных отраслях и сферах социальной деятельности, включая различные отрасли социально-культурной области, правоохранительной деятельности, народного хозяйства, составной частью которого является и агропромышленный комплекс. Выявление сущности и содержания административно-правового регулирования способствует пониманию логической модели, используемой государством для административно-правового воздействия на социальные связи и установлению соответствующих ей инструментов. Несмотря на единый общетеоретический базис понятия «административно-правовое регулирование», его содержание, применительно к каждому объекту управления, наполняется определенной нормами административного права спецификой, поскольку используемые государством механизмы воздействия на общественные отношения могут быть не одинаковы. К примеру, для организации обороны и безопасности государства — одни, в для агропромышленного производства, другие. В этих случаях будет отличаться, в частности, набор форм и методов управленческой деятельности субъектов исполнительной власти. Так, широко используемый в условиях рыночных отношений метод стимулирования сельскохозяйственной и иной экономической деятельности неприменим к правоохранительной сфере функционирования субъектов государственного управления [1, с. 154], а его возможная реализация приведет скорее к негативным результатам.

Анализ научной литературы показывает разницу подходов авторов и школ к понятию административно-правового регулирования, которые не всегда отличаются законченным характером. Например, А.Н. Жеребцов, Н.В. Павлов и А.В. Юшко понимают под ним конкретный вид правового воздействия на участников социальных связей в сфере государственного управления, а его механизм образует идеальная модель подобного воздействия, направленная на усиление его результативности в сфере государственного управления, устранение и преодоление коллизий и пробелов данного регулирования. Отождествляя по сути, административно-правовое регулирование с принятием правовых норм, регламентирующих социальные связи государственно-управленческого типа,

названные авторы выводят механизм такого регулирования за рамки собственно нормотворчества, включая в него, помимо указанного элемента, ценностное и информационное воздействие административного права на участников государственно-управленческих отношений, реализацию административно-правовых норм и административное принуждение [2, с. 37–38], что логически не вытекает из приведенного определения понятия административно-правового регулирования.

И.В. Панова и С.В. Синицина, обращаясь к отрасли рыболовства и охраны рыбных запасов, также довольно свободно используют термин «административно-правовое регулирование», употребляя его применительно к установлению соответствующих правил [3, с. 214–231], что не достаточно для уяснения сути исследуемого феномена как в названной отрасли управления, так и в целом в науке административного права.

Интересен подход рассматривающий административно-правовое регулирование через призму необходимости обеспечения баланса публичных и частных интересов, суть которого заключается в изложении данного регулирования в виде целенаправленного воздействия системы специальных правовых средств на возникающие в сфере государственного управления социальные связи для обеспечения защищенности и согласованности публичных и частных интересов, включая права и законные интересы граждан, организаций, органов государственного и муниципального управления [4, с. 63]. При этом с точки зрения конституционного права — свободы человека и гражданина являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Ранее А.А. Демин, рассуждая о правовом статусе субъектов административного права и оценивая схожие воззрения, описал подобного рода подходы как методологически неверные, поскольку они позволяют ставить частные интересы впереди государственных, а содержание учебной литературы по административному праву строить на основе приоритетной охраны прав и свобод человека в сфере государственного управления, а уже после этого переходить к характеристике функционирования государственного аппарата, в то время как административное право преимущественно есть право управления, властвования и подчинения [5, с. 22].

Тем не менее, точка зрения о сути административно-правового регулирования состоит в целенаправленном воздействии на социальные связи и при помощи административно-правовых средств находит определенную поддержку в научной литературе. Е.А. Городецкая, исследуя административно-правовое регулирование агропромышленного комплекса, видит в нем целенаправленное воздействие управомоченных государственных и муниципальных органов с помощью правовых средств на производство, переработку и реализацию продукции сельскохозяйственных отраслей, а также на кадровое, научное и производственно-техническое обеспечение деятельности в агропромышленном комплексе через реализацию системы правовых форм и методов управленческой деятельности для обеспечения эффективности агропромышленного производства и организации продовольственной безопасности [6, с. 33].

В целом можно поддержать предложенный выше вариант содержания административно-правового регулирования агропромышленного комплекса, однако обращают на себя внимание выделяемые субъекты такого регулирования — не только органы государственной власти, но и органы местного самоуправления. С точки зрения новых положений Конституции РФ о единстве системы публичной власти, в которую входят названные органы, данная позиция могла бы быть

оправданной, тем более, что органы местного самоуправления осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность на соответствующем уровне, реализуют формы и методы управленческой деятельности, схожие с теми, которые характерны для органов государственной исполнительной власти. В то же время органы местного самоуправления образуют отдельную подсистему публичной власти; существует незыблемое конституционное правило о том, что они не находятся в организационно-иерархической взаимосвязи с органами государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Поэтому, административно-правовое регулирование необходимо рассматривать как деятельность именно государственных органов, а вот реализация полномочий органами местного самоуправления в отраслях агропромышленного производства и в иных отраслях и сферах, на которые распространяется их компетенция, — является предметом отдельного (муниципально-правового) регулирования.

Административно-правовое регулирование в агропромышленном комплексе следует рассматривать во взаимосвязи с административно-правовой политикой, которая определяет направленность данного регулирования, формулирует его приоритеты. Ю.Н. Стариков отмечает, что административно-правовая политика способствует формированию новых управленческих моделей, модернизации управленческой деятельности, улучшению ее организации и оптимизации правового режима ее осуществления. Обнажая проблемы административно-правового регулирования, она способствует формированию способов их нейтрализации [7, с. 142].

Агропромышленный комплекс представлен, как правило, субъектами частного права, которые вступают друг с другом в правоотношения цивилистического типа. Речь идет о различных производителях продукции сельского хозяйства и обеспечивающих его отраслях, которые преследуют цель извлечения имущественной выгоды из своей деятельности. Административно-правовая политика в данной сфере, с точки зрения «этатистской» концепции государства, не может обойти стороной те сферы функционирования социума, где доминируют частные интересы, поскольку частное не может существовать без публичного, если государство заботится о достижении общесоциальных целей [8, с. 21].

Важность правовой политики в агропромышленном комплексе отмечена и федеральным законодателем, который сформулировал ее основные направления, включая следующие: организацию стабильного обеспечения населения сельскохозяйственной продукцией отечественного производства; применение мер экономического стимулирования деятельности субъектов агропромышленного комплекса; организацию и регулирование рынка продукции агропромышленного комплекса, совершенствование его инфраструктуры; обеспечение реализации экономических интересов отечественных производителей сельскохозяйственной продукции на внешнем и внутреннем рынках, их доступа на данные рынки; обеспечение устойчивого развития сельских территорий; развитие инновационных технологий и науки в отраслях сельского хозяйства; оптимизацию кадрового обеспечения агропромышленного комплекса, связанную с повышением эффективности программ соответствующего профессионального образования¹.

Несложно заметить, что реализация всех перечисленных направлений правовой политики в агропромышленном комплексе требует приложения усилий

¹ См. ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 27; 2021. № 1, ч. 1, ст. 59.

государства в обеспечении поступательного развития всех входящих в него отраслей. Причем речь идет не только о законодательном регулировании проведения эффективной аграрной политики, но и об исполнительно-распорядительной деятельности государства, без которой реализация данной политики невозможна.

При определении содержания административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе необходимо также учитывать положения п. «д» ст. 72 Конституции РФ, относящей сельское хозяйство к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Соответственно, нормы административного права, определяющие организацию государственного управления агропромышленным комплексом, содержатся в нормативных правовых актах не только федерального, но и регионального уровня. В частности, здесь можно выделить Закон Республики Алтай от 25 июня 2003 г. № 12-34 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса Республики Алтай» (в ред. от 13 июня 2018 г.)¹, Закон Красноярского края от 21 февраля 2006 г. № 17-4487 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса края и развития сельских территорий края» (в ред. от 27 мая 2021 г.)², Закон Амурской области от 29 декабря 2012 г. № 142-ОЗ «О государственной поддержке агропромышленного комплекса Амурской области» (в ред. от 25 декабря 2020 г.)³ и др. Обеспечение реализации правовых норм, имеющих организационную направленность и содержащихся в федеральном и региональном аграрном законодательстве, возлагается на федеральные и региональные органы исполнительной власти, уполномоченные в агропромышленном комплексе и задействованные в обеспечении соответствующего механизма административно-правового регулирования.

Административно-правовое регулирование в агропромышленном комплексе было бы неполным в отсутствии целенаправленного воздействия государственных органов на состояние законности и государственной дисциплины в отраслях сельскохозяйственной деятельности при помощи административно-правовых средств негативного характера. Оптимизация социальных связей в агропромышленном комплексе не может обойтись лишь позитивными средствами стимулирующего воздействия, т.е. государственной поддержкой, обеспечиваемой органами государственного управления. Деятельность производителей сельскохозяйственной продукции должна быть ограничена определенными рамками, не допускающими злоупотреблений свободой экономической деятельности, нарушений прав и свобод граждан, интересов государства. Соответствующий баланс обеспечивается применением мер административного принуждения в ходе и по результатам осуществления государственной контрольно-надзорной деятельности для достижения параметров сбалансированной организации социальных связей в сферах ветеринарии, карантина растений и рыболовства.

Изложенные выше моменты должны определять содержание административно-правового регулирования в агропромышленном комплексе, под которым следует понимать целенаправленное воздействие федеральных и региональных

¹ См.: Закон Республики Алтай от 25 июня 2003 г. № 12-34 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса Республики Алтай» (в ред. от 13 июня 2018 г.) // Звезда Алтая. 2003. 22 июля.

² См.: Закон Красноярского края от 21 февраля 2006 г. № 17-4487 «О государственной поддержке агропромышленного комплекса края и развития сельских территорий края» (в ред. от 27 мая 2021 г.) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2006. № 10.

³ См.: Закон Амурской области от 29 декабря 2012 г. № 142-ОЗ «О государственной поддержке агропромышленного комплекса Амурской области» (в ред. от 25 декабря 2020 г.) // Амурская правда. 2013. 9 янв.

органов государственной власти, осуществляющих нормотворческую и правоприменительную деятельность в агропромышленном комплексе на состояние социальных связей в нем посредством установления и реализации системы побудительно-стимулирующих средств управленческого воздействия, административно-правовых средств обеспечения законности и государственной дисциплины для обеспечения реализации целей и приоритетов административно-правовой политики в аграрной сфере.

Библиографический список

1. *Конин Н.М.* Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.
2. *Жеребцов А.Н., Павлов Н.В., Юшко А.В.* Правовые фикции в механизме административно-правового регулирования управленческих отношений. М.: Юрайт, 2021. 183 с.
3. *Панова И.В., Синицина С.В.* Административно-правовое регулирование правил рыболовства и охраны рыбных запасов: анализ зарубежного и российского законодательства // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 1. С. 214–231.
4. *Стахов А.И., Кононов П.И.* Административное право России: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 685 с.
5. *Демин А.А.* Субъекты административного права Российской Федерации: учебное пособие. М.: Книгодел, 2010. 272 с.
6. *Городецкая Е.А.* Административно-правовое регулирование агропромышленного комплекса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 224 с.
7. *Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старилова.* 2-е изд., пер. и доп. Воронеж: Изд-во Воронежского Государственного ун-та, 2016. Ч. 1. 760 с.
8. *Лупарев Е.Б.* Административное право: учебное пособие. Краснодар: Кубанский государственный ун-т., 2016. 135 с.

References

1. *Konin N.M.* Administrative Law of Russia: textbook. 2nd ed., rev. and suppl. M.: Prospect, 2010. 448 p.
2. *Zherebtsov A.N., Pavlov N.V., Yushko A.V.* Legal Fctions in the Mechanism of Administrative and Legal Regulation of Managerial Relations. M.: Yurayt, 2021. 183 p.
3. *Panova I.V., Sinitsina S.V.* Administrative and Legal Regulation of Fishing Rules and Protection of Fish Stocks: Analysis of Foreign and Russian Legislation // *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2019. No. 1. P. 214–231.
4. *Stakhov A.I., Kononov P.I.* Administrative Law of Russia: textbook for universities. 5th ed., rev. and suppl. M.: Yurayt, 2021. 685 p.
5. *Demin A.A.* Subjects of Administrative Law of the Russian Federation: textbook. M.: Knigodel, 2010. 272 p.
6. *Gorodetskaya E.A.* Administrative and Legal egulation of the Agro-Industrial Complex: dis. ... cand. of law. M., 2014. 224 p.
7. *General Administrative Law: textbook: in 2 hours / edited by Yu.N. Starilov.* 2nd ed., rev. and suppl. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University, 2016. Part 1. 760 p.
8. *Luparev E.B.* Administrative Law: textbook. Krasnodar: Kuban State University, 2016. 135 p.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-142-151

УДК 347.9

О.В. Исаенкова, И.Э. Мартыненко, С.А. Белоусов

УРЕГУЛИРОВАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

(по результатам VI международной конференции молодых ученых с применением системы видео-конференц-связи Гродненского государственного университета им. Янки Купалы и Саратовской государственной юридической академии)

Введение: актуальность темы предопределена тем, что правильное понимание причин возникновения споров в брачно-семейных отношениях, их урегулирования и разрешения в порядке гражданского судопроизводства как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь является важнейшим условием стабилизации общественных отношений, значимым элементом законности и правовой культуры. **Цель:** проанализировать отдельные проблемы урегулирования и разрешения семейных споров в порядке гражданского судопроизводства в Российской Федерации и Республике Беларусь, а также предложенные пути решения указанных проблем, обсуждавшиеся на международной научно-практической конференции «Особенности урегулирования и разрешения семейно-правовых споров» (14 мая 2021 года). **Методологическая основа:** осуществлен анализ выступлений участников конференции и синтез их выводов в едином процессуальном ключе. **Результаты:** подведены итоги анализа судебной практики и практики медиации по семейным делам в Российской Федерации и в Республике Беларусь. **Выводы:** совместное обсуждение указанных проблем и предложенные пути их решения в целом способствуют развитию научно-правового партнерства наших стран и ознакомлению юридической

© Исаенкова Оксана Владимировна, 2021

Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: oisaenkova@mail.ru

© Мартыненко Игорь Эдуардович, 2021

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы); e-mail: martinenko@tut.by

© Белоусов Сергей Александрович, 2021

Доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Isaenkova Oksana Vladimirovna, 2021

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil procedure (Saratov State Law Academy)

© Martynenko Igor Eduardovich, 2021

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil law and procedure (Grodno State University named after Yanka Kupala)

© Belousov Sergey Alexandrovich, 2021

Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Research, Head of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

общественности с достижениями наук семейного права и гражданского процессуального права.

Ключевые слова: правосудие, судопроизводство по семейным делам, семейная медиация, договор суррогатного материнства, особое производство в гражданском процессе, правовая помощь по семейным делам.

O.V. Isaenkova, I.E. Martynenko, S.A. Belousov

**SETTLEMENT AND RESOLUTION OF FAMILY LEGAL DISPUTES
IN THE CIVIL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF BELARUS**

(based on the results of the VI International Conference of Young Scientists using the videoconferencing system of Yanka Kupala Grodno State University and Saratov State Law Academy)

Background: the relevance of the topic is predetermined by the fact that a correct understanding of the causes of disputes in marital and family relations, their settlement and resolution in civil proceedings both in the Russian Federation and in the Republic of Belarus is the essential condition for the stabilization of public relations, an important element of legality and legal culture. **Objectives:** to analyze individual problems of settlement and resolution of family disputes in civil proceedings in the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as the proposed solutions to these problems discussed at the international scientific and practical conference “Peculiarities of settlement and resolution of family legal disputes” (May 14, 2021). **Methodology:** the analysis of the speeches of the conference participants and the synthesis of their conclusions in a single procedural way was carried out. **Results:** the results of the analysis of judicial practice and the practice of mediation in family cases in the Russian Federation and in the Republic of Belarus are summarized. **Conclusions:** the joint discussion of these problems and the proposed solutions to them generally contribute to the development of scientific and legal partnership between our countries and familiarization of the legal community with the achievements of the sciences of family law and civil procedure law.

Key-words: justice, family court proceedings, family mediation, surrogacy agreement, special proceedings in civil procedure, legal assistance in family matters.

14 мая 2021 г. состоялась VI Международная научно-практическая конференция молодых ученых Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (далее — ГрГУ) и Саратовской государственной юридической академии (СГЮА) по теме «Особенности урегулирования и разрешения семейно-правовых споров». Работа конференции осуществлялась посредством системы видео-конференц-связи. В начале мероприятия с приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по научной работе ГрГУ **Юрий Яценевич Романовский**. Модераторы — заведующая кафедрой гражданского процесса СГЮА, доктор юридических наук, профессор **О.В. Исаенкова** и заведующий кафедрой гражданского права и процесса ГрГУ им. Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор **И.Э. Мартыненко** — определили проблемное поле, акцентировали внимание на актуальности и важности проводимого мероприятия, выразили общий позитивный настрой на дальнейшее плодотворное взаимодействие между вузами.

Далее научно-практическое мероприятие проходило в формате 11 пленарных докладов и 30 секционных выступлений, были представлены также и стендовые доклады. Студенты двух вузов выступали с научными докладами поочередно.

К сожалению, формат настоящего издания не позволяет привести даже тезисно все высказанные участниками конференции идеи и соображения. Остановимся на некоторых из прозвучавших выводов и предложений, вызвавших наибольший интерес.

Первым уже традиционно выступил постоянный участник совместных видео-конференций аспирант **Б.С. Болохонов** (ГрГУ). Он представил для обсуждения свою разработку «Виды производств в цивилистическом процессе», подготовленную для внедрения в учебный процесс ГрГУ им. Янки Купалы и СГЮА.

Борис Сергеевич подробно рассказал о зарождении и развитии научных концепций, которые предопределили формирование особого вида судопроизводства как самостоятельного вида. С учетом появления оснований для выделения в цивилистическом процессе новых видов судопроизводства со специфическим предметом защиты докладчик предложил новый подход к действующему особому производству, который позволит приблизиться к понимаю специфики видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном процессе в целом. Так, цель заявителя в особом порядке не может ограничиваться лишь установлением фактов и состояний хотя бы потому, что и в искомом и в иных видах судопроизводства для надлежащего рассмотрения дела по существу необходимо установление юридических фактов. По сути, цель заявителя в рассматриваемом виде судопроизводства в большинстве случаев заключается в возможности доступа к дополнительному объему прав и обязанностей, что реализуется через установление факта в судебном порядке. Конечная цель субъектов по данному виду судопроизводства состоит не столько в удостоверении в судебном порядке самого юридического факта или состояния, сколько в приобретении, предоставлении новых материальных прав или охране существующих законных интересов субъектов, причем указанные права и интересы могут приобретаться (утрачиваться) после установления факта в судебном порядке. Поэтому докладчик считает, что для обобщения всей группы категорий дел об установлении фактов и состояний в рамках единого ГПК правильнее будет использовать термин «охранительное производство». Свое мнение автор доклада обосновал тем, что данный термин наиболее полно отражает сущность и правовую природу групп категорий дел, включенных в данный вид судопроизводства, и он исторически более близок к нашим реалиям.

В свою очередь, предметом охранительного вида судопроизводства в рамках единого цивилистического процесса может быть спор о наличии у физических либо юридических лиц фактов и состояний или охраняемом законом интересе. Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости принятия и разработки единого ГПК Республики Беларусь, что позволит на основе измененной доктрины урегулировать как охранительное производство (куда мы можем отнести только категории дел, в которых присутствует спор о фактах и состояниях материально-правового характера), так и иные виды судопроизводства.

Далее в дискуссию включилась соискатель кафедры гражданского процесса СГЮА **П.В. Васильева**. В своем докладе «О возможности использования института присяжных заседателей по делам, возникающим из семейных правоотношений», она назвала отдельные категории семейных споров, по которым не-

обходимо привлекать в гражданское судопроизводство присяжных заседателей. В настоящее время такое привлечение невозможно в принципе в российском гражданском процессе, докладчик полагает это неправильным, но с белорусской стороны возник обоснованный вопрос о возможности и необходимости участия присяжных заседателей в иных (не только семейных) делах.

Далее магистрант ГрГУ **М.И. Адаменя** в докладе «Споры, связанные с исполнением договора суррогатного материнства: стороны, доказательства, особенности рассмотрения» отметила, что разработка и применение вспомогательных репродуктивных технологий, к числу которых относится суррогатное материнство, дают возможность вынашивания и рождения ребенка женщинам, которым по медицинским показаниям это недоступно (либо это связано с риском для их здоровья). В результате бездетные (по не зависящим от них причинам) супружеские пары могут реализовать себя в качестве родителей. Несмотря на действующую в Республике Беларусь нормативную правовую базу, отдельные вопросы надлежащего исполнения договора суррогатного материнства остаются нерешенными. Так, при рождении суррогатной матерью ребенка с отклонениями возникает вопрос: какие нормы необходимо применять для разрешения спора при отказе генетической матери принять ребенка? Так как суррогатная мать вынашивает и рождает чужого ребенка (между ними отсутствует генетическое родство), отклонения у ребенка могут быть вызваны плохой наследственностью генетических родителей, а соответственно претензии по надлежащему исполнению договора предъявлять некому. Но бывают случаи, когда здоровье ребенка ставит под угрозу своими действиями (бездействием) суррогатная мать.

Проанализировав особенности договора суррогатного материнства, в целях полного правового регулирования отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, и исключения излишних отсылочных и бланкетных норм, **М.И. Адаменя** предложила последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами принятых по договору суррогатного материнства обязательств напрямую урегулировать нормами законодательства Республики Беларусь в области вспомогательных репродуктивных технологий.

Аспирант кафедры гражданского процесса СГЮА **С.А. Меграбян** поделился с присутствующими своими суждениями по проблемам судебного доказывания и оспаривания отцовства в исковом производстве, уделив особое внимание взаимоотношенности принципа судебной истины и принципа равноправия сторон в цивилистическом процессе по семейным делам. Его доклад положил начало дискуссии об особенностях доказательственной деятельности при разрешении дел, возникающих из семейных правоотношений вообще и связанных с проблемой доказывания отцовства, в частности исходя из фактической презумпции отцовства в отношении детей, родившихся в зарегистрированном браке.

Студентка 3-го курса ГрГУ **А.С. Быкова** продолжила тематику доказывания по семейным делам и представила для обсуждения доклад на тему «Доказательственные презумпции в семейно-правовых спорах», в котором упомянула, что общеправовые презумпции являются частью тех самых начал юридической науки, которые впоследствии становятся принципами права.

Докладчик отметила, что фактический брак в настоящее время приобрел довольно большое количество синонимов (сожитительство, гражданский брак,

партнерство, фактическое супружество), из чего был сделан весьма спорный вывод о презумпции отцовства в фактическом браке. Интересной фактической презумпцией была названа презумпция преимущественного права матери на оставление с ней ребенка при раздельном проживании родителей. Данная презумпция не закреплена ни в одном нормативном акте. При попытке обосновать данную презумпцию можно сослаться на то, что ребенку, особенно малолетнему, жизненно необходимо присутствие матери (регулярное кормление ребенка, забота о его развитии, обеспечение его безопасности). Но стоит отметить, что такой подход не соответствует принципу равенства родителей в воспитании детей и модели современного отношения к разделению обязанностей в присмотре за ребенком. Нынешние реалии таковы, что в некоторых странах уже предусмотрен декретный отпуск по уходу за ребенком и для мужчин. Это свидетельствует о том, что отцы также могут заботиться о благополучии малолетнего сына или дочери. Применение такой презумпции в современном мире является устаревшим приемом разрешения семейных споров.

Таким образом, был сделан вывод, что доказательственные презумпции в семейном праве играют огромную роль в осуществлении правосудия, так как они существуют для того, чтобы сделать его (правосудие) более эффективным и бюджетным. Однако, как и во многих аспектах юридической науки, в рассматриваемом сегменте правосудия до сих пор остается множество вопросов, по которым исследователям только предстоит прийти к единому мнению.

Магистрант СГЮА А.Д. Кравцова в своем докладе «Перспективы примирительных процедур в семейных спорах» отметила, что для семейного права преимущественно характерен диспозитивный метод регулирования общественных отношений, что дает возможность расширения перечня оснований и случаев использования примирительных процедур. Использование примирительных процедур имеет особую актуальность в семейно-правовых отношениях. На сегодняшний день основным институтом по разрешению семейно-правовых вопросов является суд, что приводит к снижению эффективности разрешения конфликтов между членами семьи. В этой связи в целях развития альтернативных способов разрешения и урегулирования конфликтов проанализируем перспективы примирительных процедур для разрешения семейных споров. Нововведением является такая примирительная процедура, как судебное примирение, проводимое в целях достижения сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования спора, рассматриваемого судом с участием посредника (судебного примирителя), которым выступает судья, пребывающий в отставке. По причине не сформировавшейся в российских судах практики судебного примирения не представляется допустимым категоричное утверждение об эффективности судебного примирения. Однако в отношении семейно-правовых споров данная примирительная процедура, вероятнее всего, даст положительный результат, поскольку примирение действенно в ситуации высокой конфликтности отношений, когда, в первую очередь нужно урегулировать межличностный конфликт.

Докладчик отметила, что с точки зрения правовой действительности введение обязательной досудебной семейной медиации крайне неоднозначно. Во-первых, процедура медиации — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения взаимоприемлемого решения. По своей правовой природе процедура медиации базируется на таких принципах, как добровольность, конфиденциальность, сотрудничество

и равноправие сторон, а также беспристрастность и независимость медиатора. То есть введение обязательной досудебной медиации на данный момент будет противоречить действующему законодательству. Во-вторых, семейная медиация, несмотря на длительное существование ее в России, не имеет широкого распространения. Это объясняется такими факторами, как отсутствие в законе четкой регламентации проведения процедуры медиации, отсутствие специализированных государственных центров медиации, которые вызывали бы доверие граждан. В-третьих, обязательная досудебная семейная медиация противоречит конституционному принципу доступности правосудия и праву каждого гражданина на судебную защиту.

Таким образом, идея обязательной семейной медиации, направленной на достижение мирного урегулирования конфликта, противоречит добровольному характеру медиативной процедуры и ограничивает действие основополагающих конституционных положений. Тем не менее развитие медиативных технологий крайне важно для современного общества. В этой связи необходима подготовка медиаторов, специализирующихся на семейной медиации, а также создание государственных служб, которые занимались бы вопросами медиации в этой сфере.

Студентка 3-го курса ГрГУ Е.Ю. Гурская продолжила дискуссию по проблеме применения медиации в брачно-семейных отношениях, приведя интересные статистические данные: в республике Беларусь в период с 2000 по 2010 г. в среднем регистрировалось 73067 браков, тогда как среднее число расторгнутых браков составляло 35403. За январь-март 2019 г. было заключено 11123 брака, в то время как в период с января по март 2020 г. — 9550. В цифровом выражении количество заключенных браков сократилось на 14%. За январь-март 2019 г. было расторгнуто 8570 браков, а в период с января по март 2020 года — 9000. Это свидетельствует о том, что количество расторгнутых браков выросло на 4%. Очевидно, что количество заключенных браков сильно уменьшилось, а число расторгнутых, напротив, возросло. Эти цифры, по мнению докладчика, означают, что в обществе, в сознании людей произошли весьма ощутимые изменения, чему, вероятно, способствовали следующие обстоятельства: переход от канонического (зарегистрированного) брака к гражданскому (у людей пропало восприятие брака как некоего священного союза, и вместо попыток найти причины и способы сохранить брак пары принимают решение о его расторжении); распространение в массовой культуре представления о том, что после заключения брака всех ждет счастливая безоблачная жизнь (разумеется, на самом деле это не так, и браки распадаются из-за несбывшихся ожиданий); сегодняшнее общество — это в большой степени общество потребителей.

Докладчик обратила внимание участников конференции на влияние пандемии на число заключенных браков и количество расторгнутых. Вероятно многие пары отказались от регистрации брака в период с 2019 г. и по настоящее время из-за введения карантинных мер, невозможности устроить праздник, как принято у нас в культуре, а также по причине страха перед возможностью заболеть. По мнению докладчика, определенную роль в сохранении семьи может выполнить медиация, которая имеет ряд преимуществ, а именно: это бюджетное урегулирование спора (по сравнению с судебным разбирательством); это экономит время, так как результат достигается быстрее, чем в судебном процессе, который может длиться очень долго; это всегда исключительно добровольный процесс; решение по вопросу принимают сами вовлеченные стороны (только сам

человек лучше, чем кто-либо другой, может решить для себя, какой исход будет наиболее справедливым, приемлемым, удобным для него). Судебные решения, принятые в рамках принудительного разрешения семейно-правовых споров, не способны удовлетворить потребности обеих сторон в полном объеме. Именно медиация является средством, которое можно использовать в правовой сфере для уменьшения случаев расторжения брака, поскольку медиация может дать супругам время подумать, стоит ли расторгать брак, и принять взвешенное и рациональное решение.

В обсуждении этой же проблемы приняла участие студентка 4-го курса ГрГУ А.С. Михальчук, которая акцентировала внимание на востребованности института медиации в практике урегулирования семейных споров и привела конкретные данные о деятельности в этом направлении учреждения «Центр медиации и переговоров». Так, за 2020 г. «Центром медиации и переговоров» было проведено 155 медиаций, из которых 68 — в сфере семейных правоотношений. Данная статистика свидетельствует, что 43% урегулированных споров связано с семейными конфликтами (в 2019 г. — 40%). Этим доказывается востребованность разработки социальных проектов, поддерживающих институт семьи и информирующих население об альтернативных способах урегулирования споров. По мнению докладчика, показатели урегулирования споров (конфликтов) посредством медиации растут, чем подтверждается необходимость в развитии данной процедуры по урегулированию споров, особенно в сфере семейного права. Также показателем необходимости развития семейной медиации является количество лиц, желающих осуществлять деятельность медиатора. По состоянию на май 2021 г. в Реестре медиаторов Республики Беларусь зарегистрировано 916 медиаторов. Большинство вышеуказанных лиц специализируются на семейных спорах. Эти показатели означают, что население положительно реагирует на данный институт и понимает важность урегулирования споров мирным путем, особенно в сфере семейных правоотношений. Семейная медиация предоставляет сторонам возможность в процессе переговоров найти решение, которое отвечало бы их интересам. Правовые нормы, регламентирующие разрешение семейных конфликтов, должны быть направлены не только на урегулирование споров между субъектами, но и на поддержание института семьи, так как статистические данные свидетельствуют о его кризисе в настоящее время, что и ведет к увеличению количества споров, происходящих из семейных правоотношений.

Магистрант СГЮА И.А. Мирошников заострил внимание участников конференции на специфике дел, возникающих из семейных правоотношений, в контексте искового производства. По мнению докладчика, одним из больших пластов дел гражданской юрисдикции, безусловно, являются семейно-правовые споры. В то же время как в науке, так и на практике возникает ряд вопросов касательно того, к какому виду судопроизводства относить отдельные категории дел, возникающие из брачно-семейных правоотношений, а также имеется ли в них спорный характер. Определенность в данных вопросах имеет принципиальное значение, поскольку участники гражданских процессуальных правоотношений (в первую очередь суд) должны понимать, по правилам какого судопроизводства надлежит рассматривать то или иное дело, работают ли в нем классические исковые диспозитивные институты и т.д. В названной категории прослеживается нетипичность данного дела для искового порядка, причем эта категория едва ли может быть рассмотрена в рамках иного вида судопроизводства. В развитие

идей процессуалистов о передаче дел подобного характера в органы бесспорной юрисдикции предлагается отменить наложенное семейным законодательством ограничение на разрешение подобных ситуаций органами записи актов гражданского состояния.

Далее докладчик сформулировал ключевой вывод своего выступления: в рамках искового производства могут существовать атипичные дела, которым в силу прямого указания закона либо по остаточному принципу приписан исковой порядок. Наличие таких категорий, особенно в сфере брачно-семейных отношений, допустимо, поскольку исковое производство является наиболее обширным, классическим видом гражданского судопроизводства. В связи с этим презюмируется, что при отсутствии нормы, предписывающей рассматривать дело в ином порядке, оно будет рассмотрено в искомом. Атипичные исковые дела могут характеризоваться тем, что они не содержат в себе идеальной совокупности всех выделенных в доктрине признаков искового производства, но при этом рассматриваются судами именно как исковые дела за некоторым изъятием (невозможность применять средства защиты против иска при рассмотрении дел о семейно-правовой ответственности).

Студентка 3-го курса ГрГУ **К.А. Малышец** в своем докладе сравнила порядок выплаты государственных пособий, предусмотренных системой социальной поддержки, при исполнении договора суррогатного материнства в Республике Беларусь и Российской Федерации. В частности, было отмечено, что в Республике Беларусь на законодательном уровне закреплено право на пособие для суррогатных матерей, ставших на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности.

Большой интерес вызвал совместный доклад студенток 3-го курса Института юстиции **А.В. Макеевой** и **А.Р. Халиковой** на тему «Кому присудят криоконсервированные эмбрионы в случае расторжения брака супругов: проблемы и практика». Сегодня благодаря научным достижениям в области медицины способность к рождению ребенка обретают пары, страдающие бесплодием, в т.ч. и в том случае, когда все природные и терапевтические методы лечения исчерпаны. Речь идет о применении методов искусственной репродукции, обобщенно — ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии). Однако такое вмешательство в процесс деторождения порождает ряд морально-этических и правовых проблем. Остро встает вопрос относительно судьбы «лишних» эмбрионов, которые неизбежно появляются в процессе искусственного оплодотворения. Ведь процедура ЭКО сопровождается получением большого числа оплодотворенных эмбрионов, из которых пациентке подсаживают лишь часть. Получается, что ребенок рождается на свет ценой жизни остальных эмбрионов: чтобы имплантировать один, преднамеренно уничтожаются порядка восьми-девяти эмбрионов. Кому жить, а кому умереть? Специалист принимает решение по своему усмотрению, наблюдая изображение на экране.

Между тем нравственные обязательства, относимые к человеку, должны быть действительны и в отношении эмбриона. Отсюда возникает проблема, связанная с определением правового статуса эмбриона: субъектом или объектом права он является? Единого мнения как в теории, так и на практике нет. Попытки наделять эмбриона правами человека не увенчались успехом, поскольку в этом случае аборт признавался бы преступлением. Однако практика все же склоняется к мнению, что эмбрион следует отнести к объекту права. Если исходить из этого

и признавать эмбрион, в том числе криоконсервированный, объектом вещных прав, возникает вопрос: какова судьба данного «объекта» при расторжении брака, учитывая, что в основу его создания легли материалы обоих родителей? Иными словами, как использовать эмбрион, если он, по сути, является общей собственностью супругов? В этом случае возможны несколько вариантов решения: 1) криоконсервировать (заморозить и хранить) эмбрион для последующего переноса; 2) отказаться от эмбриона в пользу клиники или бездетной супружеской пары; 3) утилизировать эмбрион. Отечественная практика знает не так много споров относительно данного вопроса, однако ежегодно количество таких дел растет. Одним из примеров может служить дело, рассмотренное Мосгорсудом. После расторжения брака бывший супруг обратился в суд с иском к клинике о расторжении договора об оказании медицинских услуг. Истец требовал от клиники уничтожения эмбрионов, на что получал отказ. Как правило, перед процедурой ЭКО супруги подписывают информированное добровольное согласие на различные этапы ЭКО. Клиника обосновывала отказ заключенным в информированном согласии между супругами условием о судьбе эмбрионов, согласно которому в случае расторжения брака судьбу эмбрионов определяет бывшая супруга. В результате суд отказал истцу в удовлетворении его требований, аргументируя это принципом свободы договора.

Таким образом, по мнению докладчиков, практика относительно данного вопроса еще не сформирована. Планирование, рождение ребенка вне брака, в свою очередь, в дальнейшем может породить споры относительно взыскания алиментов и оспаривания отцовства. Поэтому, как считают авторы доклада, следует на законодательном уровне закрепить механизм отзыва информированного согласия супруга на использование эмбрионов в случае расторжения брака.

Студентка 3-го курса ГрГУ Т.А. Пашкевич представила интересный доклад «Назначение и проведение экспертизы при урегулировании семейно-правовых споров». Как заметила докладчик, проведение экспертизы и вынесение заключения эксперта — задача, с которой могут справиться только специалисты, обладающие глубокими знаниями в области юридической психологии и одновременно хорошо ориентирующиеся в специфике условий разрешения семейно-правовых споров. Кроме того, отвечая на вопросы, поставленные судом, профессиональный эксперт выступает в роли не только исследователя, но и непосредственного участника процесса судопроизводства. В случае возникновения семейно-правового спора судом могут быть назначены и проведены различные экспертизы: генетическая; судебно-психологическая; судебно-психиатрическая и т. п. Достаточно часто судами назначается судебно-психологическая экспертиза по делу, которая проводится с целью установления наличия (отсутствия) психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей, мотивационных линий поведения каждой из сторон, психологической характеристики взаимоотношений ребенка с каждым из родителей и членами их семей. В некоторых случаях судами назначаются комплексные психолого-педагогические экспертизы. Экспертное заключение помогает подтвердить или опровергнуть те или иные доводы каждой из сторон, что необходимо для принятия правильного решения по делу.

Как считает докладчик, урегулирование семейно-правовых споров — это довольно сложный процесс. К экспертам стоит обращаться лишь в том случае, когда урегулировать спор мирно не получается или когда без проведения экспертизы не обойтись: сам процесс проведения экспертизы позволяет более детально разобраться в ситуации и грамотно разрешить конфликт.

Студент 4-го курса СГЮА **М.Г. Марков** предложил участникам конференции обсудить статус брачного договора, рассматривая его как средство доказывания по отдельным категориям дел. Докладчик отметил, что основной целью брачного договора является распределение имущества супругов. Брачный договор нередко является доказательством по делам, возникающим из семейных правоотношений. Как правило, он используется в качестве доказательства по делам, связанным с расторжением брака, разделом имущества супругов, и при признании самого брачного договора недействительным. Такой узкий список категорий дел связан в первую очередь с тем, что по российскому законодательству согласно п. 3 ст. 42 СК РФ брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами, а также права и обязанности супругов в отношении детей.

Брачный договор можно отнести к письменным доказательствам по делу, он вполне подпадает под критерии допустимости в рамках гражданского процесса. При разделе совместно нажитого имущества супругов установлена презумпция законного режима имущества, согласно которой вещи, приобретенные в период брака, рассматриваются как относящиеся к совместной собственности супругов. В этой категории брачный договор будет играть роль доказательства обратного, то есть сторона, полагающая, что предмет спора — это ее личное имущество, должна будет представить соответствующее доказательство.

После выступления докладчиков началась дискуссия, в рамках которой участники конференции обсуждали проблемные аспекты белорусского и российского законодательства, регулирующего брачно-семейные отношения, и возникающие в этой сфере споры. В обсуждении докладов приняли активное участие преподаватели кафедры процесса СГЮА и кафедры гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, аспиранты, магистранты, студенты юридического факультета ГрГУ и СГЮА.

Большинство выступающих были настроены весьма оптимистично, не без оснований предполагая, что их вклад в развитие процессуальной теории, законодательства и судебной практики будет способствовать развитию потенциала юридической науки как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, сотрудничеству ученых, дружбе народов, а в целом стратегическому партнерству России и Беларуси, стабилизации правовой системы и совершенствованию в обеих странах законодательства и судебной практики по гражданским делам, возникающим из брачно-семейных отношений.

Подводя итог международного научного мероприятия, модераторы — профессор **Сергей Александрович Белоусов**, **Оксана Владимировна Исаенкова** и **Игорь Эдуардович Мартыненко** — выразили общее мнение: видеоконференции позволяют студентам двух вузов, двух стран фактически беспрепятственно общаться по наиболее актуальным проблемам современного права.

Достаточно сказать, что по итогам конференции принято решение рассмотреть возможность внедрения в учебный процесс ГрГУ им. Янки Купалы и СГЮА по дисциплине «Гражданский процесс» научной разработки аспиранта Б.С. Болоннова «Виды производств в цивилистическом процессе». Кроме того, молодые ученые договорились провести в мае 2022 г. еще одну, уже седьмую по счету, совместную конференцию — на этот раз по теме «Трудовые споры и особенности их рассмотрения».

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-152-156

УДК 347.9

Т.В. Соловьева

ГЛАСНОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Введение: основой гражданского судопроизводства выступают принципы осуществления правосудия. Одним из основных принципов является принцип гласности судебного разбирательства. **Цель:** определить особенности проявления принципа гласности в гражданском судопроизводстве в условиях введенного на территории Российской Федерации режима повышенной готовности в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). **Методологическая основа:** диалектический метод, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод анализа судебной практики. **Результаты:** в сложившихся условиях стремительного распространения коронавирусной инфекции судебная система оказалась не готовой к использованию дистанционных способов рассмотрения и разрешения дел по причине отсутствия технической возможности. В таких условиях можно говорить о том, что принцип гласности судебного разбирательства был ограничен. **Выводы:** с учетом внедрения информационных технологий и сложившейся эпидемиологической обстановкой в мире заинтересованные лица не могут быть ограничены в реализации права на судебную защиту, а также в доступе к информации о деятельности судов. В этой связи необходимо внести изменения в гражданское процессуальное законодательство, связанное с необходимостью трансляции судебных заседаний в случаях, когда они проводятся в режиме видео-конференц-связи.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, принцип гласности, судебное заседание, видео-конференц-связь, доступность правосудия.

T.V. Solovieva

PUBLICITY OF THE TRIAL IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Background: the principles of the administration of justice are the basis of civil proceedings. One of the main principles is the principle of publicity of the trial. **Objective:** to determine the features of the manifestation of the principle of publicity in civil proceedings under the conditions of a high-alert regime introduced in the territory of the Russian Federation in order to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-19). **Methodology:** dialectical method, formal legal and comparative legal methods, method of analysis of judicial practice. **Results:** in the current conditions of the rapid spread of coronavirus infection, the judicial system was not ready to use remote methods of reviewing and resolving cases due to the lack of technical capability. In such circumstances, we can say that the principle of publicity of the trial was limited. **Conclusions:** taking into account the introduction of information technologies and the current epidemiological situation in the world, interested persons cannot be restricted

© Соловьева Татьяна Владимировна, 2021

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: s80tv@mail.ru

© Solovieva Tatiana Vladimirovna, 2021

Doctor of law, Professor, Department of Civil procedure (Saratov State Law Academy)

in exercising the right to judicial protection and also in access to information about the activities of courts. In this regard, it is necessary to amend the civil procedural legislation related to the need to broadcast court sessions in cases when they are held in videoconference mode.

Key-words: *civil proceedings, the principle of publicity, court session, videoconferencing, access to justice.*

Гласность судебного разбирательства выступает одним из основных принципов гражданского судопроизводства. Суть данного принципа сводится к тому, что рассмотрение и разрешение гражданских дел должно осуществляться открыто, т.е. любые субъекты имеют право присутствовать в судебном заседании, фиксировать ход судебного разбирательства, получать информацию о гражданском процессе по определенному делу, за исключением дел, связанных с тайной, установленной законом.

Принцип гласности был установлен еще в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. Обусловлено это было тем, что в результате Судебной реформы 1864 г. гражданское судопроизводство было отделено от уголовного, канцелярская тайна уничтожена и введен гласный процесс с целью обеспечения открытости судопроизводства. Так, Е.В. Васьковский указывал, что «принцип гласности для сторон имеет безусловное значение и не терпит никаких изъятий. Стороны имеют право присутствовать при осуществлении всех действий суда, за исключением совещания судей в совещательной комнате» [1, с. 450]. В результате Октябрьской революции 1917 г. Устав гражданского судопроизводства утратил свою силу, и в 1923 году был принят ГПК РСФСР 1923 г., где в ст. 94 было закреплено, что «Разбирательство дела происходит публично и устно»¹. Позднее, в 1964 г., был принят новый ГПК РСФСР, в ст. 9 которого было установлено, что «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны»². В современном ГПК РФ³ продублировано правило об открытом разбирательстве дел во всех судах, при этом по сравнению с ГПК РСФСР 1964 г. законодатель расширил перечень оснований для проведения закрытого судебного разбирательства.

Для более полного обеспечения принципа гласности при отправлении правосудия в 2008 г. был принят Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»⁴, направленный на урегулирование отношений, связанных с доступом граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления к информации о деятельности судов в РФ. В нем установлены основные принципы и способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, а также определены формы предоставления такой информации.

¹ См.: Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Собр. узаконений РСФСР. 1923. № 46–47, ст. 478.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 12 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2016. № 27, ч. 1, ст. 4169.

⁴ См.: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6217.

Можно сделать вывод о том, что принцип гласности является достаточно стабильным на протяжении длительного периода времени. Кроме того, за почти двадцать лет действия современного ГПК РФ ст. 10 «Гласность судебного разбирательства» подвергалась изменениям лишь три раза. Данные изменения не затронули существа принципа гласности, а были обусловлены развитием и внедрением во многие сферы государства и общества информационных технологий.

В 2020 г. весь мир столкнулся с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), из-за стремительного распространения которой Всемирной организацией здравоохранения 1 марта 2020 г. была объявлена пандемия. В таких условиях вся жизнедеятельность государства и общества была ограничена на территории многих стран. В Российской Федерации был объявлен режим повышенной готовности и были введены ограничения, в т.ч. и в сфере отправления правосудия, например, был ограничен доступ в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов¹. И, действительно, в залы судебных заседаний допускались только лица, участвующие в деле, и их представители. Эти нововведения ограничили доступ в суды слушателей и средств массовой информации.

Кроме того, судам было рекомендовано проводить судебные заседания с использованием видео-конференц-связи. Несмотря на то, что возможность проведения судебных заседаний в таком формате закреплена в ГПК РФ с 2013 г., период пандемии выявил определенные трудности использования информационных технологий при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Суды зачастую отказывали в проведении судебных заседаний посредством видео-конференц-связи и трансляции их в виду отсутствия технической возможности. Так, в отчете независимого общественного портала о беспристрастном судебном мониторинге указано, что «большинство судов полностью пренебрегли принципом гласности, закрыв двери судов для слушателей и не обеспечив компенсацию ограничений»². Однако необходимо отметить, что по данным Верховного суда РФ в 2020 г. суды провели 400 000 судебных заседаний по видео-конференц-связи, это значительно больше, чем в предыдущие годы. Так, в 2019 г. судами посредством систем видео-конференц-связи было рассмотрено 195 тыс. дел, в 2018 г. — 128 тыс. дел³.

В 2021 г. В.В. Путин положительно оценил деятельность судов в период пандемии, указав, что благодаря инициативам Верховного суда РФ в период пандемии правосудие для граждан было доступно, а принципы гласности и открытости судопроизводства были обеспечены⁴. В свою очередь, В.В. Момотов отметил, что «Судопроизводство не становится закрытым для общества — гласность правосудия в период действия ограничительных мер обеспечивается обязательной публикацией судебных актов в Интернете, возможностью направлять в суды запросы с целью получения информации об их работе, правом сторон осуществлять аудиофиксацию судебного разбирательства, для которой не требуется

¹ См. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах». URL: <http://www.suprcourt.ru/> (дата обращения: 18.02.2021).

² См.: Сводный отчет по гласности правосудия и информационной открытости судов в период пандемии. URL: <https://courtmonitoring.org/> (дата обращения: 24.04.2021).

³ См.: Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 год. URL: <https://pravo.ru/> (дата обращения: 12.11.2021).

⁴ См.: В пандемию в судах была обеспечена гласность и открытость процесса — В.В. Путин. URL: <http://rapsinews.ru/> (дата обращения: 23.04.2021).

разрешения судьи. Нельзя забывать и о получении сторонами копии судебного решения, возможности с разрешения суда осуществлять видеозапись судебного процесса»¹. Однако из данной позиции можно сделать вывод, что действие принципа гласности в период пандемии сохранилось преимущественно в отношении сторон судопроизводства.

Представители РАПСИ также не считают, что принцип гласности был ограничен в период действия ограничительных мер, указывая, что: «журналисты и слушатели могли ознакомиться с судебными актами по резонансным делам, видеотрансляция которых проходила на сайте Мосгорсуда. Работа судебных журналистов в период ограничительных мер строилась через пресс-секретарей судов, подробно разъясняющих прессе не только фактические обстоятельства процессов, но и предоставляющих фото и видео из зала заседаний»². Из приведенной позиции все-таки усматривается ограничение гласности судебного разбирательства, т.к. возможность свободного непосредственного присутствия в зале судебного заседания была только у лиц, участвующих в деле. Кроме того, предоставление информации по «резонансным» делам является прямым ограничением принципа гласности. Стоит привести позицию Верховного Суда РФ, согласно которой «гласность правосудия предполагает необходимость широкого информирования общественности о деятельности судов, судам следует стремиться к более полному использованию потенциала средств массовой информации для объективного, достоверного и оперативного информирования пользователей информации о деятельности судов»³.

Безусловно, что введение в период пандемии ограничительных мер, в том числе и в сфере отправления правосудия, направлено на сохранение жизни и здоровья граждан. Но и в период пандемии заинтересованным субъектам должна предоставляться полная информация о деятельности судов с целью сохранения возможности общества осуществлять контроль над правосудием.

Учитывая, что сложившаяся ситуация носит уникальный характер, для обеспечения баланса между конституционным правом на судебную защиту и правом на охрану жизни и здоровья необходимо внести изменения в действующее законодательство, а также обеспечить полную техническую оснащенность всех судов РФ и предоставить гражданам техническую возможность участвовать в судебном заседании.

Непрерывное информационное развитие государства и общества, а также появление нового правового режима — режима повышенной готовности в Российской Федерации оказывают непосредственное влияние на порядок осуществления правосудия. Отдельные институты гражданского судопроизводства претерпевают изменения, в их числе и принципы правосудия. Проведенный анализ порядка функционирования судов Российской Федерации в период действия ограничительных мер показал, что действующая редакция ст. 10 ГПК РФ не в полной мере отражает современные реалии гражданского судопроизводства, поскольку рассмотрение и разрешение дел с применением

¹ См.: Виктор Момотов: Российские суды выйдут из пандемии более сильными. URL: <https://legal.report> (дата обращения: 23.04.2021).

² См.: Год с COVID-19: как судебная система и государство преодолели вызовы пандемии. URL: <http://www.rapsinews.ru/> (дата обращения: 26.04.2021).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. 18 июня.

информационных технологий и в условиях пандемии ограничивает его действие. В содержании принципа гласности принято выделять несколько составляющих, а именно: участие в судебном заседании, использование систем видео-конференц-связи, фиксирование хода судебного разбирательства, а также объявление решения публично. В целях соблюдения данного принципа и обеспечения доступа к информации о деятельности судов необходимо закрепить на законодательном уровне обязательную трансляцию судебных заседаний, проводимых посредством использования видео-конференц-связи, как одну из составляющих принципа гласности.

Библиографический список

1. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковых. 1913. Т. 1: «Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия». 641 с.

References

1. *Vaskovsky E.V.* Course of Civil Procedure. M.: Br. Bashmakov. 1913. Vol. 1: "Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions". 641 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-157-161

УДК 347.91

О.А. Бахарева

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Введение: доказательства, представляемые по делу, выполняют немаловажную роль в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу, поэтому исследование проблем, возникающих в ходе исследования и оценки электронных документов помогает определить и в последующем учесть выявленные процессуальные особенности. **Цель:** анализ некоторых вопросов, возникающих в ходе исследования и оценки электронных документов. **Методологическая основа:** общие методы научного познания (а именно методы логического и системного анализа, синтеза) и частноправовые методы познания — юридико-технический, сравнительного правоведения. **Результаты:** изучены некоторые вопросы, возникающие в ходе исследования и оценки электронных документов. **Выводы:** факторы возникающие в ходе исследования и оценки электронных документов, позволяют выявить их процессуальные особенности.

Ключевые слова: электронный документ, суд, лица, участвующие в деле, исследование и оценка доказательств.

О.А. Bakhareva

SELECTED ASPECTS OF RESEARCH AND EVALUATION OF ELECTRONIC DOCUMENTS

Background: the evidence presented in the case does not play an unimportant role during the trial in a civil case, therefore, the study of issues arising during the study and evaluation of electronic documents helps to determine and subsequently take into account the identified procedural features. **Objective:** analysis of some issues that arise during the study and evaluation of electronic documents. **Methodology:** general methods of scientific cognition, namely logical and system analysis, synthesis and private legal methods of cognition-legal and technical, comparative law. **Results:** some issues that arise during the research and evaluation of electronic documents are studied. **Conclusions:** the study of issues arising during the study and evaluation of electronic documents allows us to identify their procedural features.

Key-words: electronic document, court, persons involved in the case, research and evaluation of evidence.

В ходе судебного разбирательства суд и лица, участвующие в деле, принимают участие в исследовании юридических фактов в процессе судебного познания с помощью судебных доказательств, разновидностью которых являются и документы в электронном виде. Согласно ч. 1 ст. 71 Гражданского процессуального

© Бахарева Ольга Александровна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru
© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Civil Procedure department (Saratov State Law Academy)

кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹ электронные документы можно отнести к письменным доказательствам, которые имеют своеобразную форму в виде графической, цифровой записи и получены с помощью факсимильной, электронной связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Это документы, подписанные электронной подписью, позволяющей установить их достоверность.

Электронный документ необходимо отличать от электронного образа документа или (иначе говоря, копии электронного документа), изготовленности на бумаге, затем отсканированной и заверенной электронной подписью. Электронный же документ сразу изготавливается в электронном формате исключая бумажный носитель и подписывается электронной подписью².

Очевидно, что одним из критериев отнесения представленных доказательств к электронным документам (образам) можно рассматривать наличие подписи электронно-цифрового вида. Электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, прикрепленную к документу в электронном виде и устанавливающую подписавшее документ лицо³. Одной из основных функций электронной подписи выступает защита документа от подделки и искажения содержащейся в нем информации, а также подтверждение подписи электронного документа уполномоченным лицом и реализации его воли. При обращении в рамках гражданского судопроизводства предусматривается наличие усиленной квалифицированной электронной подписи⁴. Отметим, что электронная переписка не исследуется в качестве рассматриваемых документов, поскольку сообщения не получили заверения электронной цифровой подписью.

Исследование используемых в судебном процессе электронных документов направлено на подтверждение их соответствия и основывается на гражданских процессуальных нормах, применяемых при исследовании, и любых других доказательствах. Изучая представленные электронные документы, суд проводит их предварительную промежуточную оценку на предмет относимости, допустимости, достаточности, обращает внимание на требования, предъявляемые к внутреннему содержанию документа, такие как полнота, ясность, достоверность, идентичность, подлинность, а также требования к его форме.

Электронный документ (образ) должен содержать информацию, которая непосредственно имеет значение и может быть использована в процессе исследования доказательств по делу, т.е. обладает относимостью доказательств к рассматриваемому делу. Поэтому суд, исследуя представленные доказательства (в т.ч. и электронные документы), принимает только те из них, которые имеют значение для рассматриваемого гражданского дела, а те, что не имеют такого значения, не принимает и вправе отказать в истребовании такого доказательства.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; Российская газета. 2021. № 145.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

³ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15, ст. 2036.

⁴ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (в ред. от 5 ноября 2019 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2; 2020. № 6.

Кроме этого, суд уточняет допустимость доказательства, а именно соблюдена ли процедура получения электронного документа как средства доказывания? Оценивая допустимость электронного документа, суд проводит его идентификацию и устанавливает подлинность документа, отождествляя автора документа с лицом, указанным в качестве автора, и с лицом, от которого он в действительности исходит. В этом вопросе могут возникнуть некоторые трудности, связанные с тем, что электронные документы, полученные при помощи факсимильной, электронной и других возможных видов связи, легко изменить, вплоть до полного уничтожения или невозможности восприятия. Поэтому выяснить, были ли внесены изменения в электронные документы, путем простого визуального исследования довольно-таки сложно или же практически невозможно без соответствующей экспертизе.

Определяя, допустим ли тот или иной документ, суд проводит его идентификацию и аутентификацию. Под идентификацией понимается установление автора документа, а под аутентификацией — то, что представленный документ является тем, «что о нем заявляет лицо, представившее данное доказательство» [1, с. 8]. В процессе исследования документа и, проверки его на аутентичность, суду необходимо исключить любое сомнение относительно такого документа. Аутентификация или идентификация документа, как правило, проводится путем представления дополнительных доказательств. Так, например, провести аутентификацию электронного документа можно при помощи показания лица, которое лично загрузило исследуемый документ на страницы сети Интернет, поэтому информирован о времени размещения документа на сайте и его доступности широкому кругу пользователей сети. Источником показаний может быть личная осведомленность или документация, которая автоматически генерируется программным обеспечением сервера [2, с. 107–113] и показывает, как долго информация была размещена, находится ли она там в данный момент, публиковал ли владелец сайта исследуемый документ полностью или частично в других местах, переразмещался ли документ другими лицами, которые указывали в качестве источника информации исследуемый сайт.

Возникает вопрос: может ли распечатка или скан страницы из Интернета, на которой размещен какой-либо документ, быть допущена в качестве письменного доказательства учитывается, что она не отвечает требованиям, которые свидетельствуют о ее достоверности? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 помогло разобраться в этом неоднозначном вопросе. В случае представления в качестве доказательства нотариально обеспеченных распечатанных страниц, содержащих документы, размещенные в сети Интернет, суд проводит подробный осмотр этих страниц. Оценивая доказательства, суд не вправе признавать недопустимым обеспеченное нотариусом доказательство, только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети Интернет информацию, относящуюся к предмету спора¹.

В исследовании и промежуточной оценке электронных доказательств при помощи технических средств в зале судебного заседания принимают участие суд

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

и лица, участвующие в деле. Однако в процессе такой оценки могут возникнуть некоторые трудности при непосредственном ознакомлении с электронным доказательством, находящимся на электронном носителе, поэтому представляется, что для разрешения возникающих технических вопросов необходимо предусмотреть участие специалиста, а в случае возникновения сомнения в достоверности таких доказательств — назначение и проведение независимой экспертизы [3].

Достоверность электронного документа означает, что он правильно оформлен, соответствует действительности, фактам, заключенным в его содержании, которые входят в предмет доказывания. Достоверным можно рассматривать только тот документ, у которого известен источник информации (либо его автором является уполномоченный орган) и который подписан управомоченным лицом, имеющим право электронной подписи. Оценивая достоверность доказательства, суд исследует характер обстоятельств, которые составляют предмет доказывания с позиции их точности, правильности отражения сведений, а также источник получения информации путем его сравнения с другими доказательствами при оценке всей совокупности доказательств, имеющихся по делу [4, с. 226].

Отсутствие четких критериев, свидетельствующих о достоверности электронного документа, в гражданском процессуальном законодательстве может повлечь за собой непризнание юридической силы электронного документа. Для разрешения выявленной проблемы целесообразно на законодательном уровне, предусмотреть критерии, свидетельствующие о допустимости электронных доказательств, а именно — соблюдение формы, допускающей хранение и передачу электронного документа, необходимость наличия реквизитов для идентификации и аутентификации документа, порядка собирания доказательства.

В случае возникновения у суда сомнений относительно достоверности представленных электронных документов разрешить эти сомнения помогает сопоставление и исследование дополнительно представленных документов. Так, при направлении в суд электронных образов документов суд после возбуждения производства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в праве потребовать представления подлинных доказательств. Такая необходимость, как правило, возникает, если обстоятельства в соответствии с законодательством могут быть подтверждены только подлинными документами (например, расписки заемщика) либо в материалах дела имеются несколько различного содержания копий одного и того же документа, либо имеются иные сомнения в достоверности электронного документа.

Окончательный вывод относительно того, достоверен электронный документ или нет, формируется у суда на этапе проведения оценки всех доказательств по делу, но никак не в ходе представления документов в качестве доказательств. В связи с этим оценивание достоверности источника электронного документа, способа его выполнения и содержащейся в нем информации должно проводиться путем сопоставления с имеющимися доказательствами, поскольку проведение оценки достоверности одного документа обособленно от других не может привести к верному выводу о его достоверности. Следовательно, можно заключить, что положение ч. 1 ст. 71 ГПК РФ в котором отмечается, что достоверность документа выступает условием допустимости его, как письменного доказательства противоречит сделанному выводу. Поэтому целесообразно внести изменение в ч. 1 ст. 71 ГПК РФ, исключив из ее содержания положение «позволяющим установить достоверность документа».

Несмотря на существующие сложности в использовании электронных документов, начинает постепенно формироваться судебная практика, в процессе которой суд и стороны исследуют и оценивают юридическую силу электронных документов, подписанных электронной подписью. Электронный документ (его образ) может дополнять, но не заменять письменную форму документа, поэтому в судах все поступившие электронные документы облачаются в письменную форму. Особенно способ представления доказательств в суд в электронном виде оказался востребован в период карантина и самоизоляции в связи с пандемией COVID-19, когда личное представление доказательств сторонами оказалось невозможно.

Библиографический список

1. *Ворожбит С.П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 25 с.
2. *Ворожбит С.П.* Интернет как источник доказательств по гражданским делам // Закон. 2008. № 1. С. 107–113.
3. *Погуляев В.В.* Правонарушения в сети Интернет // ЭЖ-Юрист. 2004. № 12.
4. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2004. 448 с.

References

1. *Vorozhbit C.P.* Electronic Means of Proof in Civil and Arbitration Proceedings: extended abstract. diss. ... cand. of law. SPg., 2011. 25 p.
2. *Vorozhbit C.P.* The Internet as a Source of Evidence in Civil Cases // Law. 2008. No. 1. P. 107–113.
3. *Pogulyaev V.V.* Offenses on the Internet // EZH-Yurist. 2004. No. 12.
4. Civil Procedure: textbook / ed. by V.V. Yarkov. Moscow: Wolters Kluver, 2004. 448 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-162-166

УДК 347.91

Г.И. Вершинина

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Введение: судебная защита прав, свобод и законных интересов признается во всем мире наиболее эффективным элементом государственно-правового механизма их обеспечения. Право на апелляционное обжалование решения суда можно рассматривать как дополнительную гарантию права на защиту. Глава 39 Гражданского процессуального кодекса РФ регулирует производство по гражданским делам в суде апелляционной инстанции. Однако содержание некоторых положений норм законодательства изложены законодателем недостаточно четко, что позволяет трактовать их неоднозначно и может привести к неправильному их применению. К сожалению, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» не до конца разрешило вопросы, вызывающие сложности в практике применения законодательных положений. **Цель:** исследование отдельных норм законодательства, регулирующих пересмотр гражданского дела в суде апелляционной инстанции. **Методологическая основа:** совокупность методов общенаучного и частнонаучного познания — среди которых методы формально-логического, системного анализа, синтеза и сравнительно-правового метода. **Результаты:** проанализированы отдельные аспекты законодательного регулирования производства по гражданским делам в суде апелляционной инстанции, а также разъяснения Верховного Суда РФ, данные в Постановлении Пленума от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». **Выводы:** отдельные положения законодательства, регулирующего производство по гражданским делам в суде апелляционной инстанции, сформулированы нечетко и недостаточно полно, что приводит к сложностям в практике их применения, и соответственно требует законодательного уточнения.

Ключевые слова: суд общей юрисдикции, суд первой инстанции, апелляционная инстанция, Верховный Суд РФ, лица, участвующие в деле.

G.I. Vershinina

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEAL

Background: Judicial protection of rights, freedoms and legitimate interests is recognized worldwide as the most effective element of the state-legal mechanism for its provision. The right to appeal against a court decision can be considered as an

© Вершинина Галина Ильинична, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vgala11@mail.ru

© Vershinina Galina Ilyinichna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Civil procedure (Saratov State Law Academy)

additional guarantee of the right to defense. Chapter 39 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation regulates civil proceedings in the court of appeal. However, the content of some provisions of the legislation is not clearly stated by the legislator, which allows them to be interpreted ambiguously and may lead to incorrect application. Unfortunately, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/22/2021 No. 16 “On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal” did not fully resolve the issues causing difficulties in the practice of applying legislative provisions. Objective: to study individual norms of legislation regulating the review of a civil case in the court of appeal. Methodology: it is a set of methods of general scientific private scientific cognition, including methods of formal logical, system analysis, synthesis and comparative legal method. Results: some aspects of the legislative regulation of civil proceedings in the court of appeal are analyzed, as well as explanations of the Supreme Court of the Russian Federation given in the Resolution of the Plenum of 22.06.2021 No. 16 “On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal”. Conclusions: certain provisions of the legislation regulating civil proceedings in the court of appeal are formulated vaguely and insufficiently fully, which leads to difficulties in the practice of their application, and, accordingly, requires legislative clarification.

Key-words: *the court of general jurisdiction, the court of first instance, the court of appeal, the Supreme Court of the Russian Federation, the persons involved in the case.*

Решение суда должно быть законным и обоснованным. Однако чтобы судья вынес такое решение, нормы закона должны быть сформулированы четко, по возможности лаконично и не оставлять двояких толкований при их применении.

Нормы, регулирующие апелляционное производство по гражданским делам, вступили в действие с началом работы апелляционных судов общей юрисдикции с 1 октября 2019 г.¹

Как справедливо отмечает Д.Б. Данилов, эффективность процессуальной реформы будет зависеть от множества факторов ее реализации [1, с. 113]. В качестве одного из таких факторов можно выделить четкое формулирование нормы закона. К сожалению, содержание отдельных норм новой редакции Гражданского процессуального кодекса РФ порождает много вопросов как у теоретиков, так и у практиков.

В соответствии с ч. 1 ст. 326.2 ГПК РФ по ходатайству лиц, участвующих в деле, суд апелляционной инстанции вправе приостановить исполнение судебных актов, принятых судом первой инстанции, при условии если заявитель обосновал невозможность или затруднительность поворота исполнения. Сразу возникает вопрос: почему судебное постановление, не вступившее в законную силу, уже исполняется? Если речь идет о случаях приведения решений по основаниям ст. 211–212 ГПК РФ, а также определений, вынесенных на основании ч. 1 ст. 142, ч. 11 ст. 153.10 к немедленному исполнению, либо решение вступило в законную силу и уже исполняется, однако лицу, участвующему в деле, пропустившему срок обжалования по уважительной причине, был восстановлен срок на подачу

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2021) (далее — ГПК РФ).

апелляционной жалобы, то, полагаем, что следовало бы конкретизировать ч. 1 ст. 326.2 ГПК РФ, изложив в редакции: «Суд апелляционной инстанции по ходатайству лиц, участвующих в деле, вправе приостановить исполнение судебных актов, принятых и приведенных к немедленному исполнению судом первой инстанции, или в иных, установленных законом случаях при условии, если заявитель обосновал невозможность или затруднительность поворота исполнения».

К особенностям рассмотрения дела судом апелляционной инстанции можно отнести правила, предусмотренные ч. 6 ст. 327 ГПК РФ, в т.ч. относительно невозможности изменения истцом размера исковых требований. Следует ли из этого, что истец не вправе уменьшить размер исковых требований? С одной стороны, законодатель достаточно четко указывает на невозможность изменения размера требований как в большую, так и в меньшую сторону. Но, с другой стороны, уменьшение исковых требований не ухудшает положения ответчика, который, возможно, в апелляционной инстанции признает требования истца, что не противоречит положениям ч. 1 ст. 326.1 ГПК РФ, в соответствии с которой ответчик вправе признать исковые требования. Однако ограничения изменения исковых требований ставит ответчика перед выбором: либо признать полностью исковые требования, либо не признавать их в полном объеме. Полагаем, что в данном случае требуется корректировка ч. 6 ст. 327.6 ГПК РФ.

Вызывает вопрос и недоумение содержание ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, а точнее шестого основания к отмене судебного решения. Формулировку основания можно трактовать неоднозначно. То есть фраза после запятой «в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания» позволяет сделать предположение, что, если отсутствует письменный протокол судебного заседания, но есть аудио- или видеозапись судебного заседания, то решение не подлежит отмене. Если законодатель имел в виду, что отсутствие любого из указанных «письменного протокола» и «аудио- или видеозапись судебного заседания» влечет за собой отмену судебного решения, то редакция этого основания должна быть более четкой. Например: «отсутствие в деле протокола судебного заседания в письменной форме или подписание его не теми лицами, которые указаны в ст. 230 настоящего Кодекса, а также отсутствие аудио- или видеозаписи судебного заседания». Ранее действовавшая редакция в качестве безусловного основания к отмене судебного решения предусматривала только отсутствие в деле протокола судебного заседания. С учетом введения обязательной аудиовидеозаписи требовалось изменение законодательства, что и было сделано. Следует признать, что наличие протокола судебного заседания в письменной форме позволяет суду апелляционной инстанции контролировать законность процессуальных действий суда первой инстанции, а в случае их нарушения принимать решение либо об изменении судебного акта, либо о его отмене, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. Аудиовидеозапись отражает более полную картину судебного заседания по сравнению с протоколом судебного заседания, поскольку участники судопроизводства сообщают суду не только сведения, имеющие отношение к делу, но и информацию, которая не относится к делу. Соответственно в протоколе судебного заседания фиксируется только информация, имеющая значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Кроме того, дословной расшифровки аудиовидеозаписи судебного заседания от секретаря судебного заседания (помощника судьи) не требуется. Таким образом, с учетом сказанного выше, можно предположить следующее: если в

деле отсутствуют и письменный протокол и аудиовидеозапись, то это приведет к отмене судебного решения, а если отсутствует письменный протокол, то отмены решения по этому основанию не будет. По нашему мнению, в этом случае суд апелляционной инстанции должен вынести частное определение в адрес суда первой инстанции о несоблюдении норм процессуального законодательства [2, с. 296–297].

Верховный Суд РФ в своем Постановлении дал разъяснения судьям как применять нормы гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции¹. Некоторые разъяснения также вызывают вопросы. Так, в абз. 2 п. 44 со ссылкой на положения ст. 224, 225 ГПК РФ указывается, что определение о принятии дополнительных (новых) доказательств может быть постановлено как в совещательной комнате, так и без удаления в совещательную комнату путем занесения такого определения в протокол судебного заседания. Полагаем, что необходимо более конкретно разъяснить, в каких случаях определение выносится на месте, а в каких — в совещательной комнате. Гражданская процессуальная форма должна быть единой для всех судей и не допускать усмотрения в аналогичных ситуациях. Например, если все лица, участвующие в деле, не возражают против привлечения дополнительных (новых) доказательств, определение выносится без удаления в совещательную комнату, в иных случаях — в совещательной комнате.

Согласно ч. 4.1. ст. 198 ГПК РФ, «в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения суда может быть указано только на признание иска и принятие его судом. В случае отказа в иске в связи с истечением срока исковой давности или признанием неуважительными причин пропуска срока обращения в суд в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств». В этой связи не совсем понятно разъяснение, данное в абз. 2 п. 53 названного Постановления. Какие именно иные фактические обстоятельства должен исследовать и устанавливать суд первой инстанции, если ч. 4.1 достаточно конкретно указывает на то, что суд в мотивировочной части решения может указать только факт признания иска ответчиком и факт принятия его судом. Аналогична и ситуация в случае пропуска без уважительных причин срока исковой давности и срока обращения в суд. То есть, если буквально толковать норму, не требуется установления иных фактических обстоятельств. В абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ закреплено, что истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске². Возможно, Верховный Суд РФ вкладывал иной смысл в подобное разъяснение, в таком случае думается, что было бы целесообразно дать более конкретные рекомендации. В противном случае возникает правовая неопределенность в применении норм ГПК РФ, ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что регулирование и регламентирование производства в суде апелляционной инстанции нуждается в дальнейшем совершенствовании.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. 2 июля.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 27, ч. I, ст. 5053.

Библиографический список

1. *Данилов Д.Б.* Процессуальная реформа в России: спорные вопросы и реализация: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. С. 110–113.

2. *Вершинина Г.И.* Анализ отдельных положений законодательства, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции. Курск: Изд-во Юго-Западного государственного ун-та. 2020. С. 295–297.

References

1. *Danilov D.B.* Procedural Reform in Russia: Controversial Issues and Implementation: collection of articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor I.M. Zaitsev (Saratov, September 14, 2019) / edited by O.V. Isaenkova: Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2017. P. 110–113.

2. *Vershinina G.I.* Analysis of Certain Provisions of Legislation Regulating Proceedings in the Court of Appeal // Evolution of State and Law: Problems and Prospects: Collection of scientific papers of the 2nd International Scientific Conference. Publisher: Southwest State University (Kursk). 2020. P. 295–297.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-167-174

УДК 347.9

Н.Н. Ткачева

КЛАССИФИКАЦИЯ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: изучение вопроса гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве невозможно без классификации соответствующих гарантий, обеспечивающих получение субъектами гражданских правоотношений судебной защиты в случае возникновения спора. **Цель:** изучить правовые и общие гарантии, отдельно остановившись на исследовании правовых гарантий, закрепленных в нормах права, провести классификацию гарантий защиты в исковом производстве исходя из деления гарантий на всеобщие (конституционные) и отраслевые, уделяя особое внимание процессуальным гарантиям, характеризующимся спецификой искового производства. **Методологическая основа:** диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** проведена классификация гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве на следующие виды: основные гарантии; промежуточные гарантии. **Выводы:** многофункциональность гарантий как меры обеспечения защиты прав и интересов в исковом производстве позволяет считать их универсальным и эффективным правовым инструментом.

Ключевые слова: судебная защита, исковое производство, гарантии, классификация.

N.N. Tkacheva

CLASSIFICATION OF GUARANTEES OF RIGHTS AND INTERESTS PROTECTION IN THE CLAIM PROCEEDINGS

Background: it is impossible to study the issue of guarantees of protection of rights and interests in the claim proceedings without classifying the corresponding guarantees that ensure that the subjects of civil legal relations receive judicial protection in the event of a dispute. **Objective:** to study legal and general guarantees, to focus separately on the study of legal guarantees enshrined in the norms of law, to classify the guarantees of protection in the claim proceedings based on the division of guarantees into general (constitutional) guarantees and industry guarantees, paying special attention to procedural guarantees characterized by the specifics of the claim proceedings. **Methodologys:** dialectical, formal-legal, comparative-legal methods are used in the research. **Results:** the classification of guarantees for the protection of rights and interests in the claim proceedings into the following types is carried out: basic guarantees; intermediate guarantees. **Conclusions:** the multifunctionality of guarantees as a measure to ensure the protection of rights and interests in claim proceedings allows us to consider them a universal and effective legal instrument.

Key-words: judicial protection, claim proceedings, guarantees, classification.

© Ткачева Наталья Николаевна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nntkachewa@yandex.ru

© Tkacheva Natalia Nikolaevna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of Civil procedure (Saratov State Law Academy)

Гарантированная Конституцией РФ судебная защита прав и законных интересов различных субъектов правовых отношений представляет собой сложный механизм, функционирование которого, в свою очередь, обеспечивается определенными процессуальными гарантиями, характеризующимися многообразием и регулируемыми порядок рассмотрения гражданского дела в исковом производстве.

В зависимости от способа закрепления можно выделить следующие виды гарантий:

- 1) правовые (юридические) гарантии;
- 2) иные (общие).

Правовые гарантии, как правило, закреплены в законе, в нормах права и позволяют субъектам правоотношений нести установленные законом обязанности, а также распоряжаться предоставленными правами [1, с. 34]. М.И. Байтин относил к основным характеристикам правовых гарантий механизм их реализации, юридическую стабильность, круг субъектов, ответственность за их нарушение [2, с. 346].

В зависимости от содержания прав и свобод граждан, способов их обеспечения и форм реализации гарантии дифференцируются на политические, экономические, юридические и идеологические [3, с. 98].

Правовым гарантиям свойственно законодательное закрепление, что является основным отличием, позволяющим отграничить правовые гарантии от иных (неправовых). При исследовании вопроса о классификации гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве особый интерес представляют гарантии, закрепленные в нормативных правовых актах.

Ведущим критерием разграничения гарантий на виды выступают общественные отношения. В зависимости от предмета (который выступает критерием деления права на отрасли) выделяется самостоятельная отрасль права [4, с. 267]. Отметим, что вопрос о разграничении отраслей права и критериев их классификации является в науке дискуссионным, поэтому представляется возможным поддержать позицию отдельных ученых о выделении предмета правового регулирования в качестве критерия разграничения отраслей права [5, с. 443; 7 с. 19–20] и дифференцировать все гарантии на всеобщие (конституционные) и отраслевые.

Конституционно-правовые гарантии закреплены в Конституции РФ, и это позволяет отнести их к всеобщим гарантиям прав человека и гражданина, поскольку они обеспечивают реализацию наиболее существенных и важных прав и свобод человека и гражданина [6, с. 33].

В Конституции РФ закреплены основные права человека и гражданина, реализация которых осуществляется через правовые институты. Но гарантировать права не значит автоматически их реализовать, в связи с чем Основным Законом были предусмотрены гарантии их защиты в случае их нарушения или препятствия их реализации. Так, в ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита прав и свобод.

В отличие от конституционных, отраслевые гарантии представлены непосредственно в соответствующих отраслях права (уголовном, гражданском процессуальном, экологическом праве и т.д.). Здесь их можно классифицировать в зависимости от способов защиты нарушенных или оспариваемых прав следующим образом:

- материальные;

процессуальные.

Материальные гарантии широко представлены в виде нормативно закрепленных презумпций, т.е. достоверных предположений о существовании или отсутствии юридических фактов, которые в процессе осуществления права доказываются либо опровергаются [7, с. 511] (например, презумпция авторства (ст. 1257 ГК РФ), презумпция отцовства (ст. 48 СК РФ) и т.д.). Презумпции призваны охранять права и интересы субъектов, а также защищать их. Закрепленная в законе презумпция отцовства, защищает и охраняет права двух субъектов: ребенка и его матери (в случае смерти отца ребенка ему гарантируется вступление в наследство в качестве наследника первой очереди), а мать ребенка, при расторжении брака с отцом вправе получать алименты на содержание. Оспаривание презумпции возможно только в судебном порядке¹.

Процессуальные гарантии обеспечивают реализацию права на судебную защиту и играют важную роль в деятельности судов [8, с. 6–9].

В своей работе о сущности и системном понимании процессуальных гарантий в исполнительном производстве Д.Х. Валеев указал, что процессуальные гарантии представляют собой часть более общего понятия юридических (правовых) гарантий. Поскольку процессуальные гарантии, по мнению ученого, трудно обозначить одним термином. Будучи правовым механизмом, процессуальные гарантии представляют собой совокупность законных средств и способов, с помощью которых осуществляется достижение целей и задач [9, с. 49–50].

С.Ж. Соловых относит к процессуальным гарантиям также средства и способы, закрепленные в процессуальном законодательстве, обеспечивающие условия для реализации сторонами субъективных процессуальных прав, а также баланс интересов участников процесса и правосудия [10, с. 19].

В науке гражданского процессуального права к гражданским процессуальным гарантиям относят закрепленные в нормах гражданского процессуального права средства, призванные обеспечивать на всех стадиях процесса беспрепятственные условия для реализации принадлежащих лицам, участвующим в деле, их процессуальных прав [11, с. 11].

И.А. Хасаншин относит к процессуальным гарантиям в стадии подготовки дела к судебному разбирательству все действия суда, указывая на то, что процессуальные действия на данной стадии образуют систему, которую можно рассматривать как процессуальные гарантии [12, с. 6–9].

Судебная защита нарушенных или оспариваемых прав может быть осуществлена только при реализации принципов гражданского судопроизводства, таких как состязательность и диспозитивность, т.е. когда создаются условия, не препятствующие реализации субъектами гражданских процессуальных правоотношений принадлежащих им прав. Обеспечительная черта гарантий обусловлена процессуальными нормами, которые в силу конституционных и отраслевых принципов способствуют выполнению задач правосудия. Многофункциональность гарантий как меры обеспечения защиты прав и интересов в исковом производстве позволяет считать их универсальным и эффективным правовым инструментом [13, с. 105].

¹ См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 17 июля 2014 г. по делу № 33-4090/2014 // Архив Кировского районного суда г. Саратова. 2014.

Учитывая конституционное право на судебную защиту, доктринальные классификации гарантий, положения процессуального законодательства, хотелось бы предложить следующую классификацию гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве на: основные и промежуточные.

К основным гарантиям судебной защиты относятся:

- 1) реализация права на обращение в суд в порядке искового производства;
- 2) вынесение законного и обоснованного решения;
- 3) исполнение судебных актов, вынесенных в порядке искового производства.

Представленные гарантии должны оцениваться и рассматриваться исключительно в совокупности и именно в определенной последовательности. Судебная защита, гарантированная Конституцией РФ, может быть реализована только путем исполнений всех вышеуказанных: а существование гарантии отдельно от другой утрачивает заложенный в нее законодателем смысл. Невозможно получить судебное решение без реализации права на обращение в суд в порядке искового производства, а без исполнения судебного решения (вне зависимости от вида исков) невозможно говорить о достижении конечного результата и полном восстановлении нарушенного права или пресечении условий, создающих угрозу нарушения права.

Таким образом, выделенные основные гарантии судебной защиты в исковом производстве, в свою очередь обеспечиваются (гарантируются) другими гарантиями, направленными на достижение промежуточных целей в рамках осуществления гражданского судопроизводства.

А.А. Исаенков считает, что любой институт гражданского процессуального права гарантирует выполнение задач гражданского судопроизводства, установленных ст. 2 ГПК РФ [14, с. 32–33], а гарантией правосудной деятельности всей судебной системы в Российской Федерации, по мнению Е.В. Кудрявцевой, является правоприменительный акт, т.е. судебное решение [15, с. 14]. В.И. Каминская, в свою очередь, относит каждую из стадий искового производства к самостоятельной гарантии, а процессуальное право определяет как совокупность правовых гарантий [16, с. 167].

Правосудие как гарантированный Конституцией РФ способ защиты нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса, бесспорно, включает в себя процессуальные институты в качестве гарантии реализации задач правосудия, к которым относятся:

- 1) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений;
- 2) укрепление законности и правопорядка;
- 3) предупреждение правонарушений;
- 4) формирование уважительного отношения к закону и суду;
- 5) мирное урегулирование споров.

Основные гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве обеспечиваются промежуточными гарантиями. Взаимное обеспечение промежуточных гарантий обусловлено достижением единой цели — получения судебной защиты, гарантированной Конституцией РФ. Нормативно-правовое закрепление субъективных процессуальных прав С.Ж. Соловых связывает с конкретизацией права

на судебную защиту. Именно факт четкого и ясного закрепления субъективного процессуального права, последовательность его реализации является одним из средств, с помощью которого обеспечиваются данные права и соответственно право на судебную защиту [10, с. 160].

Система процессуальных гарантий неразрывно связана с процессуальной формой, которая определяет порядок, условия и способы совершения тех или иных действий при отправлении правосудия. Условия и предпосылки реализации прав образуют систему гарантий. Так, для реализации права на обращение в суд в первую очередь необходимо (составить исковое заявление в порядке ст. 131 и 132 ГПК РФ). Кроме того, лицо должно обладать правоспособностью и дееспособностью. Соответствие субъекта указанным требованиям, а также соответствие его искового заявления требованиям закона гарантирует принятие искового заявления к производству суда.

Реализация права на обращение в суд в порядке искового производства как одна из гарантий реализации права на судебную защиту обеспечивается промежуточными гарантиями, такими как: отказ и возвращение исковых заявлений; принятие искового заявления и возбуждение искового производства.

Вынесение законного и обоснованного решения в исковом производстве достигается через реализацию общих и специальных гарантий.

Общие гарантии, применяемые судом в любом случае независимо от волеизъявления сторон, а также иных лиц, участвующих в деле, от сложности дела и его категории (жилищные, семейные, экологические и т.д.), распространяются на всех участников дела в силу того, что обеспечивают соблюдение процессуального порядка рассмотрения гражданского дела и создают законные, объективные условия для рассмотрения и разрешения спора.

К общим гарантиям можно отнести следующие: рассмотрение гражданских дел судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ; открытость и правовую фиксацию правосудия в исковом производстве, обеспечивающие соблюдение процессуального порядка рассмотрения гражданского дела которые достигаются путем ведения обязательной аудиозаписи судебного заседания, размещения в открытом доступе судебных постановлений; неотвратимость гражданской процессуальной ответственности при совершении противоправных действий участниками процесса, а также невыполнении процессуальных обязанностей и др.

Безусловно, реализация конституционного права на судебную защиту представляет собой сложную конструкцию взаимосвязанных правовых норм и институтов. Именно через реализацию принадлежащих истцу или ответчику процессуальных прав осуществляются принципы диспозитивности и состязательности, т.е. достигается цель правосудия.

Специальные гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве образуют собой группу гарантий, реализация которых возможна исключительно при волеизъявлении заинтересованной стороны.

К специальным относятся гарантии, обеспечивающие реализацию процессуальных прав, принадлежащих лицам, участвующим в деле, а именно: право на получение квалифицированной юридической помощи, которое реализуется с помощью участия представителя (договорное представительство, представительство по назначению суда); право на защиту против предъявленных требований

путем предъявления встречного иска; право требования составления мотивированного решения, вынесенного мировым судьей, и др.

Специальные гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве, в свою очередь, можно разделить на две группы: традиционные гарантии и современные гарантии.

Традиционные гарантии представляют собой институты гражданского процессуального права, устоявшиеся как в процессуальных нормах, так и в науке гражданского процессуального права на протяжении не одного десятилетия.

К традиционным специальным гарантиям относятся: встречный иск (ст. 81 ГПК РСФСР 1923 г., ст. 131–132 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 137–138 ГПК РФ 2002 г.); обеспечение иска (гл. IX ГПК РСФСР 1923 г., гл. 13 ГПК РСФСР 1964 г., гл. 13 ГПК РФ 2002 г.); обеспечение доказательств (гл. XIV ГПК РСФСР 1923 г., ст. 57–59 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 64–66 ГПК РФ 2002 г.) и др.

Современные специальные гарантии — это институты гражданского процессуального права, появившиеся относительно недавно в результате реформирования процессуального законодательства, направленные на повышение эффективности отправления правосудия, а также обеспечение гарантий прав и интересов участвующих в деле лиц.

К современным специальным гарантиям можно отнести: участие представителя с высшим юридическим образованием в исковом производстве; требование составления мотивировочной части судебного решения, принятого мировым судьей.

Исполнение судебных актов, вынесенных в порядке искового производства, гарантируется принятием обеспечительных мер до и после вынесения судебного решения.

Таким образом, проведя классификацию гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве мы приходим к выводу, что они образуют единую, сложную систему, т.е. нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, элементов, направленных на достижение основной цели — судебной защиты прав граждан и организаций путем достижения промежуточных целей в рамках рассмотрения гражданского дела в исковом производстве.

Правовые отношения граждан и организаций находятся в постоянном развитии и при возникновении споров требуют цивилизованного способа их урегулирования, в связи с чем вопросы судебной защиты никогда не потеряют своей актуальности.

Библиографический список

1. *Куцова Э.Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М.: Юридическая литература, 1973. 260 с.
2. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Издательский дом «Право и государство» 2005. 554 с.
3. *Захаров В.И.* Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. 23 с.
4. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2001. 520 с.
5. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: Зерцало-М, 2001. 623 с.

6. *Гончаров В.В.* Дополнительные (факультативные) конституционно-правовые гарантии реализации права граждан России на осуществление общественного контроля: конституционно-правовой анализ // *Юридический вестник Дагестанского государственного ун-та.* 2019. Т. 30. № 2. С. 32–39.

7. *Оскамытный В.В.* Общая теория государства и права. М.: Юнити-Дана, 2012. 511 с.

8. *Вершинин В.В., Молева Г.В.* Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // *Российская юстиция.* 2015. № 9. С. 6–9.

9. *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 474 с.

10. *Соловых С.Ж.* Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. 481 с.

11. *Захаров В.И.* Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. 182 с.

12. *Хасаншин И.А.* Процессуальные гарантии реализации и защиты прав участников арбитражного процесса в стадии судебного разбирательства // *Вестник гражданского процесса.* 2014. № 2. С. 72–100.

13. *Ткачева Н.Н.* Виды гарантий в исковом производстве: доктринальный подход // *Юридический вестник Самарского ун-та.* 2021. Т. 7. № 1. С. 102–108.

14. *Исаенков А.А.* Иммуниеты в гражданском процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 195 с.

15. *Кудрявцева Е.В.* Судебное решение в английском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 34 с.

16. *Каминская В.И.* Гарантии законности в деятельности суда // *Правовые гарантии законности в СССР / С.Г. Березовская, В.И. Каминская, М.П. Лебедев, В.М. Савицкий и др.; под ред. М.С. Строговича.* М.: Изд-во АН СССР, 1962. 457 с.

References

1. *Kutsova E.F.* Guarantees of Individual Rights in the Soviet Criminal Process (Subject, Purpose, Content). Moscow: Legal literature, 1973. 260 p.

2. *Baitin M.I.* The Essence of Law (Modern Normative Law-Understanding on the Verge of Two Centuries). 2nd ed., add. M.: Publishing House "Law and State" 2005. 554 p.

3. *Zacharov V.I.* Civil Procedural Guarantees of Subjective Rights of Parties and Third Parties in the Consideration and Resolution of civil Cases: extended abstract. of dis. ... cand. of law. Saratov, 1980. 23 p.

4. *Kerimov D.A.* Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law). 2nd ed. Moscow: Publishing House of the Modern Humanitarian University, 2001. 520 p.

5. *Marchenko M.N.* Theory of State and Law. M.: Zertsalo-M, 2001. 623 p.

6. *Goncharov V.V.* Additional (Optional) Constitutional and Legal Guarantees for the Realization of the Right of Russian Citizens to Exercise Public Control: Constitutional and Legal Analysis // *Legal Bulletin of the Dagestan State University.* 2019. Vol. 30. No. 2. P. 32–39.

7. *Oskamytny V.V.* General Theory of State and Law. Moscow: Unity-Dana, 2012. 511 p.

8. *Vershinin V.B., Moleva G.V.* Procedural Guarantees of Judicial Protection // *Russian Justice.* 2015. No. 9. P. 6–9.

9. *Valeev D.H.* The System of Procedural Guarantees of the Rights of Citizens and Organizations in Enforcement Proceedings: dis. ... doc. of law. Ekate-rinburg, 2009. 474 p.

10. *Solovykh S.Zh.* Procedural and Legal Mechanism of Ensuring the Rights of the Parties in the Arbitration Court of the First Instance: dis. ...doc. of law. Saratov, 2019. 481 p.

11. *Zakharov V.I.* Civil Procedural Guarantees of Subjective Rights of Parties and Third Parties in the Consideration and Resolution of Civil Cases: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 1980. 182 p.
12. *Khasanshin I.A.* Procedural Guarantees for the Implementation and Protection of the Rights of Participants in the Arbitration Process at the Stage of Judicial review // Bulletin of Civil Procedure. 2014. No. 2. P. 72–100.
13. *Thacheva N.N.* Types of Guarantees in Claim Proceedings: a Doctoral Approach // Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 102–108.
14. *Isaenkov A.A.* Immunities in the Civil Procedural Law of Russia: dis. ... cand. of law. Saratov, 2016. 195 p.
15. *Kudryavtseva E.V.* Judicial Decision in English Civil Procedure: extended abstract. of dis. ... cand. of law. M., 1986. 34 p.
16. *Kaminskaya V.I.* Guarantees of Legality in the Activities of the Court // Legal Guarantees of Legality in the USSR / S.G. Berezovskaya, V.I. Kaminskaya, M.P. Lebedev, V.M. Savitsky, etc.; edited by M.S. Strogovich. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 457 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-175-182

УДК 343.231

Е.В. Благов

О ПОНЯТИИ ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: нормативное определение оконченного преступления не соответствует понятиям ни преступления, ни неоконченного преступления, и влечет вывод, что только на него распространяется основание уголовной ответственности. **Цель:** определить признаки, позволяющие безоговорочно отличить оконченное преступление от неоконченного, на этой основе сформулировать дефиницию оконченного преступления. **Методологическая основа:** диалектика как всеобщий метод познания в совокупности с частнонаучными методами, среди которых преобладают методы анализа и синтеза, а так же логический, семантический, системный. **Результаты:** аргументирована позиция относительно выделения таких признаков неоконченного преступления, как совершенное общественно опасное деяние, доведение его до конца, полная предусмотренность признаками состава преступления, установленного Особенной частью Уголовного кодекса РФ, прямой умысел. **Выводы:** оконченным преступлением следует считать совершенное с прямым умыслом и доведенное до конца общественно опасное деяние, полностью предусмотренное признаками состава преступления, установленного Особенной частью Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: преступление, понятие, оконченное преступление, деяние, состав преступления, доведение преступления до конца, цель, желание.

E. V. Blagov

ON THE CONCEPT OF A COMPLETED CRIME

Background: the normative definition of a completed crime does not correspond to the concepts of either a crime or an unfinished crime and leads to the conclusion that only the basis of criminal liability applies to it. **Objective:** to search for signs that allow us to unconditionally distinguish a completed crime from an unfinished one, on the basis of which to formulate the definition of a completed crime. **Methodology:** dialectics as a universal method of cognition in combination with private scientific methods, among which methods of analysis and synthesis, logical, semantic, and system methods prevail. **Results:** the position is reasoned regarding the identification of such signs of an unfinished crime as a socially dangerous act committed, bringing it to the end, full

© Благов Евгений Владимирович, 2021

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); e-mail: blagov@uniyar.ac.ru

© Blagov Evgeny Vladimirovich, 2021

Doctor of law, Professor, Criminal law and criminology department (Yaroslavl State University named after P.G. Demidov)

provision for the signs of the corpus delicti established by the Special part of the Criminal Code, direct intent. Conclusions: a completed crime should be considered a socially dangerous act committed with direct intent and brought to an end, fully provided for by the signs of the corpus delicti established by the Special Part of the Criminal Code

Key-words: *crime, concept, completed crime, act, corpus delicti, bringing the crime to an end, goal, desire.*

Дефиниция оконченного преступления сформулирована в ч. 1 ст. 29 УК РФ. Причем она получила одобрение, ибо в ней якобы точно отражается суть оконченного преступления, которая «заключается в том, что сам закон, описывая в диспозиции вид преступления, указывает на границы преступного деяния, в том числе — на момент его окончания»; «этого должно быть достаточно для определения оконченного преступления» [1, с. 131].

Однако на самом деле легальное признание оконченного преступления безупречным назвать сложно. Первое, что бросается глаза: в ч. 1 ст. 29 УК РФ произведено атипичное раскрытие уголовно-правового феномена. В Уголовном кодексе обычно сначала называется определяемое понятие, а затем приводятся его признаки.

В случае с оконченным преступлением дефиниция начинается особо, т.е. со слов «преступление признается оконченным», и после союза «если» указывается на условия признания. Вряд ли подобный подход можно назвать иначе чем непоследовательностью в изложении нормативного материала, нарушающем правила законодательной техники. Во всяком случае правотворцу ничего не мешало использовать обычный прием и зафиксировать, что оконченным преступлением признается совершенное лицом деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

Вместе с тем и в изложенном в ч. 1 ст. 29 УК РФ варианте, и в перефразированном нетрудно заметить две группы признаков, характеризующих понятие оконченного преступления: родовой и видовые. Первым признаком является деяние, последними признаками выступают: а) совершенное; б) лицом; в) содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

Родовой признак дефиниции оконченного преступления — деяние — вероятно, призван отнести оконченное преступление к видам преступления. И с точки зрения логики возражать такому решению не приходится. Проблема заключается в его реализации.

В ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается не деяние, а общественно опасное деяние. Разница существенная, ибо закон определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

Более того, через родовой признак понятия преступления подчеркнута отличие последнего от деяний, не обладающих общественной опасностью, что подтверждено уже в ч. 2 ст. 14 УК РФ. При буквальном же толковании родового признака понятия оконченного преступления можно предположить, что таковым допустимо признать и не общественно опасное деяние. Причем в литературе уже обращено внимание на то, что «по ч. 1 ст. 29 УК установление фактов оконченного преступления не зависит от наличия или отсутствия в соответствующих деяниях

общественной опасности» [2, с. 235]. В то же время системное толкование закона ограничивает признак деяния только общественно опасной его разновидностью.

Видовые признаки любой дефиниции призваны отразить специфику определяемого объекта. Первый же видовой признак дефиниции оконченного преступления — совершенное — повторяет аналогичный признак понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Он означает, что, пока деяние существует лишь в голове человека, оно уголовным законодательством ни преступлением, ни оконченным преступлением не признается.

Второй видовой признак дефиниции оконченного преступления — лицо — ничего не дает для понимания данного преступления. С одной стороны, указание просто на лицо не информативно, ибо в праве, как известно, различаются физические и юридические лица. С другой стороны, то, что речь идет о физическом лице, очевидно, ибо уголовной ответственности подлежит только оно (ст. 19 УК РФ). С третьей стороны, ничего подобного не отражено в понятии преступления, так как совершающий деяние явно не является его признаком. Не случайно при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера подлежат самостоятельному учету как характер и степень общественной опасности преступления, так и личность виновного (ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Нетрудно заметить, что специфику собственно оконченного преступления не подчеркивает ни один из проанализированных его нормативных признаков. Остается уповать на последний из них. Он определен как нахождение, помещение¹ в деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

Между тем начатый рассмотрением видовой признак дефиниции оконченного преступления повторяет то, как законодатель раскрывает основание уголовной ответственности в ст. 8 УК РФ. Во-первых, сомнительно, что названное основание имеет отношение исключительно к оконченному преступлению. Ведь имеются еще неоконченные преступления. Не случайно основание уголовной ответственности распространяется на преступления как оконченные, так и на неоконченные [4, с. 285–286].

Изложенное в ч. 1 ст. 29 УК РФ решение создает впечатление, что неоконченные преступления не должны содержать все признаки состава преступления. Подчас так и считается [5, с. 8]. На самом же деле такой вывод сделать нельзя. С помощью состава преступления, прежде всего, определяется, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Тем самым отсутствие какого-либо признака состава преступления означает не наличие неоконченного преступления, а отсутствие преступления.

Вероятно, недоразумения возникают вследствие того, что состав преступления в основном соотносится со статьей Особенной части уголовного законодательства. Однако в диспозициях ее статей «признаки состава преступления... сформулированы как признаки оконченного преступления» [6, с. 175], что вытекает из самого закона.

В ст. 66 УК РФ установлено, что срок или размер наказания за неоконченное преступление зависит от определенных показателей наказания, предусмотренно-

¹Слово «содержаться» в русском языке не имеет отношения к значению слова «содержание» [3, с. 1094, 1093].

го соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление. Отсюда ясно, что статья настоящего Кодекса, предусматривающая ответственность за оконченное преступление, названная в ч. 3 ст. 29, — это статья Особенной части. Таким образом, специфических признаков оконченного преступления в неоконченном абсолютно (при приготовлении к преступлению) или в определенной части (при покушении на преступление) не имеется.

Слабо верится, что оконченное преступление отличается от неоконченного «лишь одним признаком, а именно — наличием общественно опасного последствия» [7, с. 364]. Поскольку при приготовлении как виде неоконченного преступления исключительно создаются лишь условия для совершения преступления, то оно не может содержать ни одного признака оконченного преступления, а при покушении на преступление не могут причиняться именно те последствия, которые установлены в соответствующей статье Особенной части уголовного законодательства.

Вместе с тем все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, необходимы не только для оконченного, но и для любого неоконченного преступления [8, с. 68]. Правда, это уже признаки другого состава, т.е. неоконченного преступления. В соответствии с ч. 3 ст. 29 УК РФ состав неоконченного преступления складывается из всех признаков, отраженных главным образом в ст. 30, но при этом учитываются и признаки, содержащиеся в статьях Особенной части.

Все признаки состава преступления могут образовать оконченное преступление и при фактическом совершении неоконченного. Это возможно при частичной реализации умысла и даже нереализации его.

В п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 6 февраля 2007 г.) разъяснено, что в случаях, когда лицо, совершившее грабеж, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает 250 тысяч рублей либо 1 миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать соответственно по ч. 3 ст. 30 и п. «д» ч. 2 ст. 161 или по п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ как покушение на грабеж, совершенный в крупном или особо крупном размере¹. И хотя умысел реализован лишь частично, с учетом стоимости фактически похищенного имущества деяние содержит все признаки ч. 1 или 2 ст. 161 УК РФ.

Преступления на практике нередко квалифицируются по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части (ее пункту) ст. 105, хотя потерпевшему причинен вред здоровью, например тяжкий (постановление Московского городского суда от 26 марта 2018 г. № 4у-1219/2018²) или легкий (постановление того же суда от 22 мая 2017 г. № 4у-2675/2017³). При этом несмотря на то, что умысел не реализован, с учетом наступивших последствий деяния содержат все признаки соответствующих частей ст. 111 или 115 УК РФ, ибо смерть причиняется через причинение вреда здоровью.

В-третьих, возникает вопрос по поводу того, могут ли все признаки состава преступления содержаться в совершенном (общественно опасном) деянии, если они предусмотрены Уголовным кодексом. Наверное, указанные признаки

¹ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

должны и содержаться в нем. Особенно недвусмысленно это вытекает из ч. 3 ст. 61 и ч. 2 ст. 63 УК РФ, на основании которых смягчающее и отягчающие обстоятельства могут быть предусмотрены соответствующей статьей Особенной части в качестве признака преступления. Тем самым появляется неясность с тем, какова взаимосвязь оконченного преступления и состава преступления. Составом оконченного преступления может быть лишь предусмотрено.

Итак, упование на последний нормативный признак понятия оконченного преступления все-таки не привело к выявлению специфики данного преступления. Следовательно, удачным это понятие считать все-таки нельзя.

Для науки уголовного права несовершенство нормативной дефиниции оконченного преступления не новость. Предпринято ряд попыток усовершенствовать определение [1, с. 131; 9, с. 15; 10, с. 35; 11, с. 68; 12, с. 290], но они отходят от системы действующего уголовно-правового регулирования.

С точки зрения логики понятие оконченного преступления — положительное¹, понятие неоконченного преступления — отрицательное. По идее из каждого из них должно получиться противоположное понятие, если, соответственно, ввести или исключить отрицание. В то же время это возможно осуществить при условии, что и положительное, и отрицательное понятия сформулированы на основе логики.

При преобразовании понятия «оконченное преступление» в «неоконченное» получится, что неоконченное преступление не должно содержать всех признаков состава преступления, а, как отмечалось, таковое исключено. Значит, необходимо попробовать произвести соответствующую логическую операцию с понятием неоконченного преступления.

В отличие от родовидового понятия оконченного преступления, понятие неоконченного преступления в ч. 2 ст. 29 УК РФ является перечислительным. При соответствующей его трансформации можно уяснить только то, что оконченным преступлением не признается приготовление к преступлению и покушение на преступление. Между тем содержательно это ничего не дает.

Однако дело не совсем безнадежно, ибо законодатель сформулировал понятия приготовления к преступлению и покушения на преступление, а их общие признаки, по сути, и должны быть признаками понятия неоконченного преступления. В соответствии с ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ общими признаками приготовления к преступлению и покушения на преступление являются: 1) умысел; 2) лицо; 3) действия (бездействие); 4) недоведение преступления до конца; 5) не зависящие от лица обстоятельства [13, с. 149].

Признаки умысла, лица и действий (бездействия) явно не могут предопределять отграничение оконченного преступления от неоконченного. Умысел как форма вины не способен не присутствовать в составе преступления, который, по терминологии ч. 1 ст. 29 УК РФ, должен содержаться в деянии и при оконченном преступлении. Закон говорит о лице как о том, кто совершает оконченное преступление. Наконец, среди признаков составов преступления повсеместно встречаются действия (бездействие).

¹ В данном случае неуместен сарказм по поводу самого представления «об оконченном преступлении как *положительном* понятии» [1, с. 19]. Такого представления ни у кого нет, ибо положительным является именно понятие оконченного преступления (в противовес отрицательному понятию неоконченного преступления), а не собственно оконченное преступление.

Остаются лишь признаки недоведения преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Из них следует, что оконченным преступлением нельзя не считать преступление, доведенное до конца. Это и есть тот специфический признак, который должен признаваться присущим исключительно оконченному преступлению.

Вопрос заключается в следующем: каким образом определить, доведено преступление до конца или не доведено? Объективный показатель, естественно, один — наличие и полнота всех признаков состава преступления, предусмотренных в Особенной части уголовного законодательства (полная предусмотренность в ней данных признаков).

Так, в приведенном случае с частичной реализацией умысла при грабеже оконченного преступления быть не могло, поскольку содержание умысла воплотилось в действительность не полностью. Умысел был на хищение в крупном или особо крупном размере, а деяние совершено в значительном размере.

А в случаях с нереализацией умысла при убийстве оконченного преступления также быть не могло, так как содержание умысла не воплотилось в действительность. Он был на причинение смерти, а наступили промежуточные результаты в виде причинения вреда здоровью.

Вместе с тем с наличием и полнотой всех признаков состава преступления, предусмотренного в Особенной части Уголовного кодекса, нет проблем только в преступлениях, совершаемых по неосторожности. В соответствии с законом в отношении них встает вопрос: совершено преступление или нет, ибо они не способны быть неоконченными. Поскольку же возможным оконченным преступлениям, совершаемым по неосторожности, не противостоят неоконченные преступления, давать первым название оконченных при недопустимости логической операции «деление понятий» нелепо [11, с. 66].

Иная ситуация с умышленными преступлениями. На основании ст. 30 УК РФ они могут быть неоконченными. Тем самым применительно к ним наличие и полнота всех признаков состава, предусмотренного в Особенной части уголовного законодательства, не могут быть установлены сами по себе. Они такие, как воплотились в действительность, и больше никакие.

Наличие и полнота всех признаков состава умышленного преступления (предусмотренного в Особенной части Уголовного кодекса) могут быть установлены на основании того, что лицо желало получить в качестве результата совершения деяния. Говоря иначе, важен субъективный показатель, которым способна выступать лишь цель совершения преступления.

Цель — это то, к чему стремятся, что нужно осуществить [3, с. 1288]. Совпадение цели совершения преступления и наличия (или полноты) всех признаков состава, предусмотренного в Особенной части уголовного законодательства, это свидетельство совершения оконченного преступления. Несовпадение цели совершения преступления и наличия (или полноты) данных признаков есть свидетельство совершения неоконченного преступления.

По закону цель характеризует преступление только с прямым умыслом. Лишь оно в нормативной формуле имеет признак желания (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Желание же — внутреннее стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь [3, с. 295] немисливо без целеполагания.

Необходимо различать цель как составную часть желания при прямом умысле и как самостоятельный признак субъективной стороны преступления. В первом

случае цель относится исключительно к общественно опасным последствиям, предусмотренным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 25 УК РФ). В последнем случае цель ставится непосредственно перед общественно опасными действиями (бездействием) безотносительно к последствиям (например, во многих статьях Особенной части уголовного законодательства присутствуют цели сбыта — ст. 146, 171.1, 186, 187, 191.1, 228, 234, 234.1, 238, 238.1, 326, 327, 327.1, 327.2 УК РФ).

Таким образом, оконченное преступление возможно лишь с прямым умыслом [9, с. 6], но вопреки иному мнению [14, с. 243] исключено при косвенном умысле и неосторожности, не включающим в себя целеполагания (ч. 3 ст. 25, ст. 26 УК РФ). В то же время прямой умысел в оконченном преступлении предопределяется вовсе не тем, что, как считается [10, с. 30], исключительно с прямым же умыслом совершается антипод оконченного преступления — преступление неоконченное (это формальный подход), а самим существом оконченного преступления, которое просто исключено без целеполагания.

С учетом изложенного под оконченным преступлением следовало бы понимать совершенное с прямым умыслом и доведенное до конца общественно опасное деяние, полностью предусмотренное признаками состава преступления, установленного Особенной частью Уголовного кодекса РФ. При этом понятие оконченного преступления обладает следующими чертами:

признак совершенного общественно опасного деяния связан с понятием преступления и получает специфическую характеристику в признаках прямого умысла, доведения до конца и полной предусмотренности признаками состава преступления, установленного Особенной частью Уголовного кодекса;

признаками совершенного общественно опасного деяния и прямого умысла связано понятие неоконченного преступления (через понятия приготовления к преступлению и покушения на преступление), и отличаются от него признаками доведения до конца и полной предусмотренности признаками состава преступления, установленного Особенной частью Уголовного кодекса.

Библиографический список

1. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 351 с.
2. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. М.: Юрлитинформ, 2017. Т. III. Кн. I. 520 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: АСТ: Мир и Образование, 2016. 1360 с.
4. Энциклопедия уголовного права / изд. Малинина. СПб., 2006. Т. 5. 464 с.
5. Щербаков В.В. Уголовная ответственность, ее основание: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 209 с.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
7. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 1. 624 с.
8. Анисимов А.А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 234 с.
9. Тедеев К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.

10. *Редин М.П.* Преступления по степени их завершенности. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.
11. *Иванчина С.А.* Оконченные преступления. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
12. *Бабий Н.А.* Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2017. 752 с.
13. *Зацепин А.М.* Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. М.: Проспект, 2017. 304 с.
14. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М.: ПРИОР, 1999. 544 с.

References

1. *Kozlov A.P.* The Doctrine of the Stages of Crime. St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 351 p.
2. *Maltsev V.V.* Course of Russian Criminal Law. The general part. In 4 vols. Vol. III. Book I. М.: Yurlitinform, 2017. 520 p.
3. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. 27th ed., ispr. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie, 2016. 1360 p.
4. Encyclopedia of Criminal Law / ed. prof. Malinina. St. Petersburg., 2006. Vol. 5. 464 p.
5. *Shcherbakov V.V.* Criminal Liability, Its Basis: dis. ... cand. of law. Saratov, 1998. 209 p.
6. *Gaukhman L.D.* Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. М.: Yurinfor Center, 2001. 316 p.
7. The Course of Criminal Law. General part / edited by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. М.: Zertsalo-M, 2002. Vol. 1. 624 p.
8. *Anisimov A.A.* Unfinished Crimes and Features of Their Proof: dis. ... cand. of law. Voronezh, 2003. 234 p.
9. *Tedeev K.T.* Stages of Committing a Crime and the Construction of Compositions: extended abstract. dis. ... cand. of law. М., 2005. 29 p.
10. *Redin M.P.* Crimes According to the Degree of Their Completion. М.: Yurlitinform, 2006. 200 p.
11. *Ivanchina S.A.* Completed Crimes. М.: Yurlitinform, 2013. 192 p.
12. *Babiy N.A.* The Doctrine of the Stages of Crime and Unfinished Crimes. М.: Yurlitinform, 2017. 752 p.
13. *Zatsepin A.M.* Additional Qualification of a Crime: General and Special Issues. М.: Prospekt, 2017. 304 p.
14. Criminal Law. General part / edited by V.N. Petrashev. М.: PRIOR, 1999. 544 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-183-191

УДК 343.2/.7

А.Г. Блинов, А.М. Герасимов

УРОВЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НИХ*

Введение: обоснование пределов ответственности за злоупотребления в сфере проведения геномных исследований исходя из уровня их общественной опасности составляет заключительный этап формирования модели уголовно-правовой нормы, ориентированной на охрану генетической безопасности отдельной личности и человечества в целом. Ее санкция должна быть наполнена такими видами и объемом наказаний, которые способны оказать максимально эффективное воздействие на сознание и волю ученых-генетиков, готовых поставить исследовательские амбиции выше интересов других людей или общества в целом. Одновременно важно не создавать иллюзию тотальной наказуемости экспериментальной практики с непредсказуемыми результатами. **Цель:** обосновать уровень общественной опасности злоупотреблений в сфере проведения геномных исследований, а также пределы ответственности за них. **Методологическая основа:** диалектический метод, догматический (формально-юридический) анализ. **Результаты:** установлены уровни общественной опасности основного и квалифицированного состава посягательства на генетическую безопасность человечества. **Выводы:** незаконное клиническое исследование, направленное на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, целесообразно признать преступлением небольшой тяжести, а то же деяние, совершенное из корыстных или иных низменных побуждений, считать преступлением средней тяжести.

Ключевые слова: генетическая безопасность, общественная опасность, пределы ответственности, уголовно-правовая санкция.

© Блинов Александр Георгиевич, 2021

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: blinovag2008@yandex.ru

© Герасимов Александр Михайлович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: amgerasimov@list.ru

© Blinov Aleksandr Georgievich, 2021

Doctor of law, Professor, Head of the Department of Criminal and penal law (Saratov State Law Academy)

© Gerasimov Aleksandr Mikhailovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal and penal law (Saratov State Law Academy)

* Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

A.G. Blinov, A.M. Gerasimov

THE LEVEL OF PUBLIC DANGER OF ABUSE
IN THE FIELD OF GENOMIC RESEARCH AND THE LIMITS
OF RESPONSIBILITY FOR THEM

Background: justification of the limits of responsibility for abuses in the field of genomic research based on the level of their public danger is the final stage of the formation of a model of criminal law norms focused on the protection of the genetic security of an individual and humanity as a whole. Its sanction should be filled with such types and scope of punishments that are able to have the most effective impact on the consciousness and will of genetic scientists who are ready to put research ambitions above the interests of other people or society as a whole. At the same time, it is important not to create the illusion of total punishability of experimental practice with unpredictable results. **Objective:** to substantiate the level of public danger of abuse in the field of genomic research, as well as the limits of responsibility for them. **Methodology:** dialectical method, dogmatic (formal-legal) analysis. **Results:** the levels of public danger of the main and qualified members of the encroachment on the genetic security of mankind have been established. **Conclusions:** illegal clinical research aimed at editing the genome of a human embryo for reproductive purposes should be recognized as a minor crime, and the same act committed out of selfish or other base motives should be considered a moderate crime.

Key-words: genetic safety, social danger, limits of responsibility, criminal sanction.

Формируя теоретическую модель охраны генетической безопасности человечества и отдельной личности, современная юридическая наука сконцентрировала основные усилия вокруг дефинирования новых уголовно-правовых норм. Теоретиками предложены редакции составов преступлений, отражающие всевозможные формы злоупотреблений в сфере проведения геномных исследований. Однако без внимания исследователей остается задача определения инструментария, способного оказать эффективное воздействие на сознание и волю субъектов, готовых направлять результаты деятельности ученых-генетиков в криминальное русло. Без ее решения моделирование соответствующих уголовно-правовых запретов нельзя считать завершенным. Законодателю проблематично реализовать конструктивные исследовательские предложения по включению в уголовный закон обосновываемых запретов, содержание которых не уточняет конкретные пределы ответственности за преступления в сфере проведения геномных исследований, адекватные уровню их общественной опасности. Это обстоятельство подтверждает актуальность настоящей работы и обоснованность ключевых направлений поисковой деятельности.

Алгоритм разработки новой нормы уголовно-правового поведения предполагает два этапа. В рамках первого из них требуется установить типовые признаки оцениваемых форм делинквентного поведения, отражающие единый характер их общественной опасности. Эти признаки закладываются в диспозицию уголовно-правовой нормы. На втором этапе важно определиться с уровнем общественной опасности образуемого посягательства. Правильное обоснование указанного уровня предопределяет качественное построение санкции формируемой нормы уголовного закона.

В предыдущих исследованиях нами представлен и аргументирован оптимальный вариант диспозиций уголовно-правовых норм, адресатом воздействия которых выступают чрезмерно амбициозные ученые, игнорирующие потенциальные риски редактирования генома человеческого эмбриона в репродуктивных целях. Примерная редакция статьи уголовного закона, поименованной как посягательство на генетическую безопасность человечества, в авторском изложении выглядит следующим образом: «незаконное клиническое исследование, направленное на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях» [1; 2; 3]. Социальная востребованность предлагаемых норм удостоверена наблюдаемыми тенденциями использования инновационных биотехнологий и зарубежной нормотворческой практикой реагирования на неконтролируемые эксперименты ученых-генетиков. В качестве подтверждения сказанного достаточно сослаться на передовой опыт китайского законодателя, дополнившего содержание Уголовного кодекса КНР ст. 336-1 «Незаконная имплантация генно-модифицированных, клонированных человеческих эмбрионов» [4, с. 168]. Вполне вероятно, что Российская Федерация последует примеру КНР. В связи с этим юридической доктрине нужно решить проблему установления уровня общественной опасности обозначенного выше деяния, чтобы наполнить конкретным содержанием санкции представленных норм уголовного закона.

Рассуждая об уровне общественной опасности деяния, важно иметь четкое представление об ее сущностных характеристиках. В качестве таковых выступают характер и степень. По логике уголовного закона и выработанной на его основе правоприменительной практики характер общественной опасности соответствующего действия (бездействия) фиксируется законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы. В свою очередь, степень общественной опасности, будучи вариативной в определенном временном интервале, устанавливается судом исходя из обстоятельств содеянного, а также последующего поведения и личности виновного. На основе представленной идеи в уголовном законе предусматривается механизм отнесения того или иного деяния к соответствующему уровню общественной опасности. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность действия (или акта бездействия) к той или иной категории. С учетом степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

Смысл категоризации преступлений сводится к тому, чтобы подчеркнуть один из четырех уровней общественной опасности совершенного деяния. Реализация задуманного требует установления уголовно-правовых критериев, позволяющих определить отправную категорию того или иного состава преступления. Поставленная задача решена на законодательном уровне. В соответствии с ч. 2–5 ст. 15 УК РФ формальную принадлежность преступления к определенной категории в настоящее время обуславливают два критерия: срок наказания в виде лишения свободы и форма вины.

Первый из обозначенных критериев категоризации преступлений некоторые представители уголовно-правой доктрины считают недостаточно обоснованным. Так, А.М. Трухин полагает, что санкция нормы уголовного закона не может в полном объеме выступать мерилем общественной опасности преступления. Ав-

торская позиция выстраивается на базе концепции, разделяющей общественную опасность преступления и общественную опасность преступника. Ключевой посыл сводится к тому, что предусмотренное уголовно-правовой санкцией наказание не в состоянии учесть всю совокупность индивидуальных особенностей лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние [5, с. 59].

Уязвимость представленных суждений очевидна. «Общественную опасность преступления» и «общественную опасность преступника» невозможно рассматривать в качестве обособленных конструктивных составляющих общественной опасности в целом. Общественная опасность деяния не существует вне ее источника и носителя, которым признается человек, пренебрегший своей обязанностью по воздержанию от совершения преступления. В противном случае подразумевается некая объективно выраженная вредоносность, лишенная материально-правовых свойств общественной опасности. Нужно иметь в виду, что в качестве структурных компонентов общественной опасности законом предусматриваются исключительно ее характер и степень. При этом оба компонента общественной опасности вполне могут быть учтены законодателем в процессе конструирования уголовно-правовых санкций по формуле принципа справедливости. Фундаментальное требование ч. 1 ст. 6 УК РФ обеспечивается наличием в уголовном законе относительно определенных и преимущественно альтернативных санкций, не только ориентирующих правоприменителя в сравнительной тяжести преступлений, но и позволяющих суду проявлять необходимую инициативу при оценке конкретных обстоятельств содеянного и личности виновного.

Оценивая анализируемый критерий категоризации преступлений, К.А. Долгополов усматривает логическую ошибку законодателя в том, что он определяет общественную опасность деяния через меру наказания. Исследователь пишет: «Очевидно, дело обстоит наоборот, именно общественная опасность преступления определяет соответствующее ему наказание. Это значит, что мы можем устанавливать минимальные и максимальные пределы наказания только после того, как будут определены объект уголовно-правовой защиты и категория преступления» [6, с. 20]. Однако логика законодателя вполне обоснована. Посредством срока наказания в виде лишения свободы он задает типовые уровни общественной опасности обобщенных групп преступлений, характер общественной опасности каждого из которых в отдельности уже выявлен и зафиксирован соответствующей диспозицией нормы Особенной части уголовного закона. Методологически подобный подход несколько не разбалансирует общественную опасность конкретного преступления и строгость грозящего за его совершение наказания.

Зачастую исследователи пытаются усмотреть уязвимое место анализируемого критерия категоризации преступлений в использовании им исключительно верхней планки лишения свободы. На базе математических и статистических методик в научный оборот вводятся понятия «медиана наказания», «равный шаг наказания», «типовая санкция», призванные оптимизировать законодательный алгоритм классификации преступлений [7; 8]. Однако фундаментальные основания их практического применения не наблюдаются. Исходя из главного посыла о том, что санкция нормы уголовного закона есть своего рода отражение характера общественной опасности, описанного в ее (нормы) диспозиции деяния, представляется не столь важным, какой именно вид, срок или размер наказания будет служить ориентиром в процессе выделения категорий преступлений. Лишение свободы в этом случае можно считать вполне адекватным

вариантом. Обозначенное наказание предусматривается практически во всех уголовно-правовых санкциях и обладает весьма широкой «вилкой», позволяющей провести формальную грань между всеми обосновываемыми категориями преступных посягательств.

Вторым критерием, способствующим выделению категорий преступлений, закон обозначил форму вины, что в науке уголовного права также оценивается неоднозначно. На главную проблему названного критерия неоднократно обращал внимание А.В. Иванчин. Он подчеркивает, что форма вины и так выступает показателем характера общественной опасности преступления. Использование ее в качестве критерия категоризации преступлений составляет повторную оценку одного и того же признака состава преступления [9, с. 102–105].

В данном суждении есть своя логика. Форма вины действительно относится к статичному элементу состава преступления, определяющему важный аспект в характере общественной опасности учиненного деяния. Если исходить из того, что законодатель формирует санкции уголовно-правовых норм, учитывая все предусмотренные в их диспозициях типовые признаки состава преступления, то при определении критериев категоризации преступлений нет никакого резона делать акцент именно на умысле или неосторожности.

Без всякого сомнения, определяясь с формальными границами категорий преступлений, законодатель наряду с другими признаками криминообразующего состава обязан учитывать форму вины. Однако нет никаких весомых оснований для того, чтобы такого рода учет конвертировался в самостоятельный критерий категоризации преступлений. Необходимый баланс характера общественной опасности умышленного или неосторожного преступления и строгости предусмотренного за него наказания обеспечивается на нормотворческом уровне в конкретной норме уголовного закона. Справедливое соответствие диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы является неотъемлемым атрибутом нравственной политики государства по решению поставленных перед отраслью уголовного законодательства задач. Поэтому установления пределов уголовно-правовой санкции вполне достаточно для предварительного вывода о возникшем уровне общественной опасности, характеризующемся всей совокупностью объективных и субъективных признаков, предусмотренных типовой диспозицией преступного посягательства.

Это соображение отнюдь не умаляет значения форм вины в законодательной классификации преступлений. Принципиально важно решить задачу по разделению категорий на те, которые должны охватывать деяния с умышленной и (или) неосторожной формами вины, и те, которые не должны их охватывать. Здесь возможны следующие варианты: а) категории, объединяющие деяния с одной из форм вины; б) категории, одновременно включающие умышленные и неосторожные деяния.

Разработанность уголовно-правовой теории вины позволяет утверждать, что на уровне характера общественной опасности между деяниями, совершаемыми умышленно и по неосторожности, наблюдается большое отличие. Строго говоря, если при умышленном посягательстве лицо демонстрирует высокую готовность к причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, то в ситуации преступной неосторожности такого рода готовность стремится к минимуму. Особенно ярко сказанное подтверждается представленными в уголовном законе комбинациями интеллектуального и волевого моментов умышленной и неосторожной форм

вины. Так, минимальная готовность к общественно опасному поведению свойственна человеку, совершающему преступление по небрежности. Он не только не допускает возможности наступления неблагоприятных последствий своего деяния, но даже ее не предвидит. Преступная небрежность в большей мере свидетельствует о недобросовестном отношении лица к правовым обязанностям, игнорирование которых при определенных обстоятельствах становится причиной наступления вредоносных последствий. Похожая картина наблюдается при легкомысленном поведении, оказывающем отрицательное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. Предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения, соответствующее лицо хотя и без достаточных к тому оснований, но все же рассчитывает на их предотвращение. Не оправдывая внутреннюю самонадеянность виновного, нельзя игнорировать его стремление исключить общественно опасное последствие своего действия или бездействия. Таким образом, открытой угрозы чьей-либо личности, обществу, государству, миру и в целом безопасности человечества физическое лицо, демонстрирующее преступное легкомыслие (небрежность), не представляет.

Ситуация в корне меняется при совершении умышленного преступления. Умышленная форма вины характеризует ярко выраженную положительную реакцию лица на возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия своего деяния. Свойственное умыслу желание наступления вредоносных последствий, их сознательное допущение или безразличное к ним отношение свидетельствуют о том, что виновное лицо готово посягать на охраняемые уголовным законом объекты. Опасность для окружающих, исходящая от данного лица, в разы превосходит угрозу, исходящую от индивида, допустившего преступную неосторожность.

Показанное отличие в характере общественной опасности умышленных и неосторожных деяний должно быть четко отражено в категориях преступлений. Задача решается посредством определения маркера среднего уровня общественной опасности, который неосторожные деяния ни при каких обстоятельствах не преодолевают. С учетом общего количества обосновываемых категорий преступлений несложно прийти к выводу о том, что таковым маркером выступает грань между категорией преступлений средней тяжести и категорией тяжких преступлений. Минимальный и максимальный пределы общественной опасности неосторожных деяний соответствуют двум из четырех категорий преступлений. Речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести. Тяжкие и особо тяжкие преступления неосторожные деяния охватывать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний будет искусственным образом заводиться выше среднего уровня общественной опасности, придавая неосторожным преступлениям значение умышленных.

В контексте сказанного актуализируется еще один вопрос, связанный с возможностью признания характера общественной опасности умышленных посягательств ниже среднего уровня. Он обуславливает обоснованность отнесения умышленных деяний к разряду преступлений небольшой и средней тяжести. Объективный ответ на поставленный вопрос можно дать, принимая во внимание идею субъективного вменения.

В соответствии с уголовно-правовой теорией субъективное вменение предполагает, что при оценке общественной опасности содеянного в приоритете всегда рассматриваются признаки его субъективной стороны. Объективные признаки

хотя и имеют высокое квалификационное значение, но сами по себе, в отрыве от вины, уровень общественной опасности деяния не определяют. Подобное положение вещей закономерно, поскольку в противном случае создавалась бы основа для объективного вменения. Яркой иллюстрацией реализации идеи субъективного вменения служит соотношение общественной опасности лишения жизни человека по неосторожности и умышленно. Казалось бы, учитывая чрезвычайно высокую социальную значимость наступившего последствия в виде смерти человека, общественная опасность первого и второго деяний приблизительно одинаковая. Однако подобный вывод может сделать только обыватель, руководствующийся исключительно эмоциями. Учитывая требование принципа вины, законодатель принял обоснованное решение. Причинение смерти по неосторожности без квалифицирующих признаков рассматривается на самом низком уровне общественной опасности, тогда как за непривилегированное убийство санкция достигает максимального предела.

Между тем необходимо учитывать, что вина не является единственным определяющим фактором общественной опасности деяния. Набор признаков, обуславливающих его типовой уровень, зависит от конкретной формы вины. В неосторожных деяниях основной упор делается на тяжесть последствий, вызванных недобросовестным поведением обычного человека или представителя соответствующей профессии. Как правило, последствиями легкомысленных и неосторожных преступлений становятся наносимый здоровью другого человека вред или смерть потерпевшего. Иначе обстоит дело с составами умышленных преступлений. Спектр признаков, определяющих характер общественной опасности умышленных преступлений, весьма широк. Он охватывает всевозможные сочетания деяний, последствий, способов, мотивов, целей и других криминообразующих признаков. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от особенностей построения неосторожных деяний тяжкие последствия далеко не всегда рассматриваются как обязательный признак состава умышленного преступления. Нередко его стержень образует само деяние. При этом действия и акты бездействия, предусмотренные формальными составами преступлений, также создают различные по своему уровню угрозы охраняемым уголовным законом объектам. В связи с этим умышленные деяния вполне могут отражать все уровни общественной опасности, предусмотренные категориями преступлений.

Резюмируя сказанное, обозначим важные моменты, связанные с определением уровня общественной опасности посягательства на генетическую безопасность человечества. Само незаконное клиническое исследование, направленное на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, грозит серьезными последствиями. Существует вероятность неточного редактирования («удар» вне генетической мишени), неполного редактирования (мозаицизм), неэффективности редактирования, вмешательства неожиданных и (или) плохо изученных факторов (эпигенетических, иммунных и экологических событий; плейотропии и пенетрантности и др.). А главное заключается в том, что вследствие применения генетического редактора нежелательная мутация может распространиться в популяции людей.

В определении уровня общественной опасности оцениваемого деяния преобладает субъективная сторона. Ученые-генетики, хотя и умышленно нарушающие формальные условия проведения экспериментов, в подавляющем большинстве случаев руководствуются созидательной мотивацией. Ими движут исследова-

тельский азарт и желание разработать новые методы и технологии избавления людей от тяжелых наследственных недугов. Обстоятельство немаловажное, поскольку оно сводит исходящую от амбициозного специалиста угрозу для общества к минимуму.

Нельзя не отметить, что в уголовно-правовых аспектах незаконный эксперимент граничит с обоснованным риском, имеющим значение социально полезного поступка. Формально их разделяет соблюдение (игнорирование) условий экспериментальной деятельности. Но есть и другие отличия: при обоснованном риске эксперимент получает максимальную прозрачность, надлежащее медицинское и этическое обоснование, сопровождается активным мониторингом здоровья участников клинических исследований, что сводит к минимуму вероятность развития ситуации непредсказуемым образом. Однако даже в подобном случае побочные последствия официально одобренного эксперимента исключить невозможно. Пренебрегать данным фактом никак нельзя. В связи с этим основной состав посягательства на генетическую безопасность человечества рекомендуется отнести к разряду преступлений небольшой тяжести. Справедливым наказанием за совершение незаконного клинического исследования, направленного на редактирование генома эмбриона человека в репродуктивных целях, будет либо штраф в размере до 500 тыс. руб. (или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет), либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок.

Общественная опасность содеянного выходит на более высокий уровень, если мотивация ученого подпитывается корыстной или иной личной заинтересованностью. Подобное деяние логично оценивать по квалифицированному составу посягательства на генетическую безопасность человечества, предусмотрев за его совершение наказание в виде штрафа в размере до 3 млн руб. либо же в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок.

Отнесение всех возможных форм посягательств на генетическую безопасность человечества к разряду преступлений небольшой и средней тяжести свидетельствует о том, что при оценке конкретных эпизодов незаконных клинических исследований по редактированию генома эмбриона человека в репродуктивных целях огромное значение приобретает степень общественной опасности содеянного. Окончательное решение об общественной опасности учиненного деяния в целом будет зависеть от установленных обстоятельств незаконного эксперимента и характеристик личности виновного. В уголовно-правовых аспектах сказанное обуславливает возможность установления признаков малозначительности совершенного деяния, снижения категории преступления на одну позицию, применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Библиографический список

1. Блинов А.Г., Герасимов А.М. Теоретическая модель преступных деяний в сфере исследования генома человека // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2020. Т. 17. № 2. С. 76–85.

2. *Блинов А.Г.* Сфера исследований генома человека как предмет правового регулирования и объект охраны // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 94–105.

3. *Герасимов А.М.* Риски использования технологии направленного редактирования генома человека и юридический порог ее безопасности // Современный ученый. 2021. № 2. С. 319–323.

4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. А.И. Чу-чаева и А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. М.: Юридическая фирма контракт, 2021. 312 с.

5. *Трухин А.М.* Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. 2005. № 2. С. 59–61.

6. *Долгополов К.А.* Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания // Виктимология. 2015. № 1(3). С. 20–23.

7. *Валеев М.Т.* Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 29–34.

8. *Ратьков А.Н.* Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 31 с.

9. *Иванчин А.В.* Вина и конструирование состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 102–105.

References

1. *Blinov A.G., Gerasimov A.M.* Theoretical Model of Criminal Acts in the Field of Human Genome Research // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 76–85.

2. *Blinov A.G.* The Field of Research of the Human Genome as a Subject of Legal Regulation and an Object of Protection // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 4 (135). P. 94–105.

3. *Gerasimov A.M.* Risks of Using the Technology of Directed Editing of the Human Genome and the Legal Threshold of Its Safety // Modern Scientist. 2021. No. 2. P. 319–323.

4. Criminal Code of the People’s Republic of China / Ed. A.I. Chuchaev and A.I. Korobeeva; transl. from the Chinese Huang Daoxiu. 2nd ed. Moscow: Legal firm contract, 2021. 312 p.

5. *Trukhin A.M.* The Severity of the Crime as a Category of Criminal Law // Criminal law. 2005. No. 2. P. 59–61.

6. *Dolgoplov K.A.* Influence of the Nature and Degree of Social Danger of the Committed Act on the Appointment of Criminal Punishment // Victimology. 2015. No. 1 (3). P. 20–23.

7. *Valeev M.T.* A Typical Sanction as a Criterion for Categorizing Crimes // Bulletin of the Tomsk State University. Law. 2013. No. 2 (8). P. 29–34.

8. *Ratkov A.N.* Legal Significance of the Classification of Crimes: extended abstract of dis. ... cand. of law. Rostov-on-Don, 2002. 31 p.

9. *Ivanchin A.V.* Guilt and the Construction of the Corpus Delicti // Bulletin of the Yaroslavl State University. P.G. Demidov. Series “Humanities”. 2012. No. 2. P. 102–105.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-192-199

УДК 343.45

М.М. Лапунин

АКТУАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Введение: активное развитие генетических технологий требует скорейшего изменения ряда нормативных актов для надлежащего обеспечения прав и свобод человека, интересов общества и государства. **Цель:** выявить пути устранения пробелов в правовом регулировании отношений, связанных с генетическими исследованиями. **Методологическая основа:** диалектический (в первую очередь, в преломлении законов материалистической диалектики), дедукции и индукции, сравнительный, статистический методы. **Результаты:** установлено, что многие отрасли российского законодательства (медицинское, гражданское, семейное, трудовое и др.) уже сегодня нуждаются в совершенствовании из-за опережающего развития генетических технологий. **Выводы:** основными векторами, направленными на становление эффективного правового регулирования отечественных изысканий в области генетики, сегодня выступают: внесение терминологической ясности на уровне законодательной регламентации ДНК-исследований; уточнение правового статуса отдельных участников общественных отношений; исключение дискриминации по генетическим признакам; обеспечение не только права лица на информацию о его наследуемых особенностях, но и права на незнание; усиление уголовно-правовой охраны обозначенных отношений. Следующим же шагом нормотворца, реализовать который следует в ближайшем будущем, должна стать разработка общего закона о генетических исследованиях.

Ключевые слова: генетические исследования, генетика и право, запрет дискриминации, право на незнание, личная тайна.

М.М. Lapunin

CURRENT VECTORS OF IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF LEGAL REGULATION OF GENOMIC RESEARCH

Background: the active development of genetic technologies requires the speedy amendment of a number of regulations to properly ensure human rights and freedoms, the interests of society and the state. **Objective:** to find ways to eliminate gaps in the legal regulation of relations related to genetic research. **Methodology:** dialectical (primarily in the refraction of the laws of materialistic dialectics), deduction and induction, comparative, statistical. **Results:** many branches of Russian legislation (medical, civil, family, labor, etc.) already need improvement today due to the advanced development

© Лапунин Михаил Михайлович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lapuninm@yandex.ru

© Lapunin Mikhail Mikhailovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal and criminal-executive law (Saratov State Law Academy)

of genetic technologies. Conclusions: the main vectors aimed at establishing effective legal regulation of genetic research in Russia at the present stage are: introduction of terminological clarity at the level of legislative regulation of DNA research; clarification of the legal status of individual participants in public relations; exclusion of discrimination on genetic grounds; ensuring not only the right of a person to information about his inherited characteristics, but also the right to ignorance; strengthening of criminal protection of the designated relations. The next step of the rule-maker, which should be implemented in the near future, should be the development of a general law on genetic research.

Key-words: *genetic research, genetics and law, prohibition of discrimination, right to ignorance, personal secrecy.*

Достижения современных ученых-генетиков для непосвященного читателя зачастую напоминают сюжет фантастического романа. Секвенирование генома, технологии геномного редактирования, трансгенные растения и животные, геновая терапия и генетическое тестирование, ДНК-фенотипирование уверенно входят не только в сугубо научный оборот, но и в повседневную жизнь многих людей, открывая человечеству новые возможности. Например, широко известный в связи с пандемией COVID-19 ПЦР-тест также есть не что иное, как метод молекулярно-генетической диагностики.

Разумеется, бурное развитие новых технологий не должно остаться без надлежащего юридического сопровождения. Как верно отмечает А.Г. Блинов, в повестку законодателя необходимо «включить вопрос о разработке и принятии нормативных актов, упорядочивающих социальные связи, которые сегодня признаются наиболее чувствительными», затрагивают этические принципы биомедицинских исследований, допустимые пределы вмешательства в генетическую природу человека, получение и использование биологического материала, защиту генетической информации [1, с. 99].

Несмотря на то, что обозначенной проблеме уже начали уделять внимание ученые — представители отраслей гражданского, административного, медицинского права, данная тема все еще не исчерпана. С одной стороны, законодатель не предпринимает активных попыток ввести быстро прогрессирующие научные методы исследования ДНК в правовое поле, упорядочить общественные отношения с учетом новых открытий в этой области. С другой стороны, в большинстве научных работ речь ведется о концептуальных изменениях, которые следует воплотить в законодательной материи в ближайшем будущем. Вместе с тем есть насущная потребность уже сейчас обозначить несколько конкретных направлений совершенствования отечественного права, условно говоря, на переходный период, пока ученые, философы, юристы-практики не пришли к единому мнению, как минимум, относительно этических основ исследования генома человека. Промедление с внесением изменений в ряд нормативных актов может привести к тому, что эти отношения не только не получают надлежащего регулирования, но и останутся без своевременной правовой охраны.

Высокие технологии открывают огромные перспективы не только для решения проблем современного общества, но и, к сожалению, для вредоносного воздействия на человеческий организм, особенно только-только формирующийся. Например, неудачные манипуляции с эмбрионом человека могут привести к тому, что уже при рождении у ребенка разовьется патология, будет причинен вред его

здоровью. Вместе с тем имеющийся подход к статусу эмбриона не позволяет признать его полноценным субъектом отношений [2, с. 46], а нанесенный ребенку до его рождения ущерб если и может быть оценен, то лишь с позиции причинения вреда его родителям. Такое положение дел не охватывает всех возможных ситуаций (в частности, смерть или нежелание родителей отстаивать интересы ребенка), а также не соответствует демократическим принципам, лишает ребенка надлежащей правовой защиты. Соответственно необходимо дополнить п. 1 ст. 1064 ГК РФ¹ уточнением в следующей редакции: «Родившийся живым гражданин имеет право на возмещение вреда, причиненного его здоровью, и в том случае, если источник и условия наступления такого вреда появились до рождения этого гражданина». Использование конструкции «родившийся живым» (как в ст. 1116 ГК РФ), с одной стороны, позволит избежать чрезвычайно сложной и длительной дискуссии относительно допустимости аборт, а с другой — будет направлено на обеспечение прав будущего ребенка, поскольку нередки случаи причинения плоду вреда, который проявится лишь после рождения.

Еще одна проблема, требующая скорейшего разрешения на законодательном уровне, касается новой вспомогательной репродуктивной технологии — рождения ребенка от трех родителей. В настоящее время эта операция разрешена в Великобритании, а на территории Мексики и Украины в результате ее применения уже появились дети. Данный метод заключается в пересадке ДНК митохондрий от женщины-донора в яйцеклетку будущей матери². Есть обоснованные надежды, что подобные операции позволят избежать негативных мутаций по материнской линии, приводящих к тяжелым наследственным недугам. Независимо от того, как скоро технология начнет использоваться в России, проблема насущна, т.к. рожденные за рубежом дети рано или поздно будут посещать РФ, а их родители — обращаться за теми или иными услугами на ее территории. Представляется, что необходимо на уровне семейного законодательства установить положение, что женщина-донор митохондриальной ДНК не приобретает прав и обязанностей матери. Таким образом, будет установлен юридический приоритет именно ядерной ДНК, передающей абсолютное большинство наследуемых признаков. Одновременно требуется ввести в законодательство об основах охраны здоровья граждан³ положение об ограничении применения данной технологии — только в лечебных целях: пересадка митохондрий (энергетических станций клеток) может использоваться некими лицами с корыстными целями «как генетический допинг».

Еще одна правовая проблема касается информационного аспекта человеческого генома. Знание не всегда может приносить пользу. Соответственно в ряде случаев ситуация складывается так, что лучше не знать о каком-то событии, явлении, особенности организма и люди сознательно выбирают незнание. Например, что в преклонном возрасте человек заболеет неизлечимой болезнью или каков пол будущего ребенка, и др. Считается, что сообщение таких данных лицу

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

² See: *Knapton S.* Three-parent babies: the arguments for and against // *The Telegraph*. 2015. February 3. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/11386151/Three-parent-babies-the-arguments-for-and-against.html> (дата обращения: 21.08.2021).

³ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

против его воли может быть причиной психологических травм, семейных ссор и пр. Более того, внушаемость иных индивидов настолько сильна, что информирование о наличии имярека генетических особенностей оказывает кардинальное влияние на результаты его деятельности. Так, сообщение участнику эксперимента о наличии у него «благоприятных» или «неблагоприятных» генов сильнее влияет на физиологические показатели, чем сами гены [3].

В результате в юриспруденции заявляется о наличии у каждого права на незнание [4; 5]. Последнее имеет практическое значение, особенно в случае болезней или предрасположенности к болезням, которые можно диагностировать, но согласно средствам современной медицины избавиться от них невозможно [6, с. 78]. Например, болезнь Гентингтона обнаруживается с помощью генетического анализа с 1993 г., но остается неизлечимой по сей день. Знание своей предрасположенности к заболеванию может значительно ухудшить качество жизни индивида, вызвать тяжелые переживания у него. Как отмечают С.М. Липкин и Дж. Луома, «...из-за нашей способности представлять себе будущее возникают проблемы с генетическим анализом на заболевания, для которых нет лечения ... Многие люди не хотят знать о генах, сулящих слишком мучительные ... заболевания, на которые никак нельзя повлиять» [7, с. 36].

Иногда же «лишнее» знание таит в себе угрозу другого плана. Так, главой 7 индийского Закона о методиках планирования семьи и предродовой диагностики предусмотрены как запрет рекламы услуг определения пола будущего ребенка, так и предоставление таких услуг, их поиск и подстрекательство к правонарушению¹. Виной тому крайне высокий риск аборта в случае, если плод — нежеланная девочка.

Очевидно, что такое деструктивное знание необратимо: его нельзя «забрать обратно» у пациента. Государство должно обеспечить возможность личности оградиться от нежелательной информации.

Следует согласиться с Е.И. Суворовой относительно того, что «идея автономии поднимает целый ряд вопросов, наиболее сложным из которых является идея о том, что индивид имеет право оставаться в неведении относительно своих генетических характеристик. ...Очевидно, что оно фактически может быть реализовано только в отношении прогностических тестов». Исследователь ссылается на опыт Австрии, где человек может даже после согласия на генетический анализ или после консультации сообщить в любое время, что он не хочет знать результат анализа и его последствия. Такое положение закреплено в абз. 5 ст. 69 австрийского Закона о геномной инженерии 1994 г. (в ред. от 29 августа 2021 г.)².

В Швейцарии Федеральный закон о генетических исследованиях человека предусматривает, что каждый человек имеет право отказаться от просмотра информации о своем генетическом коде (ст. 6 «Право на незнание»). Исключе-

¹ См.: Закон Индии о методиках планирования семьи и предродовой диагностики (PCPNDT). URL: <http://rajswasthya.nic.in/PCPNDT%2005.12.08/PCPNDT%20Act%20%282%29.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

² See: Bundesgesetz, mit dem Arbeiten mit gentechnisch veränderten Organismen, das Freisetzen und Inverkehrbringen von gentechnisch veränderten Organismen und die Anwendung von Genanalyse und Gentherapie am Menschen geregelt werden (GTG) StF: BGBl. Nr. 510/1994. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10010826> (дата обращения: 28.08.2021).

ние составляют случаи, когда для индивида или эмбриона, плода существует неминуемая опасность, которую можно было бы предотвратить (абз. 2 ст. 18)¹.

Немецкий закон о генетической диагностике человека (GenDG) дает индивиду право не знать о результатах генетических исследований. Заинтересованному лицу должно быть дано разъяснение относительно права «не знать, включая право не принимать к сведению результат теста или его части, но требовать их уничтожения» — параграф 9 (2)².

Подобные нормы базируются на идее, закрепленной в ч. 2 ст. 10 Конвенции о правах человека и биомедицине: «Каждый человек имеет право ознакомиться с любой собранной информацией о своем здоровье. В то же время необходимо уважать желание человека не быть информированным на этот счет»³. Оговорка про ограничение этого права по закону в исключительных случаях и только в интересах пациента прописана в ч. 3 той же статьи. Несмотря на то, что РФ не участвует в упомянутом договоре, данные правила стали де-факто общепринятой нормой международного права. Именно такой подход соответствует принципу уважения к людям, сформулированному в докладе Консультативного комитета экспертов ВОЗ по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека. Этот принцип раскрывается через «обязательство уважать пожелания дееспособных людей в отношении самых личных аспектов их жизни, включая здоровье и репродуктивные возможности»⁴.

Показательно, что данный вопрос связан не только с моральными страданиями, но и с имущественными отношениями. Например, получение страхователем информации о наличии у него риска тяжелого наследственного заболевания может повлечь обязанность сообщить это страховщику с последующим пересмотром договорных отношений (меняется вероятность возникновения страхового случая). Соответственно уже сегодня необходимо внести уточнения в законодательство о страховом деле в части исключения злоупотреблений генетическими технологиями. Необходимо исключить оценку риска на основе прогностического генетического тестирования, а также прописать запрет для страховщиков запрашивать у застрахованных лиц или их родственников сведения в отношении того, подверглись ли они прогностическому генетическому тестированию, равно как и запрашивать его результаты или просить пройти тестирование или представить его результаты.

В похожем по смыслу дополнении, не допускающем дискриминацию по генетическому признаку, нуждается и трудовое законодательство: следует запретить требовать от работника прохождения генетического тестирования, представле-

¹ See: Bundesgesetz vom 8. Oktober 2004 über genetische Untersuchungen beim Menschen (GUMG). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2007/131/de#art_6 (дата обращения: 28.08.2021).

² See: Gendiagnostikgesetz vom 31. Juli 2009 (BGBl. I S. 2529, 3672), das zuletzt durch Artikel 15 Absatz 4 des Gesetzes vom 4. Mai 2021 (BGBl. I S. 882) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gendg/index.html#BJNR252900009BJNE001000000> (дата обращения: 28.08.2021).

³ См.: Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (ETS N 164) (заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г.) (с изм. от 27 ноября 2008 г.). URL: <https://base.garant.ru/2562155/> (дата обращения: 28.08.2021).

⁴ See: «Human genome editing: a framework for governance». WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing. 2021. P. 14. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030060> (дата обращения: 28.08.2021).

ния его результатов, иной информации, касающейся генетических особенностей работника (его родственников), а также исключить использование работодателем результатов прогностического генетического тестирования.

Чтобы избежать терминологических неточностей или неясности толкования научных терминов, необходимо определить на уровне закона понятия генетического тестирования, включая прогностическое, ДНК-фенотипирования, сформулировать цели применения данных методов (медицинские и охрана общества), для чего нужно внести изменения в соответствующий закон¹.

Стоит подчеркнуть, что российское законодательство в рассматриваемом аспекте не противоречит международному. В ч. 1 ст. 24 Конституции РФ утверждено: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». В развитие данного положения в ч. 3 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено: «Информация о состоянии здоровья не может быть предоставлена пациенту против его воли». Необходимо отметить, что правило следовало бы сформулировать несколько шире, добавив не только информацию о состоянии здоровья: но и информация, характеризующая генетические особенности пациента, тоже должна подпадать под данное ограничение. В ст. 152.2 ГК РФ «Охрана частной жизни гражданина» также предпочтительно выделить информацию о геноме в качестве отдельного предмета отношений.

Изучение действующего законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод, что существует еще один пробел в охране рассматриваемого права. Часть 1 ст. 137 Уголовного кодекса РФ² предусматривает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну. По сложившейся традиции, толкование данной нормы исходит из того направления, что распространение представляет собой доведение сведений о частной жизни человека до третьего лица любым способом (устно, письменно либо с использованием информационных технологий) [8]. Таким образом, тайна в российской практике толкуется довольно узко — речь идет о ее сохранении от третьих лиц, но не от самого заинтересованного человека.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, распространение «сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам» в любой форме и любым способом³. Представляется, что для устранения неопределенности данное разъяснение необходимо дополнить абзацем следующего содержания: «При этом результатом распространения сведений о частной жизни лица может стать как ознакомление с ними третьих лиц, так и самого потерпевшего, если он в силу имеющегося у него права ясно обозначил свое нежелание знакомиться с такой информацией». Подобное пояснение должно носить универсальный характер, касаться не только генетических тестов. Более

¹ См.: Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28, ст. 3348.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

³ См. абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

того, ряд традиционных методов в медицине могут дать информацию о геноме (например, рентгеновские снимки сообщают об особенностях строения костей, указывающих на генетическое заболевание).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что из-за бурного развития генетических технологий существует потребность в изменении отдельных положений многих отраслей права: медицинского, гражданского (включая страховое), семейного, трудового и т.д. Разумеется, принятие единого закона об исследовании человеческого генома было бы более прогрессивным решением. Однако, во-первых, в условиях постоянно меняющихся отношений в этой сфере и отсутствия в обществе консенсуса по морально-этическим вопросам редактирования генома реализовать эту задачу качественно и в кратчайший срок проблематично, во-вторых, такой шаг совершенно не исключит необходимости внесения пакетных изменений в самые разные (уже имеющиеся) правовые акты, т.к. сфера генетики затрагивает различные аспекты личных прав и свобод, интересов общества и государства.

Таким образом, актуальными векторами, направленными на становление эффективного правового регулирования генетических исследований в России, на современном этапе выступают: внесение терминологической ясности на уровне законодательного регулирования ДНК-исследований; уточнение статуса отдельных участников общественных отношений; исключение условий для дискриминации по генетическим признакам; обеспечение не только права лица на информацию, касающуюся его здоровья и наследуемых особенностей, но и права на незнание. Эти изменения уже можно реализовать без кардинального пересмотра основ российского законодательства. Предлагаемые корректировки действующих правовых актов позволят подготовить почву для решения иных фундаментальных проблем правового регулирования, связанных с изучением и редактированием генома человека.

Библиографический список

1. *Блинов А.Г.* Сфера исследований генома человека как предмет правового регулирования и объект охраны // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 94–105.
2. *Фомина О.Ю.* О возможности судебной защиты при редактировании генома человека // Lex russica. 2019. № 6. С. 37–47.
3. *Bradley P. Turnwald, J. Parker Goyer, Danielle Z. Boles, Amy Silder, Scott L. Delp & Alia J. Crum.* Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk // Nature Human Behaviour. 2019. Vol. 3. P. 48–56.
4. *Wiese G.* Gibt es ein Recht auf Nichtwissen? Dargestellt am Beispiel der genetischen Veranlagung von Arbeitnehmern // In: Festschrift für Hubert Niederländer zum 70. Geburtstag. 1991. P. 475–488.
5. *Лабутин М.А.* «Право на незнание» в контексте развития современных медицинских и генетических технологий / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова // Право и современные технологии в медицине. 2019. С. 53–56.
6. *Суворова Е.И.* Концептуальные подходы к использованию результатов генетических исследований в сфере личного страхования // Проблемы права. 2020. № 3 (77). С. 74–80.
7. *Липкин С.М., Луома Дж.* Время генома: как генетические технологии меняют наш мир и что это значит для нас. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 298 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2017. 736 с.

References

1. *Blinov A.G.* The Scope of Human Genome Research as a Subject of Legal Regulation and Object of Protection // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 4. P. 94–105.

2. *Fomina O.Yu.* On the Possibility of Judicial Protection when Editing the Human Genome // Lex russica. 2019. No. 6. P. 37–47.

3. *Bradley P., Turnwald, J., Parker Goyer, Danielle Z. Boles, Amy Silder, Scott L. Delp & Alia J. Crum.* Learning One's Genetic Risk Changes Physiology Independent of Actual Genetic Risk // Nature Human Behaviour. 2019. Vol. 3. P. 48–56.

4. *Wiese G.* Gibt es ein Recht auf Nichtwissen? Dargestellt am Beispiel der genetischen Veranlagung von Arbeitnehmern // In: Festschrift für Hubert Niederländer zum 70. Geburtstag. 1991. P. 475–488.

5. *Labutin M.A.* "The Right to Ignorance" in the Context of the Development of Modern Medical and Genetic Technologies / Ed. by A.A. Mokhov, O.V. Sushkova // Law and Modern Technologies in Medicine. 2019. P. 53–56.

6. *Suvorova E.I.* Conceptual Approaches to the Use of Genetic Research Results in the Field of Personal Insurance // Problems of Law. 2020. No. 3 (77). P. 74–80.

7. *Lipkin S.M., Luoma J.* Genome Time: How Genetic Technologies Are Changing Our World and What It Means for Us. Moscow, 2018. 298 p.

8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). 7th ed., revised and suppl. / edited by G.A. Esakov. M.: Prospect, 2017. 736 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-200-204

УДК 343

Н.И. Насиров

ФУНКЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

Введение: функция уголовно-исполнительного права является научной категорией, лишенной формального содержания. На протяжении длительного времени она остается в центре внимания отечественных ученых-правоведов. Вместе с тем активное научное осмысление данной категории не привело к единому пониманию ее сущностных аспектов. В юридической доктрине в содержание функции уголовно-исполнительного права учеными закладываются различные научные идеи, что в конечном итоге не позволяет в должной мере познать ее сущность и условия обеспечения. **Цель:** теоретическое обоснование содержания функции уголовно-исполнительного права посредством решения следующих задач: уяснение семантического значения термина «функция»; рассмотрение теории функции права без привязки к отдельной отрасли; определение содержания функции уголовно-исполнительного права. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический подход, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** установлено, что функция уголовно-исполнительного права обусловлена социальным назначением данной отрасли. Вместе с методом уголовно-исполнительного права она образует единую правовую конструкцию, посредством которой требования норм (положений) права доводятся до сознания и воли их адресатов. Сформировав у субъектов уголовно-исполнительных правоотношений юридические установки и убеждения, функция определяет позитивную модель их поведения. В этом смысле раскрывается важная роль функции для обеспечения целей и задач уголовно-исполнительного права. **Выводы:** правильное понимание содержания функции уголовно-исполнительного права позволяет определить ее предназначение.

Ключевые слова: функция уголовно-исполнительного права, метод уголовно-исполнительного права, субъекты уголовно-исполнительных правоотношений, сознание и воля субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, уголовно-исполнительное воздействие.

N.I. Nasirov

THE FUNCTION OF RUSSIAN PENAL ENFORCEMENT LAW AND ITS CONTENT

Background: the function of penal enforcement law is a scientific category devoid of formal content. For a long time, it has remained in the focus of attention of domestic legal scholars. At the same time, an active scientific understanding of this category has not led to a unified understanding of its essential aspects. In the legal doctrine, various scientific ideas are embedded in the content of the function of penal enforcement law by scientists, which ultimately does not allow us to properly understand its essence and conditions of provision. **Objective:** theoretical substantiation of the content of the

© Насиров Немэт Интигам оглы, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naymat@mail.ru

© Nasirov Nemet Intigam ogly, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminal and criminal-executive law (Saratov State Law Academy)

function of penal enforcement law by solving the following tasks: clarification of the semantic meaning of the term “function”; consideration of the theory of the function of law without reference to a separate branch; definition of the content of the function of penal enforcement law. Methodology: general scientific (dialectical approach, analysis, comparison) and private scientific (legal-dogmatic) methods. Results: it is established that the function of penal enforcement law is conditioned by the social purpose of this branch. Together with the method of penal enforcement law, it forms a single legal structure through which the requirements of the norms (provisions) of law are brought to the consciousness and will of their addressees. Having formed legal attitudes and beliefs among the subjects of penal law relations, the function determines a positive model of their behavior. In this sense, the important role of the function in ensuring the goals and objectives of penal enforcement law is revealed. Conclusions: a correct understanding of the content of the function of penal enforcement law allows us to determine its purpose.

Key-words: *function of penal enforcement law, method of penal enforcement law, subjects of penal enforcement legal relations, consciousness and will of subjects of penal enforcement legal relations, penal enforcement impact.*

Категорией «функция» весьма широко оперируют представители юридической доктрины и нормотворческой практики. Ее включают в наименования и структурные части научных работ [1; 2], а также в содержание отдельных правовых норм (положений)¹. Вместе с тем такое пристальное внимание к рассматриваемой категории со стороны ученых и законодателя не снимает отдельных вопросов, касающихся сущности функции права и условий ее обеспечения.

Полное и всестороннее исследование функциональной особенности уголовно-исполнительного права невозможно без уяснения смыслового содержания термина «функция» и обращения к положениям общей теории права, раскрывающим сущность функции права как такового, без привязки к отдельной отрасли. Представляется, что такой подход позволит познать сущность функции права в целом и высветить ее уголовно-исполнительную специфику в частности.

Для уточнения семантики слова «функция» обратимся к словарям, разъясняющим его значение. Так, в Словаре русского языка слово «функция» трактуется как «явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления» [3, с. 840]. Философский энциклопедический словарь характеризует это понятие как «отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение другого» [4, с. 751]. Приведенные справочные издания, формируя общее представление о функции, акцентируют внимание на связи и зависимости между явлениями (объектами), способных преобразовывать одно (один) из них по мере изменения другого. Это наводит на мысль, что функция — это внутреннее свойство чего-либо, проявляющее себя вовне.

В общей теории права доминирующей является позиция, согласно которой функция права признается главным направлением его воздействия. Вместе с тем мнения ученых относительно объекта такого воздействия разделились на две группы. Одни авторы утверждают, что посредством своей функции право воздействует на «общественные отношения». Другие признают объектом воздействия права «волю и поведение субъектов отношений».

¹ Согласно ч. 8 ст. 74 УИК РФ, «лечебно-профилактические учреждения выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных».

Сторонники первой концепции полагают, что, воздействуя на общественные отношения, право их упорядочивает, регулирует, придает им стабильность и единство [5, с. 86]. Из приведенного тезиса отчетливо вырисовываются две мысли: а) посредством функции осуществляется правовое воздействие на общественные отношения; б) посредством такого воздействия отношения в определенной сфере жизнедеятельности упорядочиваются (регулируются), обеспечиваются их стабильность и целостность. Такое суждение, формируя понимание об обусловленности правового воздействия и роли функции в его осуществлении, оставляет открытым вопрос: почему посредством своей функции право только упорядочивает (регулирует), обеспечивает стабильность и целостность отношений в определенной сфере жизнедеятельности, в то время как они (отношения) могут испытывать потребность и в правовой охране?

В юридической доктрине встречается описание функции права через правовое воздействие на сознание и волю конкретного человека. В частности, А.В. Константинова под формой осуществления функции права понимает «специфику способов (путей) правового воздействия на сознание и волю конкретного человека с целью упорядочения (введения в законное русло) его поведения» [6, с. 8]. Прочитанная дефиниция аккумулирует в себе два взаимосвязанных аспекта правового воздействия. Первый из них характеризует право как некое средство, посредством которого формируется сознание личности. Второй же отражает эффект такого воздействия, заключающегося в выработке у личности правовых установок и убеждений, позволяющих определить границы ее поведения.

Категория «функция» активно исследуется в отраслевых науках, в том числе криминального цикла. Так, в доктрине уголовного права во многом понятие функции отождествляют с предметом и методом данной отрасли [7, с. 9]. Иной позиции придерживается профессор Б.Т. Разгильдиев. По его мнению, функция уголовного права строго регулятивно-обязывающая. Это ее свойство автор связывает с воздействием нормы на физических лиц с целью решения уголовно-правовых задач [8, с. 81]. Предложенное понимание функции уголовного права содержит в себе ряд ключевых признаков: а) функция уголовного права является неотъемлемой частью уголовно-правовых норм; б) посредством функции уголовно-правовая норма оказывает воздействие на сознание и волю физических лиц; в) способ воздействия уголовно-правовой нормы на сознание и волю физических лиц характеризуется императивностью; г) предназначением функции выступает решение уголовно-правовых задач.

Уяснив семантическое значение термина «функция» и ознакомившись с позициями исследователей общей теории и отдельных отраслей права (на примере уголовного права) относительно содержания рассматриваемой категории, уместно раскрыть ответ на вопрос: что понимается под функцией в теории уголовно-исполнительного права?

Прежде всего, следует констатировать, что в теории уголовно-исполнительного права понятие функции впервые было сформулировано М.П. Мелентьевым: «Функции исправительно-трудового права есть основные направления и способы правового воздействия на общественные отношения, возникающие в строго определенной сфере — сфере исполнения уголовных наказаний, — направления, в которых выражены служебная роль и основные социальные задачи уголовно-исполнительного права» [9, с. 6]. Прочитанное определение позволяет выделить следующие признаки функции:

а) функция выступает основным направлением и основным способом правового воздействия на уголовно-исполнительные отношения;

б) функция находится в тесной связи со служебной ролью и задачами уголовно-исполнительного права.

По мнению В.В. Бочкарева, функция уголовно-исполнительного права представляет собой правовые направления, которые обеспечивают главные (основные) идеи данной отрасли законодательства. Они (идеи) определяются государством, «исходя из своих фундаментальных основ, при этом закрепляя одноименные положения на уровне целей и задач уголовно-исполнительного законодательства» [10, с. 37]. Не составляет особого труда заметить, что автор, рассматривая функцию уголовно-исполнительного права как правовое направление, связывает его предназначение с обеспечением целей и задач данной отрасли. При этом, по мнению автора, целям и задачам уголовно-исполнительного законодательства соответствуют одноименные функции. В частности, он выделяет две системы функций уголовно-исполнительного права:

базовые функции — предупредительная и исправительная;

небазовые (второстепенные) функции — регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний; определение средств исправления осужденных; охрана их прав, свобод и законных интересов; оказание осужденным помощи в социальной адаптации [10, с. 43].

Относясь с уважением к вышеизложенным позициям, а также к их авторам, внесшим существенный вклад в разработку теории функции уголовно-исполнительного права, полагаем, что отдельные аспекты высказанных суждений нуждаются в уточнениях.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо разграничить понятия «правовая цель», «правовые задачи» и «правовая функция». Цель представляет собой желаемый результат действия правовой нормы. Задача — это условие достижения желаемого результата. Функция же обеспечивает информированность субъектов конкретных правоотношений о требованиях закона, регулирующего или охраняющего их. Указанные категории находятся в непосредственной связи.

Остается неясным, почему при раскрытии понятия функции употребляются такие термины, как «направление», «способ» и т. д., если речь идет о правовом воздействии на общественные отношения, возникающие в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера. Нельзя ли в этом смысле сказать прямо о воздействии функции на уголовно-исполнительные отношения? Думается, что нет.

Известно, что закон может воздействовать на общественные отношения не иначе как через метод. Служебная роль функции в правовом воздействии заключается в доведении до сознания и воли субъектов конкретных правоотношений требований норм (положений), их обеспечивающих. Влияя на сознание и волю соответствующих субъектов, право определяет границы их поведения.

Направленность правового воздействия и служебная роль функции в его осуществлении образуют достаточно четкие ориентиры для понимания функциональной особенности уголовно-исполнительного права. Уголовно-исполнительная функция и метод образуют единую правовую конструкцию, посредством которой требования норм (положений) данной отрасли доводятся до сознания и воли их адресатов. Формируя у субъектов уголовно-исполнительных правоотношений юридические установки и убеждения, функция тем самым определяет позитивную модель их поведения. В этом смысле можно смело отметить важную роль функции в обеспечении социально-позитивного результата действия уголовно-исполнительного законодательства.

Библиографический список

1. *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования / отв. ред. Н.С. Алексеев . Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 188 с.
2. *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 198 с.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. 976 с.
4. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
5. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. 2-е изд., испр. и дораб. / А.Ф. Колотов, О.С. Вырлеева-Балаева, В.Н. Симонов, И.В. Скуратов, Ю.В. Ярыгина. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. 233 с.
6. *Константинова А.В.* Формы осуществления функций права: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 179 с.
7. *Тимохин С.Ю.* Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 200 с.
8. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1995. 320 с.
9. *Мелентьев М.П.* Функции и структура советского исправительно-трудового права: учебное пособие. Рязань: НИИРИО, 1977. 89 с.
10. *Бочкарев В.В.* Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 189 с.

References

1. *Smirnov V.G.* Functions of the Soviet Criminal Law. The Subject, Tasks and Methods of Criminal Law Regulation / ed. N.S. Alekseev. L.: Publishing house of Leningrad University, 1965. 188 p.
2. *Filimonov V.D.* The Protective Function of Criminal Law. St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 198 p.
3. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language: approx. 60,000 words and phraseological expressions / under the general editorship of L.I. Skvortsov. 25th ed., ispr. and add. M.: Onyx: World and Education, 2008. 976 p.
4. *Philosophical Encyclopedic Dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. 839 p.
5. Theory of State and Law in Questions and Answers: textbook. 2nd ed., revised. and suppl. / A.F. Kolotov, O.S. Vyrleeva-Balaeva, V.N. Simonov, I.V. Skuratov, Yu.V. Yarygina. Orenburg: LLC IPK "University", 2013. 233 p.
6. *Konstantinova A.V.* Forms of Exercising the Functions of law: dis. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2014. 179 p.
7. *Timokhin S.Yu.* Functions, Tasks and Goals of Criminal Law: Problems of Correlation: extended abstract. dis. ... cand. of law. Vladivostok, 2002. 200 p.
8. *Razgildiev B.T.* Criminal Law Relations and Their Implementation of the Tasks of Criminal Law of the Russian Federation / ed. by N.I. Matuzov. Saratov: Publishing house of Saratovsky University, 1995. 320 p.
9. *Melentyev M.P.* Functions and Structure of the Soviet Correctional Labor Law: textbook. Ryazan: NIIRIO, 1977. 89 p.
10. *Bochkarev V.V.* Penal Enforcement Means of Implementing the Private Preventive Function of Punishment in the Form of Deprivation of Liberty: dis. ... cand. of law. Ryazan, 2017. 189 p.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-205-208
УДК 343.71

А.В. Копылов

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЛИЦАМ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ СОВЕРШАЮЩИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ОДНОГО ПОТЕРПЕВШЕГО

Введение: в отечественном законодательстве отсутствуют правовые механизмы, способные защитить потерпевшую сторону от преступлений против собственности, совершенных неоднократно одним и тем же лицом в отношении одного и того же потерпевшего. **Цель:** поиск наиболее адекватных путей решения проблемы нарушения прав потерпевшей стороны при совершении преступлений имущественного характера. **Методологическая основа:** методы анализа и синтеза, формально-юридический и диалектический метод. **Результат:** аргументирована авторская позиция относительно предложенного внесения дополнения в УК РФ для должного обеспечения прав потерпевшей стороны. **Выводы:** зачастую для реального обеспечения и реализации прав и законных интересов юридических лиц, принимающих участие в уголовно-процессуальной деятельности в связи с совершением в отношении них преступлений против собственности, необходимы специальные правовые нормы, закрепленные в Уголовном кодексе РФ.

Ключевые слова: преступления против собственности, неоднократность совершения преступления, государственные и коммерческие учреждения.

A. V. Kopylov

PROBLEMS OF SENTENCING PERSONS WHO SYSTEMATICALLY COMMIT CRIMES OF A PROPERTY NATURE IN RELATION TO ONE VICTIM

Background: to date, domestic legislation lacks legal mechanisms capable of protecting the injured party from crimes against property committed repeatedly by the same person in relation to the same victim. **Objective:** search for the most adequate ways to solve the problem of violation of the injured party's rights, when committing crimes of a property nature. **Methodology:** the research is based on methods of analysis and synthesis, formal

© Копылов Алексей Васильевич, 2021

Кандидат юридических наук, главный специалист отдела правового обеспечения и кадровой работы (Управление мелиорации земель и сельскохозяйственного водоснабжения по Саратовской области), преподаватель кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: maqxactive@ya.ru

© Kopylov Aleksey Vasilyevich, 2021

Candidate of law, Chief Specialist of the Department of Legal support and human resources (Management of Land reclamation and agricultural water supply in the Saratov region), Lecturer, Department of Criminal procedure (Saratov State Law Academy)

legal and dialectical method. Result: the author's position on the proposed amendment to the Criminal Code of the Russian Federation for the proper provision of the rights of the injured party was substantiated. Conclusions: often for the real provision and implementation of the rights and legitimate interests of legal entities participating in criminal procedural activities in connection with the commission of crimes against property against them, special legal norms are required, enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key-words: crimes against property, repeated commission of crimes, state and commercial institutions.

Преступления против собственности с уверенностью можно отнести к числу классических, или так называемых традиционных, преступлений. Это подтверждается тем, что еще в Русской Правде Ярослава Мудрого 16 из 43 статей были посвящены преступлениям против собственности [1, с. 47–49].

В настоящее время вопросам уголовно-правовой охраны собственности как в теории права, так и в законотворческой деятельности уделяется значительное внимание. Такой интерес законодателей и ученых вполне объясним. Собственность является экономической основой существования любого государства независимо от исторического этапа его развития, политического режима и других обстоятельств. Право быть собственником — одно из основных прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. Обеспечение эффективной защиты собственности, в том числе и уголовно-правовыми мерами, является задачей любого государства, и Россия в этом случае не является исключением [2, с. 35–38]. Однако обширное количество научных исследований и законодательной практики не свидетельствует о том, что преступлений против собственности становится меньше. Статистические данные показывают, что количество хищений имущества остается стабильно высоким. По данным Генеральной Прокуратуры за 2017 г. было зарегистрировано 788 531 краж, за 2018 г. — 756 395 краж, за 2019 г. — 774159¹.

В условиях быстро растущей инфляции и ежегодного ухудшения благосостояния граждан России ожидать существенного снижения количества преступлений против собственности не приходится, в связи с чем возникает необходимость в создании эффективных и адекватных мер по противодействию данной категории преступлений.

На сегодняшний день в нашей стране не предусмотрены законодательные механизмы, способные должным образом защитить потерпевшую сторону от преступлений имущественного характера, в т.ч. и в случаях, когда преступление совершено неоднократно в отношении одного и того же потерпевшего. Приведем следующий пример: гражданин М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, а именно кражу имущества крупного федерального учреждения и в день вынесения приговора повторно совершил в отношении того же потер-

¹См.: Статистические данные о состоянии преступности в России за 2017, 2018, 2019 гг. подготовленный Генеральной Прокуратурой РФ. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 24.03.2021).

певшего кражу. Более того, через год после совершения последней, гражданин М. снова совершил хищение имущества у того же потерпевшего¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости, т.е. на дату совершения преступления приговор суда не вступил в законную силу, не образуя рецидив преступлений. В ч. 4 ст. 18 УК РФ указано, что умышленные преступления небольшой тяжести не учитываются при признании рецидива. Исходя из практики, по данному составу преступлений судьи нечасто назначают наказание в виде лишения свободы (как правило не более 25% приговоров). Так, по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ всего осуждено 44 229 чел., из которых наказание в виде реального лишения свободы получили 10 561 чел.; в 2018 г. из 41 092 чел. наказание в виде лишения свободы получили 10 581 чел.; в 2019 г. из 37 107 чел. наказание в виде лишения свободы получили 9 891 чел.² Для того чтобы лица, систематически совершающие кражи в отношении одного и того же потерпевшего, несли адекватное содеянному наказание, мы полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующим составом в виде неоднократности совершения преступлений в отношении одного и того же потерпевшего. В связи с этим мы предлагаем внести в ч. 2. ст. 158 УК РФ пункт «г», который будет следующего содержания: «неоднократно (два и более раз) в отношении одного и того же потерпевшего».

Прежде всего, данное предложение направлено на защиту крупных ресурсоснабжающих государственных и коммерческих учреждений, владеющих большим количеством имущества на обширной территории, охрану которого невозможно обеспечить должным образом (многокилометровые металлические трубопроводы, железобетонные канальные плиты и т.д.). Хищение трубопровода, электрокабеля, иных сетей приводит к сбою работы социально важных и стратегических объектов, что может привести к социальной напряженности в регионе. Потенциальные правонарушители будут знать, что за систематические хищения у одного и того же учреждения велика вероятность получить реальный срок. Также данная мера защиты применима и к физическим лицам, в отношении которых систематически совершает противоправные действия одно и то же лицо.

Таким образом, введение нового квалифицирующего состава преступления, на наш взгляд, будет служить как превентивной мерой в предотвращении систематических хищений у одного и того же потерпевшего, так и позволит назначить лицу, совершившему подобные преступления, наказание, соответствующее уголовной политике государства.

¹См.: Приговоры. Официальный сайт Марковского городского суда. URL: https://markovskyy-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19001767&delo_id=1540006&new=0&text_number=I; https://markovskyy-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76712146&delo_id=1540006&new=0&text_number=I (дата обращения 24.03.2021).

²См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017, 2018 и 2019 гг. Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 24.03.2021).

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. 432 с.
2. *Рагозина И.Г.* Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. С. 35–38.

References

1. Russian Legislation of the X–XX Centuries: in 9 volumes / under the general editorship of O.I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1984. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia. 432 p.
2. *Ragozina I.G.* Criminal Law Policy of Countering Crimes Against Property // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. No. 2. P. 35–38.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-209-216

УДК 343.163

А.Ю. Чурикова

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА*

Введение: во всех сферах жизнедеятельности общества происходят активные процессы цифровизации. Темпы технологического прогресса ускоряются с каждым годом. С высокой долей вероятности можно утверждать, что не осталось человека, которого не коснулись процессы разворачивающейся на наших глазах технологической трансформации. Основной целью внедрения цифровых инструментов, вне зависимости от сферы применения, является повышение эффективности работы той или иной системы. Поэтому особую актуальность приобретает исследование проблем и перспектив применения цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства. **Цель:** установление основных существующих в настоящее время проблем, препятствующих цифровизации уголовного судопроизводства, проведение их анализа и поиск путей их устранения. **Методологическая основа:** было проведено социологическое исследование с использованием метода анкетирования среди адвокатов, сотрудников органов прокуратуры, следствия, дознания и суда. Полученные данные были систематизированы и проанализированы, для этого использовались логический и системно-структурный, частные методы научного познания. **Результаты:** выделен и проанализирован комплекс проблем, связанных с дублированием информации на бумажных носителях, обеспечением безопасности и надежности электронного документооборота, отсутствием общей цифровой платформы и отстающим уровнем цифрового развития в регионах. **Выводы:** проведение реформы уголовного судопроизводства, направленной на внедрение цифровых технологий, должно проводиться с учетом выявленных проблем цифровизации в практической деятельности.

Ключевые слова: риски цифровизации, уголовное судопроизводство, электронное уголовное дело, отказ от бумажных носителей, транспарентность, реформа уголовного процесса.

A.Y. Churikova

PROBLEMS DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN
CRIMINAL PROCEDURE

Background: active digitalization processes are observed in all spheres of society's life. The pace of technological progress is accelerating every year. With a high degree of probability, it can be argued that there is no one left who has not been touched by the

© Чурикова Анна Юрьевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и уголовного права (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина (филиал. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)); e-mail: a_tschurikova@bk.ru

© Churikova Anna Yuryevna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Administrative and criminal law (P.A. Stolypin Volga Institute of Management (branch. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation))

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

processes of the technological transformation unfolding before our eyes. The main purpose of the introduction of digital tools, regardless of the scope of application, is to increase the efficiency of a particular system. Therefore, the study of the problems and prospects of the use of digital technologies in the field of criminal proceedings is of particular relevance. Objective: to identify the main problems currently existing that hinder the digitalization of criminal proceedings, to analyze them and to find ways to eliminate them. Methodology: a sociological study was conducted using the questionnaire method among lawyers, employees of the prosecutor's office, investigation, inquiry and court. The obtained data were systematized and analyzed, for this purpose logical and system-structural private methods of scientific cognition were used. Results: a set of problems related to the duplication of information on paper, ensuring the security and reliability of electronic document management, the lack of a common digital platform and the lagging level of digital development in the regions are identified and analyzed. Conclusion: the reform of criminal proceedings aimed at the introduction of digital technologies should be carried out taking into account the identified problems of digitalization in practice.

Key-words: risks of digitalization, criminal proceedings, electronic criminal case, rejection of paper media, transparency, reform of the criminal process.

Вопросы цифровизации отечественного уголовного судопроизводства являются, пожалуй, одними из наиболее дискуссионных в среде теоретиков и практиков уголовного процесса. Исследованию различных аспектов цифровизации посвящено множество научных трудов за последние пять лет. Особенно актуальными стали исследования в данной сфере в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, буквально «вынудившей» правоприменителей переходить на цифровой формат взаимодействия, в т.ч. и в уголовном судопроизводстве [1; 2].

При этом отношение к цифровизации уголовного процесса отечественных ученых-процессуалистов крайне неоднозначно. Спектр позиций по этому вопросу представлен довольно широко: от революционного, предсказывающего в скором будущем коренное изменение всех этапов и механизмов уголовного судопроизводства, до резко консервативного, настаивающего на отсутствии каких бы то ни было сущностных изменений в уголовном процессе, несмотря на все наблюдаемые преобразования общественных отношений, вызванные развитием информационных технологий.

Так, некоторые ученые видят в цифровизации конец традиционного уголовного процесса и считают, что вскоре расследовать уголовные дела сможет фактически любое лицо, умеющее пользоваться соответствующей программой [3, с. 136]. Профессор А.С. Александров рассматривает достижения науки как причины для коренного изменения сущности уголовного процесса. В своих работах он пишет о наступлении «нового типа общественных отношений, нового государства» [3, 132], из чего логично вытекает и необходимость нового типа уголовного судопроизводства. Также, А.С. Александров довольно решительно заявляет о малопригодности в современных условиях классических следственных действий, в частности, по его мнению, такие действия, как выемка, обыск и осмотр, теряют свое значение в современном мире, где предметом выступает цифровая информация [3, 133]. Похожие мысли относительно эффекта от цифровизации в уголовно-процессуальном праве, а именно о его революционности можно встретить в работах А.И. Зазулина, Н.А. Колоколова, а также А.В. Смирнова [4; 5; 6].

Другие исследователи, напротив, полагают, что цифровизация не несет в себе ничего нового и говорить о каком-либо существенном технологическом прорыве нельзя [7; 8; 9]. Основной тезис этих авторов можно сформулировать как отсутствие фундаментальных изменений в осуществлении правосудия в уголовном процессе при внедрении цифровых технологий. Все изменения, происходящие внутри уголовного судопроизводства под влиянием технологической революции, касаются лишь формальных и технических сторон уголовного процесса, они хотя и способствуют повышению эффективности производства расследования и рассмотрения уголовных дел, однако не затрагивают сути уголовного судопроизводства и не носят в себе «революционного» характера [7, с. 22–24; 8, с. 97–103; 9, с. 83–85].

Несмотря на имеющиеся дискуссии, цифровизация всех сфер современной жизни является процессом неизбежным и обоснованно необходимым. Мы живем в век технологий, развивающихся стремительно и применяемых повсеместно. Именно широкое распространение среди всего населения устройств, позволяющих использовать информационно-телекоммуникационные технологии в повседневной жизни, создает острую потребность внедрения и использования данных технологий и в профессиональной сфере.

Развитие информационного общества, обеспечение возможности эффективно взаимодействия между обществом и государством являются стратегическими задачами для Российской Федерации.

В связи с этим представляется наиболее обоснованным подход к цифровизации уголовного судопроизводства как к необходимой потребности совершенствования процедуры расследования и рассмотрения уголовных дел, способной существенно облегчить деятельность прокуроров, следователей, судов и иных участников уголовного судопроизводства [10].

Цифровизация уголовного процесса также может способствовать его транспарентности, на необходимость которой указывают многие отечественные и зарубежные ученые [11; 12].

Однако цифровизация уголовного судопроизводства сопряжена с целым рядом проблем в области правоприменения, а правовой механизм цифровизации уголовного процесса остается дискуссионным вопросом и требует проведения соответствующих исследований. В качестве цели проводимого исследования предлагается установление основных существующих в настоящее время проблем, препятствующих цифровизации уголовного судопроизводства, их анализ и поиск путей их устранения.

С целью установления существующих в настоящее время проблем, связанных с цифровизацией уголовного судопроизводства, а также отношения практических работников органов прокуратуры, суда, следствия, дознания и адвокатов-защитников к цифровизации уголовного процесса было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в ходе которого было опрошено 110 адвокатов, 170 сотрудников следственных органов, 89 сотрудников подразделений дознания, 120 сотрудников органов прокуратуры, 28 сотрудников суда (судей, помощников судей и секретарей судебных заседаний). Выявленные методом анкетирования проблемы были систематизированы и проанализированы, что позволило выдвинуть предложения, направленные на устранение выявленных проблем.

На существующем этапе внедрения элементов цифровых технологий в уголовное судопроизводство можно выделить и структурировать следующие основные проблемы, связанные с переводом процессуальных документов в цифровой формат:

- дублирование информации на бумаге (двойная работа);
- получение недостоверной, случайной информации;
- отсутствие систем надежной защиты персональных данных;
- трудности выявления, пресечения и предупреждения хакинга и кибершпионажа;
- отсутствие общей цифровой платформы; несовместимость и разрозненность имеющегося программного обеспечения;
- отстающий уровень цифрового развития (особенно в сельской местности);
- недостатки правового регулирования.

На первый взгляд, преимущества перевода процессуальных документов с бумажных носителей в цифровой формат очевидны: упрощение доступа всех участников уголовного процесса к данным, касающимся уголовного дела; ускорение взаимодействия между этими участниками, а также решение проблемы отказа от регистрации обращений заявителя путем уговоров и различных предложений, что, к сожалению, мы наблюдаем на сегодняшний день [8, с. 96; 13].

Однако, как показывает проведенное социологическое исследование, именно это направление цифровизации вызывает наибольшие проблемы в правоприменительной практике. Подавляющее большинство респондентов указали на различные трудности, связанные с отказом от бумажных носителей и переходом на цифровой формат взаимодействия, а также хранения документации. В качестве основной проблемы, затрудняющей работу правоприменителей, сотрудниками органов прокуратуры, следствия и дознания обозначалось вынужденное дублирование информации на бумажном носителе (92,9%¹ следователей, 97,8% дознавателей, 87,5% прокурорских работников). Поясняя свой выбор, многие сотрудники правоохранительных органов отмечали, что, например, введенный в отделах электронный документооборот не облегчил им работу, а, наоборот, ее добавил. Это связано, в основном, с необоснованными требованиями руководства представлять документацию на подпись на бумажных носителях и лишь затем сканировать подписанный документ, переводя его тем самым в цифровой формат. Наличие у руководителей электронной цифровой подписи (далее — ЭЦП), как правило, не решает обозначенной проблемы. Некоторые правоприменители, например, указывали, что руководитель передал ЭЦП секретарю и обязал ставить ЭЦП на электронный документ только при наличии подписанного им бумажного документа. Такая ситуация приводит к дублированию документооборота и необоснованным затратам трудовых и материальных ресурсов. На недопустимость подобной практики указывают и ученые-процессуалисты. Так, Л.В. Головкин подчеркивает, что «перевод части процессуальных документов в электронную форму в лучшем случае приведет лишь к дублированию уголовных дел, что только усложнит и запутает ситуацию, а иногда будет приводить к откровенному хаосу» [7, с. 18].

Однако в науке встречаются и точки зрения, способствующие продвижению дублирования документооборота. Например, А.А. Петрикина, анализируя ис-

¹ В ходе анкетирования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, а также указать собственные варианты.

пользование электронных документов в уголовном процессе, приходит к выводу, что «существование уголовно-процессуальных актов в электронном виде не должно подменять их бумажный носитель» [14, с. 226]. В такой ситуации возникает вопрос: с какой целью создавать электронный документ, если его необходимо будет дублировать в бумажном виде? Представляется, что при цифровизации уголовного судопроизводства ученые и практики должны ориентироваться на полный отказ от бумажных носителей. Это позволит избежать дублирования выполняемой работы, а также ускорит судопроизводство. При этом должен быть не частичный перевод документов по делу в электронный формат, а полное ведение уголовного дела в цифровом формате с возможностью доступа к данному делу ограниченного круга лиц (расследующих, рассматривающих данное дело, контролирурующих и надзирающих органов и должностных лиц, а также иных участников процесса, имеющих на это право).

Вопросы безопасности и надежности электронного документооборота тревожат многих. Адвокатов-защитников в большей степени беспокоят проблемы, связанные с обеспечением конфиденциальности материалов дела. Большинство адвокатов опасаются получения недостоверной и случайной информации, подделки электронных документов (93,6% опрошенных), а также отсутствия систем надежной защиты персональных данных (91,8%). Вероятно это связано с довольно низким уровнем доверия граждан к цифровым носителям. Разумеется, это может создать дополнительные проблемы. Например, при опросе свидетелей, которые вряд ли захотят, чтобы их конфиденциальные данные хранились не у следователя в сейфе, а где-то «в облаке». Однако если сравнить существующий порядок ведения бумажных уголовных дел, а также ознакомления с ними с ведением и ознакомлением с материалами электронного уголовного дела, то представляется, что опасения, связанные с возможной недостоверностью и подделкой электронных документов, а также недостаточным обеспечением защиты персональных данных, несколько избыточны. Бумажные документы также подвергаются подделке. Наличие документа на бумажном носителе не страхует его от фальсификации, а также от внесения исправлений и подписания «задним числом». Документы в электронном виде, хранимые в специальной системе, в большей степени защищены от подобных действий, т.к. любые изменения и преобразования электронного документа можно отследить. Персональные данные участников процесса также доступны и в бумажном виде и могут быть скопированы при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. Принципиальной разницы между наличием и доступностью этих данных в материалах бумажного и электронного уголовного дела нет. Кроме того, существуют правовые нормы, направленные на защиту персональных данных; могут быть дополнены с учетом специфики электронного судопроизводства.

Довольно распространенным в среде правоприменителей является мнение о том, что как бы ни была надежна система, в которой хранятся данные касательно уголовного дела, вероятность хакерского взлома злоумышленниками всегда присутствует. Трудности выявления, пресечения и предупреждения хакинга и кибершпионажа в качестве проблем цифровизации в сфере уголовного судопроизводства отмечают 89,1% адвокатов, сотрудников органов 78,3% прокуратуры, 70,6% следователей, 73% дознавателей и 78,6% сотрудников суда. Подобные опасения являются небезосновательными. Использование цифровых техноло-

гий предполагает и усиленные способы защиты от попыток преднамеренного воздействия на материалы электронного уголовного дела.

Еще одним существенным препятствием на пути цифровизации уголовного судопроизводства является отсутствие общей цифровой платформы, а также несовместимость и разрозненность имеющегося программного обеспечения, используемого правоохранительными органами и судами. Данная проблема также приводит к дополнительной нагрузке на правоприменителей. Используемые практически работниками базы в большинстве своем не взаимодействуют, что делает невозможным автоматический обмен данными между используемыми программами и сотрудникам сведения приходится заносить вручную, при этом зачастую эти сведения дублируются. Решение обозначенной проблемы видится в унификации и интегрировании между собой используемого программного обеспечения. Поля с информацией, уже имеющейся в различных базах, используемых правоохранительными органами, должны заполняться программой автоматически с возможностью корректировки правоприменителями.

Проведение любых реформ, направленных на цифровизацию, осложняется неравномерным уровнем цифрового развития по регионам. В качестве ключевой проблемы цифровизации отстающий уровень цифрового развития обозначили 100% опрошенных сотрудников суда, 87,5% прокуроров, 94,4% дознавателей, 72,4% следователей и 73,6% адвокатов. Мировые судьи указывают на тот факт, что большинство участков мировых судов не оснащены для проведения видеоконференц-связи, возможность использования которой предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законодательством. В итоге мировые судьи вынуждены проводить выездные судебные заседания в помещениях районного суда, оснащенных необходимым оборудованием. Устранить данную проблему возможно лишь при достаточном уровне финансирования, направленного на техническое оснащение участников мировых судов.

Выявленные и рассмотренные проблемы цифровизации отечественного уголовного судопроизводства оказывают существенное влияние на реформирование уголовного процесса. Создание правового регулирования, направленного на внедрение цифровых технологий, должно осуществляться с учетом проблем правоприменения, существующих в настоящее время. От решения рассмотренных проблем цифровизации зависит уровень прозрачности и открытости уголовного судопроизводства, его законность и обоснованность, соблюдение сроков расследования и рассмотрения дела. Одной из основных проблем, с которой сталкиваются лица, участвующие в уголовном процессе, является непредоставление или несвоевременное предоставление информации о принятых по материалу проверки или уголовному делу решениях. Обеспечить должный уровень транспарентности способно последовательное внедрение цифровых технологий в сферу уголовного судопроизводства, осуществляемое с учетом выявленных проблем и возможных путей их решения.

Библиографический список

1. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 5–15.

2. *Спесивов Н.В., Титов А.А.* Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193–200.

3. *Александров А.С.* Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.

4. *Зазулин А.И.* Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам. М., 2019. 168 с.

5. *Колоколов Н.А.* Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 3–6.

6. *Смирнов А.В.* 2050 год: постсостязательный процесс? // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г.) / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М.: ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. С. 95–102.

7. *Головки Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

8. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Науки криминального цикла. 2019. № 5 (150). С. 91–104.

9. *Лавнов М.А.* Цифровизация уголовного судопроизводства и наднациональные стандарты построения правовой модели деятельности прокурора // Юридическая наука. Научно-практический журнал. 2020. № 11. С. 80–85.

10. *Cordella A. et al.* Digital Technologies for Better Justice: A toolkit for Action. 2020. 101 p.

11. *Bibas S.* Transparency and participation in criminal procedure // NYUL rev. 2006. T. 81. P. 911.

12. *Тарасов А.А.* Транспарентность правосудия — сущностный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 15–20.

13. *Усачев А.А.* Прием сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т. (Тамбов, 24–25 мая 2019 г.) / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 438–442.

14. *Петрикина А.А.* Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве: проблемы, тенденции, перспективы // Современная научная мысль. 2017. № 2. С. 222–226.

References

1. *Andreeva O.I., Kachalova O.V.* The Russian Criminal Process in the Era of Coronavirus: Challenges of the Time // Bulletin of the Tomsk State University. Law. 2020. No. 36. P. 5–15.

2. *Spesivov N.V., Titov A.A.* The COVID-19 Pandemic as a Factor of “Forced Digitalization” of Russian Criminal Proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 3 (134). P. 193–200.

3. *Aleksandrov A.S.* Problems of the Theory of Criminal Procedure of Proof that Must Be Addressed in Connection with the Transition to the Digital Age // The Judiciary and the Penal Process. 2018. No. 2. P. 130–139.

4. *Zazulin A.I.* The Use of Digital Information in Evidence in Criminal Cases. Moscow, 2019. 168 p.

5. *Kolokolov N.A.* Once Again About Artificial Intelligence in Justice // Criminal proceedings. 2020. No. 4. P. 3–6.

6. *Smirnov A.V.* 2050: The Post-Competitive Process? // Criminal justice: the Connection of Times. Selected materials of the international scientific conference (St. Petersburg,

October 6-8, 2010) / comp. A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky. M.: Aktion-Media CJSC, 2012. P. 95–102.

7. *Golovko L.V.* Digitalization in Criminal Proceedings: Local Optimization or Global Revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 15–25.

8. *Voskobitova L.A.* Criminal Proceedings and Digital Technologies: Problems of Compatibility // Sciences of the Criminal Cycle. 2019. No. 5 (150). P. 91–104.

9. *Lavnov M.A.* Digitalization of Criminal Proceedings and Supranational Standards for Building a Legal Model of the Prosecutor's Activity // Legal Science. Scientific and Practical journal. 2020. No. 11. P. 80–85.

10. *Cordella A.* et al. Digital Technologies for Better Justice: A Toolkit for Action. 2020. 101 p.

11. *Bibas S.* Transparency and Participation in Criminal Procedure // NYUL rev. 2006. T. 81. P. 911.

12. *Tarasov A.A.* Transparency of Justice – an Essential Feature of the rule of Law // The Rule of Law: Theory and Practice. 2013. No. 4 (34). P. 15–20.

13. *Usachev A.A.* Reception of Reports on Crimes in the Conditions of the Development of Digital Technologies // Tambov legal readings named after F. N. Plevako: Materials of the III International scientific and practical Conference: in 2 volumes (Tambov, May 24-25, 2019) / The responsible editor is V.Y. Stromov. Tambov: Publishing House "Derzhavinsky", 2019. P. 438–442.

14. *Petrikina A.A.* The Use of Electronic Documents in Criminal Proceedings: Problems, Trends, Prospects // Modern scientific thought. 2017. No. 2. P. 222–226.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-217-223

УДК 343.09

Л.Г. Шапиро, И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 110, 110.1 И 110.2 УК РФ, КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Введение: выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является важной задачей следователя при производстве по уголовному делу. Решение этой задачи отличается определенной спецификой при расследовании дел о доведении до самоубийства, склонении к совершению самоубийства или содействии совершению самоубийства, а также об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. **Цель:** установление качественного уровня деятельности правоохранительных органов по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 и 110.2, на основе обобщения материалов правоприменительной практики; определение основных факторов, способствующих совершению данных преступлений, а также способов их выявления. **Методологическая основа:** диалектический метод, а также комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, сравнение, аналогия, системный метод и др.). **Результаты:** установлен в основном формальный подход правоприменителей к выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных ст. 110, ст. 110.1, ст. 110.2 УК РФ; определены основные факторы, облегчающие реализацию объективной стороны доведения до самоубийства или побуждения к его совершению (отсутствие должного контроля за действиями правонарушителя, длительное злоупотребление спиртными напитками, склонность к жестокому и агрессивному поведению и пр.). К факторам,

© Шапиро Людмила Геннадьевна, 2021

Доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминалистики, профессор (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

© Гвоздева Ирина Сергеевна, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: gvozdeva-irina@yandex.ru

© Южанинова Алла Леонидовна, 2021

Кандидат психологических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: juzhaninova-alla@yandex.ru

© Shapiro Lyudmila Gennadievna, 2021

Doctor of law, Head of the Department of Criminology, Professor (Saratov State Law Academy)

© Gvozdeva Irina Sergeevna, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

© Yuzhaninova Alla Leonidovna, 2021

Candidate of psychological sciences, Associate Professor, Department of Legal psychology, forensic examination and pedagogy (Saratov State Law Academy)

способствующим суицидальному поведению, могут быть отнесены личностные и характерологические особенности потерпевшего. **Выводы:** эффективное выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с совершением самоубийств, обусловлено тщательным установлением обстоятельств, способствовавших их совершению; обстоятельства, способствовавшие совершению данных преступлений, представляют собой сложную систему, в которой необходимо выделить два элемента: 1) обстоятельства, способствовавшие совершению суицида; 2) обстоятельства, способствовавшие доведению до самоубийства или побуждению к его совершению.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, побуждение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, предупреждение самоубийств, способствовавшие совершению преступления обстоятельства.

L.G. Shapiro, I.S. Gvozdeva, A.L. Yuzhaninova

ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES THAT CONTRIBUTED TO THE COMMISSION OF CRIMES UNDER ARTICLES 110, 110.1 AND 110.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN EFFECTIVE MEANS OF PREVENTING THEM

Background: identifying the circumstances that contributed to the commission of a crime is an important task of the investigator in the criminal case. The solution of this problem is characterized by certain specifics in the investigation of cases of incitement to suicide, inducement to commit suicide or assistance in committing suicide, as well as the organization of activities aimed at inducing suicide. **Objective:** establishing the qualitative level of law enforcement agencies' activities to identify the circumstances that contributed to the commission of crimes under Articles 110, 110.1 and 110.2, based on the generalization of law enforcement practice materials; determining the main factors contributing to the commission of these crimes, as well as ways to identify them. **Methodology:** dialectical method, as well as a complex of general scientific and special methods of scientific knowledge (analysis, comparison, analogy, systemic method, etc.). **Results:** basically, the formal approach of law enforcement officers to identifying the circumstances contributing to the commission of crimes under Articles 110, 110.1, 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation has been established; the main factors facilitating the implementation of the objective side of suicide or inducement to commit it (lack of proper control over the actions of the offender, prolonged alcohol abuse, propensity to violent and aggressive behavior, etc.) have been identified. The factors contributing to suicidal behavior may include the personal and characterological characteristics of the victim. **Conclusions:** effective detection, disclosure, investigation and prevention of crimes related to the commission of suicides is due to the careful establishment of the circumstances that contributed to their commission; the circumstances that contributed to the commission of these crimes are a complex system in which two elements must be distinguished: 1) circumstances that contributed to the commission of suicide; 2) circumstances that contributed to the incitement to suicide or the inducement to commit it.

Key-words: incitement to suicide, inducement to commit suicide, assistance in committing suicide, prevention of suicides, contributing to the commission of the crime circumstances.

Россия с начала 1990-х гг. занимает одно из первых мест в мире по частоте самоубийств¹. На сегодняшний день приходится констатировать, что суицид представляет собой серьезную проблему и имеет комплексный характер. По данным Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ), каждый год около 800 000 человек кончают жизнь самоубийством, и гораздо больше людей совершают попытки самоубийства². Следует отметить, что официальные статистические данные о количестве самоубийств не отражают реальную ситуацию, поскольку они содержат только зарегистрированные случаи. Неудачных попыток суицидов намного больше, однако они, как правило, нигде не фиксируются [1, с. 89].

ВОЗ провозглашает, что в целях предотвращения самоубийств необходима координация и совместная работа здравоохранения, образования, правосудия, права, политики, СМИ и других секторов общества³. В этой связи, помимо традиционного рассмотрения суицидального поведения как социальной и медицинской проблемы, все большее внимание исследователей привлекает ее изучение с позиций различных правовых наук. В частности, справедливо предлагается включить криминалистическую компоненту в качестве раздела суицидологии [2, с. 84].

Криминалистика как наука о раскрытии и расследовании преступлений позволяет выработать инструментарий борьбы с суицидами в тех случаях, когда самоубийство или попытка его совершения были спровоцированы чьими-либо противоправными действиями. В число таких действий входят преступления, предусмотренные ст. 110 «Доведение до самоубийства»⁴, 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» УК РФ.

Бурное развитие в последние годы информационно-телекоммуникационных технологий обусловило активное использование в целях совершения указанных преступлений сети Интернет. В этой связи 26 февраля 2020 года Президент РФ В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России подчеркнул необходимость постоянного внимания правоохранительных органов к интернет-пространству, «в котором продолжают действовать разного рода радикальные группы, пропагандирующие уголовную субкультуру, склоняющие подростков к самоубийствам, совершению правонарушений»⁵.

По делам о данных преступлениях для выработки обоснованных криминалистических рекомендаций особое значение приобретает изучение системы обстоятельств, входящих в предмет доказывания. При этом выявление причин

¹ См.: *Родяшин Е.В., Раева Т.В.* и др. Суицидальное поведение у детей и подростков: факторы риска и защиты. Тюмень, 2013. URL: http://togirro.ru/assets/files/1_ViS/pamytki/suicidalnoe_povedenie_u_detei_i_podroستkov (дата обращения: 16.09.2021).

² URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 26.07.2021).

³ См.: Всемирная организация здравоохранения. Главная страница / Центр СМИ / Информационные бюллетени / Подробнее / Самоубийство. https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 08.08.2021).

⁴ Как отметил в своем интервью газете «Известия» старший помощник Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игорь Комиссаров, количество направленных в суд уголовных дел, возбужденных по ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»), оказывается не больше 2,5% от количества возбужденных дел. Интервью. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ См.: Стенограмма заседания коллегии МВД России 2020 года. Президент России: официальный сайт. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-kolleгии-mvd-rossii-26-02-2020.html> (дата обращения: 14.06.2021).

и условий, способствующих их совершению, является ключевым по важности аспектом как с точки зрения реализации принципа справедливости при назначении наказания за данные деяния, так и с точки зрения профилактики преступлений данного вида. Очевидно, что эффективная борьба с рассматриваемыми преступлениями, а также их профилактика без уяснения обстоятельств, способствовавших их совершению, невозможна. Именно поэтому установление данного элемента предмета доказывания по уголовным делам рассматриваемой категории при их раскрытии и расследовании имеет важное значение.

Для целей настоящего исследования были проанализированы тексты 88 приговоров по делам о суицидах и попытках суицида, полученные по запросу, сформированному с использованием интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ». Анализ данных материалов показал, что ни в одном из приговоров не было дано (в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ) отдельной оценки установлению на предварительном следствии обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Вместе с тем нельзя сказать, что судами совершенно не анализировались предпосылки для совершения подобных деяний. Однако судить об этом на основе анализировавшихся материалов можно только предположительно. Так, в 13% случаев указано, что длительное злоупотребление алкоголем послужило «причиной поступков» подсудимого, его «систематического жестокого обращения» с потерпевшими¹.

Почти в 6% приговоров упоминается, что состояние погибшего или пытавшегося покончить с собой лица, сложившееся в результате длительной психотравмирующей ситуации, способствовало суицидальному поведению. Так, например, в одном из приговоров сказано, что «на фоне противоправных действий со стороны Л. психическое состояние ФИО222 ухудшилось с достижением уровня невротической депрессии и характеризовалось значительным истощением психических ресурсов. Это же способствовало снижению настроения, развитию раздражительности, погруженности в психотравмирующие переживания с ощущением своей несостоятельности и униженности, появлению представления об отсутствии возможности найти рациональные выходы из сложившейся ситуации. Данное состояние предрасполагало ФИО223 к принятию им решения о самоубийстве»².

Другим примером служит описание в приговоре ситуации, когда состояние потерпевшей «препятствовало поиску конструктивного выхода из сложившейся ситуации, например, полному разрыву отношений, приводило к ... попаданию в психологическую зависимость» от подсудимого, что «оказало существенное влияние на формирование суицидального намерения с последующей его реализацией»³. Еще в одном из приговоров косвенно указывается на способствование совершению попытки суицида несовершеннолетней частых конфликтов между потерпевшей и матерью, при этом действия по побуждению к суициду совершала с использованием сети Интернет подруга потерпевшей. Однако в рас-

¹ См., например: Приговор по делу №1-6/2017 Кукморского районного суда Республики Татарстан от 26 июня 2017 года; Приговор по делу № 1-219/2017 Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 29 сентября 2017 года; Приговор по делу № 1-107-2015 Агинского районного суда Забайкальского края от 8 июня 2015 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 10.08.2021).

² См.: Приговор по делу № 1-123/2017 Хабаровского гарнизонного военного суда от 11 мая 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

³ Приговор по делу № 1-124/2018 Кудымкарского городского суд Пермского края от 4 июля 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

смаатриваемом случае ни следствие, ни суд к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления, систематические конфликты в семье не отнесли¹.

В одном из приговоров (т.е. менее, чем в 1% от всех приговоров) отмечается, что сложившаяся ситуация обуславливалась отсутствием в непосредственной близости лиц, способных пресечь противоправные действия подсудимого².

Необходимо отметить, что рассмотрение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с точки зрения изучения вопросов предотвращения данного вида деяний требует оценки предпринимавшихся представителями правоприменительных органов мер по их профилактике и пресечению. Только в двух из всех изученных приговоров упоминается, что сотрудниками правоохранительных органов предпринимались попытки бороться с действиями по совершению доведения до самоубийства и побуждению к совершению самоубийства. В качестве таких мер названы профилактические беседы, которые проводили участковый³ и старший оперуполномоченный ФКУ ИК⁴. При этом в 27% приговоров упоминалось, что противоправные действия подсудимых носили длительный характер — от года до 11 лет (например, 2 года⁵, 3 года⁶ и более), а в 31% случаев действия преступников совершались в присутствии посторонних лиц, что еще больше угнетало, оскорбляло и унижало потерпевших. Таким образом, практически в трети всех случаев о противоправных действиях знали окружающие, но предотвратить совершение преступления не пытались.

Более того, в 12% случаев потерпевшие сообщали кому-либо из окружающих о своем желании совершить суицид или о нежелании жить. Так, например, одна из потерпевших по дороге домой из травмпункта, куда ее пришлось доставить родственникам после избиения одним из сыновей, сказала второму сыну, что хочет скорее умереть, т.к. не может терпеть издевательства его брата⁷. В другом случае потерпевшая прямо высказалась о возможном совершении самоубийства⁸. В этой связи оправданным видится заявление Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о том, что «несмотря на свидетельства того, что многие смерти можно предотвратить, и нередко с применением малозатратных вмешательств, проблема самоубийств слишком часто занимает низкоприоритетные позиции на повестке дня государственных органов и руководителей различных стран мира»⁹.

Анализ опубликованных приговоров, проведенный нами в целях настоящего исследования, показал, что судами чаще всего (около 68%) дается оценка

¹ См.: Приговор по делу № 1-25/2018 Судакского городского суда Республики Крым от 7 мая 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

² См.: Приговор по делу №1-462/2013 Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 11 сентября 2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

³ См.: Приговор по делу № 1-612-15 Центрального районного суда г. Чита от 2 декабря 2015 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

⁴ См.: Приговор по делу № 1-19/2013 Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 15 апреля 2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 12.08.2021).

⁵ Приговор по делу № 1-107/2018 Шелковского районного суда Чеченской Республики от 12 ноября 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.08.2021).

⁶ См.: Приговор по делу №1-462/2013 Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 11 сентября 2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.08.2021).

⁷ См.: Приговор по делу №1-67/2019 Ленинского районного суда г. Краснодара от 16 мая 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.08.2021).

⁸ См.: Приговор по делу № 1-107-2015 Агинского районного суда Забайкальского края от 8 июня 2015 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 13.08.2021).

⁹ Всемирная организация здравоохранения. Предотвращение самоубийств: глобальный императив. URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 10.08.2021).

только тем факторам, которые облегчали непосредственное совершение деяния правонарушителем, например аморальный образ жизни обвиняемого, отсутствие должного контроля за ним со стороны родителей в случаях, когда обвинялся несовершеннолетний, и т.п. Вместе с тем по данной категории дел последствия наступают, если в ответ на действия обвиняемого совершил действия потерпевший, т.е. в механизме преступления представлены два вида деятельности: 1) деятельность правонарушителя по доведению до самоубийства или побуждению к его совершению; 2) деятельность потерпевшего по совершению суицида.

При этом очевидно, что действия потерпевшего также могли быть как пресечены или затруднены, что повлекло бы за собой отказ от совершения суицида или его попытки, так и облегчены, что повлекло бы за собой совершение самоубийства. Из этого следует закономерный вывод, что по данной категории дел обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, представляют собой сложную систему, в которой необходимо выделить два элемента: 1) обстоятельства, способствовавшие совершению суицида; 2) обстоятельства, способствовавшие доведению до самоубийства или побуждению к его совершению.

Из проанализированных материалов видно, что к факторам, облегчающим реализацию доведения до самоубийства или побуждения к его совершению, можно отнести отсутствие должного контроля за действиями правонарушителя, длительное злоупотребление спиртными напитками, склонность к жестокому и агрессивному поведению и пр. К факторам, способствующим суицидальному поведению, могут быть отнесены личностные и характерологические особенности потерпевшего, специфика его профессиональной (служебной) деятельности, в т.ч. прохождение военной службы, содержание в местах лишения свободы, конфликты в семье и т.п. [2, с. 12–13].

Зачастую принятие человеком решения лишить себя жизни обуславливается комплексом факторов в затянувшейся ситуации психотравмирующего характера при отсутствии понимания и поддержки со стороны окружающих. Особенно сложно противостоять этим факторам несовершеннолетним, которые живут в проблемных семьях, часто благополучных с внешней стороны, не имеют увлечений, сталкиваются с трудностями при общении со сверстниками и т.д.¹ В литературе также справедливо отмечается современная тенденция в среде несовершеннолетних: их внимание часто привлекают так называемые «группы смерти», а после вступления в эти группы у подростков появляется одобрительное мнение о суицидальном акте (так называемый эффект Вертера), особенно в случае наличия у ребенка какой-либо проблемы, имеющей по его мнению, неразрешимый характер [4, с. 137–138]. Детерминантой, повышающей риск совершения суицида, ВОЗ называет ранее предпринимавшиеся попытки лица свести счеты с жизнью² (из проанализированных случаев упоминание о совершившихся ранее попытках суицида встречается почти в 3% приговоров).

Информационной основой установления факторов, обуславливающих реализацию преступной деятельности, предусмотренной ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ, и суицидального поведения, являются аккаунты подозреваемых (обвиняемых)

¹ См.: Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия». URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735/> (дата обращения: 15.09.2021).

² См.: Всемирная организация здравоохранения. Предотвращение самоубийств: глобальный императив. URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 11.08.2021).

и погибших в результате суицидов в социальных сетях. В качестве основных источников информации об обстоятельствах, способствовавших совершению исследуемой категории преступлений, также могут выступать показания свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), заключения специалистов, заключения экспертов (психологов, психиатров) [5].

В заключение отметим, что в целом анализ правоприменительной практики свидетельствует о формальном подходе правоприменителей к решению вопроса об установлении обстоятельств, способствовавших совершению деяний, предусмотренных ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, и ограничении его преимущественным выяснением факторов, способствующих совершению объективной стороны преступлений. Вместе с тем для адекватной правовой оценки совершенного деяния, а также осуществления эффективной борьбы с рассмотренными преступлениями необходимо тщательное исследование обоих компонентов этой системы, составляющих ее информационную основу. В любом случае важнейшим средством профилактики суицидов является своевременное оказание лицу, оказавшемуся под влиянием негативных факторов, бесплатной психологической помощи с целью улучшения его психологического состояния.

Библиографический список

1. Кузина И.Г., Орлова И.А. Факторы суицидального поведения: теоретический аспект проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14–1. С. 88–94.
2. Лисовецкий А.Л., Бертовский Л.В., Поздняков В.М. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия // Суицидология. 2018. № 9 (1). С. 81–86.
3. Бурыковская Е.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 228 с.
4. Пучнина М.Ю. Криминогенные факторы, способствующие возникновению суицидальных настроений среди несовершеннолетних // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: сборник статей / редкол.: А.Н. Подчерняев и др. Орел: Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 135–139.
5. Гвоздева И.С., Шапиро Л.Г., Южанинова А.Л. Специальные психологические знания при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети «Интернет» // Суицидология. 2018. № 4 (33). С. 118–137.

References

1. Kuzina I.G., Orlova I.A. Factors of Suicidal Behavior: a Theoretical Aspect of the Problem // Bulletin of the Buryat State University. 2015. No. 14–1. P. 88–94.
2. Lisovetskiy A.L., Bertovskiy L.V., Pozdnyakov V.M. Suicidology and Criminalistics: Ways of Interaction // Suicidology. 2018. No. 9 (1). P. 81–86.
3. Buryakovskaya E.V. Criminal Law and Criminological Characteristics of Inducement to Suicide: diss. ... cand. of law. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. 228 p.
4. Puchnina M.Yu. Criminogenic Factors Contributing to the Emergence of Suicidal Moods Among Minors // Problems of Combating Criminality in Modern Conditions: a collection of articles. Editorial Board: A.N. Podchernyaev et al. Oryol: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2017. P. 135–139.
5. Gvozdeva I.S., Shapiro L.G., Yuzhaninova A.L. Special Psychological Knowledge in the Investigation of the Minority Awards to Successful by Succeeding with the Internet Network // Suicidology. 2018. No. 4 (33). P. 118–137.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-224-229

УДК 343

Л.Г. Шапиро

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Введение: активная цифровизация и глобализация преступности обуславливает необходимость пересмотра традиционных криминалистических средств и методов выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, т.е. трансформации криминалистической науки. Прежде всего, актуальна трансформация ее заключительного раздела — криминалистической методики, которая должна отвечать современным потребностям правоприменительной практики путем разработки научнообоснованных рекомендаций по противодействию преступлениям, совершенным с использованием электронно-коммуникационных технологий. **Цель:** определение дальнейших возможных направлений развития криминалистической методики расследования преступлений в условиях цифровизации общества. **Методологическая основа:** диалектический метод, а также комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, сравнение, аналогия, системный метод и др.). **Результаты:** сформулированы основные направления развития криминалистической методики в условиях цифровизации преступности: формирование самостоятельного подраздела в системе ее общих положений, содержащего общие рекомендации по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий; разработка дополнительных элементов в структуре частных криминалистических методик расследования отдельных видов (категорий) преступлений, которые наряду с традиционными способами могут совершаться также посредством использования цифровых технологий. **Выводы:** в структуре криминалистической методики целесообразно предусмотреть методику судебного следствия на основе цифровых технологий; в целях повышения качества противодействия цифровой преступности необходима разработка учебной дисциплины «Цифровизация расследования преступлений».

Ключевые слова: криминалистическая методика, трансформация криминалистики, цифровизация преступности, алгоритмизация расследования, цифровизация расследования.

© Шапиро Людмила Геннадьевна, 2021

Доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминалистики, профессор (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

© Shapiro Lyudmila Gennadievna, 2021

Doctor of law, Head of the Criminalistics department, Professor (Saratov State Law Academy)

L.G. Shapiro

THE MAIN DIRECTIONS OF CRIMINALISTICS METHODOLOGY
DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION
AND GLOBALIZATION OF CRIME

Background: active digitalization and globalization of crime necessitates the revision of traditional forensic tools and methods of detection, disclosure, investigation and prevention of crimes, that is, the transformation of forensic science. First of all, the transformation of its final section is relevant — the criminalistics methodology, which should meet the modern needs of law enforcement practice by developing scientifically based recommendations on countering crimes committed using electronic communication technologies. **Objective:** to determine further possible directions for the development of criminalistics methods of crime investigation in the conditions of digitalization of society. **Methodology:** dialectical method, as well as a set of general scientific and special methods of scientific cognition (analysis, comparison, analogy, system method, etc.). **Results:** the main directions of the development of criminalistics methodology in the conditions of digitalization of crime are formulated: the formation of an independent subsection in the system of its general provisions containing general recommendations for the identification, disclosure, investigation and prevention of crimes committed with the use of information and communication technologies; development of additional elements in the structure of private forensic methods of investigation of certain types (categories) of crimes, which, along with traditional methods, can also be committed through the use of digital technologies. **Conclusions:** in the structure of the forensic methodology, it is advisable to consider the methodology of judicial investigation based on digital technologies; in order to improve the quality of countering digital crime, it is necessary to develop the academic discipline “Digitalization of crime investigation”.

Key-words: forensic methodology, transformation of criminology, digitalization of crime, algorithmization of investigation, digitalization of investigation.

В последние годы в связи с активной цифровизацией всех сфер жизни общества происходит также активная цифровизация и глобализация преступности, появляются новые дистанционные способы и механизмы совершения различных видов преступлений, обуславливающие возникновение цифровых следов преступной деятельности. «Цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [1, с. 147]. В целях обеспечения эффективного противодействия преступности в условиях ее цифровизации и глобализации деятельность правоохранительных органов также должна быть обеспечена электронно-коммуникационными технологиями и научными рекомендациями по их реализации.

Преступления, совершаемые с использованием компьютерных средств, Е.Р. Россинская справедливо предлагает именовать «компьютерными преступлениями», т.к. «дефиниция „компьютерное преступление” должна употребляться не в уголовно-правовом, а в криминалистическом аспекте, поскольку связана не с квалификацией, а со способом совершения преступления и соответственно, с методикой его раскрытия и расследования» [1, с. 146].

Криминалистическая наука, призванная содействовать качественной борьбе с преступностью посредством разработки и внедрения в практику различных

средств, приемов и методов, требует серьезной трансформации, в т.ч. цифрового характера, что обеспечит более высокий уровень качества выявления, расследования и предупреждения преступлений. Трансформации подлежат все разделы криминалистики. В первую очередь это касается криминалистической методики. «В своем нынешнем виде она представляется малоэффективной теоретической системой, лишенной свойств массовости, детерминированности и результативности» [2, с. 64].

Трансформация криминалистической методики может осуществляться по двум основным направлениям:

1) формирование самостоятельного подраздела в системе ее общих положений, содержащего общие рекомендации по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий;

2) разработка дополнительных элементов в структуре частных криминалистических методик расследования отдельных видов (категорий) преступлений, которые наряду с традиционными способами могут совершаться также посредством использования цифровых технологий.

Эти элементы должны содержать информацию и рекомендации относительно производства расследования отдельного вида (категории) преступлений, совершенных с применением дистанционных технологий, на основе информационно-компьютерного обеспечения. Например, частная криминалистическая методика должна содержать сведения о цифровых технологиях криминалистического анализа значительных объемов информации, формирующих ситуацию расследования, осуществления планирования действий следователя в различных ситуациях.

Особое внимание следует обратить на дальнейшее развитие такой категории, как криминалистическая характеристика преступлений, которая также должна трансформироваться и дополняться новыми элементами. В ее структуру целесообразно включить дополнительный элемент, характеризующий особенности дистанционного совершения того или иного преступления. Учитывая, что криминалистическая характеристика преступления в самом общем виде представляет собой его информационную модель, большую практическую значимость будет иметь разработка виртуальных (цифровых) криминалистических характеристик отдельных видов преступлений.

Дополнительным элементом частной криминалистической методики может стать и методика судебного следствия, на основе цифрового формата, что будет способствовать обеспечению потребностей современной правоприменительной практики и качественному решению задач уголовного судопроизводства. Установление и учет судебных ситуаций — одна из важнейших задач криминалистической методики.

О необходимости перестроения традиционной структуры криминалистической методики, в т.ч., посредством дополнения ее методикой судебного следствия, писали и другие авторы. Так, в обоснование данного предложения В.К. Гавло и Е.А. Жегалов отмечали: «...деятельность суда по организации и проведению судебного следствия, исследования доказательств и проведению судебных действий является реализацией не тактики, а методики судебного следствия, поскольку суд не является ни стороной обвинения, ни стороной защиты и не противополо-

ставляет себя им, но с учетом их противоположных интересов и целей...должен особым образом выстраивать свои собственные действия» [3, с. 66].

Говоря о дальнейшем развитии криминалистической методики, следует также отметить, что одна из острых проблем правоприменительной деятельности связана со сложностями в использовании излишне теоретизированных и громоздких частных криминалистических методик работниками следствия и дознания, которые нуждаются в более четких и конкретных научно-методических рекомендациях. Не умаляя важности и необходимости для развития криминалистической науки и правоприменительной практики дальнейшего формирования полноструктурных методик расследования отдельных видов преступлений, также полагаю целесообразным адаптировать их для широкого практического использования. В этой связи в структуру каждой частной криминалистической методики в качестве самостоятельного элемента целесообразно включить алгоритм (программу) действий следователя, что позволит связать теоретические разработки с практическими потребностями, обусловит их реализацию.

По данному вопросу заслуживает поддержки позиция А.С. Шаталова, полагающего, что концептуально методика расследования преступлений должна совершенствоваться «в контексте криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений, исходные положения которой в криминалистике уже содержатся, но пока в незаконченном виде» [2, с. 66]. Автором предложено дополнение криминалистической методики «учением о криминалистической алгоритмизации и программировании расследования преступлений. Появление нового структурного элемента в общих положениях криминалистической методики закономерно повлечет конкретизацию структуры самих частных криминалистических методик» [2, с. 69].

Проблема формирования алгоритмов деятельности следователя по различным категориям уголовных дел во многом обусловлена необходимостью предусмотреть все максимально возможные ситуации. Ее решение связано с формированием широкой эмпирической базы, включающей материалы уголовных дел различных категорий, с целью уяснения закономерностей процессуальной деятельности следователя, дознавателя, эксперта, специалиста и обобщения передового опыта, благодаря чему можно установить «оптимальную последовательность действий этих субъектов в типичных следственных ситуациях с тем, чтобы изложить ее для дальнейшего использования в виде криминалистических алгоритмов и программ расследования» [2, с. 74].

В целях своевременного выявления признаков совершенного преступления и возбуждения уголовного дела целесообразно на основе цифровизации организовать взаимодействие следователя, прежде всего, с контролирующими органами, которые в рамках своей служебной деятельности сталкиваются со следами-признаками различных преступлений. Научно-обоснованные рекомендации о наиболее эффективной деятельности такого рода также целесообразно размещать в соответствующих структурных элементах частных криминалистических методик. Реализация данного предложения обеспечит, в частности, оперативный обмен информацией о преступлении, своевременное пресечение преступной деятельности, привлечение необходимого специалиста (эксперта) к участию в проверке информации о совершенном преступлении и его расследовании.

Дальнейшего развития требует вопрос о разработке электронного уголовного дела и его использовании на всех стадиях уголовного судопроизводства, широкое применение дистанционных форм проведения процессуальных действий, включая участие в судебных заседаниях всех заинтересованных лиц [4, с. 13].

В этой связи заслуживает внимания опыт Республики Казахстан, в уголовно-процессуальное законодательство которого в декабре 2017 г. были внесены изменения, предусматривающие возможность проводить расследование по уголовным делам в электронном формате. На сайте Верховного Суда Республики Казахстан размещена информация о том, что первое электронное уголовное дело было рассмотрено уже в январе 2018 г. Всего в 2018 г. было расследовано свыше 15 000 электронных уголовных дел о проступках и преступлениях небольшой тяжести, из которых более 4 000 направлено в суд [5, с. 199].

Дистанционные технологии могут не только обеспечивать высокое качество борьбы с преступностью, но и применяться в учебном процессе, при повышении квалификации практических работников, которых нужно обучать основам работы с информационно-коммуникационными технологиями. В связи с этим целесообразна разработка учебной дисциплины «Цифровизация расследования преступлений», поскольку «разрыв между практикой расследования преступлений, где имеют место «цифровые» следы-последствия преступной деятельности, и теорией криминалистики, связанной с обучением и образованием будущих правоприменителей, с каждым днем все больше увеличивается» [6, с. 20].

В заключение хотелось бы подчеркнуть большое значение реализации специальных знаний в сфере цифровых технологий в целях установления и исследования обстоятельств компьютерных преступлений, необходимость обучения студентов и практических работников правоохранительных органов работе с цифровыми следами и цифровыми технологиями при расследовании преступлений, активного производства дальнейших научных исследований по данной проблематике.

Библиографический список

1. *Росинская Е.Р.* К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского ун-та. 2019. Т. 5. № 4. С. 144–151.
2. *Шаталов А.С.* Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1 (19). С. 64–81.
3. *Гавло В.К., Жегалов Е.А.* Тактика и методика судебного следствия // Известия Алтайского государственного университета. 2004. № 2 (32). С. 64–71.
4. *Зуев С.В.* Цифровая уголовно-процессуальная политика // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. Вып. XVI. С. 11–17.
5. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран. М., 2020. 216 с.
6. *Комаров И.М.* Некоторые проблемные вопросы «цифровизации» в криминалистике // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. Вып. XVI. С. 18–20.

References

1. *Rossinskaya E.R.* On the Issue of Innovative Development of Forensic Science in the Era of Digitalization // *Legal Bulletin of Samara University*. 2019. Vol. 5. No. 4. P. 144–151.
2. *Shatalov A.S.* Issues of Modernization of Private Forensic Methods of Crime Investigation // *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2016. No. 1 (19). P. 64–81.
3. *Gavlo V.K., Zhegalov E.A.* Tactics and Methods of Judicial Investigation // *Proceedings of the Altai State University*. 2004. No. 2 (32). P. 64–71.
4. *Zuev S.V.* Digital Criminal Procedure Policy // *Problems of Combating Crime in the Conditions of Digitalization: Theory and Practice: collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference “Criminal Procedural and Criminalistics Readings in Altai”* / ed. S.I. Davydov, V.V. Polyakov. Barnaul: Publishing House of the Altai University, 2020. Issue XVI. P. 11–17.
5. *Information Technologies in the Criminal Process of Foreign Countries*. M., 2020. 216 p.
6. *Komarov I.M.* Some Problematic Issues of “Digitalization” in Criminalistics // *Problems of Combating Crime in the Conditions of Digitalization: Theory and Practice: collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference “Criminal Procedural and Criminalistics Readings in Altai”* / ed. S.I. Davydov, V.V. Polyakov. Barnaul: Publishing House of the Altai University, 2020. Issue XVI. P. 18–20.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-230-241

УДК 343.97

И.С. Ильин

ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ ДЕМОНСТРАТИВНО-ПРОТЕСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Введение: исследование протестных движений в качестве факторов роста демонстративно-протестной преступности обладает особой актуальностью в условиях функционирования и развития современного российского общества. Дефект коммуникации общества и власти, который в российских условиях осложняется слабостью институциональной оппозиции, во многом детерминирует выбор гражданами противоправных вариантов поведения в политической жизни. **Цель:** формирование авторского понимания механизма детерминации протестных движений. **Методологическая основа:** основным методом исследования является формально-юридический. В дополнение к нему применяются системно-структурный и деятельностный подходы. **Результаты:** предложено авторское понимание природы и специфики протестных движений в качестве особого фактора, детерминирующего демонстративно-протестную преступность. **Выводы:** при изложении механизма детерминации протестных движений в работе подвергнута критической оценке марксистская теория конфликта и признана недостаточность объяснительного потенциала теории массового поведения. Сам протест объясняется посредством синтеза возможностей двух актуальных концепций: относительной депривации (Т.Р. Гарт) и мобилизации ресурсов (Ч. Тилли).

Ключевые слова: протест, детерминанты, теория, факторы, протестное поведение, преступление, причины, ресурсы, механизм.

I.S. Ilyin

FACTORS OF PROTEST MOVEMENTS IN THE CONTEXT OF CONSIDERING THE DETERMINANTS OF DEMONSTRATIVE-PROTEST CRIME

Background: the study of protest movements as factors of the growth of demonstrative protest crime has a special relevance in the conditions of functioning and development of modern Russian society. The defect of communication between society and the authorities, which in Russian conditions is complicated by the weakness of the institutional opposition, largely determines the choice of citizens of illegal behaviors in political life. **Objective:** formation of the author's understanding of the mechanism of determination of protest movements. **Methodology:** the main method of research is formal legal. In

© Ильин Илья Сергеевич, 2021

Кандидат юридических наук, доцент, начальник Управления Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, доцент кафедры правоведения (Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); e-mail: isilyin@yandex.ru

© Ilyin Ilya Sergeevich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, Head of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Krasnogvardeisky district, Saint Petersburg, Associate Professor, Law department (Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration)

addition to it, system-structural and activity-based approaches are applied. Results: the author's understanding of the nature and specifics of test movements is suggested as a special factor determining demonstrable protest crime. Conclusions: in presenting the mechanism of determination of protest movements, the research critically evaluates the Marxist theory of conflict and recognizes the insufficiency of the explanatory potential of the theory of mass behavior. The protest itself is explained through the synthesis of the possibilities of two relevant concepts: relative deprivation (T.R. Garr) and resource mobilization (Ch. Tilly).

Key-words: *protest, determinants, theory, factors, protest behavior, crime, reasons, resources, mechanism.*

Протест в самом общем виде может быть описан как проявление конфликта между обществом и властью. Формами его выражения и одновременно разрешения, как показывает исторический и социальный опыт, могут выступать функционирование институционализированной оппозиции (парламентской или непарламентской) с присущими ей средствами политической борьбы за власть и (или) организованное или стихийное движение непосредственно самих народных масс¹.

Исходя из этого, детерминанты протестных движений закономерно расположены в области взаимодействия институтов официальной власти, оппозиции и народных масс. Институциональная оппозиция в данном случае выступает важным посредником между гражданами, чьи интересы не представлены или недостаточно учитываются официальными властными структурами, чьи запросы не находят отклика у власти, и непосредственно самой системой официальной власти. Очевидно, что чем более развита и эффективна оппозиция, тем выше результативность диалога между «большинством» и «меньшинством» в демократическом обществе, тем больше шансов достигнуть компромисса между различными политическими и социальными силами, не прибегая к нелегитимным формам протеста и давления на власть.

Ставка на оппозицию является знаковой чертой социологического объяснения протеста в концепции Т. Парсонса. Согласно его подходу к описанию структурно-функциональной характеристики общества, социальный конфликт характеризует дестабилизацию социума, является результатом нарушения той или иной функции социальной системы. Конфликт, таким образом, есть болезненное и аномальное явление. И именно оппозиция должна стать тем механизмом обратной связи между обществом и властью, который позволит избежать насильственных мер и дестабилизации всего общества. Конфликт в трактовке Т. Парсонса должен быть институционализирован через институт политической оппозиции для сохранения целостности и единства социума [1].

Однако история и состояние современной российской оппозиции выглядят одновременно и драматично, и непрезентабельно. Детальный анализ здесь не является нашей задачей, а потому позволим себе воспользоваться результатами наблюдений специалистов. Так, согласно исследованию В.Я. Гельмана, с 2000 г. в России в политической и партийной жизни происходила выраженная стагнация, в результате которой часть парламентской оппозиции была вытеснена с полити-

¹Такая градация весьма условна и необходима нам для более наглядного вычленения интересующих форм массового поведения граждан.

ческого поля, а оставшиеся оппозиционные партии фактически утратили свои права: «...ни одна из оппозиционных партий не смогла сохранить свои позиции в течение 2000-х годов. В лучшем случае они оставались на самом нижнем уровне «слоеного торта» российской партийной системы. Их символическое присутствие в национальном и/или региональных парламентах, слабый мобилизационный потенциал и низкий уровень массовой поддержки демонстрировали глубокий упадок оппозиционной политики» [2, с. 149]. Аналогично мнение И.А. Кривчука: «На современном этапе оппозиционная деятельность парламентских политических партий потеряла эффективность, что стало результатом политики минимизации роли основных оппозиционных партий и контрэлиты, частичной интериоризации ценностей «правой» и «левой» оппозиции «партией власти» [3, с. 10; 4].

В условиях слабости и неэффективности каналов институциональной оппозиции для выражения протеста протестная энергия будет находить выход в иных формах, которые сегодня все активнее формируют политическую повестку дня. В их ряду — массовые выступления непосредственно граждан, организуемые новыми оппозиционными акторами на основе негативного консенсуса части гражданского общества. Протест такого рода имеет отчетливо наблюдаемые особенности в виде отсутствия полноценной созидательной программы самого протеста, организации по принципу «выступление против», а не «выступление за», использования любого общественно значимого события для выступления или сознательного наделения какого-либо события статусом социально-значимого, формирования круга участников по принципу «ad hoc» из неопределенной массы внутренне готовых к протесту лиц, активного использования средств массовой коммуникации для организации протеста, стихийного развития самих протестных акций. Все эти особенности делают протест во многом безыдейным и лишеным руководителей, готовых взять на себя ответственность как за сам протест, так и за конструктивное представление интересов протестующих в диалоге с официальной властью. Не требует, видимо, специальных и дополнительных доказательств тезис о том, что разрушительный, деструктивный потенциал такого рода протеста намного превосходит его модернизационный потенциал, а криминогенные риски чрезвычайно велики.

В социологической и политологической литературе представлен широкий комплекс теорий и учений, объясняющих протестное движение масс [5, с. 56–61; 6, с. 40–51; 7, с. 555–563; 8].

Одной из классических можно считать марксистскую теорию социального и политического конфликта. Протестные акции в работах К. Маркса и Ф. Энгельса изучались в контексте анализа рабочего движения и разработанной ими теории «классовой борьбы». Основными детерминантами политического протеста, согласно их концепции, выступают социально-экономические факторы в виде структуры производительных сил и характера производственных отношений, а сам протест, оформленный как революция, направлен к построению нового общества. Эти идеи были в концентрированном виде изложены и развиты в работе В.И. Ленина «Государство и революция» [9], ставшей (по меньшей мере в советской обществоведческой науке) каноном для понимания протеста и революции.

Однако представляется, что слабость этой теории в современном обществе состоит именно в ее «классическом» характере, подразумевающим протест как планомерное, организованное, идейно вдохновленное, политически мотиви-

рованное, рациональное, целенаправленное движение строго определенных и дифференцированных социальных групп к вершине власти. Сегодня, в условиях деактуализации представлений о классовой структуре общества, трансформации представлений о государстве как выразителе воли одного класса, принципиальном изменении структуры собственности, в условиях развития таких характеристик общества, как атомизация, индивидуализация, мобильность и т.д. объяснительная сила марксизма для изучения протестных движений становится недостаточной, а по большому счету не вполне адекватной.

«Политический» компонент марксистской теории, как представляется, излишне рационализировал протестующих, в результате сама теория выглядела в большей степени политологической, нежели социологической. Прямой противоположностью ей можно считать другую классическую теорию, разработанную Г. Лебом [10] для объяснения детерминации и закономерностей «коллективного поведения». Г. Лебон видел причины конфликта в противоречиях между «старыми» и «новыми» идеями, которые обостряются по мере утверждения «массы» в качестве главного общественного и политического субъекта и воспринимаются этой «массой» как желательные, «заражают» ее. Автор оценивал протест как следствие активности «агрессивной толпы» («мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию») и не затрагивал при этом возможность планирования и системной организации народных волнений. Он утверждал, что в силу снижения уровня интеллекта, ответственности, самостоятельности, логичности рассуждений человека «в толпе» массой правит практически бессознательное. Отмечая подверженность толпы внушению со стороны ее лидеров, он тем самым обозначил возможность управления массовым протестом, однако роль лидеров в толпе рассматривалась им как реакция вожakov масс на появление протестной повестки, но вовсе не как определяющая в выработке самой этой повестки.

Теория коллективного поведения, в отличие от теории классовой борьбы, была существенно ближе к объяснению конкретных протестных акций, она более «социологична». Однако, как представляется, эта теория излишне дегуманизировала протестующих, представляя их иррациональной и бессознательной «массой», легко внушаемой и управляемой. В этом отношении Маркс и Лебон демонстрировали принципиально различные взгляды на протестующих, что во многом стало основой для последующего противопоставления «народа» и «толпы», а соответственно и для разработки различных стратегий управления протестом и его общей оценки.

Указанные теории, возникнув в конце XIX столетия, задавали основную рамку изучения протестных движений вплоть до середины XX в., когда возникновение и развитие новых социальных движений дало мощный импульс к конструированию модернистских теорий их объяснения. Наиболее авторитетными новыми теориями, объясняющими детерминацию протестного поведения населения, стали следующие:

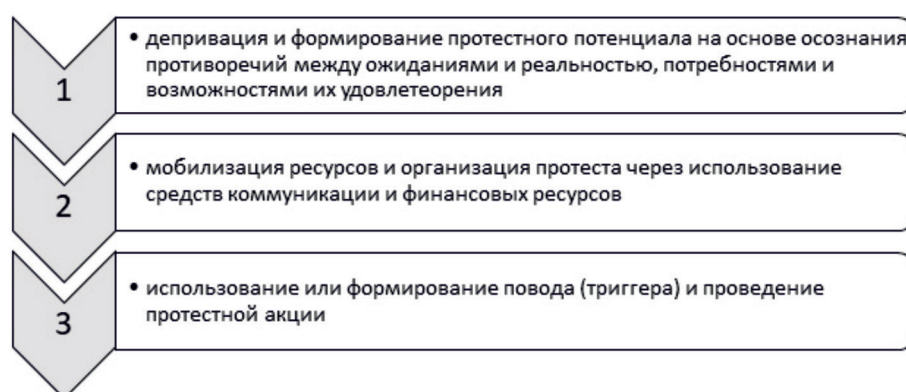
а) концепция относительной депривации (Т.Р. Гарт [11]), которая связывает протест с несоответствием завышенных ожиданий индивида и действительности, и доказывает, что социальный взрыв происходит не в результате социально-экономических потрясений, а из-за несбывшихся популистских обещаний властей и мощной пропагандистской работы оппозиции;

б) теория мобилизации ресурсов (Ч. Тилли [12; 13]), которая утверждает, что протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства; она наделяет протестующие массы рациональностью, способностью мыслить стратегически и инструментально, мобилизовать ресурсы (деньги, людей, информационные потоки) и заключать союзы с иными политическими игроками.

Эти две теории в некоторой степени также могут рассматриваться как полярные, поскольку одна усматривает в депривации некий социальный дефект, стимулирующий протест, а потому требующий смягчения и минимизации, а другая признает недовольство в качестве объективного и необходимого спутника общества, усматривая стратегию управления протестом в воздействии на допуск недовольных к ресурсам. Однако при всех заметных отличиях эти концепции нельзя назвать взаимоисключающими. Они вполне органично могут быть синтезированы для объяснения протеста — каждая в своих пределах. Полярность суждений и оценок всегда таит в себе односторонность. А потому последующее научное познание детерминации протеста явно или неявно было направлено в сторону синтеза этих противоположностей, стремясь к объединению, с одной стороны, фундаментальных представлений о социальном и политическом статусе человека и его отношении к власти, а с другой стороны; представлений о механизме объединения людей в группы и отстаивания коллективных интересов в политическом пространстве.

На этой синтетической идее основаны, как мы можем полагать, вполне убедительные суждения М.Р. Сабитова, который пишет: «Анализ массового политического протеста должен учитывать совокупность структурных и политико-институциональных детерминант. К первым можно отнести условия и факторы, влияющие на рост групповых ценностных ожиданий и снижение групповых ценностных возможностей, что приводит к феномену «относительной депривации» и росту протестного потенциала. Наличие относительной депривации и протестного потенциала: являются необходимыми, но недостаточными факторами, детерминирующими политический протест. Непосредственная реализация массового политического акционизма в значительной степени зависит от детерминант политико-институционального характера, к каковым, прежде всего, можно отнести: особенности политического режима; степень дифференциации политических элит; распределение ресурсов между политическими акторами» [14, с. 11].

Такой синтетический подход позволяет вполне логично и последовательно описать детерминационный механизм протеста. Не углубляясь в соответствующие теоретические построения, можно предложить следующую, удовлетворяющую криминологическому анализу схему (см. рис.).

Механизм детерминации протестов

В этой схеме, как представляется, вполне отчетливо прослеживается влияние двух изложенных выше теорий депривации и мобилизации ресурсов.

Первая из них объясняет формирование и накопление в обществе протестного потенциала в виде некоторой социальной прослойки людей, принадлежащих к различным социальным стратам, но испытывающих общее растущее чувство неудовлетворенности текущей социальной и политической обстановкой.

Опросы населения относительно причин протестных акций в 2021 году показали, что, по мнению 43% респондентов, людей побудило выйти на улицы накопившееся недовольство положением дел в стране (для сравнения: в 2017 году удельный вес таких ответов составил 21%)¹. Среди основных причин, которые привели людей на проспект Сахарова 24 декабря 2011 года, сами участники называли общее «недовольство положением дел в стране» (73%), «возмущение фальсификацией выборов» (73%), недовольство тем, что «решения в стране принимаются без их участия» (52%), и разочарование в медведевской модернизации (42%). Рядовых участников мобилизовали не действия политиков-организаторов, но общая, неблагоприятная, по их мнению, общественно-политическая и экономическая обстановка в стране [15, с. 21–22]. «Невозможность защитить свои интересы в суде, непроницаемость власти, ее безразличие или враждебность к общественным инициативам ведет к возникновению неразрешимых конфликтов, вновь и вновь создает потенциально взрывоопасные ситуации. Развитие экономического кризиса рождает чувство неуверенности в завтрашнем дне, неопределенность жизненных перспектив, повышает напряжение в обществе» [16, с. 183–184].

При этом важно подчеркнуть, что протестно настроенные лица вовсе не обязательно, как это предполагали марксисты, люди экономически или социально ущемленные [17, с. 19–30]. Напротив, современные протесты — дело вполне благополучных людей. Исследования показывают, что состояние депривации все больше наблюдается не столько в среде маргинальных групп, сколько среди «среднего класса», который видит себя как экономически обеспеченную группу с гарантиями благополучия, но при этом готов участвовать в протестах [18, с. 293–310]. Согласно имеющимся данным, среди участников протестных акций

¹ См.: Январские протесты. Пресс-выпуск от 10.02.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 21.04.2021).

в России в 2011–2012 гг., основной массив — молодые люди со средним достатком (по самооценке от 50 до 60% участников) и вполне приличным образованием (от 50 до 70% — с высшим образованием) [19, с. 48–51]. С учетом данных о возрасте протестующих (две трети — старше 25 лет), можно утверждать, что это та группа, которая уже имеет определенный социальный и личный жизненный опыт, достаточный для того, чтобы оценить текущую и перспективную ситуацию в стране, свое место, свои запросы и возможности.

Этот опыт — необходимое условие для осознания самого факта депривации. «Напряженность возникает в условиях рассогласования между социальными ожиданиями и мерой их фактического удовлетворения, что приводит к росту недовольства отдельных групп или большинства населения. Она возрастает при возрастании осознания данного противоречия массой людей и/или при искусственном инициировании напряженности группой лиц. Существует несколько стадий и уровней социальной напряженности, отличающиеся пространственно-временными параметрами и формами выражения. От низкого уровня социальной напряженности (неудовлетворенность индивидов или групп на обыденном уровне) до сверхкритичного уровня, когда поведение и действия людей приобретают разрушительный характер» [20, с. 13–14]. Для описания динамики этой напряженности исследователями вводится концепт «критической фазы» (порога восприятия структурных проблем), по достижении которой формирование социальных движений понимается как ответ на «невыносимые» системно-структурные деформации общества. «Критическая фаза этой системы социального протеста, — пишет Фукс, — возникает тогда, когда социальные антагонизмы и проблемы начинают восприниматься как невыносимые, т.е. критическая масса людей недовольна структурами общества, а число оппонентов определенных структур возрастает до такой степени, что это недовольство и воля к изменениям теперь в принципе воспринимаются. Такая критическая фаза не является необходимым результатом углубления социального антагонизма (скажем, роста бедности, безработицы, ухудшения экологии), но является результатом перцепции и осознания углубления некоторого антагонизма» [21, с. 118].

Вторая теория объясняет процесс внешнего «обуздания» этого чувства недовольности, его «использования» различными социальными акторами. В качестве таковых могут выступать отдельные лица (реальные оппозиционные политики или называющие себя таковыми) или организации (внутри страны или за ее пределами), которые, тонко чувствуя социальные настроения, могут: а) возглавить выражение этих настроений для снятия социальной напряженности и оптимизации функционирования социальной системы; б) использовать эти настроения для продвижения своих личных целей. Такие акторы должны обладать и эффективно использовать мобилизационный потенциал. Таким в науке признают комплексную характеристику возможностей акторов протеста, определяемую рядом параметров: особенностями субъектности агентов, вовлеченных во взаимодействие; наличием мобилизационных навыков, определенных организационных стратегий, а также апробированного репертуара действий у агента-инициатора; успешностью (эффективностью) стратегий поиска союзников последним для наращивания ресурсов и усиления воздействия на контрагента, соответствующего степени его восприимчивости [22, с. 3].

В структуре мобилизационного потенциала особое криминологическое значение имеют, как представляется, два момента: контроль и использование

средств массовой коммуникации и обладание материальными (финансовыми) ресурсами.

О важности контроля над средствами коммуникации в современном информационном обществе можно рассуждать долго. Напомним, что еще накануне русской революции 1917 г. В.И. Ленин писал, что для успеха восстания необходимо, «чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову» [23, с. 383–384]. Сегодня средства коммуникации и связи изменились технически и многократно усилили свою роль в мобилизации протестной активности [24], причем не только в качестве источника распространения информации, но и в качестве эффективного (и потому опасного) средства манипулятивного воздействия на общественное мнение, психическое настроение и сознание [25]. Этот тезис не нуждается в специальных доказательствах, в связи с чем мониторинг информационного пространства, распространение информации и контроль над коммуникациями в информационной среде следует признать как стратегической линией мобилизации протеста, так и сверхактуальным направлением профилактической работы, особенно на ранних этапах развития криминогенной ситуации.

Что касается материальных ресурсов как фактора мобилизации протеста, то, как правило, ни сами протестующие, ни формальные лидеры протеста не афишируют источников финансирования. Между тем специальные исследования убедительно доказывают, что за каждой состоявшейся политической структурой обычно стоит постоянный спонсор. В значительной степени именно его интересы и амбиции, а не требования масс, озабоченных социально-экономическими проблемами, определяют специфику и направленность политического протеста. Соответственно от задач, стоящих перед спонсором, зависит зачастую истинная, а не декларируемая оппозиционным движением или партией цель политического протеста. И во многих случаях оценивать результативность политического протеста необходимо по степени реализации интересов спонсора. Организующая функция спонсора протеста заключается в том, что он конвертирует свои капиталы в политическое влияние, тогда как лидеры протеста, считавшиеся главными фигурами в оппозиционной активности, в настоящее время все больше играют роль наемных организаторов массовых акций [26, с. 11–13]. К сожалению, государство и общество не располагают сегодня достоверными и систематизированными сведениями о том, кто и как финансирует протестную деятельность (любые предположения на этот счет — от финансирования со стороны Государственного департамента США до финансовой подпитки со стороны «беглых олигархов» — остаются не более чем политическими инсинуациями). Соответствующая информация (хотя бы ориентировочная) не была представлена и в официальных документах, сопровождающих прохождение в Государственной Думе РФ закона, определяющего порядок финансирования массовых мероприятий и устанавливающего ответственность за его нарушение.¹ Однако сам факт внимания к проблеме финансирования протестов и ужесточения контроля над ним следует признать крайне важным.

¹ См.: Законопроект № 1057230-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в части совершенствования порядка организации и проведения публичных мероприятий)». Пояснительная записка. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057230-7> (дата обращения: 21.04.2021).

Когда и если протестные настроения депривированных граждан должным образом мобилизованы организаторами, требуется повод — «триггер», некое резонансное (а порой и незначительное) событие, чтобы «запустить» саму протестную акцию. «Протесты актуализируются в форме кампаний, провоцируемых некими событиями-триггерами в системной повестке общества: политической, правовой или экономической коммуникации, имеющей экологические следствия, или как результат массмедийного обнародования «скандальных» системных коммуникаций, хотя не они являются подлинными причинами автопоэтических процессов. (Примеры: «закон Димы Яковлева», фальсификации выборов, добыча сырья в традиционных регионах проживания кочевых народов, массмедийное обнародование фактов сексуальных домогательств со стороны истеблишмента и т.д.) Единичный триггер может актуализировать весь комплекс протестной реакции: массовые события (митинги и т.д.), публикации манифестов, артикуляцию протестной темы, рафинизацию альтернативной ценности, интеграцию тех или иных спонтанных актов в виде воспроизводимых (иногда тайных или конспиративных) обсуждений-интеракций и даже квазиорганизаций (без формализации условий принадлежности и выхода)» [27, с. 30].

Такое стадийное развитие протеста крайне важно не только для познания его динамики и механизма, но в первую очередь для разработки упреждающих стратегий управления и минимизации протестов, «канализации» социальной энергии в позитивное русло, недопущения общественно опасного поведения граждан.

Обобщенный взгляд на механизм детерминации протестных движений выявляет еще один значимый компонент их причинного комплекса, который, с одной стороны, не вписывается прямо в представленную линейную (хронологическую) схему, но, с другой стороны, служит ее важным и необходимым дополнением. Он сосуществует с изложенными детерминационными факторами, образуя одновременно и «фон», и «условие» для их проявления.

Речь идет о том, что по вполне согласованному мнению специалистов, «одним из ключевых факторов возникновения протестной активности в современной России является низкая эффективность демократических институтов» [28, с. 14], которые обеспечивают надлежащую и эффективную коммуникацию между обществом и органами власти. Протестное движение в России и в других странах мира стало «общей реакцией на кризис репрезентативной демократии» и «коммуникативную замкнутость политической системы». Оно возникает там и тогда, где и когда значительное число граждан убеждается, что существующие легальные каналы влияния на власть не могут быть задействованы, или в ситуации, когда граждане не получают должной реакции на свои требования. Протест демонстрирует коммуникативную закрытость власти, против которой он направлен и которой порожден [29, с. 52–59].

Российское государство, несмотря на некоторые формальные мероприятия со стороны официальных властей (имеем в виду учреждение и института уполномоченных по правам человека, и Общественной палаты, и Народного фронта и т.д.), остается в достаточной степени закрытой структурой, выстраивая линию диалога исключительно с избранными институтами гражданского общества, которые создаются при поддержке самого государства и функционируют в большей степени в качестве «нисходящего» канала трансляции государственных идей в общество, нежели в качестве канала передачи «восходящей» информации от со-

циума к власти. Кроме того, по наблюдению А.Ю. Антоновского, «современное российское общество организуется посредством введения коммуникативных запретов, т.е. запретов на обсуждение актуальных тем и предметов [30, с. 4–13]. Положение усугубляет и «стремление властей зафиксировать свое господствующее положение в рамках существующей системы социально-политических отношений через персонификацию всех форм политической активности» [31, с. 9]. В подобных условиях мобилизованный оппозиционными акторами депривированный класс людей находит, по сути, только один доступный способ обратить на себя внимание, заявить о своих проблемах и хоть как-то вступить в диалог с властью. И способ этот — массовые протестные акции.

Библиографический список

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект пресс, 1997. 270 с.
2. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Полис. 2008. № 5. С. 135–152.
3. Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэлиты в условиях российской демократической реформации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 178 с.
4. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (теория, история, методология) автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 57 с.
5. Руденкина А.И., Керимов А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной литературе // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 56–61.
6. Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 40–51.
7. Савенков Р.В., Щеглова Д.В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций политического протеста // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. Т. 20, № 4. С. 555–563.
8. Warde B. (2020). Theoretical Perspectives of Social Protest Movements. In: Warde B. (2020) We the People. Social Protests Movements and the Shaping of American Democracy. 1st Edition. New York. Routledge. 150 p.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. Государство и революция. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1969. 433 с.
10. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. А. Фридмана, Э. Пименовой. 3-е изд. М.: Академический проект, 2015. 311 с.
11. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
12. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
13. Тилли Ч. Социальные движения. М.: Парадигма, 2004. 262 с.
14. Сабитов М.Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 25 с.
15. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. М.: Левада-Центр, 2012. С. 21–22.
16. Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4. С. 183–184.
17. Зелетдинова Э.А. Экономический кризис и протестное поведение в России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 19–30.
18. Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M. (2015). European Anti-austerity Protests: Beyond “Old” and “New” Social Movements? Acta Sociologica, Vol. 58, № 4, pp. 293 – 310.

19. «Марш миллионов» 12 июня: социальный портрет протестного движения (материалы исследования ВЦИОМ) // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 3 (109). С. 48–51.
20. *Челипанова Д.Д.* Характер и динамика протестной активности на Юге России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2011. С. 13–14.
21. *Fuchs von C.* (2006). The Self-Organization of Social Movements. Systemic Practice and Action Research, Vol. 19, № 1, P. 118.
22. *Кутыгина Е.Н.* Культура политического протеста: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005, 24 с.
23. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 34. Советы постороннего. 5-е. изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 585 с.
24. *Докука С.В.* Коммуникации в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. 26 с.
25. *Ланге О.В.* Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. 27 с.
26. *Касович А.А.* Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. С. 11–13.
27. *Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27–38.
28. *Соколов А.В.* Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 32 с.
29. *Бараш Р.Э.* Протестное движение: в поисках нового политического субъекта // Власть. 2014. № 10. С. 52–59.
30. *Антоновский А.Ю.* От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в России // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 4–13.
31. *Кутыгина Е.Н.* Культура политического протеста: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. 24 с.

References

1. *Parsons T.* The System of Modern Societies. M.: Aspect press, 1997. 270 p.
2. *Gelman V.Ya.* Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy // Polis. 2008. No. 5. P. 135–152.
3. *Krivchuk I.A.* Political Oppositions and Counter-Elites in the Conditions of the Russian Democratic Reformation: extended abstract ... dis. of candidate of political sciences. Rostov-on-Don, 2009. 178 p.
4. *Timofeeva L.N.* Power and Opposition: Conflict-Discourse Analysis (Theory, History, Methodology) extended abstract dis. Doc. of political sciences. M., 2005. 57 p.
5. *Rudenkina A.I., Kerimov A.A.* Socio-Political Theory of Protest in Foreign Literature // Society and power. 2016. No. 4 (60). P. 56–61.
6. *Schultz E.E.* The Reasons for the Emergence of Radical Forms of Social Protest (historiographical review) // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political Sciences. 2014. No. 2. P. 40–51.
7. *Savenkov R.V., Shcheglova D.V.* Theories of Collective Behavior and Resource Mobilization: Development of Concepts of Political Protest // Bulletin of the RUDN. Series: Political Science. 2018. Vol. 20, No. 4. P. 555–563.
8. *Warde B.* (2020). Theoretical Perspectives of Social Protest Movements. In: Warde B. (2020) We the People. Social Protests Movements and the Shaping of American Democracy. 1st Edition. New York. Routledge. 150 p.
9. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 33. The State and Revolution. Ed. 5-E. M.: Publishing House of polit. lit., 1969. 433 p.

10. *Lebon G.* Psychology of Peoples and Masses / translated from the French by A. Friedman, E. Pimenova. 3rd ed. M.: Academic Project, 2015. 311 p.
11. *Garr T.R.* Why People Rebel. St. Petersburg: Peter, 2005. 464 p.
12. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. 432 p.
13. *Tilly Ch.* Social Movements. M.: Paradigm, 2004. 262 p.
14. *Sabitov M.R.* Modern Determinants of Mass Protest Activity in Russia: extended abstract dis. ...cand. of political sciences. Saratov, 2013. 25 p.
15. *Volkov D.* The Protest Movement in Russia at the End of 2011-2012: Origins, Dynamics, Results. Moscow: Levada Center, 2012. P. 21–22.
16. *Volkov D.* The Protest Movement in Russia Through the Eyes of Its Leaders and Activists // Bulletin of Public Opinion. 2012. No. 3-4. P. 183–184.
17. On the Connection Between Economics and Protests, see, in particular: *Zeletdinova E.A.* Economic Crisis and Protest Behavior in Russia // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2013. No. 2. pp. 19-30.
18. *Peterson A., Wahlström M., Wennerhag M.* (2015). European Anti-austerity Protests: Beyond “Old” and “New” Social Movements? *Acta Sociologica*, Vol. 58, No. 4, P. 293–310.
19. “March of Millions” on June 12: a Social Portrait of the Protest Movement (materials of VTsIOM research) // Monitoring of public Opinion. 2012. No. 3 (109). P. 48–51.
20. *Chelipanova D.D.* The Nature and Dynamics of Protest Activity in the South of Russia: extended abstract dis. ... cand. of social sciences. Novocherkassk, 2011. P. 13–14.
21. *Fuchs von C.* (2006). The Self-Organization of Social Movements. *Systematic Practice and Action Research*, Vol. 19, No. 1, P. 118.
22. *Kutygina E.N.* Culture of Political Protest: extended abstract dis. ... cand. of political sciences. Rostov-on-Don, 2005, 24 p.
23. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 34. Advice from an Outsider Ed. 5-E. M.: Publishing House of polit. lit., 1969. 585 p.
24. *Dokuka S.V.* Communication in Online Social Networks as a Factor of Protest Mobilization in Russia: extended abstract dis. ... cand. of social sciences. M., 2014. 26 p.
25. *Lange O.V.* Modern Manipulative Technologies: Questions of Theory and Methodology: extended abstract. dis. ... cand. of political sciences. St. Petersburg, 2015. 27 p.
26. *Kasovich A.A.* Technological Aspects of Political Protest Management in Modern Russia: extended abstract. dis. ... cand. of political sciences. Saratov, 2015. pp. 11-13.
27. *Barash R.E., Antonovsky A.Y.* Communicative Philosophy of Radical Protest. The Genesis of Radicalism and the Positive Program of Its Research // *Questions of philosophy*. 2018. No. 9. P. 27–38.
28. *Sokolov A.V.* Network Political Protest in Russia: Subjects, Trends and Technologies: extended abstract. dis. ...doc. of political sciences. M., 2018. 32 p.
29. *Barash R.E.* Protest Movement: in Search of a New Political Subject // *Power*. 2014. No. 10. P. 52–59.
30. *Antonovsky A.Yu.* From Integration to Information. Towards Communicative Transformations in Russia // *Monitoring of Public Opinion. Economic and Social Changes*. 2012. No. 3. P. 4–13.
31. *Kutygina E.N.* Culture of Political Protest: extended abstract ... dis. cand. of political sciences. Rostov-on-Don, 2005. 24 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-242-246

УДК 343. 98

И.В. Усанов

РУССКИЕ «ШЕРЛОКИ ХОЛМСЫ» И ПЕРЕХОД
ОТ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА
К НАУЧНЫМ МЕТОДАМ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(1856–1913 ГГ.)

Введение: статья посвящена изучению модернизации методов раскрытия и расследования преступлений в России с 1856 по 1913 гг. **Цель:** рассмотреть наиболее значимые вехи этого процесса на примере деятельности органов тайного сыска, а также русской сыскной полиции со второй половины 1950-х гг. до начала Первой мировой войны (1914 г.). **Методологическая основа:** анализ исторического процесса. **Результаты:** автором рассматривается переход который совершился в русской криминалистике от инквизиционного процесса к научным методам раскрытия и расследования преступлений. **Выводы:** отечественная криминалистика должна и дальше развиваться на строго научной базе.

Ключевые слова: инквизиционный процесс, научные методы, раскрытие и расследование преступлений, криминалистика.

I.V. Usanov

RUSSIAN “SHERLOCK-HOLMESES” AND THE TRANSITION
FROM THE INQUISITION PROCESS TO SCIENTIFIC METHODS
OF SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES (1856–1913)

Background: the article deals with the study of modernization of methods of detection and investigation of crimes in Russia from 1856 to 1913. **Objective:** to consider the most significant milestones of this process on the example of the activities of secret investigation agencies, as well as the Russian detective police from the second half of the 1950s to the beginning of the First World War (1913). **Methodology:** analysis of the historical processes. **Results:** the author examines the transition that took place in Russian criminology from the inquisition process to scientific methods of disclosure and investigation of crimes. **Conclusion:** domestic criminology should continue to develop on a strictly scientific basis.

Key-words: inquisition trial, scientific methods, inquiring crimes, criminalistics.

Перед тем как прочно встать на научные «рельсы» российская криминалистика прошла долгий, тернистый путь. Он был подробно описан в публиковавшемся ранее материале [1, с. 222–226]. Периодизация процесса становления российской криминалистики нуждается в определенной конкретизации с опорой на следу-

© Усанов Игорь Владимирович, 2021

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iguscrime1996@gmail.com

© Usanov Igor Vladimirovich, 2021

Candidate of law, Associate Professor, the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

ющие точки: начало формирования профессиональных государственных органов сыска, окончательное закрепление научных методов раскрытия и расследования преступлений на практике.

Начинается история становления в 1718 г. учреждением полиции и Тайной канцелярии, переименованной в 1762 г. в Тайную экспедицию, окончательное становление происходит в 1801 г., в связи с отменой Тайного сыска.

Следующий этап начинается в том же 1801 г. с возникновением Особой канцелярии, продолжается во времена «стояновской» реформы (когда возник институт «судебных следователей») и завершается в 1913 г. (последний мирный год перед началом Первой мировой войны).

Можно выделить отдельную стадию, которая началась в 1856 г. с началом крупномасштабных реформ Александра II. Эту стадию, без всякого преувеличения, можно считать переломной. Именно с нее, на наш взгляд, начался необратимый процесс перехода в общероссийских государственных масштабах от инквизиционного процесса к научным методам раскрытия и расследования преступлений.

Главным позитивным фактором, приведшим к глобальным изменениям политики раскрытия и расследования преступлений, явилась трансформация менталитета правящей элиты, которая от жестких методов правления постепенно перешла к более мягким мерам воздействия.

Вторая половина XIX в. в России — это время перехода к эпохе «модернизма». В 1856 г. по инициативе царя Александра II начались реформы (военная, судебная, земская и т.д.), охватившие все основные сферы жизнедеятельности государства. Продолжались они до конца XIX в. Прежде всего следует упомянуть следственную реформу как составную часть реформы судебной, во главе которой стояли Н.И. Стояновский (с 1860 по 1867 гг.) и Д.Н. Замятнин (с 1862 по 1867 гг.). Согласно мнению Л.М. Ляшенко, благодаря этой реформе изменилась система предварительного следствия, которое до реформы вела полиция; теперь предварительное расследование было возложено на специальных судебных исполнителей — судебных следователей [2, с. 204–206], которые, как показала практика, справлялись с исполнением следственных функций несколько лучше, чем полиция.

Возникший институт «судебных следователей» продолжал существовать до его отмены в 1917 г.

Очевидные положительные изменения происходили в сфере раскрытия и расследования так называемых «ординарных» уголовных преступлений.

Наиболее показательны эти процессы, на наш взгляд, отображены в деятельности и воспоминаниях русских «шерлоков холмсов» — И.Д. Путилина (начавшего службу в качестве рядового сотрудника полиции в начале 1850-х и прослужившего в должности начальника сыскальной полиции при обер-полицмейстере Санкт-Петербурга с 1866 по 1889 гг.), а также А.Ф. Кошко (в 1894 г. занявшего должность судебного следователя в Риге, а затем, будучи начальником уголовного розыска Российской империи, в 1913 г. поднявшего статус отечественной сыскальной полиции до первого места в мире).

Для начала рассмотрим общее состояние столичной уголовной преступности на момент начала реформ. По данным А.А. Гиляровского в Москве в середине XIX века в год происходило 5–6 убийств, 2–3 случая грабежа и разбоя, около 400 мошенничеств и 700 краж (при тогдашнем населении Москвы в 370 000 чел.).

Раскрываемость составляла примерно две трети, а по убийствам и грабёжам была стопроцентной. В Санкт-Петербурге было совершено краж в 60 раз меньше, чем в Лондоне в это же время.

Однако с 1861 г. количество преступлений, совершенных на территории Российской империи, резко устремилось вверх [3, с. 43]. Возникла острая необходимость в модернизации способов борьбы с преступностью.

На момент начала реформ основными методами раскрытия преступлений оставались: наблюдение и подслушивание, внедрение в преступную среду, провокация. Методами установления истины в ходе допросной части расследования нередко являлись избиения, истязания и пытки, направленные на получение признательных показаний [4, с. 205].

В то же время большое значение имели собственный опыт общения полицейского пристава с преступной средой, его личные качества: проницательность, ум, хитрость, изворотливость и т.д. [5, с. 5–8]

При А.Ф. Кошко инквизиционные методы установления истины в деятельности русской сыскной полиции постепенно отошли. На передний план постепенно стали выходить научно-технические методы — такие как бертильонаж, а затем и дактилоскопия [6, с. 6].

Была составлена всеобъемлющая картотека уголовных преступников, а именно разработаны их категории: гастролеры, карманные воры, воровки-проститутки, простые воры, воры по передним, воры чердачные, воры магазинные, воры со взломом квартир и магазинов, воры с употреблением обмана, воры-прислуга, воры железнодорожные, воры велосипедные, пристанодержатели воров, покупщики краденого, конокрады, мошенники и аферисты, грабители и разбойники, поддельватели фальшивых денег, поджигатели, убийцы, шулера-картежники, хулиганы и «коты», хипесники, ссыльно-каторжные, бродяги, глухонемые, соучастники преступлений, барышники театральные, подкидчики, пушкарники [6, с. 323].

Агентурная работа вышла на новый уровень, было создано подразделение численностью 20 человек, они занимались выявлением «оборотней».

В районах массового проживания асоциального и преступного элемента регулярно проводились облавы.

Данные меры, предпринятые А.Ф. Кошко привели к тому, что в 1913 г. в Швейцарии, на Международном съезде криминалистов, российская сыскная полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений [5, с. 6].

Необходимо заметить, что имеются сомнения в том, что при А.Ф. Кошко процесс раскрываемости находился на должной высоте.

Так, известный ученый криминалист И.Ф. Крылов в одной из своих работ, посвященных истории отечественной криминалистики и судебной экспертизы, приводит следующую статистику: в 1903 г. из 289 287 возникших следствий было прекращено 152 819 дел, а в 1904 г. из 307 788 следствий было прекращено 166 050 дел [7, с. 10]. Конкретные причины прекращения столь большого количества уголовных дел не приведены.

На вполне определенные размышления наводит и факт командировки в 1911 г. ряда представителей судебной системы России во главе со старшим юрисконсультулом Министерства юстиции С.Н. Трегубовым в швейцарскую Лозанну в качестве слушателей лекций профессора Р. Рейсса по криминалистике. В 1912 г.

конспекты этих лекций были изданы С.Н. Трегубовым на родине в виде отдельной книги [8, с. 3].

Как бы то ни было, несмотря на некоторые успехи, эпоха русских «шерлоков холмсов» подошла к своему объективному концу, так как на рубеже XIX–XX вв. преступники стали действовать более организованно, изоциренно, применяя в своей криминальной деятельности технические «новинки» (телефонные аппараты, телеграф, автомобили и т.п.).

Потребовалось обновить методы борьбы с преступностью, поскольку карательные органы, прежде работавшие на основе житейского опыта, теперь оказались бессильны [9, с. 1].

Теоретической основой данного процесса стали первые отечественные работы криминалистического характера, вышедшие примерно в середине XIX в. Среди них в первую очередь следует назвать «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» Я. Баршева (1841), «Правила и формы о производстве следствий, составленные по своду Законов» Е. Колоколова (1850), «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.» А. Квачевского (1867). В литературе появились рекомендации по обнаружению дописок, подчисток, иных изменений в завещаниях, купчих и других документах о сделках [9, с. 1].

Затем настал черед технической модернизации.

1) в 1890 г. в России было открыто первое антропометрическое бюро, т.е. внедрен в практику, революционный для того времени, метод идентификации человека измерительно-описательного характера или иначе «бертильонаж»;

2) в 1906–1908 гг. «бертильонаж» в России был вытеснен дактилоскопией, другим, более надежным методом идентификации человека, на базе изучения и сравнения общих и частных признаков строения папиллярных узоров. В 1906 г. дактилоскопию ввели в российских тюрьмах. В 1907 г. МВД издало циркуляр о применении дактилоскопии полицией, а в 1908 г. во всех 89 сыскных отделениях губернских и городских управлений полиции были организованы дактилоскопические бюро. Первые российские дактилоскопические экспертизы были проведены в Варшаве, Одессе и Санкт-Петербурге (1909, 1911, 1912 гг., эксперт В.И. Лебедев) [9, с. 2–3];

3) с 1889 г. в России начинается формирование первых экспертных учреждений. В Санкт-Петербурге открывается судебно-фотографическая лаборатория под руководством Е.Ф. Буринского. Объектом исследования выступают реквизиты рукописных документов. В качестве методов исследования вещественных доказательств применяются фотографические методы (методы цветоделения, цветоразличения, усиления контрастов и др.). В 1903 г. в северной столице империи выходит работа Е.Ф. Буринского «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» [10, с. 3–410].

Сравнительный анализ показывает, что по использованию технических новаций в процессе расследования и раскрытия преступлений Россия в начале XX в. занимала примерно пятую позицию после Франции, Англии, Германии и Швейцарии.

Процесс дальнейшего развития научной криминалистики был прерван начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной.

В настоящее время перед отечественной криминалистикой стоит задача обеспечения системы российских правоохранительных органов надежными научно-техническими методами, способами и средствами цифровизации процесса установления истины по делу. Основная задача — это сохранение приоритета научных методов перед инквизиционными.

Библиографический список

1. Быстряков Е.Н., Усанов И.В. Криминалистическая политика России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(118). С. 222–226.
2. Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств / предисл. А.А. Левандовского. М.: Молодая Гвардия, 2003. 359 с.
3. Гиляровский А.А. Будочники, жандармы, «фараоны». История уголовного сыска в России. М.: Капитал, 2017. 320 с.
4. Путилин И.Д. Русский Шерлок Холмс. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 416 с.
5. Кошко А.Ф. Король сыска: рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
6. Пиотровский В., Кудрявцев Д., Очкур Р. Русская полиция. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. 351 с.
7. Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и СССР в ее историческом развитии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1966. 35 с.
8. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М.: ЛексЭст, 2002. 336 с.
9. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999. 990 с.
10. Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М.: ЛексЭст, 2002. 464 с.

References

1. *Bystryakov E.N., Usanov I.V.* Criminalistics Policy of Russia: History and Modernity // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 5(118). P. 222–226.
2. *Lyashenko L.M.* Alexander II, or The Story of Three Loneliness / preface by A.A. Levandovsky. M., 2003. 359 p.
3. *Gilyarovskiy A.A.* Booths, Gendarmes, “Pharaohs”. The history of Criminal Investigation in Russia. Moscow: Kapital, 2017. 320 p..
4. *Putilin I.D.* Russian Sherlock Holmes. M., 2001. 416 p.
5. *Koshko A.F.* The King of Sleuthing: Stories. M., 2001. 480 p.
6. *Piotrovskiy V., Kudryavcev D., Ochkur R.* Russian Police. M.: ACT; SPb, 2007. 351 p.
7. *Krylov I.F.* Forensic Examination in Russia and the USSR in Its Historical Development: extended abstract dis. ... doc. of law. L., 1966. 35 p.
8. *Tregubov S.N.* Fundamentals of Criminal Technology, Scientific and Technical Methods of Crime Investigation. M.: LexEst. 336 p.
9. *Averyanova T.V., Belkin R.S., Korurhov Yu. G., Rossinskaya E.R.* Criminalistics: textbook for universities. / edited by R.S. Belkin. M.: NORMA-INFRA-M, 1999. 990 p.
10. *Burinsky E.F.* Forensic Examination of Documents, Its Production and Use. M.: LexEst. 464 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-247-252

УДК 343

А.В. Двуличанский

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ТЕРРОРИСТА

Введение: эскалация террористической угрозы является одной из злободневных проблем современного общества, сопровождающаяся вовлечением в террористическую преступную деятельность различных слоев населения. Необходимо признать, что меры противодействия данному процессу являются недостаточно эффективными, а зачастую несвоевременными. Вышеназванное обстоятельство приводит к необходимости активизации теоретико-прикладных исследований, связанных с научной оценкой лиц, совершивших преступления террористической направленности, и разработкой практических рекомендаций по профилактике их противоправного поведения. **Цель:** комплексный криминологический анализ личности преступника-террориста, выявление его криминологических особенностей, определение степени и характера общественной опасности и разработка мер, направленных на повышение эффективности предупредительной деятельности в рассматриваемой сфере. **Методологическая основа:** работа основана на диалектическом методе познания правовой действительности, наряду с которым использованы иные общенаучные (анализ и синтез индукция и дедукция, системный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, социологический, криминологическое изучение уголовных дел и др.) исследовательские методы. **Результаты:** дана криминологическая характеристика личности преступника-террориста, представлены социально-демографические нравственно-психологические признаки, сформулировано авторское определение личности преступника-террориста. **Выводы:** борьба с террористической преступностью, а также эффективность мер во многом зависят от наличия в обществе научно обоснованной концепции реагирования на нее и правильного использования криминологических познаний типичных и специфических особенностей лиц, включенных в террористическую деятельность.

Ключевые слова: личность преступника, степень общественной опасности, террорист, криминологические особенности, структура личности.

A. V. Dvulichansky

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF THE CRIMINAL TERRORIST PERSONALITY

Background: the escalation of the terrorist threat is one of the most pressing problems of modern society, accompanied by the involvement of various segments of the population in terrorist criminal activity. It must be recognized that measures to counter this process are insufficiently effective, and often untimely. The above-mentioned circumstance leads to the need to intensify theoretical and applied research related to the scientific knowledge of persons who have committed terrorist crimes and the development of practical

© Двуличанский Алексей Витальевич, 2021
Соискатель кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexeydvulichanskiy@gmail.com

© Dvulichansky Aleksey Vitalievich, 2021

Postgraduate of the Department of Prosecutor's supervision and criminology (Saratov State Law Academy)

recommendations for the prevention of their illegal behavior. Objective: comprehensive criminological analysis of the identity of a terrorist criminal, identification of his criminological features, determination of the degree and nature of public danger and development of measures aimed at improving the effectiveness of preventive activities in the area under consideration. Methodology: the study is based on the dialectical method of cognition of legal reality, along with the other general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, systematic) and private scientific (comparative legal, sociological, criminological study of criminal cases, etc.) research methods are used. Results: criminological characteristics of crimes of a terrorist orientation are given, methods of involving the population in various forms of terrorist criminal activity are revealed, organizational forms of this type of crime and its structure are established. Conclusions: the fight against terrorist crime, as well as the effectiveness of measures, largely depend on the presence in society of a scientifically sound concept of responding to it and the correct use of criminological knowledge of typical and specific features of persons involved in terrorist activities.

Key-words: *criminal personality, degree of public danger, terrorist, criminological features, personality structure.*

Одной из актуальных задач криминологии является исследование особенностей лиц, совершающих преступления. Это связано с тем, что именно в личности преступника, как отмечают ученые, кроются причины преступного поведения, именно личность является основным и важнейшим элементом всего механизма преступного поведения [1, с. 8].

В современной криминологической науке изучение особенностей преступлений террористической направленности стоит рассматривать как основу для формирования криминологических особенностей преступника террориста. Так, независимо от принадлежности криминолога к той или иной научной школе, по мнению А.И. Долговой, основным объектом криминологического исследования является личность преступника [2, с. 330].

Понятие личности преступника рассматривалось многими исследователями в криминологии. По мнению В.Ф. Ермоловича, понятие личность преступника — это совокупность свойств личности, признаков, связей и отношений, его нравственный и духовный мир. Все это исследуется в развитии и взаимосвязи с социальными и индивидуальными жизненными условиями, влияющими на совершение и сокрытие преступления [3, с. 194].

Ю.М. Антоян считает, что «личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. Те ее особенности, которые порождают такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия» [4, с. 16].

В ходе проведенного исследования¹, были выявлены следующие свойства и качества характера преступников:

нравственно-психологические (морально-нравственные ориентиры, увлечения или хобби, уровень восприятия общественных норм и правил, а также уровень самосознания и т.д.);

¹ Нами проведено криминологическое изучение 120 приговоров судов по уголовным делам террористического характера, совершенных на территории РФ за период с 1996 до 2020 года.

социально-демографические (пол, возраст, гражданство, национальность, уровень образования, семейное положение, профессия, место проживания, социальный статус и т.д.);

уголовно-правовые (наличие судимости, единоличный или групповой характер, наличие множественности преступной деятельности (совокупности преступлений или рецидива), способ совершения преступления).

К террористической деятельности наиболее расположена возрастная группа — 18–24 лет (40% от всего количества преступников). На втором месте по численности — возрастная группа 25–29 лет (30%), в этот период характер человека уже сформирован, получен необходимый начальный жизненный опыт, но одной из основных причин террористической деятельности данной категории лиц является отсутствие механизмов социализации конкретной личности, и лишь (4%) от общего числа террористов составляет возрастная группа (14–17 лет). На наш взгляд, низкий показатель преступников-террористов в возрастной группе (14–17 лет) свидетельствует о том, что принятие террористической идеи требует долгого времени для осмысления, идеологической обработки. Также стоит отметить, что в данной возрастной группе присутствуют криминологические особенности, выраженные в девиантном поведении, проявляющееся в: а) необоснованной ненависти к представителям правоохранительных органов; б) низком уровне успеваемости и дисциплины в общеобразовательных учреждениях; в) проблемах социализации в подростковой среде; г) в непринятии светских устоев и правил; д) в интересе к радикальным течениям ислама.

Стоит отметить, что меньше всего совершают преступления люди, находящиеся в возрастной группе — 50 лет и старше (2%). Как правило, в данной группе находятся лица, не принимающие участие в активных мероприятиях (террористических актах), они, опираясь на фундаментальные знания религии (например, ислама), психологию человека, жизненный опыт, осуществляют идеологическую и психологическую подготовку (в некоторых случаях вербовку) террористов.

В ходе проведенного исследования было установлено, что только 5% преступников, совершивших террористические преступления, были представительницами женского пола, и 95% преступников — мужчины. Участие в террористической деятельности подразумевает наличие хорошей физической подготовки, навыка обращения с различными видами оружия и взрывчатыми веществами, способности преодолевать лишения и тяготы этой непростой деятельности. Стоит отметить, из исследуемых преступниц 2,37% женщин на момент совершения противоправных действий, были беременны, а 7,9% имели детей в возрасте до 3 лет. Данный показатель свидетельствует о том, что ни беременность, ни наличие малолетних детей не способны остановить женщину при совершении террористических преступлений, движущей силой для совершения которых может являться месть за убитых близких родственников, это так называемые — «черные вдовы» и «невесты Аллаха». «Теракт, совершенный женщиной, вызывает большой пропагандистский эффект в обществе. Он способен поднять боевой дух у их мужчин соратников-мужчин» [5, с. 105–107].

Женщины в мусульманском обществе подвержены влиянию со стороны радикально настроенных мужчин. Так, при совершении преступлений женщины участвуют в подготовке и проведении их наравне с мужчинами. Объясняется это традиционным для женщин доверием к лицам мужского пола.

Несомненный практический интерес представляют данные, касающиеся рода деятельности рассматриваемых преступников из них: рабочие — 28,4%; студенты — 3,4%. Самую многочисленную группу представляют безработные лица — 68,2%. В данную категорию преступников входят: нетрудоспособные (неработающие), инвалиды I и II группы, отбывающие наказания за совершение преступлений в исправительных учреждениях разного вида, не участвующие в трудовой деятельности, трудоспособные лица без постоянного источника дохода, а также лица, совершившие преступления во время отбывания наказания. Анализируя отчеты, мы выяснили, что на момент совершения преступления многие преступники работали: имели рабочие специальности (строители, автомеханики, грузчики) — 39,4%; осуществляли предпринимательскую деятельность — 11%; служили в коммерческих организациях — 9%; были военнослужащими — 3%.

В 2017–2020 гг. количество преступников с высшим образованием, совершивших преступления террористического характера составлял — 18%¹. Среднее профессиональное образование было у 20%, а среднее общее — 46%, основное общее, начальное или без образования — 16% от общего числа преступников. Стоит отметить, что террористы, участвуя в боевых действиях против правительственных войск, осознают, что их противники обладают специальной подготовкой и знаниями, и в борьбе с ними требуются аналогичная подготовка, которую они стремятся пройти.

Криминологический анализ показал, что среди лиц, осужденных за совершение террористических преступлений преступников лиц с высшим образованием оказалось больше — целых 18,5%. Данный факт свидетельствует о том, что несмотря на высокий образовательный уровень, данная категория лиц следует нетрадиционным и деструктивным для общества идеям терроризма.

Основная масса изученных преступников (82,9%) — это граждане Российской Федерации. Граждане стран Содружества независимых государств составили 17,1%, что может свидетельствовать о том, что в странах постсоветского пространства сохраняется устойчивая угроза распространения терроризма. В настоящий момент в совершении террористических актов наиболее активно проявляют себя выходцы из стран Узбекистана, Таджикистана, Киргизии.

Следует также отметить и то, что 83% террористов совершали преступления на территории регионов, в которых они проживали постоянно. Данный показатель, свидетельствует о том, что уровень преступности и формирование личности преступника-террориста тесно связано с социально-экономическими, политическими, демографическими, этноконфессиональными особенностями регионов, в которых они проживают. Только 16% исследуемых лиц совершили преступления вдали от мест постоянного проживания, 1% — составили лица без определенного места жительства, беженцы и вынужденные переселенцы.

С точки зрения нравственно-психологических свойств мотивы совершения преступлений, сводились к религиозным (44%), политическим (12%), научным (8%), общеморальным (31%), правовым (5%) убеждениям.

В ходе исследования было также установлено, что совершили преступление в одиночку — 33%, являлись организаторами — 5%, пособниками были 28%, подстрекателями — 11%, исполнителями — 32%.

¹ См.: Отчеты Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации ф. 11.1 «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2020 гг.».

В механизме преступного поведения лиц, осуществляющих террористическую деятельность, немаловажное значение имеют мотивы действий. В ходе проведенного исследования были выявлены следующие:

корыстный мотив — (наркобизнес, торговля людьми, разбойные нападения, незаконный оборот оружия) — присущ в основном мужчинам — 17%;

мотив мести (отмщения) — характерен для лиц, потерявших близких родственников в местах ведения боевых действий, а также наиболее распространенный мотив для совершения преступлений террористов-смертников, в основном присущ женщинам — 12%;

идейно-политический мотив (например, борьба за независимость) — характерен для представителей народов малых территориальных образований (республики, анклавов, автономии) испытывающих территориальные, политические, экономические, культурные или религиозные притеснения. Одинаково присущ и женщинам, и мужчинам, так как угрозе существования подвергаются важные институты общества — 25%;

религиозный мотив — характерен для лиц, исповедующих радикальные религиозные течения, как правило, в закрытых группах, сообществах и организациях. Ключевым является наличие религиозно-пропагандисткой обработки лиц, участвующих в террористической деятельности — 38%.

искатель смысла — характерен для возрастной группы 18–24 года, то есть происходит становление и принятие жизненных ценностей, а также поиск «духовного убежища» в целях ухода от житейских проблем — 8%.

Результаты исследования показывают нам, что из всех мотивов террористической деятельности, можно выделить идейно-политический и религиозный, как преобладающий.

Кроме того, возможна трансформация мотивации: «искатель смысла» может со временем заразиться идеей разрушения, которая впоследствии может получить идейно-политическое оформление [6, с. 136–138].

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты о криминологических особенностях личности преступника террориста в последующем могут использоваться при разработке и планировании контртеррористических, пенитенциарных, нравственно-воспитательных, образовательных, психологически-коммуникационных мер воздействия на террористическую преступность.

В этой связи полагаем возможным предложить следующее определение личности преступника-террориста — это индивид с негативными свойствами и качествами, проявляющимися при совершении преступлений террористической направленности, степень общественной опасности которого определяется не только совершением конкретного деяния и наступившими последствиями, но и его местом и ролью в организованной террористической деятельности.

Библиографический список

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М.: ПЕНАТЕС-ПЕНАТЫ, 2000. 464 с.
2. *Криминология: учебник/под ред. А.И. Долговой.* М.: Норма, 2005. 912 с.
3. *Ермолович В.Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений. М: Амалфея, 2001. 304 с.
4. *Антонян Ю.М.* Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2013 312 с.

5. *Адамова М.А.* Феномен участия женщин в террористической деятельности// КАНТ. 2013. № 1 (7). С. 105–107.

6. *Матчанова З.Ш.* Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: дис. ... канд. юрид наук. СПб., 2015. 229 с.

References

1. *Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E.* Psychology of crime and punishment. М.: PENATES-PENATES, 2000. 464 p.

2. *Criminology: textbook /edited by A.I. Dolgova.* М.: Norm, 2005. 912 p.

3. *Ermolovich V.F.* Criminalistic characteristics of crimes. М.: Amalfea, 2001. 304 p.

4. *Antonyan Yu.M.* A particularly dangerous criminal. М.:Prospect, 2013. 312 p.

5. *Adamova M.A.* The phenomenon of women's participation in terrorist activities// КАНТ. 2013. No. 1 (7). P. 105–107.

6. *Matchanova Z.Sh.* Factors of the spread of terrorism in modern Russia: criminological analysis: dis. ... cand. Yurid nauk. SPb., 2015. 229 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-253-260

УДК 343.85

А.З. Шерпеева

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: любое криминологическое исследование, посвященное изучению преступности, преступлений и лиц, их совершающих, в конечном итоге направлено на разработку мер предупреждения изученных уголовно-наказуемых деяний. В настоящее время достаточно распространенными и опасными уголовно-наказуемыми деяниями являются преступления, посягающие на безопасность дорожного движения (дорожно-транспортные преступления). Принимаемые меры их предупреждения неэффективны в полной мере, и современные реалии требуют новых подходов к обеспечению дорожно-транспортной безопасности в стране, предупреждению опасных деяний связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Это определяет необходимость изучения системы предупреждения указанных преступлений и выработку эффективных предупредительных мер. **Цель:** рассмотреть основные причины и условия дорожно-транспортных преступлений и на основе данного анализа разработать совокупность мероприятий по предупреждению указанных деяний. **Методологическая основа:** используются методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, конкретно-социологический и иные методы исследования. **Результаты:** автор акцентирует внимание на следующих причинах и условиях рассматриваемых преступлений: состояние российских дорог; техническое состояние транспортных средств; деятельность подразделений ГИБДД МВД; с подготовка водителей в автошколах, с личностными недостатками, лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления. **Выводы:** предложен ряд мероприятий, направленных на устранение указанных причин и условий дорожно-транспортных преступлений, среди которых: оборудование транспортных средств устройствами препятствующими управлению ими лицами, находящимися в состоянии опьянения (алкозамками); увеличение штатного состава сотрудников ГИБДД для контроля за дорожным движением; увеличение часов практического вождения в автошколах; повышение водительского стажа до 5 лет для лиц, работающих водителями такси; конфискация транспортного средства у лиц, управляющих им в состоянии опьянения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, причины и условия дорожно-транспортного преступления, система предупреждения преступности, меры предупреждения дорожно-транспортных преступлений.

A.Z. Shepeeva

ON SOME MEASURES TO PREVENT ROAD TRAFFIC CRIMES

Background: any criminological research devoted to the study of crime, specific crimes, persons who commit them, is ultimately aimed at developing measures to prevent

© Шерпеева Алина Заурбековна, 2021
Аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alinasherpeeva@gmail.com
© Shepeeva Alina Zaurbekovna, 2021
Postgraduate student of the Department of Prosecutorial supervision and criminology (Saratov State Law Academy)

the studied criminally punishable acts. Currently, crimes that infringe on the safety of road traffic (road traffic crimes) are quite common and dangerous criminally punishable acts. The measures taken to prevent them are not fully effective, in addition, modern realities require new approaches to ensuring road transport safety in the country and, accordingly, the prevention of road transport crimes as the most dangerous acts related to violation of traffic rules and operation of vehicles. This determines the need to study the system of prevention of these crimes and develop new, more effective preventive measures. Objective: to consider the main causes and conditions of road traffic crimes and, based on their analysis, to develop a set of measures and measures to prevent these acts. Methodology: methods of analysis and synthesis, comparative legal, concrete sociological and other research methods are used. Results: the author focuses on the following causes and conditions of the crimes under consideration: the state of russian roads; the technical condition of vehicles; the activities of the traffic police units of the Ministry of Internal Affairs; with the training of drivers in driving schools, with personal disabilities, persons committing road traffic crimes. Conclusions: a number of measures and actions have been proposed aimed at eliminating these causes and conditions of road traffic crimes, including: equipping vehicles with devices that prevent them from being controlled by persons in a state of intoxication (alcozamok, a device that does not allow the car engine to start); increasing the staff of traffic police officers to ensure traffic control; increasing the number of hours for practical driving training in driving schools; increasing driving experience up to 5 years for persons working as taxi drivers; confiscation of a vehicle from persons driving it in a state of intoxication.

Key-words: road traffic crime; causes and conditions of road traffic crime; crime prevention system; measures to prevent road traffic crimes.

Любое криминологическое исследование, будь то изучение преступности или ее разновидностей, причин и условий преступного поведения, особенностей личности преступников, в конечном итоге направлено на разработку мер предупреждения преступлений и воздействия на лиц, их совершающих. Изучение нами дорожно-транспортных преступлений и особенностей личности дорожно-транспортных преступников [1, с. 81] преследует цель разработки мер предупреждения указанных уголовно-наказуемых деяний.

Следует отметить, что в криминологии до сих пор нет единого определения деятельности о которой мы ведем речь, имеется ввиду «предупреждение преступности». Кроме термина «предупреждение», ученые оперируют такими как «борьба с преступностью», «контроль над преступностью», «противодействие преступности», «воздействие на преступность». Например А.И. Долгова ведет речь о борьбе с преступностью, отмечая, что «это — целенаправленная наступательная деятельность общества на причины преступности, условия преступности, ее саму» [2, с. 67].

Г.А. Аванесов под борьбой с преступностью понимал работу государства и общественности, направленную на охрану общества, его организаций и граждан от преступных посягательств [3, с. 335].

А.Н. Харитонов пишет о контроле над преступностью [4, с. 45], А.Н. Варыгин — о воздействии на преступность [5, с. 27].

Такое терминологическое многообразие связано с тем, что до сих пор нет специального закона, воздействующего на преступность, например, «О предупреждении преступности в Российской Федерации» или «О противодействии

преступности в Российской Федерации», принятие которого могло бы уменьшить споры о правильности применяемой в науке терминологии.

Несмотря на наличие ряда понятий, определяющих процесс воздействия на преступность, все же наиболее часто употребляемым понятием является предупреждение преступности, которое мы и будем использовать применительно к дорожно-транспортным преступлениям.

Ученые, занимающиеся изучением и предупреждением дорожно-транспортных преступлений, например, В.В. Лунеев, пишет, что их предупреждение должно быть связано с решением экономических, социальных, управленческих, правовых, технических и воспитательных проблем [6, с. 612].

Как отмечает А.И. Коробеев, предупреждение дорожно-транспортных преступлений возможно, прежде всего, путем реализации планов социального и экономического развития в области разработки и создания новых видов и типов транспортных средств, строительства транспортных коммуникаций, поддержание на должном уровне транспортной инфраструктуры, законодательной регламентации условий транспортной безопасности, правовоспитательной работы среди участников транспортной деятельности [7, с. 330].

Предлагаемые авторами меры носят общесоциальный характер, реализуются органами государственной власти — Правительством Российской Федерации, министерствами, ведомствами, например, Министерством транспорта РФ и входящими в его состав Федеральной службой по надзору в сфере транспорта, Федеральным дорожным агентством, органами власти субъектов Российской Федерации, общественными организациями, иными субъектами.

Несмотря на то, что в предупреждении преступности, в том числе неосторожной, меры общесоциального характера носят главенствующий характер, нельзя не сказать и о мерах специального-криминологического характера. Такие меры носят целенаправленный характер, так как ориентированы на причины и условия конкретных неосторожных преступлений, лиц, их совершающих, жертв преступных посягательств. Такие меры осуществляются, в первую очередь, правоохранительными органами и иными специализированными субъектами.

А.И. Коробеев к числу специально-криминологических мер предупреждения дорожно-транспортных преступлений относит:

разработку и реализацию комплексных программ по предупреждению транспортных правонарушений;

совершенствование законодательных и нормативных актов, регламентирующих уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств;

постоянное совершенствование практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о транспортных преступлениях;

совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов, регламентирующих безопасность дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств;

повышение уровня профессиональной подготовки транспортных следователей и прокуроров;

повышение уровня профессиональной подготовки водителей транспортных средств [7, с. 341].

И.А. Гумеров, в свою очередь, отмечает, что особенности предупреждения дорожно-транспортных преступлений связаны с необходимостью комплексного воздействия на все основные компоненты (элементы) системы «человек-автомобиль или иное механическое транспортное средство-дорога». Меры, обеспечивающие соблюдение водителями норм безопасности, должны дополняться мероприятиями, обеспечивающими безопасное движение других участников движения (пешеходов, велосипедистов и др.), предупреждающими и устраняющими условия возникновения ДТП, зависящие от состояния транспортных средств и дорог [8, с. 26].

Не отрицая правильность и необходимость указанных авторами шагов, в рамках данной статьи предлагаем остановиться на конкретных способах предупреждения дорожно-транспортных преступлений, которые вытекают из анализа причинного комплекса указанных уголовно-наказуемых деяний. Среди многообразия причин и условий рассматриваемых преступлений, целесообразно выделить следующие:

состояние российских дорог, а именно несоответствие их нормативным требованиям (отсутствие дорожной разметки, дорожных знаков, отсутствие светоотражателей на ограждениях, неосвещенность проезжей части, отсутствие ограждений в местах производства дорожных работ, плохое состояние дорожного покрытия);

состояние транспортных средств (неисправность внешних световых приборов, износ шин автомобиля, повлекший, в том числе, их разрыв, неисправность тормозной системы, ненормативный коэффициент светопропускания стекол (тонировка) автомобиля);

деятельность подразделений ГИБДД МВД РФ (незаконное освобождение граждан от административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, незаконная регистрация транспортных средств, незаконная выдача им водительских прав, слабый контроль за безопасностью пассажирских перевозок);

подготовка водителей в автошколах (незначительное количество часов, выделяемых на практическое вождение, не привитие навыков вождения в реальных дорожных условиях, ориентация курсантов автошкол лишь на успешную сдачу экзамена, а не на умение оперативно действовать в экстремальных дорожных условиях);

личностные недостатки, лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления (злоупотребление алкогольными напитками и наркотиками, предшествующий криминальный опыт (наличие рецидива преступлений), отсутствие должного опыта вождения транспортного средства, систематичность, «привычность» нарушения правил дорожного движения, ярко выраженный азарт; агрессивность и враждебность к другим участникам дорожного движения).

На устранение указанных и иных недостатков должна быть направлена деятельность по предупреждению дорожно-транспортных преступлений.

Прежде всего, следует отметить, что в настоящее время федеральные автомобильные дороги исчерпали свою пропускную способность. С превышением нормативной загрузки эксплуатируется 13 тыс. км дорог, особенно на подходах

к крупнейшим городам, что составляет почти 29% протяженности сети¹. То есть пропускная способность автодорог слабая. Нормативным требованиям соответствуют лишь 44,3% российских дорог и этот показатель не улучшается. Худшая ситуация сложилась в Республике Мари Эл, где нормативным требованиям отвечают лишь 5,7% автодорог, в Магаданской (7,8%) и Саратовской (13,3%) областях². Неслучайно то, что и состояние аварийности в этих регионах достаточно высокое [9, с. 8].

Необходимым является строительство новых дорог в соответствии со всеми нормативными требованиями по состоянию дорожного покрытия, разметке, освещению и т.д. Видится целесообразным строительство дополнительных пешеходных дорожек, дорожек для велосипедистов и лиц, управляющих электроскутерами, дополнительных светофоров. На федеральных трассах необходимо устанавливать разделительные бордюры, отделяющие друг от друга полосы встречного движения, искусственные препятствия для снижения скорости водителями перед пешеходными переходами, светофорами, оборудовать камерами видеофиксации нарушений правил дорожного движения. Например, в США и Франции на оборудованных в соответствии со всеми предъявляемыми требованиями участках дорог количество дорожно-транспортных происшествий сократилось в 2,5–3 раза [7, с. 331].

Распространены и недостатки, связанные с состоянием транспортных средств, что также влияет на уровень дорожно-транспортных преступлений.

По данным специалистов, средний «возраст» автопарка страны составляет 14 лет и 10 месяцев, что для автомобиля является достаточно «почтенным» возрастом³. В 2020 г. по причине неисправности транспортных средств в стране было совершено 7,6 тыс. дорожно-транспортных происшествий, в них погибло 1,2 тыс. человек и получили ранения 10,3 тыс. человек [9, с. 8].

В целях сокращения количества дорожно-транспортных преступлений путем совершенствования состояния транспортных средств видится необходимым развитие системы технического обслуживания автомобилей и их ремонта, в том числе повышение качества запасных частей, узлов и агрегатов, повсеместное внедрение на транспортных средствах, осуществляющих пассажирские перевозки систем ЭРА-ГЛОНАСС, позволяющих отслеживать не только местонахождение транспортного средства, но и длительность нахождения в пути, состояние усталости водителя и т.д.

Другой мерой является совершенствование систем безопасности автомобилей, разработка новых приспособлений, снижающих риск травматизма и даже управления транспортным средством в состоянии опьянения. Так, в ряде стран в целях снижения количества фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения в автомобилях устанавливаются так называемые «алкозамки». В Европе их установка применяется в качестве альтернативы лишения

¹ См.: Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р (с изм. от 12 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 50, ст. 5977.

² См.: Вторая беда России: Росстат назвал регионы с худшими дорогами. URL: <https://news.ati.su/article/2020/09/22/vtoraya-beda-rossii-rosstat-nazval-regiony-s-hudshimi-dorogami-162850/> (дата обращения: 1.06.2021).

³ См.: *Пушкарев И.* Кризис и санкции. URL: https://www.znak.com/2021-07-07/krizis_i_sankcii_v_rossii_stremitelno_stareet_avtomobilnyy_park (дата обращения: 3.06.2021).

водительского удостоверения за управление автомобилем в нетрезвом состоянии [10, с. 3].

Полагаем, что этот опыт можно использовать в нашей стране. Например, на первом этапе устанавливать алкозамки на автобусы, троллейбусы, легковые такси. В дальнейшем возможно создание и введение в эксплуатацию автомобилей с уже встроенными устройствами, препятствующими управлению транспортным средством лицом с признаками опьянения (которые считываются «умной» системой автомобиля).

О недовольстве граждан России работой сотрудников ГИБДД известно. Главные претензии населения, прежде всего водителей, связаны с высоким уровнем коррупции в данной структуре МВД РФ. Но в настоящее время по данным МВД РФ, 41% населения страны оценивают работу полиции положительно, а 14% — отрицательно¹. Согласно данным, ГИБДД считаются одним из наиболее коррумпированных органов (так считает 43% опрошенных граждан). По указанным показателям ГИБДД опережает все иные органы полиции (39%), суды (29%), органы прокуратуры (25%) [11, с. 77]. О громких коррупционных скандалах в ГИБДД, в том числе в последние годы, неоднократно сообщалось в средствах массовой информации, в частности, о начальнике ГИБДД Ставропольского края, сотрудниках ГИБДД Башкирии, создавших организованную преступную сообщество, и многих других². Чаще всего сотрудники ГИБДД берут взятки за следующие незаконные действия:

- освобождение граждан от административной ответственности за нарушение правил дорожного движения;
- незаконная регистрация транспортных средств;
- получение водительских прав.

Необходимо совершенствовать деятельность ГИБДД МВД РФ, в т.ч. в целях снижения уровня коррумпированности сотрудников. Ненадлежащее исполнение сотрудниками своих профессиональных обязанностей напрямую влияет на уровень культуры вождения, соблюдения правил безопасности участниками дорожного движения, уровень травматизма и в итоге на дорожно-транспортную преступность. При этом мы полагаем, что проведенная в 2010–2011 гг. реформа МВД РФ, в том числе существенное снижение количества сотрудников, негативным образом сказалась на работе ГИБДД и состоянии дорожной безопасности в целом. Мы солидарны с теми учеными и практиками, которые полагают, что замена сотрудников ГИБДД камерами видеofиксации состояние дорожной безопасности не улучшило, а напротив, ухудшило. Необходимо расширять штат дорожно-патрульной службы, увеличивать количество профилактических рейдов, скрытых мобильных патрулей для выявления нетрезвых водителей и злостных нарушителей скоростного режима³.

Полагаем необходимым остановиться и на мерах, связанных с улучшением подготовки водителей в автошколах. Как отмечают специалисты, нужно при-

¹ См.: Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 году. URL: <https://мвд.рф/publicopinion>. (дата обращения: 31.07.2021).

² См., например: Балаков Г. В ГИБДД массовые проверки, ТГ-каналы грозят отставкой министру Колокольцеву. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3351953.html> (дата обращения: 25.08.2021).

³ См.: Председатель движения «Сильная Россия» рассказал, как улучшить работу ГИБДД. URL: <https://www.sila-rf.ru/predsedatel-dvizhenija-silnaja-rossija-rasskazal-kak-uluchshit-rabotu-gibdd/> (дата обращения: 12.09.2021).

нимать экзамены на дорогах общего пользования, как это делается во многих странах мира, в условиях, максимально приближенных к дорожным реалиям [12, с. 6].

Кроме того, полагаем, что количество часов, отводимых в автошколах на практическое вождение (а это 56 часов) несомненно мало, для этого необходимо не менее 120 часов [12, с. 6].

Как уже отмечалось выше, к числу причин и условий дорожно-транспортных преступлений, следует относить личностные недостатки самих водителей, совершающих дорожно-транспортные преступления (так называемые причины и условия индивидуального преступного поведения). Таких причин и условий также немало.

В целях воздействия на лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления для сокращения количества рассматриваемых преступлений, полагаем также предложить ряд мер. Необходимо повышение водительского стажа для лиц, работающих в качестве водителей такси. В настоящее время для лиц, работающих в качестве водителей такси в транспортных организациях или у индивидуальных предпринимателей предусмотрен водительский стаж не менее трех лет¹. Во-первых, полагаем, что стаж вождения не менее трех лет слишком мал для того, чтобы на профессиональной основе заниматься перевозкой пассажиров. На наш взгляд, он должен быть не менее 5 лет. Кроме того, в настоящее время «целая армия» водителей занимается частным извозом пассажиров, без получения официального разрешения на это, многие не имеют стажа вождения и 1–2-х лет, и их не пугает возможность наказания в виде штрафа в сумме 5000 руб., предусмотренного Кодексом об административных правонарушениях РФ. Полагаем, что штраф за перевозку пассажиров лицами, не имеющими соответствующего разрешения и стажа должен быть гораздо больше, как минимум 10 тыс. руб.

В качестве других мер воздействия на лиц, совершающих дорожно-транспортные преступления, следует отметить возможность пожизненного лишения прав водителей, по вине которых погибли люди, то есть осужденных по ч. 6 ст. 264 УК РФ; конфискации транспортных средств у лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления в состоянии опьянения и др.

Таковы, на наш взгляд, необходимые и вполне реализуемые в современных социально-экономических условиях способы предупреждения дорожно-транспортных преступлений. При этом думается, что предложенные меры далеко не исчерпывающие, проблема предупреждения дорожно-транспортных преступлений достаточно многогранна и сложна, в силу чего требует дальнейших научных изысканий.

Библиографический список

1. Шерпеева А.З. Некоторые социально-демографические характеристики преступников, совершающих дорожно-транспортные преступления // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2021. № 1 (43). С. 81–85.
2. Долгова А.И. Избранные труды. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 424 с.

¹См.: Федеральный закон от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 17, ст. 1208.

3. *Аванесов Г.А.* Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. 500 с.
4. *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью (теоретические и правовые проблемы). Омск: Изд-во Омского юридического ин-та МВД России, 1997. 239 с.
5. *Варыгин А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 389 с.
6. *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистрантов: в 2 т. М.: Юрайт, Т. 2. 2011. 872 с.
7. *Коробеев А.И.* Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 406 с.
8. *Гумеров И.А.* Криминологическая характеристика преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и его предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 30 с.
9. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2018 год: информационно-аналитический обзор. М.: НИЦ ГИБДД МВД РФ, 2019. 79 с.
10. *Кадаков М.* Алкозамок? Не наш метод // За рулем. 2020. № 12. С. 3.
11. *Тимофеева О.В.* Борьба с коррупцией в органах государственной инспекции безопасности дорожного движения // Oeconomia et Jus. 2016. № 4. С. 77.
12. *Шкуматов П.* Площадка сдает права // За рулем. 2021. № 1. С. 6.

References

1. *Sherpееva A.Z.* Some Socio-Demographic Characteristics of Criminals Committing Road Traffic Crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. No. 1 (43). P. 81–85.
2. *Dolgova A.I.* Selected works. Moscow, 2017. 424 p.
3. *Avanesov G.A.* Criminology: textbook. M., 1984. 500 p.
4. *Kharitonov A.N.* State Control over Crime (theoretical and legal problems). Omsk. 1997. 239 p.
5. *Varygin A.N.* Criminality of Employees of Internal Affairs Bodies and Problems of Influence on It: dis. ... doc. of law. Saratov, 2003. 389 p.
6. *Luneev V.V.* Course of World and Russian Criminology: textbook for undergraduates. In 2 vols. V. 2. M., 2011. 872 p.
7. *Korobeev A.I.* Transport Crimes. St. Petersburg, 2003. 406 p.
8. *Gumerov I.A.* Criminological Characteristics of Criminal Violation of Traffic Rules and Operation of Vehicles and Its Prevention: extended abstract. dis. ... cand. of law. Kazan, 2004. 30 p.
9. Road Traffic Accidents in the Russian Federation for 2018: information and analytical review. Moscow: SIC Traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. 79 p.
10. *Kadakov M.* Alkozamok? Not Our Method // Behind the wheel. 2020. No. 12. P. 3.
11. *Timofeeva O.V.* Fight Against Corruption in the Bodies of the State Road Safety Inspectorate // Oeconomia et Jus. 2016. No. 4. P. 77.
12. *Shkumatov P.* The Platform Passes the Rights // At wheel. 2021. No. 1. P. 6.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-261-267

УДК 342.743

М.Н. Садчиков

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ РОБОТОВ

Введение: развитие информационных технологий и робототехники ставит новые вопросы перед правовой наукой. К актуальным вопросам относятся, такие как определение места автономных роботов в праве, их правовой статус и ответственность. Расширение применения искусственного интеллекта и роботов в экономической деятельности обуславливают также постановку вопроса об изменении правил налогообложения. **Цель:** определение направлений развития налогового права с учетом роботизации экономических отношений. Для достижения цели необходимо определить влияние роботизации на существующие правила налогообложения, а также на иные сферы и отрасли общественных отношений, регулируемые с помощью налогообложения, провести анализ использования налогового механизма в регулировании робототехники в иностранных государствах, сформулировать предложения по изменению отечественного налогового права. **Методологическая основа:** основными методами исследования выступают анализ и диалектический метод познания. При исследовании иностранных правил налогообложения роботов применяется сравнительный метод познания. **Результаты:** автор приходит к выводу о необходимости введения налога на роботов, основной целью которого является аккумуляция финансовых ресурсов для финансирования образования и науки, направленных на преодоление разрыва между спросом на новые профессии и предложениями на локальных рынках труда. **Вывод:** налог на роботов обладает незначительным фискальным, но существенным регулирующим потенциалом. При условии подтверждения прогнозов о вытеснении человеческого труда робототехникой налогообложение роботов — эффективный инструмент регулирования занятости.

Ключевые слова: налог, робот, навыки, занятость.

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 6 (143) • 2021

© Садчиков Михаил Николаевич, 2021
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taxprofy@mail.ru

© Sadchikov Mikhail Nikolaevich, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Finance banking and customs law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

M.N. Sadchikov

ON THE ISSUE OF REGULATING TAX RELATIONS INVOLVING ROBOTS

Background: the development of information technologies and robotics pose new questions for legal science. One of the most pressing issues includes such issues as determining the place of autonomous robots in law, their legal status and responsibility. The expansion of the use of artificial intelligence and robots in economic activity also leads to the question of changing the rules of taxation. **Objective:** to determine the directions of development of tax law, taking into account the robotization of economic relations. To achieve the goal, it is necessary to determine the impact of robotics on existing taxation rules, as well as on other spheres and branches of public relations regulated by taxation, to analyze the use of the tax mechanism in the regulation of robotics in foreign states, to form proposals for changing domestic tax law. **Methodology:** the main research methods are analysis and dialectical method of cognition. The comparative method of cognition is used in the study of foreign rules of taxation of robots. **Results:** the author comes to the conclusion that it is necessary to introduce a tax on robots, the main purpose of which is to accumulate financial resources for financing education and science aimed at bridging the gap between the demand for new professions and offers in local labor markets. **Conclusion:** the robot tax has insignificant fiscal, but significant regulatory potential. Subject to the confirmation of forecasts about the displacement of human labor by robotics, the taxation of robots is an effective tool for regulating employment.

Key-wards: tax, skills, robot, labor.

Роботы с развитием технического прогресса становятся неотъемлемой частью общественной жизни. Они используются в производстве, сфере услуг, на финансовых рынках и в повседневной жизни. Фактор роботизации в настоящее время оказывает существенное влияние на общественные отношения, что требует соответствующих изменений правового регулирования. Данные обстоятельства обуславливают актуальность темы исследования.

Включение роботов в правовую материю требует решения целого ряда научных и практических задач, таких как определение их места в механизме правового регулирования, оценку возможности наделения их статусом лица с определением правосубъектности, трансформации института юридической ответственности и др. Данные вопросы уже достаточно подробно и на высоком научном уровне рассмотрены в правовой науке. Например, В.В. Архипов и В.Б. Наумов, анализируя участие роботов в общественных отношениях через призму интеллекта, эмоций, автономности действий, приходят к выводу об отсутствии у роботов правосубъектности [1]. А.А. Головина не исключает приобретение роботом статуса субъекта права при условии появления у робота сознания и собственной воли [2, с. 42].

В рамках науки налогового права решению подлежат две задачи, связанные с роботизацией общественных отношений. Обе задачи вытекают из функций налогообложения и заключаются в определении правил налогообложения отношений с участием роботов (фискальная функция), а также в регулировании таких отношений с помощью налогового механизма (регулирующая функция).

Первая задача предполагает анализ классической структуры элементов налогообложения через призму роботизации, определяющей особенности:

налогоплательщика;
объекта налогообложения и налоговой базы;
налогового периода;
порядка исчисления и уплаты налога.
ответственности.

Решение вопроса о налогоплательщике может развиваться по двум направлениям. Первое направление предполагает наделение роботов налогово-правовым статусом. Второе направление не предусматривает изменений в субъектном составе налоговых правоотношений, однако требует пересмотра правового статуса налогоплательщиков, использующих роботов в своей хозяйственной деятельности. Вопрос наделения роботов правосубъектностью ставится в научной литературе. Г.А. Гаджиев и Е.А. Войниканис, рассматривая обозначенный вопрос, обращаются к общей проблематике правоспособности [3]. Ученые отмечают, что история права знает в качестве участников правоотношений не только реальных людей, но и неодушевленные предметы, такие как религиозные идылы в индуистской культуре и корабли в морском праве. Обобщая различные подходы к определению понятия лица в правовой науке, ученые выделяют два подхода к пониманию права: «узко-реалистичный» подход, в рамках которого участниками правоотношений могут выступать только реально-существующие субъекты, и подход, согласно которому юридическая реальность является самодостаточной, предусматривающей возможность участия в правоотношениях лиц из мира идей. Однако даже признание возможности участия неодушевленных субъектов в правоотношениях, оставляет массу вопросов, таких как: выявление их интересов, воли и других важных элементов, определяющих «жизнь» субъекта в мире права. Фактическое участие неодушевленных субъектов в правоотношениях, обусловлено прагматизмом государственного управления.

Думается, что трансформация правовой материи, признание роботов субъектами права требуют значительного времени и исследования по данному направлению и на текущий момент более относятся к вопросам философии права. Большее практическое значение имеет второе направление, которое предусматривает создание в рамках существующего механизма налогово-правового регулирования правовых средств и инструментов, позволяющих учитывать роботизацию общественных отношений.

Юридическая конструкция налогообложения деятельности с участием роботов включает традиционные элементы налогообложения: объект налогообложения, налоговая база, налоговые ставки, порядок исчисления и уплаты, срок уплаты налога. Однако элементы налогообложения должны учитывать особенности деятельности с участием роботов.

Представляется, что роботизация, прежде всего, должна учитываться в налогообложении производственной деятельности, в которой роботы заменяют человеческий труд. Работодатели, которые используют вместо человеческого труда роботов, не оплачивают его, и следовательно не несут обязательств налогового агента, а также не исполняют обязанности по уплате страховых взносов. То есть роботизация вытесняет налоговую базу по налогу на доходы физических лиц и страховым взносам. Анализируя различные подходы к налогообложению роботов, А.В. Демин обращается к трудам Ксавье Оберсона, в которых приводится идея о налогообложении «гипотетической суммы заработной платы, которую мог бы получать работник или работники, замененные роботом» [4].

Данный подход предполагает взимание налога с лиц, использующих роботов в своей хозяйственной деятельности, то есть налогоплательщиками налога на роботов могут признаваться организации и индивидуальные предприниматели, владеющие роботами и (или) использующие роботов в своей деятельности.

Сложным вопросом является определение параметров, которым должны отвечать роботы для целей налогообложения. Трактор, например, также в некоторой степени заменяет несколько работников. Однако классический трактор, не является автономным, а управляется и обслуживается человеком. То есть, в основе разделения механизмов для целей налогообложения служит степень их автономности. Например, компания АТС предлагает полностью автономный трактор «Тесла для тракторов»¹. В обзорной статье на сайте Сколково приведены разнообразные примеры использования полностью автоматизированных механизмов для целей сельского хозяйства². В России ярким примером роботизации производственной деятельности и вытеснения человеческого труда является роботизированный завод по производству колбасных изделий Черкизово в Кашире³.

В научной литературе приводится идея о создании реестра роботов [5, с. 50], позволяющего вести их учет и принадлежность. Представляется возможным для целей налогообложения среди прочего учитывать в таком реестре налогово-значимые характеристики роботов. Если основываться на идее вытеснения роботами налоговой базы по налогу на доходы физических лиц и страховым взносам, то к таким параметрам можно отнести производительность робота в человеко-часах.

Объекты налогообложения и налоговую базу по налогу на роботов возможно определять по правилам вмененного дохода. Институт потенциально-возможного дохода известен отечественному налоговому праву. В частности, он используется в конструкции патентной системы налогообложения (гл. 26.5 Налогового кодекса РФ⁴) и до исключения из Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) главы 26.3 «Система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности» — в конструкции единого налога на вмененный доход. Основная идея предполагающая налогообложение потенциально-возможного дохода, который получал бы работник, выполняющий аналогичную работу, обуславливает необходимость «перевода машино-часов в человеко-часы». В соответствии с положениями ст. 346.47 НК РФ, объектом налогообложения признается потенциально возможный к получению годовой доход индивидуального предпринимателя по соответствующему виду предпринимательской деятельности, установленный законом субъекта Российской Федерации. Объектом налогообложения могут признаваться потенциально-возможные расходы налогоплательщика на выплату вознаграждения лицам, чей труд заменяется использованием роботов.

¹ URL: <https://www.autonomoustractor.com/> (дата обращения: 26.08.2021).

² URL: https://old.sk.ru/foundation/itc/robotics/team/b/robotics_blog/archive/2014/12/31/selskohozyaystvennaya-robototehnika.aspx (дата обращения: 26.08.2021).

³ URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82:%D0%97%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B8%D1%80%D0%B5_\(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B1%D0%B5%D0%B7_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82:%D0%97%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%B8%D1%80%D0%B5_(%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B1%D0%B5%D0%B7_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9)) (дата обращения: 26.08.2021).

⁴ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; Российская газета. 2021. 17 июня.

Статья 346.48 НК РФ определяет налоговую базу как денежное выражение потенциально-возможного к получению дохода. Учитывая принцип экономического обоснования налогообложения, представляется возможным для определения налоговой базы по налогу на роботов обратиться к регулированию трудовых отношений, а именно гарантиям минимального размера оплаты труда и рабочего времени. То есть, налоговая база в отношении одного робота определяется как произведение показателя минимального размера оплаты труда на количество работников, заменяемых роботом с учетом его производительности и нормы рабочего времени за налоговый период.

С учетом установленных трудовым законодательством правил начисления и выплаты заработной платы, налоговым периодом для налогообложения роботов может признаваться календарный месяц. Налогоплательщики самостоятельно исчисляют и уплачивают налог. Исчисляя сумму налога, подлежащую уплате, налогоплательщики умножают налоговую базу на налоговую ставку. Размер налоговой ставки должен определяться с учетом расходов государства, связанных с сокращением рабочих мест.

Влияние роботизации на общественные отношения предполагает также пересмотр некоторых положений о налоговой ответственности. В Резолюции Европейского парламента о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники приводится два потенциальных подхода к установлению ответственности за вред, причиненный роботами: ответственность без вины и ответственность лица, который мог предотвратить такой вред¹. Для целей налоговой ответственности применим второй подход. Объективную сторону налогового правонарушения могут составлять:

действия, направленные на уклонение от учета роботов для целей налогообложения (по аналогии с нарушением порядка регистрации объектов игорного бизнеса — ст. 129.2 НК РФ);

неуплата налога.

Помимо фискального значения налогообложение роботов несет еще и определенную регулирующую функцию. Налог на роботов направлен, среди прочего, на противодействие сокращению рабочих мест. Авторитетные институты и СМИ прогнозируют существенное сокращение рабочих мест из-за развития технологий. Согласно исследованию проведенным Мировым экономическим форумом — 55% из опрошенных компаний планируют трансформировать свою цепочку создания стоимости, сократить на 43% существующие рабочие места и увеличить на 34% рабочие места с более глубокой технологической интеграцией². Следующие профессии под угрозой: административный персонал, бухгалтеры и аудиторы, заводские работники, некоторые другие. Возрастает спрос на специалистов по искусственному интеллекту, цифровой трансформации, интернета-вещей. Билл Гейтс в интервью журналу Quartz подчеркнул необходимость обложения налогом предприятий, использующих роботов, с направлением полученных ресурсов на нужды науки и образования для обеспечения получения людьми новых знаний и навыков для труда в нишах не занятых робототехникой³. В исследовании

¹See: Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA(2017)005. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&from=EN> (дата обращения: 26.08.2021).

²URL: The future of Job Report http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 26.08.2021).

³URL: Bill Gates: the robot that takes your job should pay taxes — Quartz (qz.com) (дата обращения: 26.08.2021).

Мирового экономического форума отмечается, что основными барьерами для внедрения новых технологий являются нехватка квалифицированных кадров на локальных рынках труда, отсутствие опыта привлечения талантливых специалистов, различия в уровне технологичности среди компаний и др. Таким образом, данные исследования подтверждают предложение Билла Гейтса о необходимости дополнительной государственной поддержки науки и образования в сфере робототехники.

Однако вопрос о введении налога на роботов является дискуссионным, так как использование роботов в производстве ведет к повышению производительности, а следовательно к увеличению отчислений в виде налога на прибыль организаций. А введение налогов на роботов может, напротив, дестимулировать инновационное развитие. Оба подхода и «за», и «против» налога на роботов имеют аргументы в свою пользу. Думается, что налоговая политика должна сочетать в себе оба подхода: предоставлять налоговые льготы по налогу на прибыль организаций для предприятий, использующих роботов, и облагать налогом гипотетический доход физических лиц. Названные подходы уже получают свое закрепление. Так, например, ст. 29-2 Закона о содействии развитию и распространению умных роботов Южной Кореи предусматривает возможность снижения налогообложения или освобождения от налогообложения для лиц, осуществляющих инвестиции в индустрию умных роботов¹. Согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития аналогичные меры поддержки предусматривает законодательство Японии, Словении и США. В январе 2021 г. правительство Польши предоставило налоговый вычет в размере 50% от инвестиционных расходов на роботов².

Правительство Российской Федерации 19 августа 2020 г. приняло Распоряжение № 2129-Р, которым утвердило Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (далее — Концепция)³. К основополагающим актам регулирования развития робототехники в Российской Федерации относятся: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490⁴; Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»; федеральные законы о федеральном бюджете на соответствующие периоды.

Анализ приведенных документов позволяет прийти к выводу о том, что налогово-правовое регулирование развития робототехники в Российской Федерации предлагается осуществлять путем предоставления налоговых льгот. Государственная поддержка осуществляется за счет финансирования государственных программ (на 2021–2023 гг. предусмотрено финансирование за счет средств федерального бюджета развития робототехники, цифрового производства и аддитивных технологий на сумму 3 млрд руб.)⁵.

¹ URL: https://robopravo.ru/matierialy_dlia_skachivaniia (дата обращения: 26.08.2021).

² URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5ea15d01-en.pdf?expires=1628783406&id=id&accname=guest&checksum=A38B4980E9924B7D1439E31AE08CB1FF> (дата обращения: 26.08.2021).

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35, ст. 5593.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

⁵ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50, ч. I, II, III, ст. 8030.

Предполагаемые элементы налогообложения деятельности с участием роботов имеют следующие особенности:

объект налогообложения — потенциально-возможные расходы налогоплательщика на выплату вознаграждения лицам, чей труд заменяется использованием роботов;

налоговая база в отношении одного робота определяется как произведение показателя минимального размера оплаты труда на количество работников, заменяемых роботом с учетом его производительности и нормы рабочего времени за налоговый период;

налоговый период — календарный месяц;

налоговая ставка и срок уплаты налога определяются в соответствии с налогово-правовой и бюджетно-правовой политикой.

Думается, что налог на роботов обладает незначительным фискальным, но существенным регулирующим потенциалом. При условии подтверждения прогнозов о вытеснении человеческого труда робототехникой налогообложение роботов — эффективный инструмент регулирования занятости. Таким образом, научные работы, направленные на формирование юридической конструкции налога на роботов, обладают практической значимостью и определяют направления дальнейших исследований.

Библиографический список

1. *Архипов, В.В., Наумов, В.Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
2. *Юридическая концепция роботизации / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба.* М.: Проспект. 2019. 240 с.
3. *Гаджиев, Г.А., Войниканис, Е.А.* Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
4. *Демин, А.В.* Роботы и налогообложение // Налоговед. 2019. № 19. С. 82–89.
5. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46–62.

References

1. *Arkhipov V.V., Naumov V.B.* On Some Issues of Theoretical Foundations of the Development of Legislation on Robotics: Aspects of Will and Legal Personality // Law. 2017. No. 5. P. 157–170.
2. *The Legal Concept of Robotization / N.V. Antonova, S.B. Balkhaeva, Zh.A. Glazunova et al.; ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nanba.* M.: Prospect. 2019. 240 p.
3. *Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A.* Can a Robot Be a Subject of Law? (search for legal forms for regulating the digital economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 4. P. 24–48.
4. *Demin A.V.* Robots and Taxation // Tax specialist. 2019. No. 19. P. 82–89.
5. *Arkhipov V.V., Naumov V.B.* Artificial Intelligence and Autonomous Devices in the Context of Law: on the Development of the First Law on Robotics in Russia // Proceedings of SPIIRAN. 2017. No. 6. P. 46–62.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-5-268-276

УДК 347.73

П.С. Шараев

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Введение: с недавнего времени в отечественной правовой реальности появилось значительное количество новых цифровых объектов, имеющих функции средства платежа (денег). Некоторые из них имеют частный характер и встречают настороженную регуляторную реакцию со стороны государства. Другие же, как цифровой рубль, сами санкционированы государством, следовательно, будут активнее проникать и в экономику, и в российское правовое поле. **Цель:** понять правовую сущность цифрового рубля, определить его место среди смежных правовых категорий, предположить будущее регулирование. **Методологическая основа:** юридический анализ понятий «законное платежное средство», «цифровая валюта», «цифровой финансовый актив», «электронные денежные средства»; сравнение понятий «законное платежное средство» и «цифровой рубль»; дедуктивный метод применительно к юридическому анализу понятия «законное платежное средство». **Результаты:** высказаны предположения о возможном законодательном закреплении цифрового рубля и дальнейшем регулировании. **Вывод:** для определения цифрового рубля как законного платежного средства на территории Российской Федерации необходима обширная нормативно-правовая регламентация.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, законное платежное средство, деньги, денежные средства, Банк России, эмиссия, банки.

P.S. Sharaev

THE LEGAL ESSENCE OF THE DIGITAL RUBLE

Background: recently, a significant number of new digital objects with the functions of a means of payment (money) have appeared in the domestic legal reality. Some of them have a private nature and are met with a wary regulatory response from the state. Others, like the digital ruble, are sanctioned by the state themselves, therefore, they will be more presented both in the economy and the Russian legal field. **Objective:** to understand the legal essence of the digital ruble, to determine its place among related legal categories, to suggest future regulation. **Methodology:** legal analysis of the concepts of “legal tender”, “digital currency”, “digital financial asset”, “electronic money”; comparison of the concepts of “legal tender” and “digital ruble”; deductive method applied to the legal analysis of the concept of “legal tender”. **Results:** suggestions on the possible legislative consolidation of the digital ruble and further regulation. **Conclusion:** to define the digital ruble as a legal tender on the territory of the Russian Federation, extensive regulatory and legal regulation is necessary.

Key-words: digital ruble, digital currency, legal tender, money, monetary funds, Bank of Russia, emission, banks.

© Шараев Павел Сергеевич, 2021

Аспирант кафедры финансового права (Российский государственный университет правосудия), e-mail: pav.sharaev@yandex.ru

© Sharaev Pavel Sergeevich, 2021

Postgraduate student, Department of Financial law (Russian State University of Justice)

Современные технологии, активно внедряемые в экономике, вносят значительные изменения в организацию денежного обращения. После долгих столетий применения металлических и бумажных наличных денежных средств в XX веке появилась их безналичная форма. В 2010-х гг. мир столкнулся с новой формой платежных инструментов, экономическая сущность которых очень похожа на привычное понимание денег [1, с. 183]. В контексте российского законодательства данная форма получила название цифровая валюта¹.

13 октября 2020 г. на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в сети Интернет для общественных обсуждений был опубликован доклад «Цифровой рубль» (далее — Доклад)². В Докладе изложены базовые положения о введении цифровой формы рубля на территории Российской Федерации. В апреле 2021 г. отдельные положения Доклада вошли в «Концепцию цифрового рубля» (далее — Концепция), которая также была опубликована Банком России³.

И Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА), и Доклад отличает цифровую валюту и цифровой рубль от наличных и безналичных денежных средств. Вместе с тем, в ходе дальнейшего исследования в рамках данной публикации, мы увидим, что цифровая валюта и цифровой рубль не тождественны. Следовательно, цифровой рубль представляет собой отдельную правовую сущность, которая требует самостоятельного осмысления в рамках юридической науки.

Для начала определим правовые теоретические основы организации денежного обращения, в том числе в контексте законодательства Российской Федерации.

Юридический аспект понятия «деньги» лучше всего получается раскрыть через категорию законного платежного средства. Например, исходя из позиции Л.А. Лунца, законодатель обязан установить предметы, через которые будут осуществляться не только расчеты по обязательствам между государством и частными лицами, но и между самими частными лицами. При этом такой предмет, «служащий универсальным суррогатом исполнения имущественных обязательств, носит название законного платежного средства» [2, с. 14]. Очевидно, что такое закрепление законного платежного средства может быть осуществлено путем упоминания в нормативных правовых актах, устанавливающих основы государственного устройства, например, в Конституциях (Основных законах).

Так, в ч. 1 ст. 75 Конституции Российской Федерации устанавливаются базовые положения о функционировании денежной системы на территории нашей страны — в качестве денежной единицы определяется рубль⁴. Статья 140 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) дополняет вышеука-

¹ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018.

² См.: Цифровой рубль: доклад для общественных обсуждений. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

³ См.: Концепция цифрового рубля. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

занное конституционное положение и уже напрямую упоминает рубль в статусе законного платежного средства на всей территории Российской Федерации¹.

Таким образом, мы видим первый и основной критерий дифференциации денежных средств от смежных правовых явлений — законодательное закрепление конкретной платежной (денежной) единицы. Иными словами, в юридическом смысле деньгами можно считать только правовые категории, прямо или косвенно поименованные в качестве законного платежного средства. Остальные же квазиденежные явления следует относить к категории денежных суррогатов (даже если они подходят под экономическое понимание денег, то есть являются мерой стоимости и используются в платежах) [3, с. 41].

Закрепление в законе в качестве законного платежного средства не означает лишь номинальное упоминание. Очевидно, что это подчеркивает особый статус денежных средств, которые являются фундаментом экономических отношений.

Такой важный статус предписывает государству сформировать специальные и достаточно строгие нормативные правила использования денег в обороте, включая механизм юридической ответственности. Например, в соответствии со ст. 15.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена юридическая ответственность за нарушение порядка работы с денежной наличностью². Сам же порядок работы с денежной наличностью установлен в том числе указанием Банка России от 9 декабря 2019 г. № 5348-У «О правилах наличных расчетов»³.

Вторым признаком, определяющим сущность денег как законного платежного средства, принято считать тот факт, что они обязательно должны эмитироваться исключительно государством, т.е. государство имеет исключительное право изготавливать и выпускать денежные средства на своей территории [3, с. 40]. Представляется, что соответствующие публичные полномочия по эмиссии денег, как и любые другие полномочия, должны быть закреплены в нормативных правовых актах.

В рамках российского правового поля в Основном законе (Конституции Российской Федерации) указана не только исключительная федеральная компетенция в вопросах денежной эмиссии (п. ж, ст. 71 Конституции РФ), но и определено конкретное публично-правовое образование, которое ее осуществляет — Центральный банк Российской Федерации (ч. 1, ст. 75 Конституции РФ). При этом та же ч. 1 ст. 75 Основного закона России устанавливает прямой запрет на введение и эмиссию других денег.

Законное платежное средство не просто должно быть юридически поименовано и эмитировано, но и полноценно введено в экономический оборот. Поэтому третьим правовым признаком, применяемым для определения сущности денежных средств, можно считать предписание (обязанность) к приему в платежах. Конечно, такое обязательство может быть сформировано только в форме правовой нормы императивного содержания. В частности, вышеупомянутой ст. 140

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч.1, ст. 1.

³ См.: Указание Банка России от 9 декабря 2019 г. № 5348-У «О правилах наличных расчетов» (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 7 апреля 2020 г. № 57999). URL: <http://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/1020> (дата обращения: 10.10.2021).

ГК РФ установлена обязанность по приему рубля по нарицательной стоимости для всех участников гражданского оборота.

Таким образом, мы видим взаимосвязанность трех вышеизложенных критериев. Существование законных платежных средств на территории конкретного государства не может быть обеспечено без механизмов, именуемых эмиссией. Закрепление обязательного использования денежных средств в экономических отношениях является логическим продолжением их эмиссии.

При этом ни изготовление, ни выпуск, ни оборот денежных средств не может осуществляться в отсутствие базы законодательных и подзаконных актов. Данные НПА не только определяют публично-правовой орган, осуществляющий эмиссию, и порядок эмиссии, но и характеристику самого законного платежного средства, включающую корреспондирующий комплекс прав и обязанностей участников рынка в связи с использованием денег в своей деятельности.

Говоря упрощенно, без правовой регламентации денежные средства не могут быть «законными», без легальной обязанности по приему в платежах полноценно не станут «платежными», а без эмиссии вообще не попадут в экономический оборот и не будут существовать, поэтому не станут «средствами».

Рассмотрев деньги как законное платежное средство, необходимо поговорить о правовом закреплении их платежной формы. ГК РФ в ст. 128 относит наличные деньги к вещам, а безналичные денежные средства к имущественным правам.

Еще один часто употребляемый термин «валюта» понимается как синоним денег и в бытовом лексиконе, и в юридическом контексте. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» в ч. 1 ст. 1 под валютой Российской Федерации понимает «денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки» — в наличном виде, либо «средства на банковских счетах и в банковских вкладах»¹ — в безналичном виде. Аналогичное содержание вкладывается и в понятие иностранной валюты.

В качестве дополнительного подвида безналичных денежных средств можно определить электронные денежные средства, упоминаемые в пункте 18 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»². Данный Федеральный закон в отличии от контекста № 173-ФЗ расширяет понятие «безналичный» и допускает существование таких средств вне банковских счетов и вкладов. Так, под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа, то есть здесь речь об отображении безналичных денег в электронном формате. Оборот электронных денежных

¹ См.: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4859.

² См.: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27, ст. 3872.

средств также осуществляется в цифровом виде с помощью электронных средств платежа.

На основании вышеизложенного можно сказать, что в настоящее время в отечественном правовом поле существуют только две платежные формы денежных средств — наличные и безналичные.

Как уже было сказано ранее, в условиях развития цифровой экономики, происходит закономерная эволюция всех рыночных отраслей, в т.ч., это касается вопросов денежного обращения. Появляются и активно распространяются новые экономические сущности (цифровые токены, криптовалюты), которые сходны с классическими и уже привычными нам ценными бумагами и безналичными деньгами.

Конечно, российские законодатели пристально следили за развитием этих новых цифровых экономических институтов и в течение нескольких лет обсуждали подходы к их регулированию. С 1 января 2021 г. вступил в силу Закон о ЦФА, который ввел новый юридический термин — «цифровая валюта».

Попытаемся отметить основные признаки цифровой валюты в соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА¹:

это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе (в понимании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационной системой можно считать базу данных и прилагаемый к ней технический аппарат);

могут использоваться и приниматься контрагентами в качестве средства платежа;

не являются российской или иностранной денежной единицей (то есть цифровая валюта не является «законным платежным средством», т.к. нормативный правовой акт (Закон о ЦФА) напрямую исключает, что рубль может являться цифровой валютой);

Фактически законодатель определяет цифровую валюту как электронное средство платежа, не относящееся к денежным средствам. При этом в первоначальных редакциях законопроекта Министерства финансов Российской Федерации, содержащего термин «цифровые финансовые активы» предполагалось, что в это понятие войдут как цифровые сущности близкие к деньгам (криптовалюты), так и близкие к производным финансовым инструментам (токены), которые все вместе будут определены как «имущество в электронной форме» [4. с. 38]. Вместе с этим текущая, вступившая в силу, редакция Закона о ЦФА вносит корреспондирующие изменения в Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где в целях указанных законов цифровая валюта признается имуществом.

Возникающий диссонанс при изучении формулировки «цифровая валюта», которая содержит общепонятное слово «валюта» (деньги), но при этом в понимании законодателя не является денежным средством, породил значительную дискуссию по данному вопросу в научной юридической среде. Очевидно, что ис-

¹ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5018.

пользуя такую характеристику, Законом о ЦФА сделана попытка разграничить законные платежные средства и т.н. «квазиденьги» — денежные суррогаты.

Перед тем как приступить к раскрытию правовой сущности цифрового рубля через вышеизложенные категории, попытаемся дать краткую характеристику самому предмету исследования на основании информации, предоставленной его предполагаемым эмитентом, то есть Банком России.

Осуществляя разработку и внедрение цифрового рубля, представители Банка России не скрывают, что цифровой рубль — это продукт своего времени (эпохи цифровизации экономических отношений). Количество безналичных операций, особенно на бытовом уровне, неуклонно растет и в Российской Федерации, и за рубежом, а современные технологии могут помочь модернизировать существующие товарно-денежные отношения, сделать их проще и безопаснее.

На момент написания данной статьи все основные сведения о цифровом рубле изложены в двух ненормативных документах концептуального характера — Докладе и Концепции. Поэтому уже сейчас можно выделить ряд характеристик цифрового рубля:

цифровой рубль, по мнению Банк России, является формой денег (выполняет все экономические функции денег — мера стоимости, средство платежа и сбережения);

существует и распространяется в виде цифрового кода, хранится на специальных электронных кошельках;

является дополнительной формой российской национальной валюты, наряду с наличными и безналичными денежными средствами;

эмитируется Банком России в цифровой форме;

эквивалентен 1 наличному рублю и 1 безналичному рублю;

в качестве правовой дефиниции используется формулировка «цифровая валюта российского центрального банка» (далее — ЦВЦБ).

В настоящее время после проведения этапа общественных обсуждений, подкрепленных публикацией Доклада и Концепции, к декабрю 2021 г. планируется разработка первого прототипа технологической платформы цифрового рубля. И только к январю 2022 г. (после апробации механизма работы цифрового рубля) предлагается обсудить необходимые изменения в законодательство Российской Федерации.

Концептуальные публичные позиции по цифровому рублю, выраженные представителями Банка России, (как и при обсуждении любых масштабных экономических проектов) могут достаточно сильно подвергаться критике с точки зрения юриспруденции. Однако постараемся учитывать, что сегодня мы имеем дело даже не с конкретными проектами нормативных правовых актов, а с аналитическими документами ненормативного содержания.

Для начала необходимо определиться с понятийным аппаратом, используемым в Докладе и Концепции. Как уже упоминалось в Докладе (в первом документе по хронологии) цифровой рубль понимается как цифровая валюта центрального банка. К сожалению, выбор такого определения по ряду причин оказался не очень удачным. И в Концепции этот термин уже не упоминается.

Предположительно это почти дословный перевод устоявшегося зарубежного термина — Central Bank digital currencies (CBDC) [5. с. 57]. Этот термин, действительно, обозначает цифровой аналог денежных средств и потенциально мог бы устояться в рамках российского правового поля.

Но словосочетание «цифровая валюта», хоть и «центрального банка», уже не может восприниматься вне контекста понятийного аппарата Закона о ЦФА, где как мы знаем «цифровая валюта» намеренно отграничена от понятия денежные средства.

Вместе с тем, сама сущность цифрового рубля (вид цифрового кода, хранение на электронном кошельке и т.д.) говорит нам о том, что цифровая валюта и цифровой рубль, безусловно, идентичны, однако согласимся, что действующее в Российской Федерации регулирование не позволяет считать их абсолютно тождественными.

Учитывая, что мы пока не можем понять какие законодательные изменения, связанные с внедрением цифрового рубля, готовятся, крайне важно рассмотреть его через призму «законного платежного средства», чтобы предположить будущее регулирование.

Само упоминание планируемых подходов к нормативному регулированию цифрового рубля в Докладе и Концепции, к сожалению, представлено лишь в качестве общих формулировок. Возможно, что это сделано из-за того, что правовой аспект обсуждения цифрового рубля не является основным, кроме того, сами механизмы регулирования находятся только на начальном этапе подготовки.

Отметим некоторые контуры регулирования, заложенные в Концепции. По мнению представителей Банка России, необходимы следующие изменения в законодательство:

определение правового режима цифрового рубля в гражданских правоотношениях (расчеты и исполнение обязательств денежного характера);

определение полномочий Банка России в сфере обращения цифрового рубля; внесение изменений Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в части распространения банковской тайны на операции с цифровым рублем;

внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, Бюджетный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, в федеральные законы «О банках и банковской деятельности», «О национальной платежной системе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О валютном регулировании и валютном контроле», «О несостоятельности (банкротстве)» (к сожалению, пока не упоминается как цифровой рубль будет закреплён в вышеуказанных нормативных актах).

Для того, чтобы подчеркнуть законный статус цифрового рубля необходимо закрепить базовые положения о нем в Федеральном законе. Поэтому постараемся определиться, где такие нормы могут находиться.

Из вышесказанного можно предположить, что интегрировать нормы о цифровом рубле в Закон о ЦФА будет крайне непросто, так как он не регулирует вопросы обращения российской национальной валюты. В таком случае, как и указано в Концепции, было бы достаточно логично дополнить Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», включив туда не только право Банка России осуществлять эмиссию цифрового рубля, но и положения о самом цифровом рубле, т.е. его определением с указанием основных отличительных признаков.

Если отталкиваться от позиции Доклада о том, что цифровой рубль является отдельной (не наличной и не безналичной) платежной формой российской на-

циональной валюты, то, конечно, потребуются соответствующие изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации. Например, в ст. 128 и 140 ГК РФ, в части дополнения их отдельной формой рубля с наряду уже имеющимся и определением его гражданско-правовой сущности. Вероятно, необходимы изменения и в главу ГК РФ, касающейся расчетов.

Цифровой рубль заявляется как альтернатива безналичным денежным средствам. Это означает, что Банк России готов принять на себя функции по организации непосредственного денежно-кредитного взаимодействия хозяйствующих субъектов и физических лиц (в том числе и при выплатах социального характера), которые сейчас осуществляют коммерческие банки. Эта идея представляется достаточно революционной и, конечно, окажет влияние на состояние современного банковского сектора.

В связи с тем, что цифровой рубль может оказать влияние на состояние финансового сектора (эти риски признает и сам Банк России в Концепции) государственная денежно-кредитная политика может потребовать дополнительной настройки [6, с. 132]. Такая настройка в первую очередь может быть выражена путем изменений в «О банках и банковской деятельности», например, в части требований к кредитным организациям и порядка взаимодействия частных банков и Банка России.

Пока нет понимания как будет осуществляться обращение цифрового рубля с учетом существования в Российской Федерации национальной платежной системы. Банк России является участником национальной платежной системы, следовательно, нет очевидных препятствий для внедрения технологической платформы цифрового рубля в этот информационный контур. Конечно, это потребует внесения изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» [7, с. 11]. Однако на данный момент в Докладе и Концепции об этом не говорится и пока у нас нет никаких признаков того, что регулятор считает цифровой рубль электронным денежным средством.

В завершении необходимо отметить, что вопросы о правовой сущности цифрового рубля остаются дискуссионными. Точно можно сказать, что уже сегодня Банк России сталкивается с важной проблемой — необходимостью закрепления этой новой денежной сущности как законного платежного средства. Эту задачу могли бы упростить иные подходы, предлагаемые регулятором. Например, понимание цифрового рубля как безналичных (электронных) денежных средств.

Определение цифрового рубля как совершенно нового вида денежных средств, который отличается от привычных нам наличных и безналичных, не только предполагает большой объем нормативных изменений, но и ставит логичные вопросы о его соотношении с действующим Законом о ЦФА.

Представляется, что само юридическое обсуждение этого вопроса пока не находится на переднем плане для Банка России, поэтому крайне важно не делать поспешных выводов и дожидаться конкретных законодательных предложений, которые, исходя из намеченных планов, должны быть представлены уже в ближайшее время.

Библиографический список

1. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.

2. *Луц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 2004. 233 с.
3. *Кучеров И.И.* Законное платежное средство как категория финансового права // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 38–47.
4. *Цинделиани И.А.* Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3. С. 34–41.
5. *Габов А.В.* Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 55–65.
6. *Соколова Е.Ю.* О некоторых аспектах эмиссии цифровых валют // Инновации и Инвестиции. 2021. № 5. С. 130–133.
7. *Омелехина Н.В.* Цифровой образ объектов финансовых правоотношений: перспективы и риски введения цифрового рубля // Финансовое право. 2021. № 4. С. 8–12.

References

1. Financial Law in the Conditions of the Development of the Digital Economy / ed. by I.A. Tsindeliani. Moscow: Prospekt, 2019. 320 p.
2. *Lunts L.A.* Money and Money Liabilities in Civil law. - Moscow: Statut. 2004. 233 p.
3. *Kuchеров I.I.* Legal Tender as a Category of Financial Law // Journal of Russian Law. 2014. No. P. 38–47.
4. *Tsindeliani I.A.* The Legal Nature of Digital Financial Assets: A Private Law Aspect // Lawyer. 2019. No. 3. P. 34–41.
5. *Gabov A.V.* A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 4. P. 55–65.
6. *Sokolova E.Yu.* About Some Aspects of Digital Currencies Issue // Innovation and Investment. 2021. No. 5. P. 130–133.
7. *Omelekhina N.V.* The Digital Image of Objects of Financial Legal Relationships: Digital Ruble Introduction Prospects and Risks // Financial Law. 2021. No. 4. P. 8–12.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-277-284

УДК 349.8

Н.Н. Ковалева, П.В. Ересько, В.Ф. Изотова

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ЦИФРОВУЮ СРЕДУ ВУЗА

Введение: современные средства автоматизации обработки документов, информационные системы, облачные технологии и средства коммуникации формируют цифровую среду вуза. Ключевым фактором развития цифровизации вуза является обеспечение условий информационной безопасности. **Цель:** данное исследование посвящено анализу возможностей системы электронного документооборота (СЭД) в качестве основы для формирования цифровой среды вуза. **Методологическая основа:** в основу исследования положен опыт внедрения в вузах различных СЭД. Метод сравнительного анализа позволил выявить общие проблемы, возникающие при внедрении таких систем. Моделирование информационных потоков и процессов в тестовой базе СЭД 1С: Документооборот позволило изучить возможности и условия защиты цифрового контента в системе. **Результаты:** показано, что СЭД обладают высокой степенью защиты документов при условии выполнения соответствующих настроек. Такие системы могут служить основой цифровой среды доверия вуза и использоваться для совместной работы над внутренними документами, их исполнением и контролем. **Выводы:** использование электронных подписей будет способствовать более полноценному ЭДО.

Ключевые слова: цифровизация, интеграция, цифровая среда, электронный документооборот, системы электронного документооборота, защита информации.

© Ковалева Наталия Николаевна, 2021

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru

© Ересько Полина Владимировна, 2021

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pv.eresko@yandex.ru

© Изотова Вера Филипповна, 2021

Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vf-izotova@yandex.ru

© Kovaleva Natalia Nikolaevna, 2021

Doctor of law, Professor, Head of the Department of Information law and digital technologies (Saratov State Law Academy)

© Eresko Polina Vladimirovna, 2021

Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Information law and digital technologies (Saratov State Law Academy)

© Izotova Vera Filippovna, 2021

Candidate of physical and mathematical sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Information law and digital technologies (Saratov State Law Academy)

N.N. Kovaleva, P.V. Eresko, V.F. Izotova

LEGAL BASES OF INTEGRATION OF EDI INTO THE DIGITAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Background: modern means of document processing automation, information systems, cloud technologies and means of communication form the digital environment of the university. The key factor in the development of digitalization of the university is to ensure the conditions of information security. **Objective:** this study is devoted to the analysis of the capabilities of the electronic document management system (EDMS) as a basis for the formation of the digital environment of the university. **Methodology:** the research is based on the experience of implementing various EDMS in universities. The method of comparative analysis made it possible to identify common problems that arise when implementing such systems. Modeling of information flows and processes in the test database of CED 1C: Document management allowed us to study the possibilities and conditions for protecting digital content in the system. **Results:** it is shown that EDMS have a high degree of document protection, provided that the appropriate settings are made. Such systems can serve as the basis of the digital environment of the university's trust and be used for joint work on internal documents, their execution and control. **Conclusions:** the use of electronic signatures will contribute to a more complete EDO.

Key-words: digitalization, integration, digital environment, electronic document management, electronic document management systems, information protection.

Создание правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия в части расширения возможностей и способов идентификации, в том числе с использованием информационных систем коммерческих и некоммерческих организаций одна из основных целей Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в ней¹.

В то же время автоматизация процессов обработки документов вуза всегда будет приоритетной для организации цифровой среды вуза. В цифровой среде вуза актуальны вопросы автоматизации процессов учета и обработки внутренних документов, входящей и исходящей корреспонденции.

В условиях пандемии особое значение приобретает создание полноценной цифровой среды доверия в вузе на основе внедрения безопасного электронного документооборота с точки зрения его аутентификации и идентификации [1].

На государственном уровне создана правовая основа для ведения полноценного электронного документооборота [2; 3; 4; 5], о чем может свидетельствовать деятельность такой структуры как Госуслуги (<https://www.gosuslugi.ru/>).

Однако на уровне организации вуза, полноценного, с точки зрения информационной безопасности, электронного делопроизводства достичь не удастся, о чем говорится во многих публикациях на данную тему² [6; 7].

¹ См.: Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г.). Текст документа опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

² См.: Внедрение системы электронного документооборота в ФГБОУ ВО ЮГУ. URL: <https://club.directum.ru/award/129400> (дата обращения: 27.06.2020).

Среди многообразных коммуникационных технологий, активно развивающихся в последнее время, с точки зрения информационной безопасности обработки данных системы электронного оборота (СЭД) занимают особое место. Поскольку в основу разработки СЭД заложено требование целостности циркулирующего и сохраняемого документального контента.

СЭД — это специальная сетевая программа, предназначенная для ведения единой базы документов, обеспечивающих делопроизводство организации. База данных документов хранится на сервере или системе серверов. Доступ к базе может быть осуществлен с локальных компьютеров, объединенных в сетевую структуру.

Когда формируется единая цифровая среда доверия организации, компании, вуза, государства в целом, анализ защищенности СЭД становится особенно актуальным.

Придание юридической силы электронному документу, с принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹, активизировало попытки внедрить электронный документооборот (ЭДО) в деятельность организаций, вузов.

Это объясняется неоспоримыми удобствами и преимуществами, которые обеспечивает ЭДО:

дистанционная защищенная совместная работа с документами;

возможность организации удаленных процессов согласования, утверждения документов, ознакомления с ними;

СЭД обеспечивает прозрачность процессов обработки документов;

позволяет организовать контролируемое исполнение документа.

Очевидно, что хорошо проработанный, организованный и налаженный документооборот может быть многократно эффективнее бумажного и позволяет экономить материальные, кадровые ресурсы. Государство стимулирует внедрение ЭДО в государственных органах, предприятиях и организациях.

Для интеграции электронного документооборота (ЭДО) в Саратовской государственной юридической академии была выбрана система 1С: Предприятие — 1С: Документооборот, которая, в свою очередь, может быть интегрирована и выгружаться в 1С: Университет ПРОФ [8]. Интеграция электронного документооборота в цифровую среду вуза произошла незадолго до наступления карантина — в январе 2020 года и до сих пор продолжается. Что оказалось весьма актуально, когда все сотрудники были переведены на дистанционную (удаленную) работу в связи с карантином, а затем с самоизоляцией по причине пандемии коронавируса COVID-19.

Интеграция электронного документооборота позволила не только смоделировать процессы движения документов вуза, но и перевести электронный документооборот на качественно новый уровень.

В рамках организации внедрения электронного документооборота на новом этапе была сформирована экспертно-методическая группа из специалистов по СЭД 1С: Документооборот, призванная оптимизировать документооборот, надежно настроить политику безопасности для каждой роли, каждого потока документов [9].

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15, ст. 2036; 2021. № 27, ч. I, ст. 5187.

Информационная безопасность — широкое понятие, включающее в себя большое количество методов: организационных, правовых, технических, программных, криптографических и других. В свою очередь, организационный метод как один из методов информационной безопасности используется при построении архитектуры структуры вуза в 1С: Документооборот.

Если рассмотреть общую схему прохождения документа в электронной системе 1С: Документооборот, то можно выделить несколько обязательных комплексных процессов электронного документа и вспомогательных. К обязательным этапам работы с документом в документообороте мы отнесем: создание проекта, согласование, подписание/утверждение, регистрация.

Формирование цифровой среды доверия в системе 1С: Документооборот начинается с конструирования прав политики безопасности.

Таким образом, политика безопасности в системе 1С: Документооборот очень тонко настраивает права пользователей так, что один пользователь имеет права для создания нового внутреннего документа учреждения, а другой их может просматривать, только находясь в списке Рабочей группы документа, другой пользователь имеет больше прав и уже может подписывать документы, другой документовед может регистрировать документы и так далее. Таким образом, политика безопасности в 1С настраивается как внутренняя, о которой шла речь выше, так и внешняя.

Тем самым обеспечивается доверие в цифровой среде 1С: Документооборот к визам согласующих лиц, к подписи определенного лица, к регистрации в отделе, к процессу исполнения приказа, распоряжения и к любой другой процедуре, производимой в документе 1С.

Ошибки пользователей являются решающим фактором, способным повлиять на информационную безопасность использования СЭД как среды доверия. Для успешного внедрения 1С: Документооборот в СГЮА была создана экспертно-методическая группа, основными функциями которой было гибкая настройка самой системы с учетом должностных обязанностей каждого пользователя, обучение персонала и индивидуальное консультирование.

С момента внедрения системы авторами, которые являются членами экспертно-методической группы, ведется реестр типичных ошибок активных пользователей системы.

Были выявлены основные проблемы использования 1С: Документооборот:

- многократная регистрация документов, в частности приказов;
- некорректная работа с версиями документа;
- ошибочное добавление согласующих;
- неправильный порядок согласования;
- неоправданное расширение рабочей группы.

На основе анализа, проведенного в сентябре 2020 г., получено следующее распределение ошибок, представленное на диаграмме (см. рис. 1).

**Рисунок 1. Распределение типичных ошибок пользователей
1С: Документооборот (сентябрь 2020 года)**

На основе анализа типичных ошибок были разработаны методические рекомендации рациональной работы в системе и проведено обучение пользователей, что способствовало уменьшению и устранению ряда ошибок, о чем можно судить по результатам, представленном на диаграмме (см. рис. 2).

**Рисунок 2. Распределение типичных ошибок пользователей
1С: Документооборот (май 2021 года)**

Проведя сравнительный анализ полученных данных, получаем следующее изменение состава ошибок пользователей, представленных в диаграмме (см. рис. 3). Общее количество типичных ошибок в мае 2021 г. по сравнению с сентябрем 2020 г. уменьшилось на 40%.

За год использования системы 1С: Документоборот выявился недостаток гибких настроек маршрута согласующих лиц, связанных с временной заменой некоторых лиц по причине командировок, отпуска, смены состава отдела и др. В результате развития настроек 1С: Документоборот для заинтересованных пользователей был настроен календарь замен, временного отсутствия согласующих лиц. В локальный нормативный акт СГЮА, регулирующий электронный документоборот, должны быть внесены поправки, определяющие полномочия должностных лиц, согласующих и подписывающих внутренние документы вуза на условиях взаимозаменяемости.

Проведенный анализ подтвердил, что высокий уровень защиты документов обеспечен во всех внедренных СЭД. Возможности настроек СЭД 1С: Документоборот позволяют обеспечить надежный разграниченный доступ как отдельным потокам (группам) документов, так и к отдельным документам, защитить базу документов в целом. Благодаря этим факторам СЭД активно используются в организациях для совместной работы над документами.

Использование электронных подписей при работе в СЭД позволит в большей мере вести делопроизводство вуза в электронном виде. При этом важно помнить, что должны быть сняты правовые проблемы внедрения СЭД [10].

Таким образом, формирование цифровой среды доверия для организации структуры 1С вуза включает в себя обеспечение информационной безопасности комплексных процессов для внутренних пользователей и обеспечение информационной безопасности для внешних пользователей.

Использование системы электронного документооборота 1С: Документоборот позволяет не только обеспечить информационную безопасность базы внутренних документов вуза, но и помогает избежать повторения одних и тех же документов в системе, создавая версии документов, оптимизировать маршруты их движения, способствует формированию цифровой среды доверия. 1С: Документоборот не позволяет удалить зарегистрированный документ и удобство заключается в том, что определенные документы можно скрыть или передать для хранения в электронный архив.

Цифровая среда доверия в 1С включает в себя создание информационной безопасности системы 1С в масштабах организации в соответствии с IT-архитектурой вуза, гибкую настройку прав в 1С для потребностей каждого пользователя, доверие к результатам в работе с документом в части Согласования, Подписания, Регистрации и обеспечение информационной безопасности электронного вида документов.

В создании цифровой среды доверия ключевую роль играет рациональная, грамотная работа пользователей СЭД. При этом одной из главных функций экспертно-методической группы на данном этапе внедрения является анализ типичных ошибок пользователей для выработки своевременных методических рекомендаций, что должно быть учтено в локальных нормативных актах вуза.

Внедрение системы электронного документооборота в документооборот вуза в условиях стабильной интеграции продуктов 1С, позволит вузу использовать единую цифровую среду доверия.

Библиографический список

1. *Лопатин В.Н.* Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2. С. 14–19.
2. *Минбалеев А.В., Георгиева Е.В.* Локальное нормативное регулирование в вузах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 103–108.
3. *Полякова Т.А.* Актуальные проблемы правового обеспечения юридической значимости электронных документов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 74–79.
4. *Танимов О.В.* Электронный документ и электронная цифровая подпись как юридические фикции // Информационное право. 2005. № 3. С. 10–13.
5. *Волчинская Е.К.* Электронный документооборот: проблемы хранения // Информационное право. 2017. № 1. С. 4–12.
6. *Андреева К.А.* Необходимость и степень внедрения электронного документооборота в вузе // Достижения науки и образования. 2019. № 2 (43).
7. *Изотова В.Ф.* Формирование профессиональной компетентности в сфере технологий электронного управления // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / под ред. Е.В. Вавилина. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. С. 177–178.
8. *Ерьско П.В.* Особенности внедрения «1С: Университет ПРОФ» подсистемы «Управление нагрузкой» в Саратовской государственной юридической академии // Новые информационные технологии в образовании: сборник научных трудов 21-й международной научно-практической конференции / под ред. Д.В. Чистова. М.: 1С Пабблишинг, 2021. С. 46–49.
9. *Ерьско П.В., Изотова В.Ф., Ковалева Н.Н.* Правовые проблемы внедрения электронного документооборота в организации // Информационное право. 2020. № 2(64). С. 20–26.
10. *Ковалева Н.Н., Ерьско П.В., Изотова В.Ф.* Правовые тенденции цифровизации организаций на примере вузов // Информационное право. 2020. № 4(66). С. 21–26.

References

1. *Lopatin V.N.* Information Security in the Electronic State // Information law. 2018. No. 2. P. 14–19.
2. *Minbaleev A.V., Georgieva E.V.* Local Regulatory Regulation in Universities // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 103–108.
3. *Polyakova T.A.* Actual Problems of Legal Support of the Legal Significance of Electronic Documents // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2012. No. 2. P. 74–79.
4. *Tanimov O.V.* Electronic Document and Electronic Digital Signature as Legal Fictions // Information law. 2005. No. 3. P. 10–13
5. *Volchinskaya E.K.* Electronic Document Management: Storage Problems // Information law. 2017. No. 1. P. 4–12.
6. *Andreeva K.A.* Necessity and Degree of Introduction of Electronic Document Management in the University // Achievements of science and education. 2019. No. 2 (43).
7. *Izotova V.F.* Formation of Professional Competence in the Field of Electronic Control Technologies // Law, Science, Education: Traditions and Prospects: collection of articles on mater. International Scientific and Practical Conference, dedicated to To the 85th anniversary of the Saratov State Law Academy (within the framework of the VII Saratov Legal Readings, Saratov, September 29–30, 2016) / [editorial board: E.V. Vavilin (ed.), etc.]; Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2016. P. 177–178.
8. *Yeresko P.V.* Features of the Introduction of “1C:University of Prof. “Load Management Subsystems” at the Saratov State Law Academy // In the collection: New Information Technologies in Education. Collection of scientific papers of the 21st International scientific and Practical Conference. Under the general editorship of D. V. Chistov. Moscow, 2021. P. 46–49.
9. *Yeresko P.V., Izotova V.F., Kovaleva N.N.* Legal Problems of the Introduction of Electronic Document Management in the Organization // Information law. 2020. No. 2(64). P. 20–26.
10. *Kovaleva N.N., Yeresko P.V., Izotova V.F.* Legal Trends of Digitalization of Organizations on the Example of Universities // Information law. 2020. No. 4(66). P. 21–26.

DOI 10.24412/2227-7315-2021-6-285-292

УДК 347.12

О.К. Абросимова, Т.А. Ермолаева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ СЕМЕЙНОГО, ГРАЖДАНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Введение: проблема соотношения международного и национального права остро актуальна с точки зрения эффективной деятельности правоприменительных органов [1]. Эта актуальность не утрачена и сегодня, в свете изменений в российском законодательстве, в связи с поправками в Конституцию РФ, одобренными в ходе общенародного голосования 1 июля 2020 г. В статье анализируется взаимодействие международного права, семейного, гражданского и международного частного права, и, в частности, его подотрасли (международного семейного права) в регулировании семейно-брачных отношений. **Цель:** дать краткий анализ взаимодействия норм семейного, гражданского и международного частного права в регулировании семейно-брачных отношений с акцентом на назначение норм международного права в таком регулировании. **Методологическая основа:** применяется традиционная совокупность диалектического, метафизического и системного метода исследования. **Результаты:** авторами рассмотрено и проанализировано взаимодействие норм семейного, гражданского и международного частного права в регулировании брачно-семейных отношений. **Выводы:** частноправовой характер семейного, гражданского и международного частного права, их длительная историческая генетическая связь, имущественный характер общественных отношений между юридически равноправными субъектами этих отношений в качестве основного предмета регулирования обуславливают возможность и необходимость взаимодействия между ними в процессе регулирования семейно-брачных отношений. В процессе взаимодействия этих отраслей права происходит комплексное регулирование семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: правовая система РФ, международное частное право, международное семейное право, подотрасль права.

© Абросимова Ольга Константиновна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.konst.L@yandex.ru
© Ермолаева Тамара Александровна, 2021
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ermolaeva.tamar@yandex.ru

© Abrosimova Olga Konstantinovna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)
© Ermolaeva Tamara Aleksandrovna, 2021
Candidate of law, Associate Professor, Department of International law (Saratov State Law Academy)

O.K. Abrosimova, T.A. Ermolaeva

INTERACTION OF THE NORMS OF FAMILY, CIVIL
AND INTERNATIONAL PRIVATE LAW IN THE REGULATION
OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS

Background: the problem of the correlation of international and national law is acutely relevant from the point of view of the effective activity of law enforcement agencies. This relevance has not been lost today in the light of changes in Russian legislation following the amendments to the Constitution of the Russian Federation approved during the national vote on July 1, 2020. The article analyzes the interaction of international law, family, civil and private international law, and, in particular, its sub-branches (international family law) in the regulation of family and marriage relations. **Objective:** to give a brief analysis of the interaction of the norms of family, civil and private international law in the regulation of family and marriage relations with an emphasis on the purpose of the norms of international law in such regulation. **Methodology:** the traditional combination of dialectical, metaphysical and systematic research methods is used. **Results:** the authors considered and analyzed the interaction of the norms of family, civil and international private law in the regulation of marriage and family relations. **Conclusions:** the private-law nature of family, civil and international private law, their long-term historical genetic connection, the property nature of public relations between legally equal subjects of these relations as the main subject of regulation determine the possibility and necessity of interaction between them in the process of regulating family and marriage relations. In the process of interaction of these branches of law, a comprehensive regulation of family and marriage relations takes place.

Key-words: the legal system of the Russian Federation, international private law, international family law, a sub-branch of law.

Важнейшие ценности, которые защищает международное право — мир и сотрудничество между государствами, права человека.

Ряд ученых полагают, что в международном праве также имеет место деление права на публичное и частное [2, с. 357–362]. Внутренний перечень основных концепций соотношения международного, международного частного и национального права приводит И.В. Гетьман-Павлова [3, с. 24–25; 4, с. 37].

Представляется некорректным делить международное право на публичное и частное и обозначать международное право только как публичное право. В юридической литературе термин «международное публичное право» применяется все чаще [5]. Во-первых, даже во внутригосударственном праве такое деление все чаще подвергается сомнению. Во-вторых, субъектами международного права являются равноправные суверенные государства, вырабатывающие общие правила поведения на основе общей договоренности путем заключения различных соглашений. В международном праве между государствами нет отношений власти и подчинения, что характерно для субъектов публично-правовых отраслей национального права, где субъекты не находятся в положении юридического равенства по отношению друг к другу. Присвоение каким-то одним государством права диктовать свою волю другим суверенным государствам должно рассматриваться как нарушение норм международного права. Что касается отличительных признаков публичного национального права, то международное право представляет собой уникальную правовую структуру, которая защищает

интересы всего мирового сообщества в целом и каждого человека, живущего на Земле. Наконец, в-третьих, обозначение международного права как публично-го приводит к логическому выводу о существовании международного частного права в системе международного права, тогда как современное международное (трансграничное) частное право рассматривается большинством ученых в российской юриспруденции как отрасль в системе российского права. Представляется, что наименование «трансграничное частное право» снимет проблему дуализма международного права.

Характеризуя проблемы и тенденции развития частного права на современном этапе, В.В. Долинская отмечает взаимопроникновение частного и публичного права, расширение круга источников права, что порождает и ряд проблем. В частности, к таким проблемам следует отнести неоднозначное толкование в доктрине и в официальных источниках права одних и тех же терминов и категорий с различным содержанием [6, с. 27].

Как представляется, к проблеме того же свойства относится использование термина «международное» в наименовании различных правовых структур: международное право, международной частное право, международное семейное право.

Вряд ли такие две правовые структуры как международное право и международное частное право можно поставить в один ряд, а тем более рассматривать их в качестве единой правовой системы (международное право в широком значении). Общим у них является только термин «международное», означающий разные характеристики. Международное право является самостоятельной правовой системой и регулирует межгосударственные отношения, тогда как международное частное право входит в систему российского права и является одной из его отраслей. Оно регулирует отношения между частными лицами, возникающими в международном общении. Проблема состоит лишь в том, что в последнем случае просто не найдено более удачного и адекватного наименования международному частному праву. Не менее удачным, например, является термин «трансграничное частное право». Тогда как международное право представляет собой межгосударственное право и не принадлежит какому-то одному государству.

Вместе с тем государства, установив между собой договорный метод общения, в целом ряде документов устанавливают и стандарты международного общения своих частных лиц (физических и юридических). Это особые нормы международного происхождения с частноправовым содержанием, которые с согласия государства призваны регулировать отношения между частными лицами в их международном общении.

Государство исполняет обязательства по своим международным договорам, имплементируя (от лат. *impleo* — наполняю, исполняю) их нормы в правовую систему России, провозглашая их на конституционном уровне частью этой системы (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). Международные нормы получают статус квази-национальных с приоритетом применения перед национальными нормами.

В юриспруденции чаще к этому процессу применяется термин «трансформация». Трансформация (лат. *transformation* — преобразование, превращение) это условный термин, если иметь в виду его истинное значение [7, с. 26].

Думается, что трансформация — это лишь один из способов имплементации, когда такое преобразование происходит путем принятия соответствующего национального акта, в котором появляется уже внутригосударственная правовая

норма, либо полностью воспроизводящая норму международного права, либо как-то измененная с сохранением главного смысла международной нормы. Вместе с тем, каждая из этих норм (как международная, так и национальная) остаются в своей системе права. Но регулирование, в таком случае, осуществляется новой национальной нормой, а международная норма остается лишь образцом для принятия национальной нормы.

При имплементации не происходит преобразования международных норм в национальные нормы, — так считают некоторые сторонники теории трансформации. Имплементируемые международные нормы сохраняют свою идентичность, не превращаются в национальные нормы, но составляют самостоятельную часть российской правовой системы и обладают приоритетом в применении перед национальными нормами, если имеются расхождения в их содержании.

Ученые как отрицающие теорию трансформации, так и ее сторонники не признают превращение международных норм в национальные правовые нормы [8, с. 44; 9, с. 13–14].

Международные правовые нормы составляют часть правовой системы России, но не системы российского права, поскольку российская доктрина различает эти две категории [10, с. 340]. Нормы международного права не входят в систему российского права, поскольку международное право не является отраслью российского права.

Разумеется, ни у кого не возникает мысли, что применение иностранного права судами РФ в соответствии с российскими коллизионными нормами превращает иностранные правовые нормы в нормы российского права.

Текст ч. 4 ст. 15 Конституции РФ воспроизведен практически во всех отраслевых кодексах РФ, в т.ч. в п. 1 ст. 6 СК РФ и в ст. 7 ГК РФ.

Понятие общепризнанных принципов и норм международного права дается в Постановлении Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» в ред. от 2013 г. (п. 1 ч. 3 и 4).¹

Общим у тех и других является то, что они принимаются и признаются международным сообществом государств в целом. Однако принципы — это основополагающие императивные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо. Тогда как нормы — это юридически обязательные правила поведения.

Для правоприменительной практики актуальной является проблема соотношения Конституции РФ и норм международных договоров. Поскольку международные договоры РФ являются частью правовой российской системы, на территории России на них распространяется высшая юридическая сила (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ).

Согласно ФКЗ РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) проверяет конституционность не вступившего в силу международных договоров Российской Федерации. Признанный неконституционным международный договор не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

Конституционный суд РФ разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов и международных судов (в статусе межгосударственного органа), принятые на основании положений международных договоров РФ (вступивших в силу для РФ) в их истолковании с точки зрения соответствия такого истолкования Конституции РФ¹.

Также разрешает вопрос о возможности исполнения решений международных (межгосударственных) судов, иностранных или международных арбитражей с точки зрения их соответствия основам конституционного строя РФ (гл. XIII.1). Если КС РФ принимает решение о невозможности исполнения, какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего решения в Российской Федерации не могут осуществляться (ст. 104.8).

Поскольку международные организации и международные суды в последнее время нередко принимают безосновательные политизированные решения, направленные против Российского государства, Россия Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ внесла соответствующие изменения в российское законодательство.

В частности, была дополнена ст. 5 ФЗ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Согласно этому дополнению (п. 4 ст. 5), если международные органы принимают решения, истолковывая международные договоры в противоречии с Конституцией РФ, решения не исполняются в России. Такое противоречие устанавливается КС РФ.

Федеральным законом от 08.12.2020 № 427-ФЗ внесены изменения в ст. 7 ГК РФ. Изменения внесены также в ст. 6 и 165 СК РФ Федеральным законом РФ от 4 февраля 2021 г. № 5-ФЗ. Обращает на себя внимание различная формулировка дополнений. В Семейном кодексе в отличие от Гражданского кодекса не допускается толкование международных договоров РФ не только в противоречии Конституции РФ, но и в противоречии основам правопорядка и нравственности. Такое различие можно объяснить тем, что внутрисемейные отношения в большей, чем в какой бы то ни было другой отрасли права, регулируются не только правом, но и нормами морали и нравственности.

Нормы гражданского права выполняют субсидиарную функцию по отношению к нормам семейного права, поскольку их применение допускается либо по аналогии, либо ввиду отсутствия норм семейного права (ст. 4–5 СК РФ). Тексты этих статей свидетельствуют о том, что приоритет в регулировании семейных отношений признается за семейным правом, поскольку такое применение возможно, если оно не противоречит существу семейных отношений.

Применение норм гражданского права к регулированию семейных отношений свидетельствует об их генетической связи между собой и принадлежности к частноправовым отраслям. Предметом обеих отраслей права являются по родовой принадлежности имущественные и личные неимущественные отношения, хотя соотношения объема этих отношений, их дополнительные отличительные признаки настолько существенны, что позволяют говорить о самостоятельных отраслях права. Тесная связь гражданского и семейного права обусловлена и тем, что длительное время семья оставалась в лоне гражданского права, вырабатывающего частноправовые институты, приемлемые для всех частнопра-

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 46, ст. 7196.

вовых отраслей, в том числе и семейного права. Семейное право выделилось в России из состава гражданского права только в 1917 г., когда были приняты соответствующие Декреты Советской власти и первый в мире Семейный кодекс. Но и в настоящее время в целом ряде стран семейное право остается в составе гражданского права. Некоторые российские ученые (в том числе и советского периода) и до сих пор не признают семейное право в качестве самостоятельной отрасли права, рассматривая его как подотрасль в системе гражданского права (М.В. Антокольская, Н.Д. Егоров, О.С. Иоффе, и др.) [11, с. 30; 12, с. 304–310; 13; 14, с. 18].

Международное частное право (далее — МЧП) представляет собой уникальную правовую структуру и рассматривается в российской доктрине в качестве самостоятельной отрасли российского права. МЧП регулирует те же по родовому признаку отношения, что и гражданское и семейное право, а именно имущественные и личные неимущественные отношения между частными лицами, но осложненные иностранным элементом. Отношения, составляющие предмет семейного права, но осложненные иностранным элементом, регулируются одной из подотраслей МЧП — международным (трансграничным) семейным правом. Поскольку эти отношения возникают в международном общении частных лиц (осложнены иностранным элементом), они становятся трансграничными или в каком-то смысле (условно) «международными».

Во взаимодействии МЧП и семейного права участвует не только одна из подотраслей МЧП — международное (трансграничное) семейное право, но и нормы общей части МЧП.

Основная коллизионная функция международного частного права заключается в том, чтобы определить, право какого государства должно быть применимо к регулированию отношений между частными лицами, возникающих в их международном общении. В этом случае окончательное регулирование общественных отношений, осложненных иностранным элементом, осуществляется в два этапа. На первом этапе с помощью коллизионных норм МЧП осуществляется выбор применимого права. На втором этапе происходит окончательное регулирование отношений уже материальным российским или иностранным семейным правом. Без участия коллизионных норм отношения, осложненные иностранным элементом, регулируются материально-правовыми нормами международных договоров в случаях, если такие нормы полностью регулируют соответствующие отношения (п. 3 ст. 1186 ГК РФ). Следует сказать, что в сфере семейных отношений договоры, содержащие материальные нормы, крайне редки. В большей части в договорах этой сферы регулирования содержатся коллизионные нормы, что объясняется различиями в семейном быте разных народов.

Коллизионные нормы, только определяют право, применимое к урегулированию отношений (в т.ч. семейно-брачных) и допускают к такому регулированию в зависимости от содержания коллизионной привязки либо российское, либо иностранное право.

Более того, МЧП может влиять на этот выбор вопреки указанию коллизионных норм, в пользу российского права в соответствии с нормами общей части своей системы с помощью институтов непосредственно применимых норм (ст. 1192 ГК РФ) и оговорки о публичном порядке (ст. 167 СК, ст. 1193 ГК РФ). Квалификация юридических понятий при определении применимого права в семейно-брачных отношениях осуществляется в соответствии с российским

семейным правом. Окончательное регулирование отношений происходит уже нормами национального права (российского или иностранного).

Частноправовой характер семейного, гражданского и международного частного права, их длительная историческая генетическая связь, имущественный характер общественных отношений между юридически равноправными субъектами этих отношений в качестве основного предмета регулирования обуславливают возможность и необходимость взаимодействия между ними в процессе регулирования семейно-брачных отношений. В процессе взаимодействия этих отраслей права происходит комплексное регулирование семейно-брачных отношений. Основная роль в этом взаимодействии принадлежит семейному праву.

Семейно-брачные отношения, осложненные иностранным элементом, возникают в международном общении частных лиц. Конституция РФ имплементирует нормы международных договоров РФ в правовую систему РФ. Тем самым Конституция РФ разрешает российским правоприменительным органам применять нормы международных договоров, устанавливающие стандарты регулирования отношений между частными лицами, в отношениях между этими лицами. Международные, по происхождению, нормы частного права не становятся национальными. Они получают статус квази-национальных норм с приоритетом применения перед национальными нормами.

Поскольку Конституция РФ обладает высшей юридической силой в России, на ее территории не исполняются решения международных организаций и судов, противоречащие Конституции РФ.

Библиографический список

1. *Ануфриева Л.П.* Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 594 с.
2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 771 с.
3. *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право: учебник. М.: Юрайт, 2009. 416 с.
4. Международное частное право / под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2017. 680 с.
5. *Ануфриева Л.П.* Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002. 415 с.
6. Долинская В.В. Частное право: проблемы и тенденции развития // Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики: сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2009. С. 26–30.
7. *Баринова М.Н.* Трансформация частного права международных актов: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
8. *Кондратьева Е.В.* Проблема применения международных договоров в международном частном праве // Актуальные проблемы частного права / отв. ред. Л.М. Минкина, Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова. Самара: Универс-групп, 2005. 447 с.
9. *Хижняк В.С.* Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 167 с.
10. *Синюков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. 670 с.
11. *Антокольская М.В.* Семейное право. М.: Юрист, 1996. 336 с.

12. Гражданское право: учебник: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. Т. 3. 752 с.
13. *Иoffee O.O.* Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I). Ленинград: Изво Ленинградского ун-та, 1975. 160 с.
14. Советское семейное право / под ред. В.Ф. Маслова и А.А. Пушкина. Киев: Вища школа, 1982. 223 с.

References

1. *Anufrieva L.P.* Correlation of Public International and Private International Law (comparative study of legal categories): dis. ...doc. of law. M., 2004. 594 p.
2. Theory of State and Law: course of lectures / edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. 2-ed., reviewed. and suppl. M.: Jurist, 2000. 771 p.
3. *Getman-Pavlova I.V.* International Private Law: textbook. Moscow: Yurayt, 2009. 416 p
4. International Private Law / edited by G.K. Dmitrieva. Moscow: Prospect, 2017. 680 p.
5. *Anufrieva L.P.* Correlation of International Public and International Private Law: Legal Categories. Moscow: Spark, 2002. 415 p.
6. *Dolinskaya V.V.* Private Law: Problems and Development Trends // Trends in the Development of Private Law in a Market Economy: collection of scientific papers. Saratov: Publishing House of the SSAP, 2009. P. 26–30.
7. *Barinova M.N.* Transformation of Private Law Norms of International Acts: extended abstract of diss.... cand. of law. Saratov, 2004. 26 p.
8. *Kondratieva E.V.* The Problem of the Application of International Treaties in Private International Law // Actual Problems of Private Law Regulation / ed. by L.M. Minkin, Yu.S. Povarov, V.D. Ruzanova. Samara: Univers-group, 2005. 447 p.
9. *Khizhnyak V.S.* Interaction of National Law of Russia and International Law: Constitutional Foundations / ed. by V.T. Kabyshev. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 2002. 167 p.
10. *Sinyukov V.N.* The Russian Legal System: Introduction to General Theory 2nd ed., supplement M.: Norm, 2010. 670 p.
11. *Antokolskaya M.V.* Family Law. M.: Lawyer, 1996. 336 p.
12. Civil Law: textbook: in 3 vol. 4th ed., revised and suppl. / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. M.: Prospect, 2005. Vol. 3. 752 p.
13. *Ioffe O.O.* The Development of Civilistic Thought in the USSR (Part I). Leningrad: From Leningrad University. 1975. 160 p.
14. Soviet Family Law / edited by V.F. Maslov and A.A. Pushkin. Kiev: Vishcha shkola, 1982. 223 p.

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ КОНСТАНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА ПАНДАКОВА

TO THE ANNIVERSARY OF KONSTANTIN GRIGORYEVICH PANDAKOV

2 января 2022 г. исполнилось 75 лет заведующему кафедрой земельного и экологического права Пандакову Константину Григорьевичу.

Родился Константин Григорьевич в деревне Новые Атаи Красночетайского района Чувашской АССР. В 1968 г. он поступает в Саратовский юридический институт имени Д.И. Курского, который оканчивает в 1972 г. и остается работать на кафедре трудового, колхозного и земельного права. В 1979 г. К.Г. Пандаков защищает кандидатскую диссертацию на тему «Правовые формы сельскохозяйственного колхозного производства», после чего с 1986 г. становится постоянным членом Совета по правоведению УМО Министерства образования РФ и разработчиком Программы развития юридического образования в Российской Федерации.

Научно-педагогическую деятельность Константин Григорьевич эффективно сочетает с административной работой: на должности декана вечернего факультета Академии (СЮИ имени Д.И. Курского) с 1979 по 1997 гг., назначался на должность проректора по вечернему и заочному факультету с возложением функции координатора платной формы обучения, проректором по учебно-методической и воспитательной работе, был первым проректором, проректором по социально-экономическим вопросам.

С 1994 г. К.Г. Пандаков — заведующий кафедрой земельного, сельскохозяйственно-кооперативного и трудового права (в настоящее время — кафедра земельного и экологического права).

Трудолюбие и высокая ответственность очень точно характеризуют К.Г. Пандакова и эти качества во многом определяют успешную работу коллектива кафедры, институтов, Академии по организации воспитания и обучения студентов. При его непосредственном участии в качестве первого проректора, проректора по социально-экономическим вопросам были открыты филиалы Академии: в 1999 г. — в г. Балаково, в 2000 г. — в г. Смоленск, Поволжский региональный юридический институт (ныне — Межрегиональный юридический институт), Юридический институт предпринимательства и агробизнеса (ныне — Юридический институт правосудия и адвокатуры). Открытие филиалов Академии решило проблему высшего юридического образования в регионах.

К.Г. Пандаков является автором более 70 научных и учебно-методических работ. Под его редакцией вышли кафедральные учебно-методические пособия,

комплексы по земельному, экологическому, сельскохозяйственно-кооперативному (аграрному) праву (2014, 2015, 2018, 2019 гг.). К.Г. Пандаков участвовал в разработке Проектов законов «О сельскохозяйственной кооперации», Земельного и Трудового кодексов Российской Федерации, Федеральных законов «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ», закона Саратовской области «О земле».

К.Г. Пандаков внес значительный вклад в дело подготовки специалистов-юристов, часть из которых занимают ключевые должности в правоохранительных и судебных органах субъектов Российской Федерации. Под его руководством были защищены 8 кандидатских диссертаций.

В настоящее время К.Г. Пандаков возглавляет Совет ветеранов Академии, который работает в тесном контакте с профкомом и студенческим профсоюзом Академии при постоянной поддержке ректората, в целях осуществления материальной и моральной поддержки членов Совета и патриотического воспитания молодежи. Под его редакцией вышла Книга Памяти «Священная война навечно в памяти народной» (2000 г.), рассказывающая о ветеранах Великой Отечественной войны и тружениках тыла, авторами которой были сами ветераны и студенты Академии.

За профессионализм, научные и общественные достижения ему присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 15 августа 1997 г. № 891), за заслуги в области образования Российской Федерации награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», Почетными знаками Губернатора Саратовской области, Почетными грамотами Министерства образования и науки Российской Федерации за многолетний и добросовестный труд, Губернатора Саратовской области, Министерства образования Саратовской области, мэра г. Саратова, ректора Академии. Удостоен занесения на городскую Доску Почета (1999 г.) и на Доску Почета Саратовской государственной юридической академии (2013 г.). В 2021 году присвоено почетное звание Ветеран труда.

Константин Григорьевич — человек, которого ценят и уважают. Он пользуется заслуженным авторитетом среди преподавателей, сотрудников, студентов. Его всегда отличают мудрость и справедливость, стремление оказать помощь и поддержку при разрешении даже самых сложных вопросов.

Коллектив кафедры земельного и экологического права, профессорско-преподавательский состав, ученый совет и совет ветеранов Академии поздравляют Константина Григорьевича Пандакова с юбилеем, желают успехов, крепкого здоровья, благополучия, удачи во всем.

Коллектив кафедры земельного и экологического права

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.
2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.
3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.
4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.
5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.
6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.
7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>